

**ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО  
ГОСУДАРСТВЕННОГО  
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ  
И ИСКУССТВ**

**ЖУРНАЛ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ  
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Журнал издается с 2006 года № 20/2012  
Выходит 4 раза в год

**Учредитель**

Федеральное государственное бюджетное  
образовательное учреждение высшего  
профессионального образования (ФГБОУ ВПО)  
«Кемеровский государственный университет  
культуры и искусств»

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**Главный редактор**

**Е. Л. Кудрина**, доктор педагогических наук,  
профессор, ректор КемГУКИ

**Зам. главного редактора**

**А. В. Шунков**, кандидат филологических наук,  
доцент, проректор по научной  
и инновационной деятельности КемГУКИ

**Ответственный секретарь**

**Е. А. Кагакина**, кандидат педагогических наук,  
доцент

Редактор *Т. В. Сафарова*

Перевод *А. А. Щербинин*,  
член Союза переводчиков России

Компьютерная верстка *М. Б. Сорокиной*  
Дизайн *А. В. Сергеев*

Адрес редакции:

650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17.

Журнал «Вестник КемГУКИ»

Тел.: (3842)73-30-64. Факс: (3842)73-28-08

E-mail: [vestnikkemguki@yandex.ru](mailto:vestnikkemguki@yandex.ru)

Электронная версия журнала:

<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© ФГБОУ ВПО «Кемеровский  
государственный университет  
культуры и искусств», 2012

**BULLETIN OF KEMEROVO STATE  
UNIVERSITY  
OF CULTURE AND ARTS**

**JOURNAL OF THEORETICAL  
AND APPLIED RESEARCH**

Journal is published since 2006 № 20/2012  
Published quarterly

**Founder**

Federal State-Funded Educational Institution  
of Higher Professional Education  
(FSFEI HPE) «Kemerovo State University  
of Culture and Arts»

**EDITORIAL BOARD**

**Editor-in-Chief**

**E. L. Kudrina**, Doctor of Pedagogical  
Sciences, Professor, Rector of KemGUKI

**Assistant Chief Editor**

**A. V. Shunkov**, Candidate of Philological  
Sciences, Docent, Vice-Rector for Research  
and Innovation of KemGUKI

**Administrative Secretary**

**E. A. Kagakina**, Candidate of Pedagogical  
Sciences, Docent

Editor *T. V. Safarova*

Translation *A. A. Sherbinin*,  
member of the Union of Translators of Russia

Computer layout *M. B. Sorokina*  
Design *A. V. Sergeev*

Address of the Publisher:

650029, Kemerovo, 17 Voroshilov Street.

Journal «Bulletin of KemGUKI»

Tel.: (3842)73-30-64. Fax: (3842)73-28-08

E-mail: [vestnikkemguki@yandex.ru](mailto:vestnikkemguki@yandex.ru)

Web Journal link:

<http://vestnik.kemguki.ru/>

ISSN 2078-1768

© FSFEI HPE «Kemerovo State  
University of Culture and  
Arts», 2012

## СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА

*Председатель совета:*

**Коллин К. К.**, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член Международной академии наук высшей школы, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН (г. Москва)

*Члены совета:*

**Абдулатипов Р. Г.**, доктор философских наук, профессор, заместитель председателя комитета Государственной думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, председатель Совета Ассамблеи народов России, заслуженный деятель науки РФ (г. Москва)

**Ариарский М. А.**, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности СПбГУКиИ (г. Санкт-Петербург)

**Астафьева О. Н.**, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой культурологии и деловых коммуникаций Российской академии государственной службы при Президенте РФ (г. Москва)

**Быховская И. М.**, доктор философских наук, профессор, заведующая сектором культурологических проблем социализации Российского института культурологии (г. Москва)

**Волк П. Л.**, доктор культурологии, профессор, директор Томского областного колледжа культуры и искусств (г. Томск)

**Волощенко Г. Г.**, доктор культурологии, доцент кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, заведующий сектором региональной культурной политики Сибирского филиала Российского института культурологии (г. Омск)

**Гавров С. Н.**, доктор философских наук, профессор, ведущий специалист сектора социокультурных процессов и систем Российского института культурологии, профессор кафедры социологии и социальной антропологии МГУДТ (г. Москва)

**Гениева Е. Ю.**, доктор педагогических наук, генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы (г. Москва)

**Долженко О. В.**, доктор философских наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор Национального института бизнеса Московского гуманитарного университета (г. Москва)

## EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNAL

*Chairman of editorial council:*

**Kolin K. K.**, Doctor of Technical Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Chief Scientist of the Institute for Informatics Problems of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

*Members of council:*

**Abdulatipov R. G.**, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Chairman of Duma's State Committee for Federal and Local Governments, Chairman of the Council of Assembly of People's of Russia, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow)

**Ariarskiy M. A.**, Doctor of Culturology, Professor, Head of the chair of Socio-cultural Activity of St. Petersburg State University of Culture and Arts (St. Petersburg)

**Astafieva O. N.**, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Deputy Head of the chair of Culturology and Business Communication of Russian Academy of State Service for the President of the Russian Federation (Moscow)

**Bykhovskaya I. M.**, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the Sector of Culturologic Problems of Socialization at Russian Institute of Culturology (Moscow)

**Volk P. L.**, Doctor of Culturology, Professor, Director of Tomsk Regional College of Culture and Arts (Tomsk)

**Voloschenko G. G.**, Doctor of Culturology, Docent of the Chair of Socio-cultural Activity of F. M. Dostoevsky Omsk State University, Head of the Sector of Regional Cultural Politics of Siberian Branch of Russian Institute of Culturology (Omsk)

**Gavrov S. N.**, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, senior specialist of the Sector of Socio-cultural Processes and Systems of Russian Institute of Culturology, Professor of the Chair of Social Science and Social Anthropology of Moscow State University of Design and Technology (Moscow)

**Genieva E. Y.**, Doctor of Pedagogic Sciences, General Director of the All-Russia Library for Foreign Literature (Moscow)

**Dolzhenko O. V.**, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Current Member of International Higher Education Academy of Sciences, Professor of the National Institute of Business of Moscow Humanitarian University (Moscow)

**Донских О. А.**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Новосибирского государственного университета экономики и управления (г. Новосибирск)

**Игумнова Н. П.**, доктор педагогических наук, главный научный сотрудник Российской государственной библиотеки (г. Москва)

**Иконникова С. Н.**, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РФ (г. Санкт-Петербург)

**Кинелев В. Г.**, доктор технических наук, профессор, академик РАО, руководитель кафедры ЮНЕСКО «Общество знаний и новые информационные технологии» Российского нового университета (г. Москва)

**Луков В. А.**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета (г. Москва)

**Сонинтогос Э.**, ректор Монгольского государственного университета культуры и искусств (г. Улан-Батор, Монголия)

**Сунь Юйхуа**, доктор педагогических наук, профессор, ректор Даляньского университета иностранных языков (г. Далянь, КНР)

**Тарчиньски Вальдемар**, доктор экономических наук, профессор, ректор Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

**Урсул А. Д.**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик АН Республики Молдова, директор Центра исследований глобальных процессов и устойчивого развития Российского государственного торгово-экономического университета (г. Москва)

**Чешев В. В.**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Томского государственного архитектурно-строительного университета (г. Томск)

**Чжао Цзиньинь**, профессор, ректор Чанчуньского государственного педагогического университета (г. Чанчунь, КНР)

**Янашек Кристина**, доктор филологических наук, профессор, директор Института славянских языков Щецинского университета (г. Щецин, Польша)

**Donskikh O. A.**, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Novosibirsk State University of Economy and Administration (Novosibirsk)

**Igumnova N. P.**, Doctor of Pedagogical Sciences, Chief Scientist of the Russian State Library (Moscow)

**Ikonnikova S. N.**, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Theory and History of Culture of St. Petersburg State University of Culture and Arts, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg)

**Kinelev V. G.**, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Author's Society, UNESCO Chair «Knowledge Society and New Information Technologies» of the Russian New University (Moscow)

**Lukov V. A.**, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Vice-rector for Science and Publishing, Director of the Institute of Fundamental and Applied Research of Moscow Humanitarian University (Moscow)

**Sonintogos E.**, Rector of Mongolian State University of Culture and Arts (Ulan-Bator, Mongolia)

**Sun Yuhua**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Rector of Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

**Tarczynski Waldemar**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Szczecin University (Szczecin, Poland)

**Ursul A. D.**, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Academician of Academy of Sciences of Moldova, Director of the Centre for Research into Global Processes and Sustainable Development of the Russian State Trade Economic University (Moscow)

**Cheshev V. V.**, Doctor of Philosophic Sciences, Professor, Head of the chair of Philosophy of Tomsk State University of Architecture and Construction (Tomsk)

**Zhao Jimin**, Professor, Rector of Changchun State Pedagogical University (Changchun, China)

**Janaszek Krystyna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of Slavic Languages Institute in Szczecin University (Szczecin, Poland)

## СОСТАВ НАУЧНОЙ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА

### *Научные редакторы разделов*

#### *Раздел «Документальная информация»*

**Гендина Наталья Ивановна**, доктор педагогических наук, профессор, академик МАН ВШ, заслуженный деятель науки РФ, член Постоянного комитета IFLA по информационной грамотности, эксперт ЮНЕСКО по проблемам разработки индикаторов медиа и информационной грамотности, директор НИИ информационных технологий социальной сферы КемГУКИ.

**Пилко Ирина Семеновна**, доктор педагогических наук, профессор, проректор по учебной работе КемГУКИ, член Совета Российской библиотечной ассоциации.

#### *Раздел «Культурология»*

**Кулемзин Анатолий Михайлович**, доктор культурологии, профессор, заведующий лабораторией музееведения, заведующий кафедрой музейного дела КемГУКИ.

**Миненко Геннадий Николаевич**, доктор культурологии, профессор кафедры культурологии КемГУКИ, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры.

**Ултургашева Надежда Торжувна**, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Тывы, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры КемГУКИ.

#### *Раздел «Философия»*

**Гук Алексей Александрович**, доктор философских наук, доцент, директор НИИ прикладной культурологии КемГУКИ.

**Петров Игорь Фёдорович**, доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и психологии КемГУКИ, член Российской академии естественных наук, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

#### *Раздел «Социально-культурная деятельность»*

**Пономарёв Валерий Дмитриевич**, доктор педагогических наук, доцент, проректор по творческой и международной деятельности КемГУКИ.

## SCIENTIFIC EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

### *Scientific Editors of Sections*

#### *Section of Documentary Information*

**Gendina Natalia Ivanovna**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Member of the IFLA Standing Committee on Information Literacy, UNESCO expert on the development of indicators of media and information literacy, Director of R&D Institute of Information Technologies in Social Sphere of KemUCA.

**Pilko Irina Semyonovna**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Academic Work of KemUCA, Member of the Russian Library Association Council.

#### *Section of Culturology*

**Kulemzin Anatoly Mikhailovich**, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Museology, Chair of Museum Activities of KemUCA.

**Minenko Gennady Nikolayevich**, Doctor of Culturology, Professor of Chair of Culturology of KemUCA, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts, Member of International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture.

**Ulturgasheva Nadezhda Torzhuevna**, Doctor of Culturology, Professor, Honored Worker of Culture of Tyva, Chair of Theory and History of Folk Art Culture of KemUCA.

#### *Section of Philosophy*

**Guk Aleksey Aleksandrovich**, Doctor of Philosophic Sciences, Docent, Director of R&D Institute of Applied Culturology of KemUCA.

**Petrov Igor Fyodorovich**, Doctor of Philosophic Sciences, Professor of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA, Member of Russian Academy of Natural Sciences, Correspondent Member of Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

#### *Section of Socio-cultural Activities*

**Ponomaryov Valery Dmitrievich**, Doctor of Pedagogical Sciences, Docent, Vice Rector for Creative and International Activity of KemUCA.

**Брижатова Светлана Борисовна**, доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности Алтайской государственной академии культуры и искусств (г. Барнаул).

*Раздел «Искусствоведение»*

**Проконова Наталья Леонидовна**, доктор культурологии, профессор, заведующая лабораторией теоретических и методических проблем искусствоведения, директор института театра КемГУКИ.

**Степанская Тамара Михайловна**, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, заведующая кафедрой истории отечественного и зарубежного искусства Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

**Умнова Ирина Геннадьевна**, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств КемГУКИ.

*Раздел «Филология»*

**Араева Людмила Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, действительный член МАН ВШ, заведующая кафедрой стилистики и риторики Кемеровского государственного университета.

**Минералов Юрий Иванович**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой русской классической литературы и славистики Литературного института им. А. М. Горького (г. Москва).

*Раздел «Педагогика»*

**Заруба Наталья Андреевна**, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, академик Академии педагогических и социальных наук, заслуженный учитель Российской Федерации.

**Мирошниченко Лариса Васильевна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ.

**Корчуганова Вера Владимировна**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии КемГУКИ.

*Раздел «Научная жизнь университета»*

**Егле Людмила Юрьевна**, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления КемГУКИ.

**Brizhatova Svetlana Borisovna**, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Chair of Socio-cultural Activity of Altai State Academy of Culture and Arts (Barnaul).

*Section of Art studies*

**Prokopova Natalia Leonidovna**, Doctor of Culturology, Professor, Head of Laboratory of Theoretical and Methodological Problems of Art, Director of Institute of Theatre of KemUCA.

**Stepanskaya Tamara Mikhailovna**, Doctor of Arts, Professor, Correspondent Member of Russian Academy of Natural Sciences, Chair of History of Native and Foreign Art of Altai State University (Barnaul).

**Umnova Irina Gennadievna**, Candidate of Arts, Docent, Chair of Theory and History of Arts of KemUCA.

*Section of Philology*

**Arayeva Lyudmila Alekseyevna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Full Member of IAS HS, Chair of Stylistics and Rhetoric of Kemerovo State University.

**Mineralov Yury Ivanovich**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chair of Russian Classic Literature and Slavistics of A. M. Gorky Literary Institute (Moscow).

*Section of Pedagogy*

**Zaruba Natalia Andreyevna**, Doctor of Sociologic Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of Academy of Pedagogical and Social Sciences, Honored Teacher of the Russian Federation.

**Miroshnichenko Larisa Vasilievna**, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

**Korchuganova Vera Vladimirovna**, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of Pedagogy and Psychology of KemUCA.

*Section of Scientific Life of the University*

**Egle Ludmila Yurievna**, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department of KemUCA.

## СОДЕРЖАНИЕ

### ФИЛОСОФИЯ

<b>Еременко В. И.</b> Системный подход к осмыслению парламентаризма в России.....	10
<b>Тазетдинова Р. Р.</b> Театральность справедливости в пространстве самодовлеющего блага.....	14
<b>Елин С. П.</b> Особенности взгляда Парето на роль элит в системе социального равновесия общества.....	18
<b>Мустафин А. А.</b> Геосоциологическая концепция Л. И. Мечникова.....	27
<b>Садовая П. А.</b> К проблеме участия региональных социальных организаций в межкультурной коммуникации, социальной и культурной интеграции.....	32

### КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<b>Миненко А. Г.</b> Проблема генезиса и этапов развития русского национального характера.....	39
<b>Шкалина Г. Е.</b> Финно-угорская культура в России: проблемы и перспективы.....	51
<b>Самаковская О. В.</b> Формирование контента сайтов этнографических музеев: проблемы качественного представления музейной информации в Интернете и пути их решения.....	55
<b>Алексеева Л. С.</b> Деятельность епархиального Музея истории православия на земле Кузнецкой в сфере духовно-нравственного воспитания.....	62
<b>Лесовиченко А. М.</b> Размышления над тестами по курсу «Культурология».....	66
<b>Новосельцев Н. Р.</b> Анализ основных направлений внешнеэкономической деятельности Кузбасской торгово-промышленной палаты Кемеровской области (2002–2010 гг.).....	73

### ФИЛОЛОГИЯ

<b>Межова М. В.</b> Проблема культурологической эквивалентности слова в переводе художественного текста.....	78
<b>Чеботарев А. М., Аскарлова В. Я.</b> Эстетика в оформлении первой русской печатной газеты.....	82
<b>Максакова Е. Е.</b> Пропозиционально-фреймовый словарь телеутского языка (на примере рассмотрения словарной статьи «Рождение ребенка»).....	89

### ПЕДАГОГИКА

<b>Гендина Н. И.</b> Информационная культура выпускников университета культуры и искусств: достоинства и недостатки ФГОС ВПО третьего поколения.....	97
<b>Скипор И. Л.</b> Интеграция электронных образовательных ресурсов вуза: разработка унифицированной структуры контента сайта «Электронная образовательная среда КемГУКИ».....	122
<b>Халяпина Л. П.</b> Создание инновационной межкультурной образовательной среды в процессе обучения иностранным языкам.....	131
<b>Зиннуров Ф. К., Габдулхаков В. Ф., Чанышева Г. Г.</b> О развитии поликультурного образования.....	136
<b>Филиппова О. А.</b> Социокультурные основания становления толерантности студентов вуза.....	140
<b>Лехтина Л. П.</b> Адаптивно-образовательная среда профильной школы как условие самостоятельного выбора учеником индивидуальной траектории развития.....	144

<b>Смирнов Я. Ю.</b> Школа художественного образования и воспитания.....	149
<b>Соколова Т. Б.</b> Социокультурное развитие детей в условиях дополнительного образования.....	156
<b>Елисеенков Г. С.</b> Концептуальные подходы к моделированию образовательных программ в сфере дизайна.....	168
<b>Муртазина Л. Э.</b> Роль музыкальной информации в развитии коммуникационных возможностей человеческого мышления.....	174
<b>Хлудеева И. В.</b> Влияние ценностных ориентаций на развитие личности.....	178

### ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<b>Карпычев М. Г.</b> Задача и ее решение в традиционной музыке (к проблеме методологии изучения).....	183
<b>Светлова О. А.</b> Историко-героические мотивы в житии и каноне святителю Павлу Коломенскому.....	189
<b>Семенова В. И.</b> Атрибуция предметов русского декоративно-прикладного искусства из обско-угорских могильников эпохи Средневековья.....	198
<b>Герасимов О. М., Чузаев Р. И.</b> Традиционная и профессиональная музыкальная культура мари в мультимедийном проекте.....	202
<b>Булгаков В. Д.</b> Хоровая музыка татарских композиторов: этапы развития, жанровый обзор, проблемы роста.....	206
<b>Арсланов М. Г.</b> Поиски режиссуры татарского театра в 1957–1990 гг. ....	210
<b>Демешко Г. А.</b> О предпосылках и позитивах новой концепции музыкального времени в искусстве XX в. ....	214
<b>Федин С. Н.</b> Структурные характеристики художественного звучания музыкального произведения.....	221
<b>Князев А. М.</b> Детерминация и ее роль в исполнительской культуре музыканта в высшей школе.....	230

### ПАНОРАМА

<b>Васильев Ю. А.</b> Рецензия на учебное пособие В. В. Чепуриной «Сценическая речь: от слова драматургического к слову-поступку» (Кемерово, 2012).....	239
---	-----

### НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

<b>Шунков А. В.</b> Россия – Болгария: диалог культур и литератур.....	242
<b>Егле Л. Ю., Насонов А. А.</b> I (XLII) Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия».....	246
<b>Умнова И. Г.</b> Историко-героическое в исследовательском ракурсе.....	249
<b>Веселовская Е. В., Двуреченская А. С., Сечина И. А.</b> Традиционная культура и фольклорное наследие народов Сибири.....	254
<b>Юдина А. И., Кулемзин А. М., Насонов А. А., Родионова Д. Д., Ковешникова Е. А., Тельманова А. С.</b> Первый региональный форум музейных работников «Историко-культурное наследие Кузбасса».....	258
Сведения об авторах.....	263

## CONTENTS

### PHILOSOPHY

<b>Eremenko V. I.</b> System Approach to Understanding the Parliamentarism in Russia.....	10
<b>Tazetdinova R. R.</b> Theatre of Justice in the Space of Self-sufficient Good.....	14
<b>Elin S. P.</b> Pareto's Special View of the Role Of Elites in the System of Social Balance.....	18
<b>Mustafin A. A.</b> Geosociological Conception Of L. I. Mechnikov.....	27
<b>Sadovaya P. A.</b> To a Problem of Participation of Social Organizations in Intercultural Communication, Social and Cultural Integration.....	32

### CULTUROLOGY

<b>Minenko A. G.</b> The Problem of the Genesis And Development Stages of the Russian National Character.....	39
<b>Shkalina G. E.</b> Finno-Ugric Culture in Russia: Problems And Prospects.....	51
<b>Samakovskaya O. V.</b> Formation of the Content of the Sites of Ethnographic Museums: Problems of Quality Museum Information Presentation in the Internet and Solutions.....	55
<b>Alekseyeva L. S.</b> Activities of the Diocesan Museum of History of the Orthodoxy on Kuznetsk Land in the Field of Moral and Spiritual Education.....	62
<b>Lesovichenko A. M.</b> Reflections on the Test for the "Culturology" Course.....	66
<b>Novoseltsev N. R.</b> The Analysis of the Main Trends of External Economic Activity of Kuzbass Chamber of Commerce and Industry of Kemerovo Region (2002–2010).....	73

### PHILOLOGY

<b>Mezhova M. V.</b> Problem of Cultural Equivalence of the Word in the Translation of Literary Text.....	78
<b>Chebortaryov A. M., Askarova V. Y.</b> Esthetics in Design of the First Russian Newspaper.....	82
<b>Maksakova E. E.</b> The Propositional Framing Teleut Language Dictionary (on the Example Of Review of the Entry "The Birth of a Child").....	89

### PEDAGOGICS

<b>Gendina N. I.</b> Graduates' Information Culture in the University of Culture and Arts: Faults and Merits of the Federal State Educational Standards of Higher Education of the Third Generation.....	97
<b>Skipor I. L.</b> Integration of Electronic Educational Resources of the University: Development Of Unified Structure of Site "Electronic Educational Environment of KemGUKI" Content.....	122
<b>Khalyapina L. P.</b> Creating the Innovative Intercultural Learning Environment in the Process of Teaching the Foreign Languages.....	131
<b>Zinnurov F. K., Gabdulhakov V. F., Chanysheva G. G.</b> On Multicultural Education Development.....	136
<b>Filippova O. A.</b> Socio-Cultural Foundations of Tolerance Formation of University Students...	140
<b>Lekhtina L. P.</b> Adaptive-Educational Environment of a Special School as a Condition of Independent Student's Choice of an Individual Development Track.....	144
<b>Smirnov Y. Y.</b> Artistic Education School.....	149

<b>Sokolova T. B.</b> Children’s Social-Cultural Development under Conditions of Additional Education Establishments.....	156
<b>Yeliseyev G. S.</b> Conceptional Approaches to Modeling of the Educational Programmes in the Sphere of Design.....	168
<b>Murtazina L. E.</b> The Role of Music in the Development of Communicative Abilities of Human Thinking.....	174
<b>Khludeyeva I. V.</b> Influence of Value Orientations on Personal Development.....	178

#### **ART STADIES**

<b>Karpychev M. G.</b> The Task and its Solution in Traditional Music (to Problem of Learning Methodology).....	183
<b>Svetlova O. A.</b> The Historic and Heroic Motives in the Life and Church Canon to St. Paul, Kolomna Bishop.....	189
<b>Semyonova V. I.</b> Attribution of Objects of Russian Ornamental-Applicative Art from Ob-Ugric Burial Grounds of the Middle Ages.....	198
<b>Gerasimov O. M., Chuzaev R. I.</b> Traditional And Professional Musical Culture of the Mari in the Multimedia Project.....	202
<b>Bulgakov V. D.</b> Choral Music of Tatar Composers: Stages of Development, Overview of the Genre, Problems of Growth.....	206
<b>Arslanov M. G.</b> Searches of Direction of The Tatar Theater in 1957–1990’s.....	210
<b>Demeshko G. A.</b> On Some Prerequisites and Positives of the New Concept of the Musical Time In the Art of the 20th Century.....	214
<b>Fedin S. N.</b> Structural Characteristics of Artistic Sound of Music.....	221
<b>Knyazev A. M.</b> Determination and Its Role in the Performing Culture of Musician in Higher Education.....	230

#### **PANORAMA**

<b>Vasilyev Y. A.</b> Review on the Tutorial of V. V. Chepurina “Stage Speech: from Script Word to Word-deed” (Kemerovo, 2012).....	239
---	-----

#### **SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY**

<b>Shunkov A. V.</b> Russia – Bulgaria: Dialogue of the Cultures and Literatures.....	242
<b>Egle L. Y., Nasonov A. A.</b> I (XLII) All-Russian Students’ Scientific and Practical Conference “Culture And Arts: Research And Discoveries”.....	246
<b>Umnova I. G.</b> Historical Perspective Research Heroic in Inter-regional round table on “History and the Heroic in the national musical culture” in the Kemerovo State University of Culture and Arts.....	249
<b>Veselovskaya E. V., Dvurechenskaya A. S., Sechina I. A.</b> Traditional Culture and Folklore Heritage of Siberian People.....	254
<b>Yudina A. I., Kulemzin A. M., Nasonov A. A., Rodionova D. D., Koveshnikova E. A., Telmanova A. S.</b> First Regional Forum of Museum Workers “Historical And Cultural Heritage Of Kuzbass”.....	258
Information about the authors.....	263



# ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

УДК 1

*В. И. Еременко*

## СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ

В статье рассматриваются разные подходы к определению понятия «парламентаризм» в России. Представлен критический анализ каждого из направлений. Комплексный, системный подход к изучению феномена парламентаризма предлагается как наиболее адекватный в условиях современных политических реалий.

**Ключевые слова:** парламентаризм, системный подход, политические реформы, власть, политический и социальный институт.

*V. I. Eremenko*

## SYSTEM APPROACH TO UNDERSTANDING THE PARLIAMENTARISM IN RUSSIA

The article reviews the different approaches to determine the concept of “parlamentarizm” in Russia. A critical analysis is presented for each of the directions. The complex system approach to study the phenomenon of parlamentarizm is offered as the most adequate in the conditions of modern political realities.

**Keywords:** parlamentarizm, system approach, political reforms, power, political and social institute.

Проблема становления и развития парламентаризма в России в постсоветский период изучается довольно подробно, однако до сих пор не сложилось достаточно четко, развернутого, устоявшегося представления о парламентаризме как существующей во многих странах государственно-правовой системе, а также не сформировалось единого определения данного понятия [1].

Российский парламент в общепринятом (международном научном) смысле этого слова появился благодаря политическим реформам последних десяти-пятнадцати лет. Возникновение парламента в начале XX в. было столь краткосрочным, что опыта парламентской деятельности практически не было. Именно поэтому можно смело говорить о том,

что парламентаризм – достаточно новый для нашей страны политический институт и само его укоренение в российской жизни является, безусловно, значимым результатом.

Вместе с тем очевидным является и то, что становление отечественного парламентаризма происходит, в определенном значении, заново, с использованием опыта парламентской деятельности, накопленного в других странах в преломлении его к российским условиям. Именно поэтому существенной проблемой научного осмысления данного феномена выступает определение специфики развития парламентаризма в России.

Решение данной проблемы в теоретическом и публичном дискурсе сводится, с нашей точки зрения, к трем направлениям.

Первое из них мы можем обозначить как историческое: его представители решают вопрос о специфике отечественного парламентаризма через обращение к его истории, к его истокам, а также особенностям трансформации парламентских институтов в Советском Союзе. Исторический анализ парламентаризма представлен в работах А. Б. Безбородова, В. А. Демина, Ю. А. Диброва, Р. М. Романова, В. Е. Усанова и др.

Историческое направление научного дискурса рассматривает парламентаризм как эволюционирующее явление, имеющее корни в традиционных социально-политических институтах общества. Положение об эволюционном характере генезиса парламентаризма является очень значимым, поскольку позволяет показать преемственность (в том числе и культурную преемственность) в становлении парламентских институтов.

Второе направление может быть охарактеризовано как структурное: рассматривая парламент, ученые и политические деятели сосредотачиваются на структурных особенностях данного явления социально-политической жизни российского государства. Это направление связано с трактовкой организационно-правовых аспектов становления российского парламентаризма. Оно представлено преимущественно в работах правоведов и политологов: О. Л. Гнатюка, И. В. Гранкина, В. И. Ивановой, Б. И. Кротова, В. А. Шеховцова и др. Многие из них также обращаются к историческому генезису парламентаризма, однако при этом выделяют совершенно иные, нежели представители исторического направления, аспекты его становления и развития. Структурное направление научного дискурса предполагает характеристику основных элементов парламента и связей между ними. Подобный подход имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, он позволяет довольно объективно охарактеризовать структуру

парламента как социально-политического и правового института, выделить его важнейшие черты и рассмотреть основные функции. Однако, с другой стороны, данный подход можно признать довольно узким, поскольку он не учитывает связь парламента с его окружающей социальной, политической и культурной средой.

Комплексный подход к изучению парламентаризма рассматривает его как систему. Если говорить о структурной иерархии в любой системе, то можно выделить несколько организованных подсистем, которые в свою очередь, состоят из элементов. Дробление элементов можно продолжить до самого простейшего, который будет заключать в себе суть самой системы.

Явление парламентаризма можно рассматривать как социальную систему, поскольку даже если несколько человек объединяются с целью обсуждения важных для них вопросов, начинается социальный процесс, который будет обладать системными признаками.

По общему мнению, социальная жизнь общества является сложноорганизованной системой, включающей в себя не только структуру социальной жизни отдельных людей, но всеохватывающую форму различных социальных процессов общества, принимающих государственное, законодательное значение. Соответственно парламентаризм как структурный компонент социума обладает признаками системности и требует всестороннего изучения с позиций системного анализа.

Третье направление мы можем обозначить как комплексное, которому в большей степени свойственен системный подход к осмыслению понятия «парламентаризм» в обществе, с рассмотрением его характеристик не только как политического, но и как социального феномена.

Направление научного дискурса, рассматривающее парламентаризм с позиций комплексного, системного анализа, представлено

в современной литературе работами, авторы которых пытаются представить парламент и парламентаризм как значимые институты социальной жизни. Именно в данном направлении научного и публичного дискурса представлены, на наш взгляд, наиболее исчерпывающие определения парламентаризма.

Депутат Государственной думы О. О. Миронов трактует парламентаризм как неоднозначный и многогранный феномен, некую шкалу социальных ценностей, «где господствует закон, утвердились принципы верховенства права и разделения властей, где гражданское общество характеризуется демократизмом и высокой политико-правовой культурой» [5].

Парламент, по мнению И. П. Рыбкина, – «политическая система, где суверенная воля народа находит свое воплощение в избираемом в условиях многопартийности и разделения властей, а также на основе всеобщего и тайного голосования высшем представительном учреждении, которое осуществляет законодательную деятельность и контроль за органами исполнительной власти и гарантирует защиту интересов как большинства, так и меньшинства граждан» [11]. Подобное понимание парламентаризма, включающее в себя несколько составляющих, помогает глубже осознать всю значимость этого феномена для государства. С другой стороны, данное определение достаточно громоздкое и не всегда, на наш взгляд, способствует развитию научного анализа, равно как и обыденному восприятию парламентаризма в повседневной действительности.

В этой связи более полным можно считать определение И. М. Степанова, который полагает, что «парламентаризм есть особая система организации государственной власти, структурно и функционально основанная на принципах разделения властей, верховенства закона при ведущей роли парламента в целях утверждения и развития отношений

социальной справедливости и правопорядка» [6]. Обращаясь к этому определению, мы можем сказать, что Степанов отразил практически все основные признаки парламентаризма.

Близкую к этой позицию высказал О. Е. Кутафин. Раскрывая сущность парламентаризма, он пишет, что «парламентаризм – особая система государственного руководства обществом, которая характеризуется разделением труда законодательного и исполнительного при существенной политической и идеологической роли парламента» [4]. При этом он отмечает, что парламентаризм не может существовать без парламента, но в то же время парламент может существовать без важнейших элементов парламентаризма, к числу которых, прежде всего, относятся разделение властей, представительность и законность.

Перечисленные точки зрения на исследуемую категорию представляются нам сходными в одном: парламентаризм отождествляется с верховенством или привилегированным положением центрального представительного учреждения по отношению к иным политическим институтам. Однако существует ряд мнений, подчеркивающих иное.

Так, например, А. Д. Керимов полагает, что при парламентаризме, как государственно-правовой системе, особую важность приобретает баланс властных полномочий: ни один государственный орган не должен единолично осуществлять государственную власть [3]. Керимов предлагает следующее определение парламентаризма: парламентаризм – это принимаемая властью и обществом система взаимодействия определенным образом сформированного, структурированного и реально работающего парламента с другими государственными органами, обеспечивающая его адекватное положение в государственном механизме и выступающая в качестве основного способа организации и функционирования представительной демократии. Комплексный подход к содер-

жанию понятия «парламентаризм» усиливает включение в это понятие идеологического и мировоззренческого аспектов, систему представлений и убеждений, ценностных ориентаций, при помощи которых должно быть организовано наиболее эффективное функционирование государственного механизма [3].

В конституциях многих современных государств зафиксировано, что первоисточником государственной власти является народ. Парламент же олицетворяет собой представительную, законодательную власть, посредством которой народ способен существенным образом влиять на положение дел в государстве. Именно выборное представительство лежит в основе современной парламентской системы России.

Как отмечает Н. А. Богданова, «содержание народного представительства составляют отношения, связанные с формированием, функционированием и ответственностью особого вида органов, социальным назначением которых является согласование и отражение интересов различных социальных общностей, политических и демографических групп граждан на соответствующем уровне государственной власти» [2]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что одной из основных задач парламентаризма является обеспечение подлинного народовластия в государстве. Последнее возможно в сформированном гражданском обществе. Именно в нем реализуема основная задача парламентаризма – народовластие, так как гражданское общество отличается «...конвенциональным (согласованным) и легитимным (имеющим юридическую или нравственную силу с точки зрения принятия или одобрения большинством данной общности) характером норм и правил поведения: ничто не принимается раз и навсегда на веру; любое правило – результат конвенции и согласования всех заинтересованных участников взаимодействия» [7, с. 65].

Таким образом, резюмируя вышеприведенные сущностные аспекты существования парламентаризма в целом, и в современной России в частности, следует особо подчеркнуть, что данная категория представляет собой достаточно неустойчивое и подверженное постоянным изменениям явление. В нем могут проявляться особенности исторического развития, общественного и государственного строя страны, национальных традиций, правовой культуры и политической воли народа. Все это вместе взятое дает основание для комплексных, системных исследований проблем становления парламентаризма в современной России.

Правоведы и политологи говорят о том, что в системе разделения властей парламент является одним из главных центров выработки государственной политики, выражаемой в принимаемых им законах. Через издание регулирующих законодательных актов функции парламентского института в системе управления государством носят опосредствованный характер воздействия на общественные отношения. Действительная роль парламента в политической жизни каждой страны, в данном случае России, определяется расстановкой социальных сил, которая находит свое проявление в столкновениях общественных интересов, выражаемых политическими партиями и другими массовыми объединениями, имеющими свои парламентские фракции; степенью развитости парламентаризма; силой и влиянием парламентских институтов. Все это в свою очередь зависит от особенностей исторического развития страны и политических, национальных и культурных традиций. Говоря о формировании системности социальной жизни российского общества, следует подчеркнуть, что характерным признаком для отечественного социума является следование национально-культурным традициям, в рамках которых выражается стремление к демократическим гражданским правам, обеспечивающим наиболее привле-

кательную форму волеизъявления народов России.

Подводя итог нашему анализу, отметим, что все направления связаны с важнейшими аспектами функционирования и развития института парламентаризма в России. Ни одно из указанных направлений, с нашей точки зрения, не может быть признано домини-

рующим; все они в той или иной мере взаимодополняют друг друга. Объединяющей характеристикой этих направлений является то, что все они признают: российский парламентаризм и его специфические черты напрямую зависят от особенностей исторического, культурологического, социального развития страны, а также политических традиций.

### Литература

1. Бегазян А. О понятии парламентаризма // Право и жизнь. – 2003. – № 61(9).
2. Богданова Н. А. К вопросу о понятии и моделях народного представительства в современном государстве // Проблемы народного представительства в РФ. – М., 1998. – С. 13.
3. Керимов А. Д. Понимание парламентаризма и перспективы его развития в России // Гражданин и право. – 2002. – № 7–8.
4. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. – М., 2003. – С. 417.
5. Миронов О. О. Истоки российского парламентаризма // Представительная власть. – 1996. – № 4–5. – С. 100.
6. Парламентское право России / под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. – М., 1999. – С. 5.
7. Рыбкин И. П. Становление и развитие парламентаризма в России: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – М., 1995. – С. 4–7.

УДК 008 (07);1(091)

*Р. Р. Тазетдинова*

### ТЕАТРАЛЬНОСТЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ САМОДОВЛЕЮЩЕГО БЛАГА

В статье предпринята попытка рассмотреть театральность в рамках апелляции к идее вневременности эстетического, ориентируясь на платоновскую и ницшеанскую оценку справедливости в области самодовлеющего блага. Обращается внимание на пересечение мнений философов, разделенных веками; на театральность гипотетической общности древнего грека и автора «Прелюдии к философии будущего».

**Ключевые слова:** справедливость, благо, нравственность, театральность, несправедливость, языковая игра.

*R. R. Tazetdinova*

### THEATRE OF JUSTICE IN THE SPACE OF SELF-SUFFICIENT GOOD

The article attempts to examine theatricality in the idea of aesthetic timelessness, focusing on Plato and Nietzsche's evaluation of the validity of self-sufficient good. Attention is drawn to crossroads of opinions of philosophers, separated by centuries, on the theatricality of a hypothetically common ancient Greek and author of "Prelude to Philosophy of the Future".

**Keywords:** justice, good morals, theatrical, injustice, language game.

Уличив Платона в «коварном» промахе против истины, Ф. Ницше обозначил начало критики великого антика в области проблем понимания справедливости. Во вступительной статье к известной работе «По ту сторону добра и зла», развивая свою мысль, автор описывает этот промах следующим образом: «Не будем, однако, неблагодарны по отношению к ней (речь о догматической философии. – Р. Т.) и признаемся, что самой тяжелой, самой упорной и самой опасной ошибкой из всех сделанных до настоящего времени догматиками было именно измышление Платона о чистом духе и самодовлеющем благе (von Gutten an sich) [2, с. 13]. Отказываясь безоговорочно признать высказывание Ницше все целиком, обратим внимание на проблематику понимания справедливости во второй части претензий философа к платоновским «измышлениям». Прошедшие сто двадцать семь лет после написания книги не погасили процесс «переоценки ценностей», оставив по существу вопрос об интерпретации того, что есть «поступок» и «вкус» за пределами истоков о причинах столь длительного сражения в истории мысли. Отсюда постановка проблемы и предметная сфера анализа: рассмотреть, за счет чего самодовлеющий статус блага и вытекающей из него справедливости оказывается так продолжительно уникален и трансцендентен. И, наконец, каков онтологический принцип подобных явлений бытия? Обратимся к первой части объекта нашего исследования, диалогу между Сократом, Кефалом, Полемархом, Фрасимахом и Главконом в платоновском «Государстве», сохранив последовательность рассуждений автора вступления к изданию профессора Е. И. Темнова.

#### **Постановка вопроса о справедливости**

А. Из диалога между Сократом и Полемархом.

Первая посылка: «Справедливость – это нечто воровское, однако направленное на пользу друзьям и во вред врагам» [4, с. 73].

Вторая посылка: «...справедливо было бы вредить несправедливым и приносить пользу справедливым людям» [4, с. 73].

Третья посылка: «Значит, Полемарх, не дело справедливого человека вредить ни другу, ни кому-либо иному; это дело того, кто ему противоположен, то есть человека несправедливого. – По-моему, Сократ, ты совершенно прав» [4, с. 75].

Консенсус участников диалога: «...если кто станет утверждать, что воздавать каждому должное – справедливо, и будет понимать это так, что справедливый человек должен причинять врагам вред, а друзьям приносить пользу, то говорящий это вовсе не мудрец, потому что он сказал неправду, ведь мы выяснили, что справедливо никому ни в чем не вредить.

– Я согласен с этим, – отвечал Полемарх» [4, с. 75].

#### **О справедливости как выгоде сильнейшего**

Б. Из диалога между Сократом и Фрасимахом.

Первая посылка. Фрасимах: «...почтеннейший Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она – сила, вот и выходит, если кто правильно рассуждает, что справедливость – везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего» [4, с. 78].

Вторая посылка. Фрасимах: «...справедливость и справедливое – в сущности это чужое благо, это нечто, устраивающее сильнейшего, правителя, а для подневольного исполнителя это чистый вред, тогда как несправедливость – наоборот: она правит, честно говоря, простоватыми, а потому и справедливыми людьми» [4, с. 84].

**Справедливость и несправедливость**

В. Из диалога между Сократом и Главконом.

Первая посылка. *«По-моему, – сказал Главкон, – выгоднее жизнь человека справедливого»* [4, с. 89].

Вторая посылка. *«Значит, добродетелью ты назовешь справедливость, а порочностью – несправедливость? – Не иначе, дражайший! И я говорю, что несправедливость целесообразна, а справедливость – нет!»* [4, с. 92].

Третья посылка. *«К какому же виду благ ты относишь справедливость? – Я-то полагаю, что к самому прекрасному, который и сам по себе, и по своим последствиям должен быть ценен человеку, если тот стремится к счастью... Говорят, что творит несправедливость обычно бывает хорошо, а терпеть ее – плохо. Однако когда терпишь несправедливость, в этом гораздо больше плохого, чем бывает хорошего, когда ее творишь»* [4, с. 99–100].

**Резюме I.** Справедливость – это не де-тище права и нравственности, не набор предписаний или императивов. Справедливость – это некая координатная плоскость из системы критериев, наличие которой свидетельствует об актуальной бытийности присутствия в ком-то нравственности.

Таким образом, понятие платоновской справедливости гораздо шире понятия нравственности и может мыслиться, в отличие от нее, предикатом истинности, выступая своеобразным ее прототипом. Что касается театральности справедливости у Платона, то она интегрирована в область суждений об истинности метафорикой «морального интеллекта» и «чистого разума» [6, с. 12], за счет чего подобный феномен приобретает статус родового отличия. Уже простое перечисление утверждений А-Б-В доказывает необходимость следования известной нам нравственности. Искать же и осуществ-

лять *всеобщую* справедливость в социуме – занятие неблагоприятное и чревато созданием искаженных моделей общественного бытия. Поэтому, безусловно, прав И. Кант, утверждая, что, держась сферы нравственности и постоянно представляя «*coram foro interno*» – перед внутренним судом, справедливостью строгого права» [1, с. 323], человек огражден от преступления «всеобщей справедливости». Получается, что справедливость, по Платону, есть «самое прекрасное благо», есть «ценность» человека, который «стремится к счастью». Пересечение указанной «справедливости» и «прекрасного блага» как неких философских предпочтений мыслителя, насыщают эстетику проблемой поиска их критериев. Вычленение некоторого абстрактного тождества (справедливость ≡ благо) и сенсорного основания эстетического выбора (счастье ≡ человеческая ценность) подводят исследователя к необходимости решения задачи: обозначить по возможности их корреляты в особенностях платоновского представления об искусстве. В нашем случае театральность как раз и играет роль подобного универсально-формального коррелята, основная функция которого – разворачивать «событийные пропозиции» и согласовывать философские «параллельные конструкции» [7, с. 17]. Призыв же Ницше определить свое месторасположение «по ту сторону добра и зла» относится к попытке понимания непостижимой для логики ума, безликой, безумной и всеобщей справедливости. Театральность нравственной и бытийной неделимости существует у него в намековом режиме о требованиях «нового рода философов», о котором вспоминал «Великий ревизионист ценностей» [2, с. 16]. Бесстрастная, сверхморальная справедливость, определяющая каждую секунду бытия Вселенной как геометрию мироздания, театральна своей попыткой вместить справедливость в некую личную систему классификаций. Надежнее

жить ею, а не классифицировать попытки «ухватить» ее (справедливость). Схожие интенции можно обнаружить и у Б. Паскаля, утверждавшего, что «истинная нравственность пренебрегает нравственностью, – иными словами, нравственность, выносящая суждения, пренебрегает нравственностью, идущей от ума и не ведущая правил» [3, с. 14]. Отсюда можно заключить, что истинная нравственность находится по другую сторону неких правил, то есть в другом континууме. Она не подвластна человеческим законам, а определяется лишь мерой «добра» и «зла». Однако представляется, что истинная нравственность все-таки *всегда* справедлива, а противопоставление добра и зла – лишь способ понять отличие «человеческой справедливости» от всеобщей. Вернемся к Платону, который говорит о происхождении морали из справедливости в своей, разумеется, интерпретации.

**Справедливость и несправедливость (продолжение)**

Г. Из диалога Евтифрона и Сократа.

Первая посылка. Евтифрон: *«Итак, Сократ, мне представляется, что праведным, благочестивым является та часть справедливого, которая относится к служению богам; та же часть, что относится к заботе о людях, будет остальной частью справедливого...»* [5, с. 262].

Вторая посылка. Сократ. *«Ну а благочестие и праведность – это забота о богах, Евтифрон? – Именно так»* [5, с. 263].

Как видим, между платоновской справедливостью и благочестием присутствует трансцендентная и не вполне объяснимая автором субординация. Некий флер игрового характера, пусть и в другом контексте, подтверждается словами и Ф. Ницше: «впереди Платон, позади Платон, а посередине чушь» [2, с. 96].

**Резюме II.** Ф. Ницше обратил внимание на значение человека в пространстве бытия

самодовлеющего блага. При этом выражение нравственности как сублимации справедливости определилось театральностью некоего парадокса между *благом с человеком* и собственно *самодовлеющим благом*.

**Общий вывод.** Человек как единственное пространство реализации справедливости не способен вместить в себя ее полностью. В рассмотренных философских суждениях противоречиво сочетаются претензии на измеримость критериев справедливости и блага, сведение их к своеобразной условной верификации и выдвигание эстетической идеи нравственности. Театральность при этом в качестве языковой игры Платона и Ницше подчеркивает факт бесконфликтности между справедливостью и нравственностью, фиксируя самодовлеющий статус блага в качестве онтологического принципа бытия. В театральности языковой игры как *теоретическом мышлении* обоих философов заложено «объяснение бытия» [9, с. 140] и одновременно особенность философского дискурса. Примечательно, что в философии Ницше справедливость раскрывается как метафора (театральность) высшей ступени развития духа, сместившаяся в область морали и позволившая позже рассуждать, что эстетическое в психологии заключается не в способе «философской спекуляции, а в опыте практического отношения» [8, с. 11]. С другой стороны, совместив высказывания обоих мыслителей, приходим к пониманию роли театральности как среднего порядка эстетических предпочтений любого человека, а не только философов. Вернувшись к истокам «переоценки ценностей», предложенных Ф. Ницше, следует констатировать, что многоликость театральности исключает нормативность в платоновских эстетических оценках справедливости и нравственности, сосредоточивая проблему понимания справедливости в поле предпосылок о самодовлеющем благом.

### Литература

1. Кант И. Из лекций по этике (1780–1782 гг.) // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. – М.: Политиздат, 1988. – С. 299–332.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / пер. с нем. А. Николаева, Е. Воронцовой. – Минск: Беларусь, 1992. – 335 с.
3. Паскаль Б. Мысли / пер. с фр. Э. Фельдман-Линецкой. – СПб.: Азбука-классика, – 2005. – 336 с.
4. Платон. Государство. Законы. Политик / предисл. Е. И. Темнова. – М.: Мысль, 1998. – 798 с.
5. Платон. Евтифрон // Платон. Диалоги / пер. С. Я. Шейнман-Топштейн. – М.: Мысль, 1986. – С. 250–269.
6. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. и науч. ред. В. В. Целищева. – Новосибирск: Новосибирск ун-т, 1995. – 535 с.
7. Торгашева М. А. Формальные корреляты текстовых категорий в семантическом пространстве американского короткого рассказа: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.02.04. – Самара, 2007. – 21 с.
8. Торшилова Е. М. Можно ли поверить алгеброй гармонию?: (Критический очерк экспериментальной эстетики). – М.: Искусство, 1988. – 208 с.
9. Флоренский П. А. У водоразделов мысли // Флоренский П. А. Соч.: в 2 т.– М.: Правда, 1990. – Т. 2. – 447 с.

УДК 316.34

*С. П. Елин*

### ОСОБЕННОСТИ ВЗГЛЯДА ПАРЕТО НА РОЛЬ ЭЛИТ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РАВНОВЕСИЯ ОБЩЕСТВА

В статье излагается концепция Парето о равновесии социальной системы. Рассматривается взаимосвязь социального равновесия общества и циркуляции элит. Анализируется влияние элит на этот процесс, зависящий от их психических склонностей и предрасположений, имеющий врожденный характер.

**Ключевые слова:** элита, общество, социальная система, циклические процессы.

*S. P. Elin*

### PARETO'S SPECIAL VIEW OF THE ROLE OF ELITES IN THE SYSTEM OF SOCIAL BALANCE

This article introduces the concept of Pareto on the balance of social system. It discusses the relation of social balance and circulation of elites. It analyses the impact of the elites in this process that depends on their mental inclinations, and is adjusted as congenital in nature.

**Keywords:** society, social system, cyclical processes.

Чтобы понять взгляды Парето на роль элит в системе социального равновесия общества, нужно, прежде всего, рассмотреть концепцию равновесия социальной системы итальянского мыслителя, поскольку именно

эта концепция во многом предопределила все остальные взгляды и суждения.

На рубеже XIX–XX вв. в философской мысли Европы господствовал позитивизм, отличавшийся своей пестротой и заимство-

ваниями. Так, в конце XIX в. Леон Вальрас разработал систему общего рыночного равновесия, изложенную в его основной работе «Элементы чистой политической экономики». Эта работа оказала большое влияние на интересы В. Парето и была перенесена им в область общетеоретических представлений об обществе. Это и понятно, ведь Парето был профессиональным экономистом, прошедшим серьезную школу политэкономии у М. Панталони и Л. Вальраса, которые оставили свой заметный след в этой области знания, причем именно в теории равновесия экономической жизни общества. Используя взгляды экономистов, Парето стал рассматривать экономику как подсистему социальной системы. Экономическая система, по его мнению, состоит из особых молекул – людей, приводимых в движение потребностями и рациональными интересами, встречающих препятствия на пути к достижению экономически желаемого. Социальная система является более сложной. В социальном действии участвуют человеческие индивидуумы, наделенные чувствами. Именно чувства, обусловленные психическим складом индивидуумов, – главная пружина, приводящая в движение всю систему. Понять же чувства значительно труднее, чем любые рациональные соображения.

По замыслу Парето, образ общества как социальной системы должен был положить конец метафизическим и спекулятивным рассуждениям об обществе, занимавшим доминирующее положение в социально-политической мысли XIX в. Основная идея, вдохновлявшая Парето, состояла в том, чтобы разработать такие принципы построения социологического знания, которые обеспечили бы его достоверность, надежность и обоснованность. Поддерживая в целом концепцию общественной науки, разработанную основоположниками позитивизма –

Конттом, Миллем и Спенсером, Парето справедливо критиковал их за непоследовательность в проведении принципа эмпирической обоснованности знания.

Итальянский социолог считал, что социология является синтезом различных специальных общественных дисциплин: права, политэкономии, политической истории, истории религий, – «цель которого – в изучении человеческого общества, взятого в целом» [6, р. 3].

Метод, при помощи которого Парето намеревался открыть всеобщие принципы устройства, функционирования и изменения обществ, он назвал логико-экспериментальным. Стремясь сделать социологию такой же точной наукой, как физика, химия и астрономия, он предлагал пользоваться только эмпирически обоснованными описательными суждениями, строго соблюдая логические правила перехода от наблюдений к обобщениям. Этические и вообще ценностные элементы в теории, по мнению Парето, всегда ведут к искажению, фальсификации фактов, поэтому подлежат устранению.

Идеи Парето о системном подходе к обществу находились в русле тех социальных традиций, в соответствии с которыми главной задачей социального организма было обеспечение стабильности социальной системы и порядка в ней. Все элементы социальной системы у итальянского социолога взаимосвязаны и взаимозависимы на основе действия многофакторных влияний, что обеспечивает достижение равновесия в обществе. При этом нужно учитывать, что Парето имел в виду, прежде всего, механическое (биологическое) равновесие и взаимосвязь элементов (индивидуумов), что не позволяло ему в полной мере объяснить особенности функционирования общества как определенной целостности, на основе выделения доминантных социальных факторов его изменения и эволюции.

Следует подчеркнуть, что равновесие, о котором пишет социолог, – не статическое, а динамическое, поскольку общество постоянно эволюционирует и динамизм равновесия определяется, согласно его позиции, тем, что изменения, происходящие в одной части системы, передаются немедленно другой ее части. При этом, признавая эволюцию общества, Парето «отказывает» ему в прогрессе. Он считает, что эволюция и равновесие «связаны» между собой и имеют маятниковый характер. Это значит, что общество, испытывая на себе влияние конкретных ритмических колебаний, каждый раз возвращается к определенному равновесному состоянию.

В то же время наряду с положением о предопределенности социального порядка следует отметить научную значимость выведенного Парето тезиса о динамическом равновесии всех сфер жизни. Предложенный им термин «равновесие», а также социологические процедуры позже были высоко оценены и взяты за основу представителями структурно-функционального анализа. Американский социолог-теоретик Т. Парсонс в этой связи подчеркивал: «Его процедура следует лучшим традициям теории построения и, со всеми своими содержательными ограничениями, она может и сегодня служить в качестве значимой модели» [8, p. 415].

Изменение социального равновесия общества итальянский ученый связывает в значительной мере с циклическим развитием элиты, которую он выделяет, деля общество на две части, то есть на тех, кто прямо или косвенно играют важную роль в управлении и составляют класс правящей элиты, и на остальных. Таким образом, он выделяет в обществе «две страты, два слоя населения:

1) низшая страта, то есть класс, не являющийся элитой (здесь его возможное влияние на управление не рассматривается);

2) высшая страта, класс избранных, то есть элита» [4, с. 309].

Деление общества на две страты он обосновывает тем, что «невозможно исследовать всесторонне в полном смысле этого слова различия между крайне многочисленными социальными группами и тем более – все многообразие того, как они соединяются между собой. Следовательно, как всегда, когда нет возможности добиться многого, надо ограничиться немногим и упростить проблему, чтобы сделать ее более доступной для обсуждения. Это будет первый шаг на пути, по которому смогут пойти другие. В данном случае эта проблема анализируется только в связи с социальным равновесием при предельно допустимом уменьшении количества групп и видов циркуляции и совместном рассмотрении тех феноменов, которые проявляются в некоторых отношениях аналогичным образом» [4, с. 307]. Деление общества на две части поддерживает и российский элитолог Г. К. Ашин, который делит общество на две категории: элиту и массу. По его мнению, дихотомия «элита – масса» является ведущим методологическим принципом анализа социальной структуры в любом элитологическом исследовании, где в дихотомии «элита-масса», по определению, характеристикой элиты является ее превосходство [1].

Высшую страту Парето определяет по природным способностям и талантам ее членов, а это, в свою очередь, определяет общественное положение группы на той или иной ступени общественной лестницы. Тем, кто имеет «высший показатель в своей области деятельности, мы даем название “элиты”» [7, p. 530], – писал Парето. Элита – это избранная часть населения, остальная его часть лишь «приспосабливается к полученным от нее стимулам» [6, p. 168].

Элита и неэлита образуют соответственно высший и низший слои общества. Наиболее одаренные представители низов «поднимаются вверх», пополняя ряды правящей элиты, члены которой в свою очередь, деградируя, «опускаются вниз», в массы. Здесь обнаруживается идейное родство концепции Парето с концепциями Тарда, Лебона, Моски: деление общества на изобретателей и подражателей (Тард), на вождей и толпу (Лебон), на господствующий и подчиненный классы (Моска).

Для объяснения социальной динамики Парето формирует разработанную им теорию «циркуляция элит». Циркуляция элит функционально необходима для поддержания социального равновесия. Она обеспечивает правящую элиту необходимыми для управления качествами. За исключением полностью замкнутой элиты, становящейся кастой, правящая элита обычно находится в состоянии постоянной медленной трансформации. Если циркуляция элит происходит слишком медленно, в высших слоях скапливаются элементы, олицетворяющие бессилие, разложение и упадок. Эти слои теряют психические качества, обеспечивающие их элитарное положение, и пасует перед необходимостью применить насилие. Среди низших же слоев возрастает число индивидов, обладающих качествами, необходимыми для управления обществом. Они способны захватить власть при помощи насилия. Однако новая правящая элита со временем трансформируется в бессильный, загнивающий класс и утрачивает способность управлять. Вновь окрепнуть он может, либо черпая силы из низших классов, либо уничтожая физически разложившихся, ставших ненужными членов элиты. Если же, несмотря на эти меры, в низших классах скапливаются индивиды, превосходящие своими достоинствами высшие классы, наступает

эпоха революции, смысл которой, по мнению Парето, состоит в обновлении состава правящей элиты и восстановлении, таким образом, общественного равновесия.

Циклы подъема и упадка, возвышения и падения элиты являются, по убеждению Парето, необходимыми и неизбежными. Чередование, колебание, смена элит являются законом существования человеческого общества.

Выявленная Парето взаимосвязь циркуляции элит и социального равновесия в обществе в целом является эвристичной. Зависит она от значимости и роли той элиты, которая принимает жизненно-важные решения. Благодаря «циркуляции» происходит переход талантливых и честолюбивых личностей из неэлитарных слоев в элиту, представители которой в силу необычных способностей достигают особого положения в какой-либо сфере деятельности и отражают успех через распределение авторитета и престижа.

Однако, по мнению Парето, в процессе изменения социального равновесия в обществе, мотивация правящего класса, как и качества элитарности, меняется. Анализ этого механизма показывает степень персонифицированности элиты в глазах общественности, зависящей от событийности и субъективизма индивидов, совершаемых действие, а также от общественных предпочтений.

В то же время общество для Парето – это не просто социальная система, включающая соотносимые и взаимодействующие части (элита – неэлита). Это прежде всего система взаимодействия людей. Каждый индивид осуществляет действие. Объективной основой этого действия социолог считает психическое состояние человека, поскольку оно дано человеку изначально, независимо от его желаний, чувств, эмоций, стремлений и т. д. Более того, выступая определяющим

объективным фактором действий людей, их психические состояния тем самым детерминируют многие социальные процессы. Именно здесь мы сталкиваемся с той особой логикой рассуждений итальянского ученого, которая привела его к системному подходу, анализу действий и взаимодействий элит, базирующихся на их психических склонностях и предрасположениях, имеющих врожденный характер и толкающих индивида на несоответствующие здравому смыслу поступки.

Возникает вопрос: какими качествами необходимо обладать, чтобы входить в элиту и как эти качества влияют на равновесие системы? В разных социально-исторических условиях общество испытывает потребность в различных лидерах. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо коснуться социально-философских и социологических взглядов Парето.

«Парето без колебания отдавал приоритет чувствам, считая их истинными движущими силами человеческой истории. Исторические закономерности он сводит к закономерностям иррациональной психической жизни отдельных индивидов, а идеологии называет “языком чувства”» [3, с. 241]. Считая основой динамизма социальной системы эмоции, Парето тем самым подводил под социальную систему биологический фундамент. Чтобы найти источник движения системы, Парето вынужден был встать на позиции биологизма и психологизма, то есть искать источник социальной жизни в психических склонностях и предрасположениях людей, притом таких, которые не имели никакой связи с производственно-экономической деятельностью и были выбраны весьма произвольно.

Направив философскую антропологию против рационалистической модели человека, в которой мысль о действии первична по отношению к своему действию, Парето

усмотрел иррациональное начало человеческой природы чувств и инстинктов. Психологические особенности человека становятся ядром подчинения всех человеческих действий и чувств конкретным индивидам. По сути, психологические особенности являются первопричиной действий, а следовательно, источником движения всей общественной системы.

Проанализировав поведение многих современных ученому политиков, «детерминирующих социальное равновесие», и выявив постоянные элементы социального действия, Парето дифференцировал их на два вида – «логические действия, по крайней мере, в основной части, представляющие собой результат рассуждения; нелогические действия, называемые, прежде всего, определенными психическими состояниями: чувствами подсознания и т. д.» [4, с. 38]. Из этих двух постоянных видов социального действия Парето построил социологическую систему на теории нелогического действия.

Согласно Парето, большинство тех человеческих действий, из которых складывается история, принадлежат к числу нелогических действий. Индивид поступает определенным образом, потому что обладает психологическими препозициями (установками) и испытывает определенного рода чувства. Эти чувства, маскируются при помощи псевдоаргументов, составляющих содержание всех без исключения общественных теорий.

Многие науки, по Парето, не могли объяснить действительность, а лишь конструировали модель рациональных действий. Но большая часть действий человека является иррациональной, нелогичной даже в области экономики. Социология же, как логическое понимание нелогических действий, должна была дополнить эти науки. Однако, по мнению Парето, она должна быть

логически-экспериментальной наукой, ибо нелогические действия она должна понять логически.

Сущность логичных действий заложена в непосредственной адекватной связи между средствами и целями. В их основе лежат идеологические рассуждения, получающие свое отражение в экономике, науке, политике и т. д. Регулируются они морально-этическими нормами, принятыми в конкретном обществе, а потому понимание их наиболее приемлемо для человека.

Многомерным и наиболее сложным психологическим аспектом является «нелогичное» действие, суть которого состоит в особой логике чувств как результате иррационального психического процесса, где средства соответственно неадекватны целям. Мало того, признавая свойства человеческого разума маскировать истинный смысл действий, используя аргументы и построения логических теорий, «нелогичные» действия человека никогда не являются тем, чем они кажутся ему самому. Недаром, сравнивая животных и человека, Парето видел отличие вторых от первых в мышлении, в «области логических действий, очень ограниченной у животных» и «весьма обширной в поведении людей» [4, с. 34].

Таким образом, в процессе своих эмпирических наблюдений Парето устанавливает факт существования расплывчатых границ в вопросе признания алогичности нелогичных действий. Аргументируя это положение, он выделяет две категории границ человеческой психики. Первая не зависит от субъективных посылов и включает в себя «детерминированные действия». Вторая – охватывает действия, основу которых составляют нормативные и культурные факторы.

На наш взгляд, нелогичные действия, с точки зрения целей, скорее не осознаются

самим действующим человеком, по сути являясь аффективными. И тем не менее развитие общества, считал Парето, обусловлено именно нелогичными действиями, эволюция которых охватывает определенные фазы: внешнее протекание поступка, интерпретация поведения и психологическое состояние человека в момент совершения действия.

Сделав эмоциональную сферу человеческой деятельности главным звеном своей социологической системы, Парето сделал оговорку, что не все чувства достойны внимания социолога. Достойными являются те чувства, которые проявляются в определенных действиях, что дает возможность строго их классифицировать. Они неизменны, постоянны и потому являются теми элементами социальной среды, которые «детерминируют социальное равновесие» [7, р. 242].

В обоснование своей теории Парето вводит такой термин, как «остатки», дав этим элементам необычное и трудно переводимое название – «резидуи» (*residui*), что на языке химических наук означает «остатки», тем самым желая этим подчеркнуть их устойчивость, способность оставаться после того, как из социального действия вычтены все рациональные соображения.

«Остатки» являются основой чувств, эмоций, страстей, инстинктов, психических состояний. Они имеют, согласно Парето, врожденный, естественный, не поддающийся внешним влияниям устойчивый характер. На основе шести главных классов «остатков», подразделенных на множество подгрупп, Парето попытался объяснить все многочисленные варианты человеческого поведения. Еще более схематизировав исторические действия, итальянский социолог подчеркнул главную роль двух первых классов «остатков». Первый класс включает «остатки», названные «инстинктом комбина-

ций» [4, с. 145], который, по мнению Парето, лежит в основе всех социальных изменений. Это внутренняя психологическая склонность человека собирать, по-разному переставлять, комбинировать вещи, отчасти ради получаемого от этого удовольствия, отчасти потому, что человеку трудно удержаться от собирания и комбинирования.

Второй класс – «остатки» «сохранения агрегатов» [4, с. 145], выражающие тенденцию поддерживать и сохранять однажды сформировавшиеся связи. Это консервативное чувство лежит в основе неприятия всего нового, в основе враждебного отношения к любым переменам и изменениям.

В обществе остаточные элементы распределены неравномерно. Обычно второй класс остаточных элементов (инстинкт группового сохранения) присутствует в большей степени в массах, заставляя людей подчиняться. Однако правящая элита должна содержать смесь первого и второго класса элементов, чтобы быть достаточно устойчивой. Когда устойчивость присутствует, тогда правящая элита может долго находиться у власти. Наличие в ней людей, обладающих первым классом элементов, способных к инновациям и изобретениям, дает обществу возможность материального и духовного развития. В то же время представители правящей элиты, у которых развит инстинкт группового сохранения, способны применить силу в целях сохранения социальной общности. Идеи патриотизма, национализма связаны с присутствием второго класса элементов у представителей правящей элиты. Парето называет первых «лисицами», а вторых «львами». «Лисицами» являются люди, обладающие склонностью к инновациям и нововведениям, а «львы» ориентированы на групповое сохранение, дисциплину, поря-

док. В случае присутствия в правящей элите как «лисиц», так и «львов» правящий класс силен. Однако в любом обществе происходят изменения. По мере того как в правящем классе скапливаются «лисицы», способные к инновациям и изобретениям, в классе управляемых появляется все больше людей, способных к применению силы с остаточными элементами второй группы. «Лисицы» обогащают общество, они привносят в него изменения, но они не способны применить силу. Их правление основано на хитрости, обмане, подкупе, кроме этого, привнесенные изменения вносят сумятицу в социальное равновесие, в результате чего системе требуется упорядочивание, и эта потребность приводит к власти людей, у которых присутствует второй класс элементов, – «львов». Далее происходит противоположный процесс скопления «львов» во власти, которые стабилизируют ситуацию, однако, они не способны к привнесению инноваций. Общество становится закостенелым, возникают материальные проблемы. Правящая элита в силу необходимости должна пустить в свои ряды «лисиц», которые производят соответствующие изменения.

Таким образом, реализуется социальная вертикальная мобильность, а в случае закрытости правящей элиты появляется вероятность революционных переворотов. Особенно это характерно для ситуаций, при которых «лисицы» узурпируют власть, а в классе управляемых скапливаются «львы», готовые применить силу. Социальная мобильность или, говоря языком Парето, циркуляция элит – это, как мы видим, процесс, который не контролируется рационально людьми, а осуществляется на основе иррациональных факторов – инстинктов и нормативно-целостных ориентаций наиболее активных

индивидов общества. Таким образом, политика государства, по Парето, объясняется врожденными психическими диспозициями лидеров.

Однако не нужно считать, что Парето сводил свои объяснения циркуляции элит исключительно к иррациональным факторам. В экономической сфере деятельности люди также делятся по принципу наличия у них остаточных элементов первой или второй группы. Людей, у которых развит первый класс элементов, Парето, именует «спекулянтами». В эту категорию он относит лиц, у которых доход не является постоянным и зависит от продуктивности в нахождении новых возможностей приумножить прибыль. Это предприниматели, торговцы, которые работают в условиях высокой конкуренции.

Вторая категория охватывает людей, которые предпочитают жить на постоянный неизменный доход. Они не нуждаются в инновациях и изобретениях. Парето именует данную категорию – «рантье». Сюда входят владельцы сбережений, которые живут на проценты со своих вложений, владельцы собственности, где не проводятся спекуляции с собственностью, фермеры, рабочие и обслуживающий персонал этой категории лиц. Их доход постоянен или меняется незначительно. Какие «представители, какого типа – “спекулянты” или “рантье” – занимают элитные позиции, определяется потребностями общества в данной исторической ситуации» [2, с. 28], – пишет О. Крыштановская в своей книге «Анатомия российской элиты». Влияние данных групп на стабильность в обществе очень велико. Если в правящем классе доминируют «спекулянты», то общество теряет стабильность, тогда как преобладание в правящем классе «рантье» делает общество малопродуктивным.

«Разные пропорции, в которых «спекулянты» и «рантье» смешаны в правящем классе, соответствуют разным типам цивилизаций» [5, р. 265].

На основе данных процессов Парето выделяет два типа правительств. Первый тип полагается на силу. Примерами такого правления являются античные города-государства в эпоху тираний: Спарта, а также Рим при Августе и Тиберии. «Во всех таких случаях в правящем классе доминируют остаточные элементы второго класса над первым классом» [5, р. 274]. Парето также замечает, что такие правительства не являются «догоими». Они не придают значения материальному росту граждан. Такие государства богатеют посредством войн, но их богатство рискованно. Циркуляция элит – медленная.

Второй тип правительства основывается, прежде всего, на интеллекте и хитрости. Парето выделяет два вида такого правительства: «Если интеллект и хитрость в основном используется для воздействия на чувства (остаточные элементы), результатом будет некоторого рода теократическое правительство» [5, р. 274]. В теократическом правительстве, несмотря на то, что оно воздействует на остаточные элементы, циркуляция элит – медленная, хотя в правящем классе доминируют люди с первым классом остаточных элементов. Такое правительство воздействует на религиозные чувства. «Если интеллект и хитрость в основном используются для воздействия на интересы (что не означает отсутствия влияния на остаточные элементы), тогда результатом будут правительства, наподобие афинской демократии, римской аристократии в разные периоды во времена республик, многих средневековых республик, и наконец – очень важная разновидность – «спекулятивное» правительство наших дней» [5, р. 274]. У «спекулятив-

ных» правительств циркуляция элит очень быстрая. Теократический тип не способствует производственной деятельности, тогда как «спекулятивные» правительства дают стимул экономике. Этот тип правительства является «дорогим» и основан на сильном приросте благосостояния. Но этот тип не способен к применению силы, в этом его слабость.

Важной заслугой Парето является то, что он показал изменения в обществе как результат взаимодействия многих сил в продолжающемся процессе. Это подразумевает, что роль каждого элемента в социальном процессе должна пониматься во взаимодействии с другими элементами. Отсюда следует, что проводимую государством политику следует понимать не как законченный результат, но как эпизод в продолжающемся взаимодействии множества сил.

Одной из сил, воздействующих на ход общественных событий, является также логическое объяснение поведения, вызванного остаточным элементом. Логические объяснения, оправдания поведения Парето именуется производными элементами или деревиациями. Они обладают способностью делать остаточные элементы более или менее интенсивными. Производные элементы могут способствовать лучшему осознанию у людей остаточных элементов и оказывать воздействие на них. Парето называет этот

процесс интенсификацией остаточных элементов. К примеру, националистическая пропаганда воздействует на людей, и они начинают лучше осознавать второй класс остаточных элементов – групповую солидарность. Таким образом, производный элемент, будучи в своей основе результатом остаточного элемента, одновременно с этим воздействует на остаточный элемент и является причиной его интенсификации. Правящие элиты используют те или иные убеждения для контроля над обществом.

Таким образом, говоря о равновесии социальной системы в целом и циркуляции элит как о двух взаимозависящих процессах, Парето рассматривает универсальный исторический закон «циркуляции элит» для понимания и объяснения изменений в обществе, обосновывая это результатом «врожденных психических predispositions» лидеров. Он определяет динамику нелогического поведения над логическим, отводя тем самым ведущее место иррациональному фактору в объяснении жизни общества, разрабатывает понятие идеологии как способа воздействия на остаточные элементы (инстинкты и нормативно-ценностные ориентации), а также закладывает основу для развития функционализма в социологии, понимая общество как систему взаимодействующих сил.

### Литература

1. Ашин Г. К. Элитология: учеб. пособие. – М.: МГИМО. 2005. – 544 с.
2. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. – М.: Захаров, 2005. – 384 с.
3. Осипов Г. В., Ионин Л. Г., Култыгин В. П. История социологии в Западной Европе и США: учеб. пособие – М.: Норма, 2001. – 576 с.
4. Парето В. Компендиум по общей социологии. – М.: Издат. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
5. Pareto V. Sociological writings. – N. Y., 1966. – 335 s.
6. Pareto V. Trattate di sociologia generale. – Milano, 1964. – Vol. 1. – 757 s.
7. Pareto V. Trattate di sociologia generale. – Milano, 1964. – Vol. 2. – 887 s.
8. Parsons T. Pareto Vilfredo contributions to sociology // International encyclopedia of the social sciences. – N. Y.: Free Press, 1968. – Vol. II.

УДК 316.232

*А. А. Мустафин***ГЕОСОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ Л. И. МЕЧНИКОВА**

В статье рассматривается проблема гармоничного взаимодействия природы и общества в свете геосоциологической концепции Л. И. Мечникова. Дается оценка роли и значения этой концепции, выявляется ее эвристический потенциал для современной социальной философии и всего спектра социальных наук.

**Ключевые слова:** геосоциология, географический детерминизм, географическая среда, взаимодействие природы и общества, общественный прогресс, гидрологический фактор.

*A. A. Mustafin***GEOSOCIOLOGICAL CONCEPTION OF L. I. MECHNIKOV**

This article looks into a problem of harmonic interaction of nature and society in the light of geosociological conception of L. I. Mechnikov. It gives evaluation to role and sense of this conception, discover its euristic potential for present-day social philosophy and spectrum of social sciences altogether.

**Keywords:** geosociology, geography determinism, geography environment, interaction of nature and society, social progress, hydrology factor.

Начиная с зарождения древнегреческой философии и до наших дней, фундаментальной философской проблемой является поиск ответов на вопросы: 1) противостоит ли человек природе или, как и общество в целом, является ее структурным элементом; 2) какова гармоничная взаимосвязь между природной средой, обществом и человеком? В условиях обостряющегося глобального экологического кризиса решение этих вечных вопросов делает их особо актуальными, имеющими существенное значение для современности. В связи с этим особую значимость приобретает реконструкция и применение в современных научных исследованиях методологических парадигм, эффективно зарекомендовавших себя в плане объяснительного, эвристического и прогностического потенциала. К таковым относится и геосоциологическая концепция Л. И. Мечникова, актуализирующаяся в начале XXI в. в контексте возрастания экологического кризиса.

В России идеи географического детерминизма стали особенно популярными

в XIX в. Среди ученых, опиравшихся в своих исследованиях на методологию географического детерминизма, выделяется фигура видного философа, социолога, историка, географа Льва Ильича Мечникова. По словам Г. В. Плеханова, «он был одним из самых замечательных и самых симпатичных представителей того поколения шестидесятых годов, которому много обязана наша общественная жизнь, наша наука и литература» [2, с. 329]. Венцом творчества Л. И. Мечникова является труд «Цивилизация и великие исторические реки». В нем ученый высказал целый ряд ценных и плодотворных мыслей, ставших концептуальным ядром его геосоциологической концепции.

Одной из ключевых идей его концепции явилась сформулированная под влиянием дарвинизма теория исторического прогресса. Но использование фактического материала биологии не означало, что Л. И. Мечников придерживался позиций социал-дарвинизма. Ученый был убежден в невозможности отождествления органической и социаль-

ной жизни и возражал против механического перенесения принципов борьбы за существование из сферы природной в социальную. Формулируя эту мысль, он писал, что «мир общественный не лежит над миром биологическим в форме прямолинейного, явственно разграниченного пласта: оба эти мира, напротив, взаимно входят в друг в друга, сцепляются один с другим бесчисленным множеством корней и нитей, доходящих порой до микроскопических разветвлений, но ни в коем случае не сливаются и не отождествляются между собою».

Основывать социологию на дарвиновском законе борьбы за существование так же немислимо, как разрешить вопрос о солнечных пятнах на основании Пифагоровой теоремы» [1, с. 50]. Более того, Л. И. Мечников полагал необходимым ввести в дарвинизм поправку, что наряду с борьбой за существование в природе действует *закон сосуществования и солидарности*. Самой общей, специфически социальной формой жизни ученый считал принцип кооперации, добровольное или вынужденное объединение людей для достижения общей цели, который «совершенно отличен и противоположен принципу борьбы за существование, насколько этот принцип сам отличается от более общего принципа – ньютоновского закона всеобщего тяготения» [1, с. 50].

Подчеркнув таким образом отрицательное отношение к попыткам биологизации общественной жизни, Л. И. Мечников, однако, считал, что между эволюцией органической и социальной жизни имеются определенные совпадения, то есть социальный прогресс отчасти повторяет отдельные стадии эволюции, через которые прошли организмы, только не на основе борьбы, а на основе кооперации объединенного труда. В начальной стадии среди первичных многоклеточных организмов эта кооперация носит механи-

ческий характер, на более высокой ступени происходит дифференциация особей, которая превращается в физиологическую необходимость, наконец, на высшей стадии отношения между животными становятся более свободными и добровольными.

Почти таким же образом происходит социальный прогресс, представляющий рост и совершенствование различных форм кооперации, в которых сначала общественные связи устанавливаются принудительно (чисто механически), затем, сближаясь и становясь все более тесными, они в конце концов неизбежно выливаются в форму «свободного союза». В то же время Л. И. Мечников был убежден, что общество, в отличие от природы, гораздо более сложный организм, представляющий из себя совокупность общественных идей, открытий, изобретений, степень развития промышленности, состояние общественных учреждений и развития социального строя в целом.

Л. И. Мечников принадлежал к географическому направлению в социологии и полагал, что различие исторических судеб народов должно быть поставлено в непосредственную зависимость от свойств географической среды. Однако в отличие других представителей географического школы, игнорировавших то обстоятельство, что человек, как общественное существо, в гораздо большей степени формируется под влиянием социальной среды, нежели под прямым воздействием природы, русский ученый видел проблему взаимодействия природы и общества гораздо шире и глубже. Глубина понимания Л. И. Мечниковым проблемы взаимоотношения природы и общества заключалась в методологических принципах его геосоциологии. Особенность его концепции состояла в признании *равнозначности* двух начал в объяснении социальных процессов – природно-географического и собственно социального. В этом концепция

Л. И. Мечникова существенно отличалась от концепции географического детерминизма, признающей основополагающим началом общественного развития принцип первичности природно-географической среды.

Задачи, связанные с решением проблемы взаимодействия природы и общества, поиск ответов на них образуют наиболее оригинальную часть геосоциологии Л. И. Мечникова. Он делал особый акцент на том, что «мы далеки от географического фатализма, в котором упрекают теорию о влиянии среды. По моему мнению, причину возникновения и характер первобытных учреждений и их последующей эволюции следует искать не в самой среде, а в соотношения между средой и способностью населяющих данную среду людей к кооперации и солидарности» [1, с. 69]. Тем самым ученый не ограничивался утверждением, что природная среда влияет на общество, а шел дальше, пытаясь обнаружить механизм взаимодействия между обществом и природой. Он понимал, что «в сравнении с быстротой исторических событий почвенные и климатические изменения происходят невероятно медленно» [1, с. 143]. Поэтому ставить общественный прогресс в прямую зависимость от изменений природно-климатической среды было бы, по его мнению, непростительной ошибкой.

Он считал что, «историческая ценность той или другой географической среды, предполагая даже, что она в физическом отношении при всех обстоятельствах остается неизменяемой, тем не менее, бывает различна в разные исторические эпохи, смотря по степени способности обитателей к добровольному солидарно-кооперативному труду» [1, с. 69]. Следовательно, принимается ли во внимание изменение природных условий или они берутся за неизменную величину, все равно суть вопроса сводится не к влиянию географической среды, а в каких

формах эта среда ассимилируется человеком посредством трудовой деятельности.

Другими словами, ученый был убежден, что именно труд изменяет лицо общества, а географическая среда либо способствует развитию общества, либо тормозит его. Эти два фактора – географическая среда и способность людей к приспособлению через организацию коллективного труда – «являются элементами изменчивыми, откуда неопровержимо вытекает, что исторические судьбы народов, живущих в каких-либо странах, должны постоянно меняться» [1, с. 184]. Рассматривая общественный прогресс на протяжении всего исторического пути, пройденного человечеством, он видит доказательство существования прогресса в усовершенствовании техники, дающей колоссальный рост человеческой мощи, гигантский рост власти человека над силами природы. Несомненным доказательством реального существования прогресса в истории является «непрерывная эволюция социальной связи между людьми и факт нарастания общечеловеческой солидарности» [1, с. 42].

Анализируя влияние физико-географической среды, Л. И. Мечников попытался найти общую синтетическую формулу, которая «во всякой стране является выражением живого синтеза, всей совокупности физико-географических условий: климата, почвы, рельефа земной поверхности, геологического строения земной поверхности» [1, с. 61] и которую он определил в единстве водного фактора (реки, моря, океаны). Исследование роли гидрологического фактора в истории возникновения цивилизации ученый начинает с указания, что случайное, на первый взгляд, передвижение цивилизации из одной страны в другую в разные эпохи, изменение в течение истории культурных ценностей различных географических областей, в действительности является строго закономерным и подчиненным порядку.

Географическая среда эволюционирует во времени и расширяется вместе с прогрессом цивилизации. Ограниченная в начале исторического периода не особенно обширными бассейнами больших рек, эта среда в известный момент охватывает побережья внутренних морей, а затем распространяется на океаны. Эта закономерность проявляется в том, что цивилизации впервые возникают в бассейнах великих рек, затем, расширяясь, сосредотачиваются вокруг средиземноморских бассейнов и, наконец, выходят на простор океанов, охватывая обширные океанические побережья. Исходя из этого, Л. И. Мечников разделил историю развития цивилизации на три периода. Первый период ученый относил к древним векам и называл его «речными цивилизациями». На основе собранного материала по истории древневосточных культур он постулировал, что именно «великие исторические реки» стали главной причиной зарождения и развития первых цивилизаций древности. С первых шагов цивилизации великие исторические реки Нил, Тигр и Евфрат, Инд и Ганг, Хуанхэ и Янцзы «наложили на жителей, населявших берега этих рек, своего рода ярмо исторической необходимости: народы, обитавшие в бассейнах этих рек, самими физико-географическими условиями были сразу прочно привязаны к цивилизации и прогрессу» [1, с. 339]. Со вторым периодом формирования цивилизации ученый связывал Средневековье, назвав этот период «средиземноморским». Период охватывает двадцать пять веков – с основания Карфагена до Карла Великого – и подразделяется, в свою очередь, на две эпохи. Эпоху Средиземного моря, представленную крупными олигархическими государствами Карфагена, Финикии, Греции, Рима. С выходом на морское пространство начинается вторая эпоха, когда, кроме Средиземного моря, в орбиту цивилизации втягиваются Черное, Балтийское и Северное моря

с впадающими в них крупнейшими реками Европы – Дунаем, Днепром, Даугавой, Неманом, Вислой, Одером, Эльбой, Рейном.

Третий период истории цивилизаций Л. И. Мечников относит к Новому времени и определяет его как «океанический». Он характеризуется заметным доминированием западноевропейских государств, лежащих на побережье Атлантики. В данный период радикально расширяются возможности человечества и разные континенты Земли связываются в единую хозяйственную систему. В этом периоде также выделяются две эпохи: атлантическая, связанная с открытием Америки, освоением Аляски, русской колонизацией берегов Амура, открытием для европейцев портов Японии и Китая – словом, со всем тем, что принято сейчас называть эпохой великих географических открытий; и эпоха всемирная – по сути, только зарождающаяся в наши дни. Подобно Г. Боклю, задумавшему написать историю человечества, но по причине слабого здоровья ограничившемуся «Историей Англии», Л. И. Мечников сознавал, дописывая книгу уже тяжело больным человеком, что ему совершенно не остается времени подробно, в деталях рассмотреть социально-политическую картину двух последних периодов – средиземноморского и океанического. Поэтому во всей полноте им был проанализирован только первый – «речной период» развития цивилизации, которому он посвятил большую часть своей книги, в полном соответствии с ее названием.

Историческое значение великих рек заключается не в их гигантских размерах, силе и мощи, а в том, что они обладают одной характерной чертой – превращать орошаемые области либо в плодородные долины, либо в «заразные болота, усеянные трупками бесчисленных жертв». Чтобы выжить в условиях специфической географической среды этих рек, были необходимы общие усилия и старания прибрежного населения. Зависи-

мость земледелия от разливов рек, необходимость сооружения сложных ирригационных сооружений и управления ими толкало людей на путь кооперации, так как исключительная по своему характеру речная среда могла быть обращена на пользу человека лишь коллективным, сурово дисциплинированным трудом больших масс людей.

Л. И. Мечников считал, что именно суровая необходимость, продиктованная условиями географической среды, привела к возникновению древнейших речных цивилизаций. Тем самым, важное отличие геосоциологической концепции Л. И. Мечникова от воззрений традиционной географической школы (географического детерминизма) состояло во введении и обосновании следующих методологических принципов:

1. Социальный прогресс является закономерным продолжением и высшим этапом биологической эволюции.

2. На социальной стадии развития включаются новые закономерности эволюции – собственно социальные, – так что движущие силы развития общества не сводимы к закономерностям биологической эволюции.

3. Наряду с борьбой за существование (естественный отбор) важной детерминантой эволюционного развития является также способность к кооперации и солидарности, которая на разных стадиях эволюции выступает в различных формах.

4. В человеческом сообществе кооперация и солидарность проявляются, прежде всего, в способности к коллективному, скоординированному и рациональному труду на пользу всех индивидов.

5. Географическая среда неоднородна. Ее роль проявляется в том, что она либо об-

легчает и способствует кооперированной трудовой человеческой деятельности, либо затрудняет ее.

6. Цивилизация как раз и имела начало в местностях протекания великих исторических рек, так как географические условия в этих местностях наиболее благоприятствовали коллективному человеческому труду.

7. Цивилизация формировалась в три этапа по мере продвижения от русел великих исторических рек к океану: исторические реки, Средиземноморье, берега океанов. С выходом к океанам цивилизация приобретает общепланетарный характер, так как освоение океанских просторов способствует объединению всего планетарного человечества в единое цивилизационное целое.

Главное, что характеризует геосоциологическую концепцию Л. И. Мечникова, – это органический и взаимосвязанный учет природно-климатических и географических факторов с факторами внутрисоциальными, обоюдно обуславливающими причины и движущие силы общественного развития. И объединяющим для всех выступает гидрологический фактор. Думается, что при всей эвристичности указанных выше положений концепции Л. И. Мечникова, не во всем с нею можно согласиться. Но основная идея, увязывающая географическую среду существования этносов и народов, прежде всего гидрологического фактора, с социальным строем и особенностями их жизнедеятельности, положенная ученым в основу его геосоциологической концепции, обладает несомненными познавательными потенциями в выявлении условий, причин, путей и закономерностей развития этносов, обществ, культур и человеческой цивилизации в целом.

### Литература

1. Мечников Л. И. Цивилизация и великие исторические реки. – М., 1924. – 461 с.
2. Плеханов Г. В. Соч.: в 24 т. – М.; Пг.: Госиздат, 1923. – Т. 8.

УДК 316.772.4:061.22(1-32)

*П. А. Садовая***К ПРОБЛЕМЕ УЧАСТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ  
ОРГАНИЗАЦИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ,  
СОЦИАЛЬНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Рассматривается роль российских вузов и автономных некоммерческих учреждений (на примере Центра изучения немецкого языка – партнера Института им. Гёте), как социальных организаций, в социальной и культурной интеграции в европейское пространство в условиях вхождения России в Болонский процесс.

**Ключевые слова:** межкультурная коммуникация, социальная и культурная интеграция, социальная организация.

*P. A. Sadovaya***TO A PROBLEM OF PARTICIPATION OF SOCIAL ORGANIZATIONS  
IN INTERCULTURAL COMMUNICATION, SOCIAL  
AND CULTURAL INTEGRATION**

The author analyses a role of Russian universities and autonomous nonprofit organization (e.g. the Goethe Institute) as social organizations in social and cultural integration into Bologna Process of European space.

**Keywords:** intercultural communication, cultural and social integration, social organization.

В период реформирования высшей школы в России и вхождения в Болонский процесс актуализируется проблема исследования высших учебных заведений и культурно-образовательных учреждений как социальных организаций и их роли в социальной и культурной интеграции в европейское пространство [7]. В настоящее время одним из стратегических партнеров России в политике, экономике, культуре, социальных отношениях является Германия. В 2010 г., президент Д. А. Медведев сообщил, что 2011 г. будет объявлен Годом российско-германских научных достижений [11].

В этой связи анализ российско-немецких отношений приобретает научную и практическую значимость. Статья посвящена выявлению *особенностей и механизмов* социальной и культурной интеграции в немецкое культурное пространство слушателей Центра изучения немецкого языка (подструктура Института им. Гете в Кемерово), студентов

Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ) и Кемеровского технологического института пищевой промышленности (КемТИПП), определению их степени мобильности. Все организации расположены в г. Кемерово, Кемеровской области.

Рассматривая историографию вопроса [5; 8; 9], следует отметить, что механизм межэтнических и кросскультурных взаимодействий, сопровождающих мобильность студентов, освещен в недостаточной степени. В целом, оценивая степень изученности темы [9; 12; 13; 14], можно отметить, что вопросы, связанные с проблемами межкультурной коммуникации и интеграции студентов в европейское (частности в германское) культурное пространство, не стали объектом отдельного исследования. В связи с этим, в статье будут рассматриваться Центр изучения немецкого языка г. Кемерово как подструктура Института им. Гете, КемГУКИ и КемТИПП как

социальные организации, ориентированные на формирование межкультурной коммуникации. Особое внимание уделено процессам социальной и культурной интеграции, реализуемым в этих организациях через осуществление межкультурной коммуникации. В статье мы:

1) раскрываем понятия «социальная организация», «межкультурная коммуникация», «социальная интеграция», «культурная интеграция»;

2) рассматриваем формирование российско-немецких связей, определяющих характер межэтнического взаимодействия в г. Кемерово, крупном провинциальном городе РФ;

3) даем характеристику и определяем особенности социальных организаций (Центра изучения немецкого языка, КемГУКИ и КемТИППа) в системе российско-немецких взаимодействий;

4) анализируем механизмы интеграции российских студентов/слушателей в немецкое культурное пространство, определяем степень их мобильности.

Методологической основой исследования стали принципы системного подхода. Социальные организации (Центр изучения немецкого языка, КемГУКИ, КемТИПП) рассматриваются как иерархически соподчиненные социальные системы, в функции которых органически входит формирование в среде преподавателей и студентов межкультурной коммуникации. Интеграция российских студентов/слушателей в немецкое культурное пространство, как процесс, определяется носителями немецкой культуры (сотрудниками Института им. Гете). Нами был проведен анализ и синтез уже имеющихся в научной социологической и исторической литературе разработок по тематике социальных организаций, межкультурной коммуникации, социальной и культурной интеграции [8; 14]. Это позволило определиться с дефинициями и сложившимися подходами

анализа, были выявлены направленность и общие тенденции формирования российско-немецких связей. На втором этапе была выявлена общая направленность деятельности социальных организаций межкультурной коммуникации и сформировавшихся механизмов интеграции российских студентов в немецкое культурное пространство. При исследовании социальных организаций применялся метод включенного наблюдения, анализ документов учреждений, структурно-функциональный, компаративный методы. Анкетный опрос [3; 4] позволил выявить степень интегрированности слушателей в процесс коммуникации, а также механизмы интеграции студентов/слушателей в немецкое культурное пространство. В опросе приняли участие слушатели Центра изучения немецкого языка курсов «А 1.1» (начальный уровень) и «В 2.1» (высокий уровень знания немецкого языка), также были опрошены группы студентов КемГУКИ и КемТИППа. В КемГУКИ были опрошены посетители форума «Россия – Германия: мост культур» – студенты 1–3-го курсов институтов хореографии, музыки, визуальных искусств, социально-культурных технологий и сотрудники университета.

Общее число респондентов – 100. Помимо этого были проведены интервью с языковыми практикантами и ассистентами Института им. Гете, командированными в г. Кемерово из ФРГ.

Благодаря комплексному подходу было определено место Центра изучения немецкого языка, КемГУКИ и КемТИППа в системе межкультурной коммуникации, проанализированы механизмы интеграции российских студентов/слушателей в немецкое культурное пространство, определена степень их мобильности.

Формирование межкультурной коммуникации и социально-культурной интеграции студентов/слушателей в европейское

культурное пространство в условиях глобализации характеризуется расширением стран-участников Болонского процесса. Определяющее место в этом процессе занимают социальные организации, функциями которых являются налаживание устойчивых связей и координация мобильности студентов, аспирантов, ученых на международном уровне. Такими организациями являются Институт им. Гете, Германская служба академических обменов DAAD, различные стипендиальные фонды, предоставляющие исследовательские гранты. Немаловажную роль играет и система региональных университетов, ориентированных на формирование международных связей на договорной основе или участие в реализуемых международных программах. Подобные социальные организации имеют большое значение для укрепления и развития российско-немецких отношений.

В настоящее время значительную роль в установлении российско-немецких связей в различных областях знания отводится социальным организациям. Для отражения механизма формирования системы российско-немецких межкультурных коммуникаций на региональном уровне, как уже отмечалось выше, была рассмотрена деятельность таких социальных организаций, как Институт им. Гёте, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, Кемеровский технологический институт пищевой промышленности. Лидирующей организацией в формировании межкультурных коммуникаций выступает Институт им. Гёте – германская неправительственная организация, задачей которой является популяризация немецкого языка за рубежом и содействие международному культурному сотрудничеству. Это автономная сетевая организация, характеризующаяся дивизиональной организационной структурой (рис. 1).



Рис. 1. Структура Института им. Гете в России

Институт им. Гете можно рассматривать и как социальную организацию, целью которой является усиление межкультурной коммуникации путем популяризации немецкого языка и культуры за пределами Федеративной Республики Германии. Для реализации этой цели по всему миру создаются такие представительские организации Института им. Гете, как Немецкие культурные центры им. Гете, Центры изучения немецкого языка, с которыми ежегодно подписываются договоры о сотрудничестве, в рамках которых деятельность таких организаций осуществляется по программам Института им. Гете и должна отвечать его стандартам. Основными видами межкультурной коммуникации являются реализация международных культурных проектов, межэтническая коммуникация.

Кроме Института им. Гете в межкультурной коммуникации участвуют и другие организации: зарубежные и отечественные фонды, службы академических обменов, высшие учебные заведения.

В отличие от Института им. Гете фонды и службы академических обменов осуществляют финансирование исследовательских проектов на конкурсной основе. Многие из немецких фондов, например фонд им. Г. Бёлля

или фонд им. А. фон Гумбольдта, ориентированы на воздействие на систему общественных отношений и развитие общества. Это проявляется в том, что во время совместной работы над проектами в будущем управленческие кадры, путем сотрудничества, закладывается новая система знаний, которая, как предполагается, будет воспроизводиться в процессе принятия управленческих решений. В результате этого подхода, в ходе обучения в Германии, стипендиат перенимает определенную систему ценностей, ориентированную на повышение эффективности фирмы будущего работодателя. Восприняв эту систему ценностей в повседневном стремлении улучшить условия работы, как свои, так и своих сотрудников, участник межкультурной коммуникации объективно переносит ее на российскую действительность [2; 1].

Для получения немецких грантов соискатели должны обладать высоким уровнем языковой подготовки, поэтому многие фонды требуют подтверждения знаний языка сертификатами сдачи экзаменов по немецкому языку международного уровня. Эти стандарты диктует Институт им. Гете. Например, для получения любой стипендии DAAD (на обучение, для поступления в аспирантуру, на проведение исследований) соискатель *обязан* сдать соответствующий экзамен в Институте им. Гете.

Целью ряда российских исследовательских фондов является привлечение внимания к отдельным проблемам, свойственным России, и создание международных проектов по их решению.

Определенную роль в межкультурной коммуникации, социальной и культурной интеграции играют вузы. Так, два из ведущих вузов Кемеровской области, КемГУКИ и КемТИПП, имеют как общие черты, так и различия в решении этих задач. На основе анализа уставов вузов мы пришли к выводу, что эти образовательные учреждения имеют линейно-функциональную организаци-

онную структуру, их целью является предоставление возможности получения высшего образования [15; 16]. Различие заключается в том, что КемГУКИ направлен на межкультурную коммуникацию, в числе приоритетных направлений которой – расширение и укрепление международных связей с Германией путем проведения конференций, круглых столов, презентаций, арт-проектов [10]. В основном организацией и проведением презентаций немецких фондов и академических служб занимается НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций. Примерами его деятельности являются организация таких мероприятий, как фотовыставка «Местное время» немецкого фотографа Штефана Коппелькама (декабрь 2009 – февраль 2010), презентация Фонда имени Фридриха Эберта (июнь 2010), форум «Россия – Германия: мост культур». Кроме работы НИИ толерантности и межкультурных коммуникаций, необходимо отметить сотрудничество художественно-творческого отдела Кемеровского государственного университета культуры и искусств и Российско-немецкого дома (Новосибирск), в рамках которого осуществляется реализация совместных культурных мероприятий.

Интеграция в систему российско-немецких связей данной организации происходит, в том числе, и на основе опыта, полученного в Институте им. Гете, а именно при сотрудничестве с Центром изучения немецкого языка. Так, НИИ толерантности и межкультурных коммуникации совместно с Центром изучения немецкого языка (г. Кемерово) осуществил несколько проектов. КемТИПП больше ориентирован на внешнеэкономическую деятельность, как форму межкультурной коммуникации; сведений о связях с немецкими организациями не выявлено.

Анализ нормативно-правовой документации учреждений показал, что Институт им. Гете, Кемеровский государственный университет культуры и искусств, Кемеровский

технологический институт пищевой промышленности можно рассматривать как социальные организации. В рамках каждого из них можно выделить ряд структурных единиц (Центры изучения немецкого языка, НИИ, учебно-практические лаборатории), которые подчиняются общей цели: предоставление образовательных услуг. Для реализации этих целей создается соответствующая материальная база.

Социальные организации взаимодействуют друг с другом путем установления оптимальных связей, происходит процесс социальной интеграции. В случае взаимодействия социальных институтов и социальных организаций, находящихся в разных странах, речь идет о нахождении культурных сходств и различий в рамках социальной интеграции, принятии социальными группами данных культурных сходств и различий. Адаптация к ним приводит к культурной интеграции индивидов.

Институт им. Гете является организацией, направленной на достижение *максимально легкой интеграции своих слушателей в немецкое культурное пространство* (рис. 2). Для реализации данной задачи во всех структурных подразделениях Института организуются культурно-просветительские проекты, знакомящие слушателей с особенностями немецкой культуры и организующие просветительские поездки в Германию.

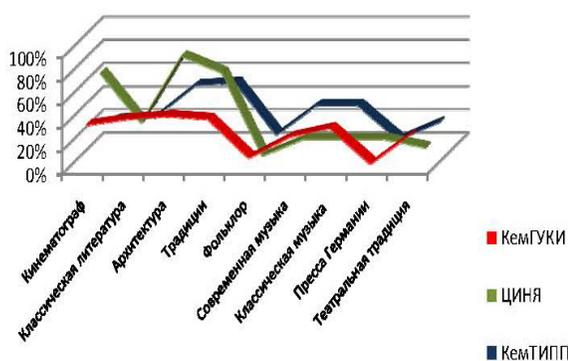


Рис. 2. Наиболее интересные элементы немецкой культуры для респондентов

Обучение немецкому языку ведется под руководством языковых ассистентов, которые являются носителями немецкой культуры. Таким образом, деятельность Института направлена на максимально углубленное изучение слушателями немецкого языка и культуры, предоставление информации о формах академической мобильности, что существенно облегчает для участников процесса социальную и культурную интеграцию в инокультурную среду.

*Основным механизмом интеграции в немецкое культурное пространство* студентов КемГУКИ является *ознакомление студентов с особенностями немецкой культуры во время изучения общеобразовательных и факультативных дисциплин*. В данном вузе нет углубленной языковой подготовки, но преподаватели также предоставляют информацию о возможностях академической мобильности. В программе курсов Кемеровского технологического института пищевой промышленности нет дисциплин ни культурологической, ни языковой направленности.

Для выявления механизма интеграции студентов в немецкое культурное пространство и степени академической мобильности нами было проведено социологическое исследование, которое подтвердило, что наиболее высокий уровень социальной и культурной интеграции, а также академической мобильности характерен для слушателей Центра изучения немецкого языка: у них достаточно высокая самооценка знаний немецкого языка и культуры, они ознакомились с возможностями получения образования и повышения квалификации в Германии. Большая часть группы намерены воспользоваться ими в дальнейшем. Источники знаний о немецкой культуре отражены на гистограмме (рис. 3). Следует отметить, что в данной группе респондентов самая большая доля людей, планирующих выбор Германии как

постоянного места жительства. Как и предполагалось, для нее присущ высокий уровень социально-культурной интеграции и академической мобильности.

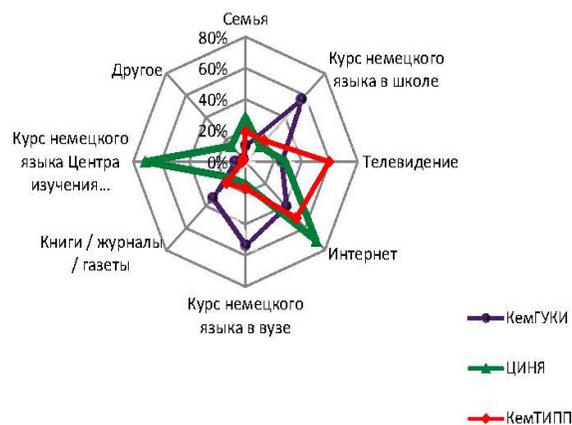


Рис. 3. Источники знаний о немецкой культуре

Среди студентов КемГУКИ характерна меньшая уверенность в знаниях немецкого языка и культуры, но многие планируют его изучение в дальнейшем для получения дополнительного образования и повышения квалификации в Германии и с уверенностью называют вузы, где они хотели бы учиться. Миграция не входит в планы большей части группы. То есть можно говорить о среднем уровне социально-культурной интеграции и академической мобильности.

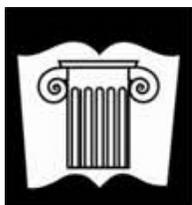
Студенты КемТИППа совсем не уверены в знаниях немецкого языка и культуры, не знают о возможности получения образования и повышения квалификации в Германии. Несмотря на это, как, впрочем, и на то, что изучение немецкого языка не входит в их планы, они хотели бы получить образование в Германии и почти половина группы предпочитает ее как место постоянного жительства. Для данной группы характерен низкий уровень социально-культурной интеграции.

Рассмотрев особенности и механизмы социальной и культурной интеграции в немецкое культурное пространство слушателей Центра изучения немецкого языка, студентов КемГУКИ и КемТИППа, степень их мобильности, мы считаем, что наиболее эффективным механизмом социальной и культурной интеграции молодежи г. Кемерово в немецкое пространство, является ее обучение немецкому языку и культуре, реализуемое через социальные организации, сформированные при поддержке Германии (Институт им. Гете и его региональные подструктуры). В системе межкультурной коммуникации, формируемой на региональном уровне, именно немецкая сторона является лидирующей, определяя общую направленность и характер межэтнического взаимодействия между русской и немецкой молодежью.

## Литература

1. Alexander von Humboldt-Stiftung. [Bonn] [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.humboldt-foundation.de/web/start.html>. – Загл. с экрана.
2. Heinrich-Böll-Stiftung. [Berlin] [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.boell.de/>. – Загл. с экрана.
3. Анкета «Региональные социальные организации: участие в межкультурной коммуникации, социальной и культурной интеграции» / разработана П. А. Садовой. – [Б. м.].
4. Программа социологического исследования «Региональные социальные организации: участие в межкультурной коммуникации, социальной и культурной интеграции» / разработана П. А. Садовой. – [Б. м.].
5. Гергель Р. Е. Социология массы Федора Степуна // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 3. – С. 30–39.
6. Гергилов Р. Е. Российская социология в Германии (конец XIX – начало XX века) // СОЦИС. – 2007. – № 5.

7. Домрина Н. Германия и Россия: «Прощай, двадцатый век!» (интервью с Х.-Ф. фон Плётцем) [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. – [М.], 2005. – № 6. – URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/454/> (дата обращения: 02.05.2011). – Загл. с экрана.
8. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации: учеб. пособие. – М.: Дело, 2004. – 400 с.
9. Луман Н. Дифференциация. – М.: Логос, 2006. – 320 с.
10. Международные связи КемГУКИ [Электронный ресурс] // Официальный сайт Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2011. – URL: <http://www.kemguki.ru/index.php> (дата обращения: 10.05.2011). – Загл. с экрана.
11. Медведев: Германия – стратегический партнер [Электронный ресурс] // Актуальные комментарии, 2011. – URL: <http://actualcomment.ru/news/13724/> (дата обращения: 21.05.2011). – Загл. с экрана.
12. Плохотнюк Т. Н. Россия и Германия: пути интеграции (о факторе концепта «обучения без границ») [Электронный ресурс] // Запад – Россия – Кавказ: межвузовский научно-теоретический альманах. [Москва-Ставрополь], 2003. – Вып. 2. – URL: [http://www.history.vuzlib.net/book\\_o064.html](http://www.history.vuzlib.net/book_o064.html). – Загл. с экрана.
13. Россия и Германия: опыт философского диалога. – М.: Медиум, 1993. – 351 с.
14. Социология в России / под ред. В. А. Ядова. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998. – 696 с.
15. Устав Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский технологический институт пищевой промышленности» (новая редакция). Принят на конференции научно-педагогических работников, представителей других категорий работников и обучающихся 13 декабря 2001 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://smk.kemtipp.ru/> (дата обращения: 15.01.2011). – Загл. с экрана.
16. Устав Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Принят конференцией 17.11.2005 г. (протокол №2), утвержден приказом Федерального агентства по культуре и туризму 26.09.2006 г. № 474 [Электронный ресурс]. – С. 28. – URL: <http://www.kemguki.ru> (дата обращения: 15.01.2011). – Загл. с экрана.



# КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 008.009:39

*А. Г. Миненко*

## ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА И ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА

В статье ставится задача выявления концептуальных оснований различных подходов к исследованию национального характера русских. Обосновывается приоритетное значение системного и историко-генетического методов изучения национального характера, анализируются имеющиеся их научные разработки. Предлагается в системном ключе этапное видение развития русского характера.

**Ключевые слова:** адаптация, генезис, гомеостазис, национальный характер, православие, развитие, система, трансформация.

*A. G. Minenko*

## THE PROBLEM OF THE GENESIS AND DEVELOPMENT STAGES OF THE RUSSIAN NATIONAL CHARACTER

The article seeks to identify the conceptual foundations of various approaches to the study of Russian national character. It substantiates the priority of the historical-genetic method of studying the national character, analyzes the existing researches. It proposes the landmark vision of the Russian character in the system key.

**Keywords:** adaptation, genesis, homeostasis, national character, orthodoxy, development, system, transformation.

В академическом определении под национальным характером понимаются собственные этническим или национальным группам доминирующие паттерны внешнего поведения, а также общие глубинные психологические механизмы [1, с. 23]. Фактически все современные определения национального характера так или иначе восходят к идеям европейской «психологии народов» второй половины XIX в. Начало разработке этого направления исследований было положено в Германии М. Лацарусом (1824–1903) и Х. Штейнталем (1821–1899), которые стали издавать с 1859 г. «Журнал психологии народов и языкознания». Согласно их позиции, «воздействие телесных влияний на душу вы-

зывает известные склонности, тенденции, предрасположения, свойства духа, одинаковые у всех индивидов, вследствие чего все они обладают одним и тем же народным духом» [2, с. 114–115]. Главным недостатком этой позиции явилось то, что она предполагала использование данных, полученных при изучении психологии индивидов, для формулировки законов, объясняющих поведение и культуру больших масс народонаселения. Поэтому тезис о тождестве индивидуальной и социально-групповой психологии был решительно отвергнут ближайшими последователями, которые в целом с энтузиазмом восприняли идею развития национальной характерологии – В. Вундтом, Г. Лебоном,

А. Фулье и др. Несмотря на это, в американской и британской культурной антропологии XX в., в таких направлениях, как «культура-и-личность», исследования национального характера (1930–1960-е гг.), этот методологический принцип, благодаря обращению к глубинной психологии З. Фрейда, активно использовался, создано на его основе немало работ, но все же окончательно он был признан ведущими представителями психологической антропологии тупиковым к началу 1960-х годов (см. [3, с. 33–63, 113–154]).

Другое направление – это параллельное развитие исследований национального характера, связанное с поиском таких проявлений «коллективной души», которые позволяли бы заключать о наличии надиндивидуальных психических феноменов, обладающих самостоятельным статусом и механизмами возникновения в сравнении с феноменами индивидуальной психики членов социальной группы (народа, нации). Например, немецкий философ и основатель научной психологии В. Вундт (1832–1920) ясно определил свое понимание предметного поля психологии народов, задача которой, с его точки зрения, состоит в анализе особенностей *языка, мифов, обычаев* различных культур с целью выяснения их роли в функционировании «народного духа» [4, с. 225].

Нам представляется, что одним из первых ученых, предложивших выход из методологического тупика, в котором оказалось изучение национального характера, явился русский философ и социолог П. А. Сорокин (1889–1968). В написанной в 1960-е гг. работе «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» он ясно определяет слабость исследований национального характера в психологической антропологии, которую видит в отрицании глубоких различий между простой совокупностью индивидов и сложными социальными и культурными системами. Отсюда вытекает тезис о невозможности пере-

носа результатов исследования произвольной выборки представителей определенных групп на этническую составляющую социокультурной системы в целом [5, с. 465].

Ключевое понятие в позиции П. А. Сорокина – «система». Он указывает на сложное иерархическое строение такой системы, как нация, четко отличает нацию от государства и этнических групп. Это позволяет ему дать определение русской нации, которое в настоящее время звучит резким диссонансом в силу принятой в 1990-е гг. идеи «нации-гражданства»: «Русская нация состоит из трех основных ветвей русского народа – великороссов, украинцев и белорусов, а также из русифицированных или ассимилированных этнических групп, вошедших в состав дореволюционной Российской империи и современного Советского Союза. Все другие нерусские этнические или территориальные группы, которые входили или входят в состав Российского или Советского государства, не принадлежали и не принадлежат к русской нации» [5, с. 469].

Как же возникают значимые черты русской нации, или ее национальный характер? Ответ формулируется строго в русле системных представлений о том, что свойства всякой системы отличаются от свойств ее структурных компонентов, взятых как в отдельности, так и суммарно. Соответственно, основные черты нации «диагностируются» на основе объективных и исторически проверяемых фактов при условии ее рассмотрения как целостной системы со специфическими структурными и динамическими чертами, изменяющимися на протяжении ее исторического развития. К числу главных черт он относит «сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации, а также необычайное территориальное, де-

мографическое, политическое, социальное и культурное развитие в течение ее исторической жизни» [5, с. 472].

Черты эти, конечно, взяты им по разным основаниям. Например, территориальное расширение не есть черта характера, а скорее факт, свидетельствующий о жизнеспособности русской нации, выражающейся в этой территориальной экспансии. Но важен общий принцип, который можно считать действительно фундаментальной методологической установкой. Черты национального характера формируются и закрепляются не по предопределенности функционирования генетической программы, или реализации Божественного плана, замысла Бога о нации, как считал В. С. Соловьев, а прижизненно, в естественноисторическом процессе бытия нации, цель которого состоит в самосохранении и воспроизводстве себя как целого.

П. А. Сорокин заявил принцип системного подхода к нации и национальному характеру лишь в общем плане, но параллельно в США формировалось подобное представление о культурно-эволюционном процессе – более развернутое в системном отношении. Речь идет о концепции развития культурных систем американского культурантрополога Л. Уайта (1900–1975). Как известно, Уайт является автором идеи создания самостоятельной интегративной науки о культуре – культурологии, которую он обосновал в работе под названием «Наука о культуре (1949). В ней же он вводит представление о системном устройстве культуры, позднее получившее законченное выражение в итоговой работе «Концепция культурных систем» (1975) (см. [6]). Культуру Уайт рассматривает как средство осуществления жизненного процесса особого вида, *Homo sapiens* [7, с. 392]. В другом месте добавляет: культура – это «...механизм, который определенный вид животных – человек – использует в борьбе за выживание и существование» (цит. по [8, с. 234]).

Причем средство или механизм небиологической природы.

Мы не будем заниматься подробным анализом построений Л. Уайта, это уже делалось неоднократно. Отметим лишь, что Уайт четко различал культурную систему как абстрактный объект, в котором она моделируется как способ видовой адаптации рода «человек», и реальные культурные системы, основными историческими видами которых он считал племя и нацию. При этом нация явно отождествлялась им с этносом (народом, народностью), поскольку ее появление Уайт синхронизировал с зарождением аграрной экономики. Кроме того, культура выступает у него макросистемой, поскольку общество, социум с его социальными, экономическими и т. п. отношениями является лишь одной из подсистем культуры, наряду с технологической и идеологической подсистемами. И здесь нужно сделать одно полезное уточнение. Л. Уайт говорит о системе культуры, а П. А. Сорокин употребляет понятие «социокультурная система». В контексте обсуждаемой нами темы последнее более уместно. В подтверждение такого выбора можно обратиться к системно-деятельностной концепции культуры М. С. Кагана, в которой предметная, персонологическая и деятельностная модальности культуры, основанные на механизмах опредмечивания и распредмечивания культурной субстанции, связываются воедино деятельностью как социальным феноменом (см. [9, с. 36–54, 95–110]).

Базовые скрепы системной концепции культуры Уайта – понятия *адаптации* и *гомеостаза*. В настоящее время эта концепция воспринята и фундаментально развивается в российской культурологии, пожалуй, лишь Ю. С. Осокиным. Он отмечает, что культура есть сложная гомеостатическая система внебиологической природы, которая содержит совокупный опыт видového существования человека и обеспечивает накопление, воспроизводство и развитие видовых признаков

самого человека, а также относится к классу квазиживых адаптивных систем [8, с. 109]. Как и у всякой живой системы, ее цель состоит, прежде всего, в самосохранении посредством адаптации к среде. Самосохранение невозможно без достижения гомеостаза, под которым в естественных науках понимается свойство организма (или системы) удерживать свои характеристики в допустимых для его существования пределах – «внутренний гомеостазис». Кроме того, требуется еще обеспечение уравновешения взаимоотношений системы с внешней средой посредством создания оптимальных условий функционирования – «внешний гомеостазис» [8, с. 234].

Человек, конечно, не только животное, он не адаптируется к природной среде изменением своей анатомо-физиологической конституции, он сам адаптирует среду посредством социальной деятельности. Поэтому верное решение нашел еще в 1967 г. Э. С. Маркарян, выделивший человеческое общество в особый класс – адаптивно-адаптирующих систем, в отличие от преимущественно адаптивных животво-биологических (см. [10, с. 76–85]). Но это не отменяет того обстоятельства, что поскольку объективно задаваемая биосферой цель социальных систем остается прежней – достижение внутреннего и внешнего равновесия (гомеостаза), то первичной остается адаптация, в которой активное приспособление среды к своим потребностям выступает не целью, а лишь средством.

Мы полагаем, что русский национальный характер наиболее адекватно можно интерпретировать и объяснить на основе системных представлений о культуре. Русский характер, как и характер любой другой нации, формируется в процессе решения возникающих задач выживания социокультурной системы, репрезентируется в различных социально-психологических и поведенческих феноменах и выступает как качество, выполняющее специфическую функ-

цию преодоления возникающих «вызовов» (А. Тойнби) системе в целом. Системную природу можно считать первым значимым параметром национального характера, в том числе – русского.

С этим связана и феноменология национального характера. Как интегративный элемент большой социальной группы, характер представляет ее целостный срез. Поэтому при всем многообразии источников его изучения необходимо определить, где нужно искать проявления этой целостной реакции национального характера. Таковыми можно считать в первую очередь *волевые* проявления нации, о которых фактически свидетельствует и проведенный П. И. Сорокиным анализ черт русского характера. Волевые черты национальной характерологии акцентировали раньше также представители направления «психологии народов» второй половины XIX в. – Г. Лебон и А. Фулье (см. [11, с. 24 и др.]), только в современных дискуссиях о русском характере эта тема оказалась основательно забытой. Характер, так же как и менталитет, относится к наименее осознаваемым элементам психического склада наций, не представленным наблюдателю непосредственно. Поэтому сила и направления воли этносов и наций могут «диагностироваться» только по поведенческим проявлениям. Отсюда и источники постижения национального характера: это направления воли народа в повседневной борьбе за жизнь, которая отливается в культурно санкционируемые формы его *нравов* и *обычаев*, фиксируемых и передаваемых последующим поколениям в артефактах культурной памяти народа.

Второй важнейший параметр национального характера, наряду с системной природой, это *историчность* и, соответственно, его проявление в волевых реакциях народа уже не в повседневности, а в экстремальных, «пограничных» ситуациях, о которых свидетельствуют главные, отлагающиеся в его

совокупной памяти события исторического бытия, которые и выступают источником его изучения. В исследовательском плане момент историчности национального характера не менее важен, чем его системность. Он принципиально заявлен и использован уже в конце XIX в. в сочинении А. Фулье «Психология французского народа» [11, с. 16]. Но на исследования национального характера в XX столетии он повлиял, скорее, через популярный в России труд немецкого социал-демократа О. Бауэра «Социальный вопрос и социал-демократия», вышедший в русском переводе в 1909 г. Одна из наиболее значимых в нем тем – национальный характер, который понимается им не как совокупность всех физических и нравственных качеств нации, а как «особенности в направлении воли», выражающиеся в разных, зачастую противоположных, реакциях наций на одинаковые факторы [12, с. 115]. Историчность национального характера состоит в том, что он, по словам автора, есть «осадок истории данной нации <...> осадок судьбы предшествовавших поколений» [12, с. 20, 126].

История крупных народов, имеющих более чем тысячелетний период существования, не является плоско-эволюционной. Она имеет свою неровную динамику и этапность. Понятие культурной (социокультурной) динамики связано с понятием «изменения культуры», но не тождественно ему. По степени общности эти понятия, отображающие процессуальность и изменчивость социума и культуры, верно выстроены Ю. В. Осокиным. Наиболее общим у него является понятие «культурный процесс», охватывающее как воспроизводство наличного состояния социокультурной системы во времени, так и ее изменения, в том числе в крупных масштабах – трансформации. Последние и образуют «материю» культурной динамики. В настоящее время под культурной динамикой понимаются «изменения внутри культуры и во взаимодействии

культур, для которых характерна целостность, наличие упорядоченных тенденций, а также направленный характер» [13, с. 99]. Авторских вариантов определения типов культурной динамики – множество. Общепризнанным является выделение линейно-поступательного типа социально-культурной динамики, который получил исследовательскую интерпретацию в теориях прогресса XVIII–XIX столетий, а также в социально-эволюционистских концепциях второй половины XIX в. – у Г. Спенсера, Л. Г. Моргана, Э. Тайлора. Циклический тип динамики общества и культуры систематический характер принял в трудах итальянского мыслителя Дж. Вико (1668–1744). Популярна идея об особом русском типе социокультурной динамики, введенная в 1990-е годы А. С. Ахиезером, – об инверсионном развитии (см. [13, с. 100]).

Нельзя не отметить принципиальное пояснение Ю. В. Осокина, что термин «культурная динамика» характеризует именно адаптационную сторону реализуемых в системе культуры процессов социокультурного гомеостазиса [8, с. 124]. Динамика определяется тем, что цель самосохранения «заставляет» систему в случае угрозы выхода из параметров, обеспечивающих ее жизнеспособность, существенно трансформироваться, чтобы не погибнуть. Каждая крупная трансформация, несмотря на преемственность нового состояния системы в сравнении с прежним, фактически порождает иной тип социокультурной системы. Это заставляет обратиться к исторической типологии культур. Типология неразрывна с историософскими концепциями культурно-исторического процесса, весьма многообразными и фактически научно недоказуемыми, как и неопровержимыми (см. [8, с. 306–320]).

Относительно русской истории популярна идея Н. А. Бердяева о ее неорганичности, резких разрывах между разными этапами, нарушениями преемственности, катастро-

физме. В «Русской идее» он выделяет пять периодов или «образов» России: Россия киевская, Россия времен татарского ига, московская, петровская, советская. И возможно появление новой России, по-современному – постсоветской [14, с. 15]. Однако при рассмотрении заявленной темы мы будем основываться на типологии А. Я. Флиера – более удобной для нашей цели и вполне аргументированной. В соответствии с российской научной традицией им выделяются следующие типологические периоды: Киевская Русь (с конца X по конец XIII в.), Московская Русь (с начала XIV **о конец XVII в.**), имперская Россия (с начала XVIII в. по сей день) (см. [15]). Включая эту типологию в контекст введенных понятий, отметим, что на каждом из этих этапов преемственно формировалась и функционировала специфическая социокультурная система, решавшая задачи самосохранения и развития страны. Русский национальный характер, как одна из ее подсистем, испытывает соответствующие трансформации, обеспечивая «ответы» на предъявляемые внешней средой внутренними процессами «вызовы» системе. С этой точки зрения, русский характер – реальность «текущая», поэтому непродуктивны попытки составить некие формальные перечни его базовых вневременных черт. Возможно, они полезны с точки зрения актуализации национального самосознания, но неверны с позиции принципа историзма. В. К. Трофимов, например, обобщая наблюдения русских философов, приводит такие черты русского менталитета, который отождествляется им с национальным характером: сердечное созерцание, безмерность жизненного порыва, стремление к абсолютным ценностям, «мы»-психология, противоречивость, любовь к свободе, национальная стойкость, всечеловеческая толерантность (см. [16]). Еще раньше в работе «Характер русского народа» (1959) Н. О. Лосский представил другой перечень основных черт русского характера – инте-

ресный прецедент проявления национального самосознания в условиях эмиграции, но столь же неисторичный. Увы! Ни одна из черт русского характера не является уникальной, «все есть у всех». Даже знаменитая противоречивость русской души, ее антиномичность, о которой много и увлекательно писал Н. А. Бердяев, совсем не уникальна. За три десятка лет до него совершенно то же самое писал А. Фулье о французском характере.

Абстрактный выход из методологической трудности, связанной с задачей упорядочения эмпирических наблюдений над русским характером, в общем-то, лежит на поверхности. Он состоит в том, что уникален не набор черт национального характера, а их конфигурация, соотношение, порядок. И об этом уже писали, в частности Д. С. Лихачев. Но здесь как раз и возникает вопрос, на который нет ответа: чем же определяются эти конфигурации и почему они столь различны у разных народов? Как уже отмечалось, ответ мы ищем в таких параметрах национального характера, как его системность и историчность.

Принцип историчности по отношению к русскому характеру, на наш взгляд, наиболее глубоко обосновал и использовал русский философ Г. П. Федотов (1886–1951). Но это было столь давно, что требуется актуализация его наследия. Федотов сознательно определяет свой подход к исследованию национального характера, который формировался у него постепенно, как подход исторический (см. [17, с. 178]). Еще в статье 1918 г. Федотов выражает несогласие с изложением данной темы только на основе современности или недавнего прошлого: «Лицо России не может открыться в одном поколении, современном нам. Оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков» [18, с. 44]. Позднее (1927) в работе «На поле Куликовом» он уточняет свой метод, еще более подчеркивая пластичность национального ха-

рактера: «Национальное самосознание есть непрерывно раскрывающийся духовный акт. <...> Самые устойчивые национальные характеристики приходится пересматривать, перестраивать, потому что мы имеем дело с подвижным объектом (курсив автора. – А. М.), с меняющимся образом» [19, с. 102].

Существенное продвижение в смысле четкости формулировок методология Федотова получила в крупной работе «Стихи духовные», вышедшей в свет в 1935 г. Здесь Федотов решительно соглашается с идеей антиномизма, противоречивости русского национального характера, предложенной Н. А. Бердяевым. Пишет: «Формула нации должна быть дуалистична. Лишь внутренняя напряженность полярностей дает развитие, дает движение – необходимое условие всякой живой жизни» [20, с. 12]. Но вместе с тем исторический подход заявлен как основной в постижении «души народа». В историчности национального характера значима его сословно-классовая дифференциация, необходимо учитывать также хронотоп – условия пространства и времени его реализации. Наконец, нельзя не обратить внимание у Федотова на точный образ народной души, которую он считает феноменом «музыкальным». Приведем основную методологическую «формулу» Федотова, которая наиболее точно передает суть его подхода: «Смена культурных форм во времени столь же существенна для национальной жизни, как смена звуков в музыке. Музыкальное произведение необратимо и не дано в существовании элементов. Такова и “душа народа”, которая раскрывается в истории и дана лишь в определенной последовательности исторических форм» [20, с. 12].

Этот подход не просто общетеоретическая установка, он реализован в самой крупной работе Г. П. Федотова о русском национальном характере – «Русский человек» (1938) (см. [17]). Здесь Федотов сравнивает свой метод исторической реконструк-

ции национального характера со снятием, слой за слоем (как с луковицы), культурно-исторических пластов, пока не дойдем до неразложимого ядра. Он прослеживает исторические напластования русского характера, оставленные варяжским, удельно-вечевым и новгородским формациями русской истории. Уделяет большое внимание «московскому человеку», которого рассматривает как самый могучий, устойчивый тип национального характера – «становой хребет России». Отдает дань имперскому человеку, который, с его точки зрения, двойится – «русский европеец», неутомимый строитель Империи, и вечный скиталец, «лишний человек» петербургского периода. Глубокие мысли высказывает Федотов и о трансформации русского характера в советский период первых двух десятилетий его истории.

Совершенно очевидно, что Федотов анализирует не абстрактно выделенные черты русского национального характера, а характерологические типы русского человека как порождение исторически конкретного типа общества и культуры или, по введенной терминологии, социокультурной системы. Таким образом, он снимает часть методологических трудностей, перед которыми стоит современный исследователь. Но нечто важное остается все же нерешенным в трактовке русского характера Г. П. Федотовым. Нам представляется, что это вопрос об основном, неразложимом далее ядре характера русского человека, о «славянской психее» – дохристианской основе народной души, связанной с «первобытной материей русского язычества». По поводу этого ядра и сам автор сомневается: «...найдем ли мы в русском человеке основное, неразложимое ядро? Может быть, вопрос поставлен неправильно?» [17, с. 181]. Федотов не первый, кто поставил этот вопрос, с решением которого связано множество теоретических трудностей. Характеры народов, не только русского, в исторически короткие сроки разительно меня-

лись – вплоть до противоположного. Рекордсменами здесь являются, видимо, русские и немцы, о чем свидетельствует множество наблюдений. Но если это так, если поведенческие проявления иногда явно говорят о радикальной «порче» национального характера, то можно ли «исправиться», возвратившись к этому неизменному, понимаемому как вполне положительное, ядру? Для русских это вопрос не академический.

Первенство в постановке проблемы устойчивого ядра в национальном характере принадлежит несомненно одному из известных представителей «психологии народов», знаменитому и блестящему историку европейской литературы и искусства И. Тэну (1828–1893), начавшему заниматься этим вопросом еще в 1860-е гг. В работе «Об идеале в искусстве» он вводит принцип, от которого впоследствии мало кто мог отказаться и который можно назвать принципом «геологического строения» национального характера. Мысль Тэна состоит в том, что устойчивость или подвижность народных характеров зависит от глубины залегания их пластов, которые он сравнивает с породами в геологии – известняки, мраморы, сланцы, а в глубине – «первобытный гранит, опора всего остального». Соответственно, в характерах народов выделяется подвижная, динамичная часть, в которой отлагаются краткосрочные исторические воздействия, и часть глубинная. Им впервые вводится понятие основного характера, который охватывает весь период существования того или иного народа. Приведем краткую его формулировку самим И. Тэном: «Любой народ, в свою продолжительную жизнь, переходит много... обновлений и все-таки, однако ж, остается самим собой не только в силу преемственности составляющих его поколений, но и в силу устойчивости основного его характера. <...> Это и есть первобытный гранит; он длится во всю жизнь народа и служит основным кряжем для всех позднейших

слоев, которые в последовательные периоды осядут на поверхность» [21, с. 276, 278]. Убедительно аргументировать это теоретически или продемонстрировать «правдоподобие» (И. Лакатос) данной гипотезы на эмпирическом материале до сих пор никому не удалось. Национальный характер не наследуется генетически, и четких механизмов преобразования наследственных программ человека в определенные фенотипические проявления (в том числе относительно характера больших социально-этнических групп) современная биологическая наука не сформулировала. Но это не означает ложности постановки самой проблемы. Мы отмечаем необходимость для исследователя национального характера все время держать ее в поле зрения.

Научное и вненаучное знание о русском национальном характере представляет собой в настоящее время множество его «образов», составленных пытливыми умами и представленными, начиная со времен Н. В. Гоголя, в литературно-художественной, публицистической, историософской и научной формах. И это не считая наблюдений внимательных иностранцев, которые свои впечатления о России и русских выражали в разного рода «Записках», составленных на основе дневниковых записей путешественников, дипломатов, а также лиц, состоявших на государственной службе в России. Они содержат множество сведений о нравах, массовом и индивидуальном поведении русских. Как «взгляд со стороны», изначально сориентированный на сравнение «своего» и «чужого», эти источники содержат в себе богатую информацию о разного рода гетеростереотипах национального характера русских. Особенно обширный перечень таких источников относится к XVI–XVII вв. Кроме того, мы имеем немало тщательно выполненных исследовательских разработок о русском характере и русскости в виде перечней «типичных» национальных черт. Естественным образом воз-

никают вопросы: что с этим делать, кому верить, что принять или отвергнуть, и вообще откуда что взялось в русской национальной характерологии?

Как уже говорилось, новые возможности постижения русского национального характера мы видим в сопряжении системного и исторического подходов. Системный анализ той или иной конкретной социокультурной реальности предполагает указание на системообразующий фактор. Нередко это делается формально, без определения его функциональности, поэтому нужно обратиться к первоисточнику. Понятие системообразующего фактора введено выдающимся советским психофизиологом П. К. Анохиным (1978) и определяется как «...фактор, который радикально ограничивает степени свободы участвующих в данном множестве компонентов» (цит. по [22, с. 43]). В. И. Карташев «расшифровывает» системообразующий фактор через понятие *причины*, определяющей избирательность вовлекаемых в систему компонентов и постановку их в отношения взаимодействия» [22, с. 44]. В образовании системы участвуют как внешний, так и внутренний системообразующий факторы. Первый определяет характер и диапазон реакций системы на внешнюю (геополитическую и природную) среду, второй – набор элементов и их связей как внутреннюю характеристику системы. Внешний фактор всегда и неизменно, можно сказать, от Рюрика до Путина, один и тот же. Равнинный характер, отсутствие естественных препятствий для вторжения, а со временем заманчивая для соседей, богатая природными ресурсами огромная территория страны обусловили навсегда военный, оборонный, армейский уклад политической подсистемы. Менялись детали, субъекты внутри и вне государства, но не менялась суть геополитического вызова, на который всегда приходилось и приходится отвечать, чтобы выжить – всем вместе, независимо от сословной, классовой и проч. принадлеж-

ности. Более сложным, динамичным, гетерогенным являлся внутренний системообразующий фактор. В отношении к национальному характеру является фактором детерминирующим, который действительно ограничивает степени свободы других детерминантов, «подстраивает» их под себя, и в конечном итоге обуславливает на каждом этапе социокультурной динамики их особую конфигурацию. Учитывая, что национальный характер развивается «прижизненно», на протяжении всего существования преемственно трансформирующейся социокультурной системы, можно с большей уверенностью предполагать появление тех или иных значимых черт характера народа, а также их связь с крупными событиями и вызовами.

В настоящей статье нет возможности эмпирически наполнить предлагаемую нами схему динамики русского национального характера в связи с динамикой русского общества и государства как социокультурной системы, поэтому ограничимся изложением общей схемы, оставляя пока «додумывание» читателю. Во взятой нами за основу типологической схеме русской истории и культуры А. Я. Флиера есть один неприемлемый момент. Период от Петра I до настоящего времени он считает единым – имперским – периодом. Однако советский этап русской истории, на наш взгляд, характеризуется появлением совершенно новых системообразующих факторов и образует особую социокультурную систему, поэтому никак не может рассматриваться вкуче с петровским периодом.

Наконец, два последних пояснения. Во-первых, системообразующие факторы социокультурной системы и, соответственно, детерминанты национального характера выстраиваются в иерархическую конфигурацию и делятся на две группы – статически-консервативные и динамичные. Разумеется, с определенной долей условности, ибо изменчивость и устойчивость свойственны лю-

бому социальному и культурному феномену, неотделимы друг от друга. Первые факторы, в той или иной модификации, присутствуют всегда, это константы; вторые могут ослабевать и даже полностью редуцироваться, находясь в рецессивном состоянии. Фактически любая система функционирует во времени так, что в интересах выживания и развития актуализирует на определенном этапе одни фундаментальные свойства, как системы, так и характера народа, и переводит в рецессивное состояние другие; на другом этапе может возникнуть уже другая иерархия и конфигурация этих свойств и факторов. Во-вторых, следует отметить особую роль государства и армии, на что обратил внимание А. Я. Флиер: «Российское общество с самого начала развивалось как общность в первую очередь политическая, где даже религия была одним из важнейших инструментов государственного строительства. Представляется, что ядром этого образования являлась армия и гражданская бюрократия (чья “военизированная” организация службы и ментальность близки к офицерскому корпусу). Россия строилась как бы вокруг своих вооруженных сил, и интересы армии в значительной мере определяли общую направленность политики Российского государства» [15, с. 112]. Действительно, государство Руси-России можно назвать динамической константой, в отличие от констант консервативных, мало меняющих свою природу на протяжении веков.

Итак, иерархии системообразующих факторов социокультурной системы и, соответственно, оснований детерминации русского национального характера представляют собой, по типологическим периодам русской истории и культуры, определенные цепочки. Первая позиция в них означает, что данный фактор является основным, определяющим специфику социокультурной системы и порождаемого ею национального характера, остальные подстраиваются под него. Обра-

тим внимание на то, что фактор, именуемый «русским трудом», является на протяжении веков самой консервативной составляющей и означает семейное трудовое хозяйствование – в противовес необоснованным «теориям» об исконном русском коллективизме, уравнительности, общинности. Каждая из цепочек требует эмпирической проработки, на основе которой хаотическая русская характерология может обрести какую-то упорядоченность и историческую последовательность своей феноменологии. Учитывая лимитированный объем статьи, остановимся несколько подробнее на самом близком к нам этапе развития русского характера – советском. Общая схема выглядит следующим образом.

*Киевская Русь*, удельно-вечевая по своему политическому устройству и режиму: православие – язычество («русская сила») – удельно-вечевая государственность – «русский труд».

*Московская Русь*: самодержавие-православие – язычество – территориальная экспансия – «русский труд».

*Имперская Россия*: имперская абсолютистская государственность – светская (западноевропейская по типологической природе) культура – православие – территориальная экспансия – «русский труд».

*Советская Россия*: научно-техническая идеология – классово-идеологическая государственность – индустриальный, коллективистский тип трудовой деятельности.

Научно-технический разум занял место главного системообразующего фактора всего советского периода, породив и свое внешнее материальное «тело» – индустриальный коллективный труд, который и в аграрной сфере заменил собой семейное трудовое хозяйствование на земле. В качестве такового этот фактор оказался недооцененным, и в претензиях к большевистской власти до сих пор звучат такие моменты, как тоталитарный политический режим, репрессивная политика и прочее

в этом роде. Все это верно, но без идеологии поклонения Машине, технике (и уже по необходимости – науке) новой власти не удалось бы совладать с крестьянским морем в России. На примере поэтического творчества С. Есенина видно, как сдает позиции, теряет под ногами почву в лицеизрении «железного коня» крестьянское сознание и культура.

Катастрофой для преемственной трансляции русского характера явилась также полная редукция и перевод в совершенно рецессивное, подавленное состояние таких его детерминирующих констант, как православию и «русский труд». При этом условии не мог не трансформироваться радикально и русский национальный характер, что не раз отмечалось наблюдателями «со стороны» – русскими эмигрантами первой волны. Наконец, крах коммунистического режима и государства в нашей стране в глубокой своей основе также связан с названным фактором – с драматическими просчетами в научно-технической политике в послехрущевский период советской истории, которые обусловили утрату технологической динамики и вытекавшее из этого отставание в экономической сфере в сравнении с Западом.

Разворачивающийся в настоящее время *пятый этап* исторической динамики русского национального характера по своей внешней форме – постмодернистский. Он видится пока как смутный контур новой конфигурации с выходом на ее вершину нового, не бывшего ранее, еще не оформившегося и поэтому не опознаваемого фактора. Основанием для такого утверждения является едва ли не полный разгром господствовавшей на протяжении веков русской формы деятельности (семейное трудовое хозяйство на земле) и органически связанной с ним этнической культуры. В наследие новым поколениям, кроме возрождающегося православия, осталась только элитарная (дворянская по происхождению) русская культура. Этого недостаточно для каких бы

то ни было реставрационных национально-культурных проектов, поскольку глубинная субстанция нации («русская сила»), возможно, необратимо ослаблена. Но все же следует обратить внимание на то, что человеческая личность по своей потенциальности является безмерной, так думал в древней Греции великий Гераклит. И поскольку нация есть «большой человек» (В. С. Соловьев), то в «русской психее» может оказаться заложенным то, что еще не являлось на поверхности исторической жизни.

Чтобы показать, как может «работать» введенная на основе системного подхода схема исторических этапов развития русского национального характера, возьмем лишь одну его распространенную характеристику – «русскую волю». Наиболее точная ее формула предложена знатоком древнерусской литературы Д. С. Лихачевым, который неоднократно своими точными, глубоко прочувствованными высказываниями ставил под сомнение поверхностные представления о русскости. Он пишет: «Воля вольная – это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством» [23, с. 12]. Но сразу возникает вопрос: когда могло появиться такое именно качество русской души и где находится такое пространство? Не в дремучих же, да еще болотных, как отмечал В. О. Ключевский, лесах угрофиннов? Ответ на него дает Г. П. Федотов. Пространство – это евразийская степь, то есть совсем не исходный ландшафт ни для славян, ни для финнов, ни для балтов, из которых и состоял первичный этнический субстрат Древней Руси. Федотов пишет о вечной борьбе русских с диким полем, со степняками и вдруг удивляется: «Но странная эта борьба: она как будто чужда ненависти. Овладевая степью, Русь начинает ее любить. <...> Пусть не святые и дикие, но вечно родные степи – колыбель новой русской души. В степях сложилось казачество..., которое своей разбойной удалью подарило

Руси Дон и Кавказ, Урал и пол-Азии. В степях сложился русский характер, о котором мы говорим всегда как о чем-то исконном и вечном» [24, с. 59, 60]. И совсем не обязательно точно по годам или десятилетиям датировать, когда именно это случилось, так как большинство оригинальных суждений о русском характере – «истины в крупном масштабе», как масштабен и сам характер.

Таким образом, проведенный анализ обозначенных в статье методологических позиций позволяет утверждать, что на основе системного, историко-типологического и историко-генетического подходов и методов можно адекватно представить русский национальный характер в сопряжении субстанциальных и феноменологических ракурсов его видения.

### Литература

1. Николаев В. Г. Концепции национального характера // *Культурология: энциклопедия*: в 2 т. / гл. ред. С. Я. Левит. – М.: РОССПЭН, 2007. – Т. 1. – С. 23–26.
2. Штейнталь Х. *Грамматика, логика и психология (их принципы и их взаимоотношения)* // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях: в 2 ч. – М.: Просвещение, 1964. – Ч. 1. – С. 127–135.
3. Лурье С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 624 с.
4. Вундт В. Проблемы психологии народов // *Преступная толпа*. – М.: Институт психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. – С. 197–308.
5. Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // *О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья*. – М.: Наука, 1990. – С. 563–489.
6. Лазарева Е. М. Этнология Л. Уайта (научно-аналитический обзор) // *Работы Л. А. Уайта по культурологии: сб. переводов*. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – С. 9–57.
7. Уайт Л. *Наука о культуре* // Уайт Л. *Избранное: Наука о культуре*: пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 5–462.
8. Осокин Ю. В. Современная культурология в энциклопедических изданиях. – М.: КомКнига, 1992. – 384 с.
9. Каган М. С. *Философия культуры*. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 416 с.
10. Маркарян Э. С. *О генезисе человеческой деятельности и культуры*. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973. – 146 с.
11. Фулье Л. Психология французского народа // *Революционный невроз*. – М.: Ин-т психологии РАН, Изд-во «КСП+», 1998. – С. 9–250.
12. Бауэр О. *Социальный вопрос и социал-демократия*: пер. с нем. – СПб.: Книгоизд-во «Серп», 1909. – LIV, 600 с.
13. Аванесова Г. А. Динамика культуры // *Культурология. XX век: словарь*. – СПб.: Университет. книга, 1997. – С. 99–102.
14. Бердяев Н. А. *Русская идея* // Бердяев Н. А. *Самопознание: Сочинения*. – М.: ЗАО Изд-во «ЭКСМО-Пресс»; Харьков: Изд-во «Фолио», 1997. – С. 11–248.
15. Флиер А. Я. *Об исторической типологии российской цивилизации* // *Цивилизации и культуры*. – М.: ИФ РАН, 1994. – Вып. 1: Россия и Восток: цивилизационные отношения – С. 94–115.
16. Трофимов В. К. *Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета*. – 2-е изд., испр. и доп. – Ижевск: ФГОУ ВПО «Ижевская ГСХА», 2010. – 408 с.
17. Федотов Г. П. *Русский человек (Письма о русской культуре)* // Федотов Г. П. *Судьба и грехи России*: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 2. – С. 163–187.

18. Федотов Г. П. Лицо России // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 42–46.
19. Федотов Г. П. На поле Куликовом // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 102–122.
20. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). – М.: Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.
21. Тэн И. Философия искусства. – М.: Республика, 1996. – 350 с.
22. Каргашев В. А. Система систем. Очерки общей теории и методологии. – М.: Прогресс-Академия, 1995. – 325 с.
23. Лихачев Д. С. Заметки о русском // Новый мир. – 1980. – № 3. – С. 10–38.
24. Федотов Г. П. Три столицы // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: в 2 т. – СПб.: София, 1991. – Т. 1. – С. 50–65.

УДК 39:(470.4)

*Г. Е. Шкалина*

### **ФИННО-УГОРСКАЯ КУЛЬТУРА В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Самоценной реальностью в атмосфере глобализационных процессов становится этничность. Позиционирование своих этнокультур творческим меньшинством финно-угорских сообществ получило название этнофутуризм. В условиях городской среды это означает утверждение права быть и продолжаться в своем образе жизни как цивилизационный феномен. Ревитализация глубинных пластов этнической культуры осознается в будущем мироразвитии как важный ресурс жизнеспособности общества. Трансляция многовекового опыта самоопределения финно-угорских народов России в современность – это гуманитарная ценность эпохи.

**Ключевые слова:** финно-угорская культура, этничность, глобализация, этнофутуризм, ревитализация, гуманитарная ценность.

*G. E. Shkalina*

### **FINNO-UGRIC CULTURE IN RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS**

Ethnicity becomes a self-valuable reality in atmosphere of globalization processes. Positioning of the ethnocultures by creative minority of Finno-Ugric communities has received the name ethnofuturism. In the conditions of the city environment, it means the right statement to be and proceed in the way of life as the Civilization phenomenon. Revitalization of deep layers of ethnic culture is realized in the future as an important resource of viability of society. Translation of centuries-old experience of self-determination of the Finno-Ugric people of Russia in the present is a humanitarian value of an epoch.

**Keywords:** Finno-Ugric culture, ethnicity, globalization, ethnofuturism, Revitalization, humanitarian value.

Международный опыт начала XXI в. показал несостоятельность этнополитической доктрины о неизбежности затухания этничности под влиянием урбанизации, индустриализации и глобализации. Чуть раньше потерпели фиаско американская теория «плавленного котла» и ассимиляционная модель советского государства, направленные

на формирование сверхнаций. Самоценной реальностью в атмосфере ужесточающихся глобализационных процессов становится *этничность*. Сегодня мы являемся свидетелями того, что у этого феномена есть свое будущее, с точки зрения *постнациональной этничности*. В компьютерном обществе, казалось бы, устаревший и уходящий в историю образ человеческого существования обретает новую жизнь в актуализированных ценностях, которые еще хранит в себе этническая культура. Ревитализация глубинных пластов этнической культуры осознается в геокультурном пространстве, в будущем мироразвитии как важный ресурс жизнеспособности общества.

Сформировавшийся финно-угорский мир, который складывается из ставших традиционными взаимодействий научных, общественных, культурных кругов финно-угорских народов, сегодня становится фактором этнической мобилизации. Именно финно-угорское сотрудничество вызвало в последние десятилетия всплеск научного интереса (и не только!) к финно-угорской тематике как в России, так и за ее пределами.

Национальные движения финно-угорских народов России – карелов, коми, мари, мордвы, удмуртов – в современной форме утвердились в российском общественно-политическом пространстве в начале 90-х годов XX в. Ныне эти движения характеризует наличие собственной идеологии, участие в общероссийском и мировом глобальном процессах. В непростых условиях финно-угорские национальные движения и организации демонстрируют способность структурировать социальное пространство. Позиционирование своих этнокультур творческим меньшинством финно-угорских сообществ получило название **этнофутуризм**. Этнофутуризм как идеология открывает плодотворные гуманитарные ориентиры в нашем «проектно-инновационном мире» [1].

И особая роль здесь должна быть отведена распространяющейся экологической философии, которая заключена в древнем мировоззрении уральских народов.

Самопроявление и самовыражение каждого народа является неотъемлемой ценностью этнофутуристического движения. Вырвавшаяся наружу после долгих лет культурной ассимиляции свобода творческого высказывания и предъявления себя миру нашла свое пристанище в проектах молодых финно-угорских деятелей культуры – писателей, поэтов, художников, музыкантов. В условиях городской среды это означало утверждение права **быть** и продолжаться в своем **образе жизни** как *цивилизационный феномен*.

К сожалению, в современном российском поликультурном обществе имеет место проблема ограничения творческого потенциала коренных народов Севера, Сибири, Волжско-Камского бассейна. В целом в стране нарушены как экономическая основа жизнедеятельности, так и вся многоаспектная система традиционного воспитания. В этих условиях исследователи изучают «не то, как народы познают мир, а результаты этого познания, то есть этнографическую абстракцию «туземной философии» [2]. Тогда как важно аутентичное понимание культуры, то есть исследования должны вестись с учетом экологического мировоззрения адаптационной стратегии традиционных обществ. Пока будет оставаться в науке и образовании методология западного мышления субъектно-объектных отношений, в рамках которой антропоцентризм возводит человека на высшую планку развития, а природа якобы требует воздействия и преобразования, до тех пор среда обитания будет рассматриваться только в культуре потребления.

В целом современное образование предельно рационализировано, в нем утрачивается эмоционально-творческий, ценност-

но-гуманистический импульс. Технократический тип образования не формирует экологического сознания, включающего в себя и экологию духа.

Впрочем, у любого государства есть опасность к большому количеству образованных людей – образованные люди опасны, они не нужны. Современный либерализм делает ставку на понижение качества человека, формирование узко думающего, не творческого, прагматичного человека. Конфуций назвал бы такого человека *низким* или *маленьким*. Сегодня как никогда стало очевидным, что «все прогрессы реакционны, если рушится человек» (А. Вознесенский).

Тревога многих финно-угорских народов РФ связана с нынешним положением родных языков. Со времени переписи 1970 г. неуклонно сокращается количество людей, говорящих на языке своей национальности. Наибольший процент такого падения зафиксирован у удмуртов – 24,6 %, мордвы – 28,4 % и ханты – 29,5 %; наименьший – у коми-пермяков – 12,3 %, ненцев – 10,5 %.

Причины вымирания языка имеют социальный характер. В их числе – сильное культурное давление господствующей нации, падение престижа языка в глазах его носителей, экономическая модернизация и т. д. Сохранение национальных языков, защита языковых прав личности и народов считается одним из приоритетных направлений государственной политики любого демократического государства. Для уральских народов Российской Федерации язык – основополагающий *этнообразующий признак*, главный атрибут его национальной культуры. Для поликультурного государства защита языковых прав народов должна именоваться ключевым направлением его национальной политики, ибо с родным языком связаны самые важные *права человека*, касающиеся как его личного языка коммуникации, так и языка

этноса. Это – *право на сохранение, развитие и использование языка в разных сферах жизни, право на межпоколенную передачу, качественное образование на родном языке, возможность равноправного изучения как государственного, так и родного языка* (при наличии сопутствующего закона) и т. д.

Вопросы о языковой политике и функционировании национальных языков стали основным блоком в масштабном исследовании 2007 г. «О положении финно-угорских народов Российской Федерации» при финансировании общества «Финляндия – Россия», в котором участвовала и автор этих строк [3]. Итоги исследования показали: финно-угорские языки для их носителей ассоциируются, прежде всего, с родным языком в диапазоне от 37,8 % (мордва) до 80 % (коми-пермяки). Показателен выбор ответов с местоимением **мой** (мой язык, язык моих предков, моего народа, моих близких). Это указывает на финно-угорскую составляющую в миро- и самоощущении респондентов. С этих позиций финно-угорский мир весомо заявляет о себе во всех регионах проживания уральских народов.

Низкий уровень владения языками стал основой «вымывания» финно-угорских языков из общественного оборота, а значит, их вытеснения в семейно-бытовую сферу: родной язык становится «языком кухни». Это неудержимо уменьшает его престижность. Снижающийся уровень владения языками сужает базу для их дальнейшего изучения молодым поколением, то есть для дальнейшего развития самого языка.

Сфера функционирования финно-угорских языков по итогам вышеназванного исследования представлена следующим образом:

На языках уральской группы чаще всех на работе общаются коми-пермяки – 37,4 %, мари – 20,4 %, мордва Ульяновской облас-

ти – 17,6 %. У остальных финно-угорских народов в самых разных регионах проживания этот показатель не достигает 10 %.

Функциональное использование родного языка на службе – в равной мере с русским – наиболее характерно для тверских карелов (28 %) и восточных мари Республики Башкортостан (23,8 %).

Общение *в семье* на родном материнском языке – самое дорогое для его сохранения и развития. На языках своей национальности разговаривают в семьях 51,4 % мари и 44,1 % мордвы Ульяновской области. Наименьшие доли по двум группам у удмуртов – 12 % и финнов Ленинградской области – 2,7 %.

Некоторые результаты языковой политики остаются непредсказуемыми, поскольку они – следствие не норм, а административных мер. По сути, в российском обществе не действуют механизмы защиты родного языка в условиях преобладающего иноязычного окружения. Об этом убедительно говорят результаты исследования: подавляющее большинство респондентов указывает на государство как на субъект власти, принимающий недостаточное участие в процессе развития финно-угорских языков. Примечательно, что ответы финно-угорских респондентов практически совпадают с ответами из группы «не финно-угры».

Исследование «Положение финно-угорских народов России» выявило тенденцию возрастания роли исторического сознания в качестве одного из ведущих этнообразующих факторов (наряду с общепризнанными – общностью языка и территории проживания). Не случайно вопросы идентитета были ключевыми на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов (июнь 2008 г., Ханты-Мансийск).

В нашем «ускользающем мире» (Э. Гидденс), в эпоху «новой неопределенности» (Ю. Хабермас), в «конце знакомого мира»

(И. Валлерстайн) идентичность понимается как тождественность индивида или группы самим себе, как совокупность характерных особенностей, как интегрирующее свойство личности или группы [4, 5]. Интерес к проблемам идентичности поддерживается актуализацией вопросов «Кто я?» и «Кто мы?». Настоящий «бум» вокруг проблем идентичности вызван большой дифференциацией общества, пресыщением людей «навязанными ценностями, нагромождением экономических и идеологических построений». И, как следствие, внимание человека сосредоточивается на том, что «находится в непосредственной близости, на действительной общности чувств, на всех тех вещах, что составляют целый мир привычек, ритуалов, мир, принимаемый таким, как он есть» [6]. И это происходит на фоне «*глобализированного богатства, локализованной бедности*» [7]. Поиски идентичности являются открытым вопросом меняющегося мира. Это означает начало подготовки к освоению нового мира, *поиски форм, смыслов, оснований* для дальнейшего развития и формирования другой перспективы как человека, так и общества в целом.

В условиях «раздачи суверенитетов» финно-угорским «творческим меньшинством» (А. Тойнби) был найден тот цивилизационный концепт, который позволял бы уральским народам начать себя «стратегически предъявлять будущему». Таким концептом и стал вышеобозначенный этнофутуризм – «*проектно-ориентированный союз этнической идентичности, современного искусства и социокультурного авангарда*» [8].

Современное развитие характеризуется ярко выраженными процессами возрождения этнических культур. Этнокультурный ренессанс является признаком возрождения культуры вообще, ее возвращения к истокам [9]. Сегодня многие понимают необходимость

поиска утраченных духовных сокровищ в мифопоэтической традиции. Проблема состоит в своевременном переформатировании символической многозначности этики адапционной культуры, изначально миросообразной и миродетальной, на современный язык *мироустройства*. Трансляция многовекового опыта самоопределения наших сородичей в современность – это не только усло-

вие выживания финно-угорских народов. Это – гуманитарная ценность эпохи.

Культура любого народа определяет его духовную уникальность, творческие силы и способности. Сегодня как никогда в России возникает необходимость учитывать специфику разных культур, в том числе архаичных, а также культур, развиваемых в рамках неевропейских цивилизаций.

### Литература

1. Генисаретский О. И. Визуальная антропология, этнокультурные традиции и этнофутуризм [Электронный ресурс]. – URL: <http://prometa.ru/olegen/publications/99/3>
2. Лурье С. В. Историческая этнология. – М., 1997.
3. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра /отв. ред. А. К. Конюхов. – Сыктывкар, 2008. – 272 с.
4. Гидденс Э. Модерн и самоидентичность / реф. Е. Ф. Якимовой // Современная теоретическая социология: Энтони Гидденс: реферативный сб. / под ред. Ю. А. Кимелева. – М., 1995. – С. 95–113. – (Сер. «Социология»).
5. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. – М., 2004. – С. 332.
6. Маффесоли М. Околдованность мира или божественное социальное // СОЦИО-ЛОГОС. – М., 1991. – С. 278.
7. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М., 2004.
8. Костина А. В., Рахимова М. В. Традиционная культура как фактор сохранения национальной самобытности в условиях глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. – 2008. – № 7. – С. 118.

УДК 069.01

*О. В. Самаковская*

### **ФОРМИРОВАНИЕ КОНТЕНТА САЙТОВ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ: ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВЕННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МУЗЕЙНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

В статье приводятся результаты исследования, нацеленного на теоретическое обоснование формирования контента сайтов этнографических музеев. Описывается технология разработки типовой модели контента музейного сайта на основе функционально-структурного подхода. Полученные результаты могут быть использованы в практике работы этнографических музеев. Разработанная структура контента сайта музея, созданная в ходе исследования, может служить прототипом проекта при создании или редактировании этнографических музейных сайтов.

**Ключевые слова:** музеи, этнографические коллекции, информатизация, информационные и коммуникационные технологии, цифровой контент, музейные сайты.

*O. V. Samakovskaya*

## FORMATION OF THE CONTENT OF THE SITES OF ETHNOGRAPHIC MUSEUMS: PROBLEMS OF QUALITY MUSEUM INFORMATION PRESENTATION IN THE INTERNET AND SOLUTIONS

The article gives the results of study aimed at theoretical justification of the formation of the content of sites of ethnographic museums. It describes the technology development of the standart model of the content of the museum site on the basis of the functional-structural approach. The results obtained can be used in the practice of ethnographic museums. The structure of the site content of the museum, created in the course of the study can serve as a prototype for the project when creating or editing the ethnographic museum sites.

**Keywords:** museums, ethnographic collections, informatization, information and communication technologies, digital content, museum sites.

В решении проблемы сохранения уникального культурного и природного наследия отдельных стран, регионов, культурных и национальных сообществ в современном динамично меняющемся мире, подверженном действию процессов глобализации, особая роль принадлежит музеям. В условиях становления информационного общества, атрибутом которого являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), перед музеями встает новая задача – определение смысла и назначения музея в новой электронной среде, осмысление инновационных технологических возможностей, обеспечивающих доступ к культурным ценностям, сосредоточенным в музеях, для широких слоев населения.

Сохранение и продвижение культурного наследия как важнейшего фактора национальной идентичности особое значение имеет для этнографических музеев. Это обусловлено тем, что именно этнографические музеи изучают особенности национальной культуры и передают их последующим поколениям, а их главным отличием от других видов музеев является неразрывная связь с конкретным этносом.

Стремительное развитие ИКТ открыло для этнографических музеев принципиально новые возможности в решении одной из своих главных задач – предоставление до-

ступа к этнокультурному наследию самой широкой публике. Основную роль при этом играют сайты музеев – виртуальные представительства в сети Интернета реальных музеев, обеспечивающие непрерывный доступ к информации независимо от местонахождения пользователей и времени их обращения к музейному информационному ресурсу.

В связи со стабильным ростом в сети Интернета количества музейных ресурсов большое значение приобрела проблема практически полного отсутствия публикаций по разработке теоретических подходов продвижения музейной информации средствами ИКТ в электронном информационном пространстве.

Цель данной статьи – показать возможности формализации и снижения субъективизма при разработке сайтов этнографических музеев путем формирования контента сайтов на основе использования информационного образа музея. Представленные в статье материалы отражают исследование, которое осуществляется в Научно-исследовательском институте информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств [2–5].

В качестве объекта исследования выбраны музеи Западной Сибири, содержащие этнографические коллекции. Предметом исследования стало продвижение этнографи-

ческих музеев в информационном пространстве средствами ИКТ.

Исследование по теоретическому обоснованию формирования контента сайтов этнографических музеев проходило в несколько этапов:

1. Обоснование влияния культуры информационного общества и информационно-коммуникационных технологий на эволюцию музеев.

2. Оценивание современного состояния информатизации западносибирских музеев, имеющих этнографические коллекции, а также степени их доступности в Интернет.

3. Характеристика теоретических подходов к созданию музейных сайтов.

4. Исследование виртуального представительства этнографических музеев Западной Сибири в электронном информационном пространстве.

5. Разработка методики формирования контента сайтов этнографических музеев.

Изучение существующих подходов в исследовании культуры информационного общества, в том числе анализ разных точек зрения музейных специалистов, показали, что большинство специалистов говорит о необходимости преобразования музейной деятельности, и, прежде всего, с помощью использования современных ИКТ. Специалисты сходятся во мнении, что, эволюционируя в ходе общего развития культуры, музей ищет и выбирает пути своего развития, предопределенные самой культурой, отвечая требованиям времени и социокультурной ситуации в целом. Именно использование современных информационных технологий и средств коммуникации предполагает выход учреждений культуры на совершенно новый уровень своего развития, не опровергающий основную деятельность музеев, а привносящий новые возможности их развития в современном информационном обществе.

Как показывают результаты анализа публикаций, информационно-коммуникационные технологии находят применение во всех видах деятельности музеев, а внедрение ИКТ в традиционные формы музейной работы ведет к качественным изменениям в организации учета и управления музейными коллекциями, способствует развитию научных исследований, появлению новых музейных продуктов, развитию цифровых услуг, организации виртуальных выставок и экскурсий. Особо следует подчеркнуть, что ИКТ открывают новые возможности предоставления открытого доступа к музейным ценностям.

Однако в ходе проведенного экспертного опроса руководителей этнографических музеев Западной Сибири выявлена противоречивая ситуация, характеризующая имеющиеся на сегодняшний день возможности использования ИКТ и степень их практической реализации в музеях. В большинстве исследуемых музеев (81 %) имеются проблемы использования ИКТ, от решения которых существенным образом зависит сохранность фондов, трансляция и доступность хранимых культурных ценностей для широких слоев населения. Результаты исследования показали, что внедрение и использование ИКТ в музеях существенно осложняется как из-за проблем материально-технического характера, так и из-за проблем кадровой обеспеченности, требующих для их решения более активной позиции со стороны органов исполнительной власти регионов Западной Сибири. Однако особую сложность представляет неразработанность теории создания и оценки качества контента музейных сайтов, что препятствует полному и точному отражению богатых региональных музейных коллекций в мировом информационном пространстве.

Как показывают результаты анализа публикаций, теория формирования контента музейных сайтов в настоящее время огра-

ничивается некоторым общим представлением о том, какая информация должна быть на музейном сайте. Большинство российских и зарубежных музейных специалистов к наиболее важным рубрикам в структуре музейного сайта относят следующие: «Организационная информация» (режим работы, местоположение, проезд, контакты); «История»; «Коллекции»; «Экспозиции»; «Образовательные программы».

Однако, по нашему мнению, к числу наиболее типичных недостатков, присущих публикациям по теории создания контента музейных сайтов, относятся следующие: предлагаемые структуры контента сайтов носят эмпирический характер, не содержат обоснования принципов формирования контента (информационного наполнения) музейных сайтов; в них преимущественно представлен только первый уровень структурирования информации (рубрики первого уровня); предлагаемый состав рубрик, характеризующих информационное наполнение музейных сайтов, не дифференцирован, то есть не учитывает специфику сайтов музеев различных типов и профилей; рубрики в предлагаемых структурах не отражают связь контента с различными категориями пользователей сайта. Выявленные недостатки свидетельствуют о том, что теория создания сайтов, в частности, в музейной сфере, разработана в настоящее время весьма слабо и требует дальнейшего развития.

Неразработанность теории создания сайтов приводит к негативным следствиям на практике, в частности, при разработке музейных сайтов. Глубокий анализ содержательного наполнения сайтов западносибирских этнографических музеев показал невысокий уровень их информационного наполнения, что свидетельствует о слабой образовательной и научной составляющей ресурсов. Сайты по культуре, в том числе и музейные,

как и сами учреждения, способны оказывать огромное влияние на образование, научные исследования, эстетическую удовлетворенность конечного пользователя, по каким-либо причинам не имеющего возможности посетить реальный музей. В случае, когда содержательная часть виртуального представительства несет в себе усеченное, неполное представление информации о музее, а также, соответственно, и об объектах историко-культурного наследия, которые хранятся в данном музее, созданный электронный ресурс не может считаться качественным. В итоге страдает посетитель музейного сайта как потребитель некачественной информации.

Вопрос о том, какой контент (содержание) должен быть представлен на сайте музея, с тем, чтобы сайт представлял собой качественный информационный ресурс, требует концептуального осмысления.

Важнейшими для понимания предлагаемого нами подхода к формированию контента музейного сайта являются следующие положения:

- разработка контента сайтов музеев в настоящее время носит сугубо эмпирический, субъективный характер, что проявляется в разнородности и несопоставимости рубрик, структурирующих содержание сайтов, в затруднительности ориентации пользователей в их структуре;

- подход, позволяющий формировать контент сайтов, базируется на учете взаимодополняющих факторов, относящихся к объекту исследования: тип, выполняемые функции, информационные потребности отдельных категорий пользователей.

В основе варианта решения проблемы формирования контента музейного сайта лежит функционально-структурный подход. Сущность предлагаемой концепции заключается в том, что информационное наполнение

музейного сайта должно быть организовано таким образом, чтобы каждая рубрика (раздел или подраздел сайта) была строго функциональна и ориентирована на отражение определенной функции реального музея. При таком подходе музейный сайт выступает в роли инструмента реализации основных функций музея. Таким образом, тип и функции музея предопределяют функции и задачи сайта, от которых напрямую зависит информационное наполнение рубрик.

Поскольку в решении проблем теории создания музейных сайтов существенное значение отводится функциям музеев, потребовался тщательный анализ понятийно-терминологического аппарата, типологии музеев в контексте выполняемых ими функций. На основе анализа и обобщения работ по проблемам функционирования исторических музеев, в том числе этнографических и историко-этнографических, экомузеев и этнокультурного наследия в целом, выявлены и классифицированы функции, специфичные для музеев, в фондах которых содержатся этнографические коллекции. К ним относятся:

- внутрисистемные (внутримузейные) функции: комплектование, регистрация, инвентаризация, учет, хранение, изучение, классификация и систематизация, экспонирование;

- системные (музейные) функции: функция документирования культурных, этнических и социальных процессов в жизни общества, научно-исследовательская, образования и воспитания, коммуникативная, информационная;

- метасистемные (социокультурные) функции: сохранение культурно-исторического материального и духовного наследия, трансляция этнокультурного и природного наследия, культурная ориентация и идентификация личности (формирование исторического самосознания), формирование толерантных принципов взаимоотношений в

обществе, формирование культурной среды определенного региона, социальная адаптация членов общества, аксиологическая, мировоззренческая, эстетическая, эмотивная.

С целью сохранения способности виртуальным представительством музея выполнять функции реального музея, близкие по смыслу и определению функции этнографического музея (системные и метасистемные) были сгруппированы, и на их основе сформулированы задачи музейного сайта. Таким образом, на основании музейных функций определена информация, которая должна составить семантическое ядро контента сайта этнографического музея:

- общая информация о музее как об учреждении;

- справочная информация для потенциальных посетителей музея;

- информация о фондах и коллекциях, о постоянных экспозициях и временных выставках музея;

- информации о лекциях, занятиях, уроках, консультациях, мастер-классах, проводимых сотрудниками музея;

- информация о праздниках, концертах, фестивалях, проходящих в музее;

- информация о научных экспедициях, проводимых сотрудниками музея;

- учебно-познавательная информация близкой тематики;

- информация, носящая оперативный характер;

- этнографическая информация и др.

Итак, предлагаемая методика формирования контента сайта этнографического музея предполагает последовательное выполнение следующих этапов:

1. На основе нормативно-правовых документов, справочных, учебных, научных, методических профильных изданий выявляются определения основных понятий, отражающих объект сайтостроения: «музей», «этнографический музей», «этнографиче-

ский предмет», «этнографические коллекции», «экспозиции» и т. д.

2. Выявленные источники информации анализируются, и определяются классификационные типы этнографического музея, его функции, выделяются структурные компоненты анализируемого объекта. Особое внимание уделяется анализу и обобщению функций этнографического музея, поскольку именно от них зависит, какие задачи в будущем будет выполнять музейный сайт.

3. Аспекты рассмотрения каждого компонента отражаются на различных уровнях детализации. Так, например, выделенный в качестве одного из важнейших компонентов музея «музейный фонд» может быть охарактеризован с точки зрения объема, состава и направлений деятельности фонда.

4. Результаты анализа первичного документального потока наглядно представляются в виде иерархических схем, таблиц, матриц, характеризующих виды этнографического музея, его функции и структурные компоненты.

5. Близкие по смыслу и определению функции этнографического музея (системные и метасистемные) группируются, и на их основе формулируются задачи музейного сайта.

6. Определяется целевая аудитория сайта этнографического музея – группа пользователей, на которую сфокусировано содержание сайта, круг посетителей, заинтересованных в информации или услугах, представленных на музейном сайте.

7. Исходя из состава задач сайта определяется общее семантическое ядро контента сайта – исходный массив информации в виде перечня аспектов содержания, требующей впоследствии структурирования. Каждый аспект представляет собой потенциальную рубрику (раздел) сайта.

8. Полученные рубрики контента сайта распределяются по уровням вложения в

соответствии с их местом в иерархической системе информационного образа этнографического музея. Устанавливаются взаимосвязи рубрик и подрубрик контента музейного сайта. Разрабатываются аспектно-маркерные структуры для наполнения содержания каждой рубрики.

9. На основе всех предыдущих пунктов (см. пункты 1–9) строится информационная структура контента сайта в виде таблицы, включающей в себя состав логически взаимосвязанных и распределенных по уровням вложения рубрик (разделов).

Следуя предлагаемой методике, была разработана обобщающая структура контента сайта для этнографического музея, которая представляет собой состав логически взаимосвязанных и распределенных по уровням вложения информационных рубрик (разделов), обеспечивающих системное представление об этнографическом музее в электронном информационном пространстве. Основу контента сайта этнографического музея составили десять рубрик: «О музее», «Посетителям», «Специалистам», «Выставки», «Музейное собрание», «Культура народов в музейном собрании», «Образовательные программы», «Информационные ресурсы», «Сотрудничество с музеем», «Культурная жизнь региона». В разработанной информационной структуре музейного сайта каждая рубрика содержит тематические подрубрики, и все рубрики и подрубрики снабжены поясняющей информацией по их информационному наполнению.

С электронными полнотекстовыми документами «Методика формирования контента сайтов этнографических музеев» и «Структура контента сайта для этнографического музея» можно ознакомиться на официальном сайте Научно-исследовательского института информационных технологий социальной сферы ([www.nii.kemguki.ru](http://www.nii.kemguki.ru)) – в разделе

«Разработки», в подразделе «Разработки в сфере сайтостроения».

В заключение отметим, что предлагаемый подход к формированию структуры сайта этнографического музея полностью согласуется с основополагающими документами, принятыми в рамках проекта Minerva – «Принципы качества веб-сайтов по культуре. Руководство» [6] и «Взаимодействие веб-сайтов по культуре с пользователем. Рекомендации» [1], и ориентирован на достижение следующих результатов:

- повышение качества и доступности предоставляемой музейной информации;
- удовлетворение информационных потребностей целевой аудитории сайта;
- создание эффективных средств распространения знаний и повышение культурного уровня широких слоев населения;
- обеспечение общества знаниями, необходимыми для понимания и восприятия традиций различных народностей;

- повышение престижа музейного учреждения;

- развитие системы информационного обслуживания музейной аудитории (возможность дистанционно задать вопросы специалистам, проконсультироваться, принять участие в дискуссии);

- обеспечение условий для самообразования личности;

- развитие информационной поддержки пользователей (через анонсирование событий, мероприятий музея).

Главным ожидаемым результатом внедрения разработанной структуры контента сайта в дальнейшую эксплуатацию является формирование на основе информационно-коммуникационных технологий возможностей, обеспечивающих достижение важнейшей цели продвижения информации о культурном наследии, хранящемся в западно-сибирских музеях, в мировое электронное информационное пространство.

### Литература

1. Взаимодействие веб-сайтов по культуре с пользователем: рекомендации. – М.: Центр ПИК, 2008. – 2010. – 201 с.
2. Гендина Н. И., Алдохина О. И., Скипор И. Л. Создание исследовательского и методического инструментария разработки сайтов библиотек и музеев: результаты разработок НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств [Электронный ресурс] // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: мат-лы междунар. конф. – Электрон. дан. – М.: ГПНТБ России, 2005. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
3. Гендина Н. И., Колкова Н. И., Алдохина О. И. Информационный образ как основа разработки контента сайтов учреждений культуры [Электронный ресурс] // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: мат-лы междунар. конф. – Электрон. дан. – М.: ГПНТБ России, 2006. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Гендина Н. И., Колкова Н. И., Алдохина О. И. Оценка качества сайтов: методика и результаты пилотажного исследования [Электронный ресурс] // Информация для всех: культура и технологии информационного общества: мат-лы междунар. конф. – Электрон. дан. – М.: Центр ПИК, 2004. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
5. Гендина Н. И., Колкова Н. И., Алдохина О. И. Создание эффективного официального сайта объекта культуры: от эмпирики к разработке и реализации научно обоснованной концепции // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – Кемерово: КемГУКИ, 2010. – С. 87–104.
6. Принципы качества веб-сайтов по культуре: руководство. – М., 2006. – 62 с.

УДК 008

*Л. С. Алексеева*

## ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕПАРХИАЛЬНОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВИЯ НА ЗЕМЛЕ КУЗНЕЦКОЙ В СФЕРЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

В данной статье автор рассматривает деятельность епархиального музея истории Православия на земле Кузнецкой в формировании нравственных качеств личности.

**Ключевые слова:** культура, духовно-нравственное воспитание, Кемеровская и Новокузнецкая Епархия, епархиальный музей, музей истории Православия на земле Кузнецкой, Собрание русских икон при поддержке Фонда святого и всехвального апостола Андрея Первозванного.

*L. S. Alekseyeva*

## ACTIVITIES OF THE DIOCESAN MUSEUM OF HISTORY OF THE ORTHODOXY ON KUZNETSK LAND IN THE FIELD OF MORAL AND SPIRITUAL EDUCATION

In this article the author reviews activities of the diocesan museum of history of the Orthodoxy on Kuznetsk land in forming the personal moral qualities.

**Keywords:** culture, moral and spiritual education, Kemerovo and Novokuznetsk diocese, diocesan museum, museum of history of the Orthodoxy on Kuznetsk land, Collection of Russian icons supported by the Foundation of the All-Praised St. Andrew the First Called.

Россия сегодня переживает смену ценностных ориентиров и общественных идеалов, вследствие чего в последнее десятилетие XX в. на первый план стал выступать идеал, «освобожденный» от традиционных ценностей, обязательств перед обществом, меркантильный в своих целях. Нравственная деградация, прагматизм, культ потребления, подростковая наркомания и алкоголизм, волна детских суицидов свидетельствуют о кризисных явлениях в духовном здоровье личности.

В начале XX в., предвидя подобное развитие событий, связанное с отходом от традиционных духовных ценностей, русский философ Иван Ильин отмечал, что государству нужны не безнравственные, честолюбивые люди, раскалывающие общество на партии и фракции, но государственные деятели,

для которых благополучие России и ее народа стоит на первом месте. Воспитание данных качеств более всего связано с духовно-нравственными основами жизни человека.

Именно поэтому в последние годы одной из приоритетных задач общества и государства является воспитание, поддержка становления и развития высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России [2]. Этот вопрос нашел отражение в докладе Президента России Д. А. Медведева на встрече с представителями Русской православной церкви, которая состоялась 5 ноября 2011 г. Президент отмечает, что российское общество должно находить в себе достаточно энергии и воли, чтобы продвигать традиционные для нашего государства ценности, что важно в сложном и быстро меняющемся мире,

в глобальном информационном пространстве, которое создает не только преимущества, но и очень серьезные вызовы [1].

Известно, что личность формируется в семье, неформальных сообществах, в сфере массовой информации, искусства, отдыха и т. д. Но наиболее системно, последовательно воспитание личности происходит в сфере общего образования. В 2012 г. в Российской Федерации в системе школьного образования завершается апробация комплексного курса «Основы религиозных культур и светской этики», которая имеет положительный результат и будет введена в образовательную программу российских школ с сентября 2012 г. Успешное внедрение курса заключается в том, что православная церковь никогда не рассматривала образование человека в отрыве от его духовно-нравственного воспитания.

Духовно-нравственное развитие и воспитание должно базироваться на известных теоретических методах обучения с использованием предметности и наглядности. Более эффективно этого можно достичь с помощью музейного метода познания. Таким образом, перед музеями встает задача совершенствования музейных программ, в том числе – и в музейной сети Русской православной церкви, которая в настоящее время активно расширяется и использует дореволюционный опыт, адаптируя его к современным условиям развития общества. Одним из таких является музей Кемеровской и Новокузнецкой епархии.

3 ноября 2010 г. по благословению преосвященнейшего Аристарха, епископа Кемеровского и Новокузнецкого образован Музей истории православия на земле Кузнецкой. В настоящее время – это единственный православный музей в Кузбассе, в экспозициях и выставках которого демонстрируются материалы историко-религиозной направленности.

24 апреля 2011 г. в дни Пасхи была открыта первая выставка «Патриархи в Кузбассе». Первыми посетителями выставки стали губернатор Кемеровской области А. Г. Тулеев, президент холдинговой компании «Сибирский Деловой Союз» М. Ю. Федяев, председатель Комитета по взаимодействию с религиозными организациями администрации Кемеровской области Е. Н. Стась и другие представители общественности и духовенства.

На экспозиции были представлены документы, свидетельствующие о становлении Кемеровской и Новокузнецкой епархии (которая была образована в 1993 г.), строительстве главного храмового комплекса – Знаменского кафедрального собора г. Кемерово. Вниманию посетителей выставки были предложены фотоматериалы, рассказывающие о визитах в Кузбасс Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (1993 и 1996 гг.) и митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла (2003 г.) – нынешнего Патриарха, а также посвященные взаимодействию церковной и светской власти шахтерского региона с Московской патриархией.

Особое внимание на выставке было уделено наградам Русской православной церкви и Кемеровской и Новокузнецкой епархии. Отметим, что с орденами и медалями Русской православной церкви можно ознакомиться только в двух музеях России – в Музее при художественном предприятии «Софрино» (г. Москва) и Музее истории православия на земле Кузнецкой.

По благословению преосвященнейшего епископа Аристарха была подготовлена книга «Святейшие Патриархи в Кузбассе», которая вышла в свет 13 февраля 2012 г. В красочном издании представлены текстовые материалы и фотографии, не вошедшие на выставку «Патриархи в Кузбассе» [4].

13 июля 2011 г. состоялось открытие выставки «Православные иконы XVI – начала

XX века». Это первый совместный проект Собрании русских икон при поддержке Фонда святого и всехвального апостола Андрея Первозванного (г. Москва) и Кемеровской и Новокузнецкой епархии.

На сегодняшний день «Собрание русских икон при поддержке Фонда святого и всехвального апостола Андрея Первозванного» является одной из крупнейших частных собрании икон, как в России, так и за рубежом. В коллекции хранится порядка 300 икон и произведений церковного декоративно-прикладного искусства. Важно отметить, что коллекция содержит значительное количество подписных и датированных икон, что является не только предметом особой гордости владельцев и хранителей собрания, но и неопценимым подспорьем для ученых, занимающихся вопросами древнерусского искусства.

В экспозиции епархиального музея представлено более 70 уникальных икон XVI – начала XX вв. Посетители могут ознакомиться как с традиционными, так и редкими по иконографии образами Христа, Божией Матери, праздников и святых угодников Божиих.

В настоящее время Музей истории православия на земле Кузнецкой активно сотрудничает с санаторными учреждениями, центрами социального обслуживания населения г. Кемерово, школой-интернатом № 27 г. Кемерово, воскресными школами и другими общеобразовательными учреждениями Кемеровской области.

В рамках подписанного в 2007 г. «Соглашения о совместной научно-педагогической и культурно-просветительской деятельности между Кемеровским государственным университетом культуры и искусств и Кемеровской и Новокузнецкой епархией Русской православной церкви», на базе музея преподавателями кафедры музейного дела со студентами направления «Музеология и

охрана объектов культурного и природного наследия» проводятся лекции-дискуссии, а также в рамках предмета «Искусствознание» доцентом Л. В. Оленич проводятся лекции-семинары для студентов вуза [5].

В апреле 2012 г. была подготовлена и проведена экскурсия для глухонемых и слабослышащих людей. Сурдопереводчиком выступил штатный священник Знаменского кафедрального собора иерей Владимир Хить.

После посещения музея посетителями в книге отзывов отмечается благотворное влияние на их духовное состояние, расширение эстетических взглядов и мировоззрения.

Следует отметить, кроме музейно-экскурсионного обслуживания, сотрудниками музея разрабатываются и проводятся следующие формы культурно-просветительной деятельности:

1. Богослужебная. В дни памяти святых, чьи иконы представлены на выставке православных икон, совершается молебен, на котором посетители могут помолиться о себе и своих родных, а после богослужения желающие могут обратиться к священнослужителю с волнующими их вопросами.

2. Экскурсионно-паломнические поездки. Музей организует паломнические поездки по Кузбассу, России и Ближнему зарубежью. Цель таких поездок – просвещение общества через знакомство с историей посещаемого города, его храмами и святынями, что тоже благотворно сказывается на паломниках как в духовном, так и в патриотическом планах.

3. Литературно-музыкальная гостиная. Ежемесячно посетители музея знакомятся с творчеством музыкантов и поэтов. 22 января 2012 г. состоялась первая встреча посетителей музея с православным бардом – настоятелем храма преп. Сергия Радонежского в г. Топки протоиереем Александром Государкиным. Также состоялись встречи с кузбасским поэтом Б. В. Бурмистровым, во время Великого Поста с концертом вы-

ступил квартет хора Троицкого храма г. Кемерово, в рамках пасхальной встречи перед зрителями выступил детский фольклорный ансамбль «Забава» пос. Зеленогорский.

4. Праздники в епархиальном музее. Праздник в музее – комплексная форма культурно-образовательной деятельности, в структуру которой включаются элементы театрального представления, экскурсии, объединенные единой темой. В дни двенадцатых праздников Русской православной церкви проводятся представления, знакомящие посетителей с историей праздника. Большую помощь в проведении таких праздников музеем оказывают студенты 4 курса специальности «Социально-культурная деятельность» Кемеровского государственного университета культуры и искусств, а также воспитанники воскресной школы «Сретение» п. Сухая речка (руководители – иерей Сергей Веремеев и Т. А. Вахрамеева) [3].

В настоящее время разрабатывается цикл занятий по основам иконографии для всех желающих глубже познакомиться с иконой, а также расширить свои эстетические знания.

16–20 мая 2012 г. Музей истории православия на земле Кузнецкой принял участие в выставке-ярмарке «Сибирская ассамблея музеев», которая прошла в кемеровском ТРК «Байконур». Экспозиция организована в рамках нового выставочного проекта «Кузбасская международная неделя активного от-

дыха», который реализуют администрации Кемеровской области и города Кемерово совместно с кузбасской выставочной компанией «Экспо-Сибирь», Межрегиональной ассоциацией «Сибирское соглашение». Кроме того, сотрудники музея приняли участие в Первом региональном форуме музейных работников «Историко-культурное наследие Кузбасса». По итогам конкурса на «Лучший экспонат», проходивший в рамках выставки, в номинации «Интеллектуальная деятельность» Музей удостоен диплома I степени за духовно-нравственную деятельность.

В заключение можно сказать, что Музей истории православия на земле Кузнецкой, формируя систему нравственных ценностей (патриотизм, семья, стремление к истине, религия, эстетическое и этическое развитие) через популяризацию культурных и национальных традиций, становится пространством духовно-нравственного воспитания личности. А организация сети церковных музеев в России, безусловно, является положительным культурным фактором в жизни страны, так как появление подобных музеев расширяет культурное пространство, способствует сохранению церковной старины и просвещению не только церковнослужителей, но и молодежи. Думается, что со временем музеи Русской православной церкви превратятся в крупные духовные и культурные центры по всей стране.

### Литература

1. Выступление Президента России Д. А. Медведева на встрече с представителями Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1666129.html>
2. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. – М.: Просвещение, 2009. – 24 с.
3. План работы Музея истории православия на земле Кузнецкой на 2012 г.
4. Святейшие патриархи в Кузбассе / ред.: С. М. Веремеев. – Кемерово: АНО «Православный издат. центр “Медиа-Центр «Глагол»»», 2011. – 144 с.
5. Соглашение о совместной научно-педагогической и культурно-просветительской деятельности между Кемеровским государственным университетом культуры и искусств и Кемеровской и Новокузнецкой епархией Русской Православной Церкви (Московский Патриархат), декабрь, 2007.

УДК 008

*А. М. Лесовиченко***РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ТЕСТАМИ ПО КУРСУ «КУЛЬТУРОЛОГИЯ»**

Статья посвящена анализу банка тестовых заданий по проверке остаточных знаний студентов негуманитарных специальностей вузов по культурологии, предоставленных *i-exam*, выявлению проблем развития этой учебной дисциплины.

**Ключевые слова:** реформа высшей школы, валидность тестов, учебный курс, культурный тезаурус.

*А. М. Lesovichenko***REFLECTIONS ON THE TEST FOR THE «CULTUROLOGY» COURSE**

The article is dedicated to analysis of tests for non-humanitarian students of universities for the “Culturology” course.

**Keywords:** reform of high education, validity of tests, cultural thesaurus.

В ходе реформирования системы высшего профессионального образования происходят глубокие изменения в понимании сути не только концептуальных подходов, но и всех элементов обучения, в частности, форм проверки остаточных знаний студентов.

Наступило то, что обещали много лет: стали учитывать результаты тестирования остаточных знаний студентов при аттестации вузов. Должен сказать, что я отношу себя к сторонникам этой меры. Сам включен в тестологическую деятельность в качестве разработчика и эксперта. Уверен, что фиксация пороговых значений результатов тестирования для подтверждения соответствия вуза его статусным притязаниям должна быть нормальным обобщением итогов обучения. В принципе, не возражаю против любых видов тестирования, если, конечно, база тестовых заданий сделана качественно.

Естественно, начало реального тестирования по курсу «Культурология» заставило меня сосредоточиться на предлагаемом банке данных [*i-exam*]. Проанализировав его, пришел к выводу: он имеет много проблем и по содержанию и по целеполаганию. Как профессионал в этой области, не могу согласиться с постановкой примерно половины вопросов. Здесь имеет место и некорректное

формулирование задания, и недопустимые (по правилам тестологии) варианты ответов, и опора на частные мнения, которые не должны попадать в вопросники именно потому, что они не являются общепринятыми в соответствующем сообществе, и откровенные ошибки. Можно утверждать, что основные параметры качества тестов, определяемых по признакам валидности, не выдерживают критики.

Рассмотрим несколько примеров (не систематизирую, даю в том порядке, как они выпадали студентам):

*Культура Нового времени характеризуется...*

- + рационализмом
- + интересом к социальным проблемам
- мистицизмом
- господством коллективных представлений

Ответ не вызвал затруднений у студентов. Тем не мене, и мистицизма в Новое время сколько угодно (Сведенборга с Блаватской и мормонов с хлыстами куда денем?). Про коллективные представления в общинах Оуэна и коллективистские концепции марксистов тоже забывать не стоит (на всякий случай уточню, что Новое время понимаю в соответствии с определением в Первом тол-

ковом БЭС (СПб.; М., 2006): «...принятое в исторической науке наименование периода истории с Английской революции 1640 г. по Октябрьскую революцию 1917 г. в России»).

*Народные традиции являются \_\_\_\_\_ нормами*

- + статистическими
- этносоциальными
- конвенциональными
- публичными

Готов согласиться с правильным ответом, но почему не считать их и этносоциальными, не очень понимаю. Два последних варианта тоже как-то не вызывают ощущения ошибки.

*Инструментом социализации является...*

- + профессиональное образование
- политическая система
- мораль
- искусство

Профессиональное образование инструментом социализации, конечно, является, но только ли оно и оно ли в первую очередь? Я бы на первое место все-таки поставил мораль.

*Характерной чертой русской культуры является разрыв между...*

+ «народом» и «просвещенным обществом»

- обществом и государством
- различными социальными слоями
- бытом и нравами

Первый вариант, разумеется, правильный, но формулировка третьего варианта говорит о том же самом. Как отличить?

*Ответом культуры на общественный вызов можно считать появление...*

- + новшеств
- традиций
- деконструкций
- современного искусства

Прочитую «решение»: «Первопричиной изменений в культуре является общественный вызов. Вызов принимает разные, но всегда конфликтные формы. Ответ на вызов предполагает обновление культуры

*в соответствии с ее традициями и изменившимися условиями» (Лейбович О. Л. Учебный комплекс по культурологии. Гриф «Рекомендовано Научно-методическим советом по культурологии Минобр РФ для вузов. – Пермь, 2005).*

Ничего не понятно! Если уж вообще использовать журналистское клише «общественный вызов» (что представляется необязательным), то надо сначала определиться содержательно, что мы хотим им обозначить. Я поискал научные разработки понятия – не нашел. Если кто-то им занимался, я был бы благодарен, чтобы мне сообщили, кто. Трех процитированных строчек слишком мало, чтобы утверждать невозможность иного понимания этого словосочетания. Помоему, общественный вызов вполне может иметь и художественную форму (современного искусства – а какого еще?). Он прекрасно осуществляется в тех способах работы с текстом, о которых пишет Ж. Деррида (насколько я понимаю, «деконструкция» – его термин). А почему нельзя себе представить общественный вызов в виде возвращения или укрепления традиций? Все националистические движения только этим и занимаются, по крайней мере, на словах.

Если уж говорить об ответах на общественный вызов, то, на мой вкус, они могут быть самыми разными. И поддержка, и отрицание, и искажение (ответ не в той сфере культурной жизни, где был вызов). В любом случае, считать «первопричиной изменений в культуре» какой-то невнятный «общественный вызов», особенно, если он почему-то имеет «всегда конфликтные формы», только потому, что так сформулировал без достаточного пояснения О. Л. Лейбович, мне сложно, даже, несмотря на то, что его УМКД «Рекомендован научно-методическим Советом по культурологии».

*К фундаментальной культурологии не относится...*

- + методология культуры
- психология культуры

- культурная семантика
- история культурологии

Действительно, не относится, потому что мы обычно не употребляем такое выражение. Однако само по себе оно вполне соотносимо с понятием фундаментальная культурология. Когда кто-нибудь возьмется обосновать, что у культуры есть методология, думаю, он сможет это сделать убедительно (по крайней мере, в том состоянии понятийного аппарата, которым пользуется современная «фундаментальная культурология»). Кстати, формула «фундаментальная культурология» тоже не слишком ходовая: чаще пишут «теория культуры».

*К предметному полю культурологии не относится...*

- + филология
- культуроведение
- экология культуры
- история культуры

Какие сомнения, если только в этом варианте не присутствует слово «культура». Не относится филология к искомому еще и потому, что в номенклатуре ВАКа филологические науки не содержат номер специальности 24.00.01, который есть в ряде других гуманитарных наук. Однако не думаю, что студенты обязаны об этом знать до получения степени бакалавра. Если же вдуматься, каждый из нас читает труды по лингвистике и литературоведению при рассмотрении почти любой культурологической проблемы. Что же в этом случае, надо считать «предметным полем»? Просто к междисциплинарным связям филологию не отнесешь.

*Культурология не имеет междисциплинарных связей с...*

- + естествознанием
- философией
- антропологией
- педагогией

Ответить, как заказано, здесь не трудно, потому что только это название не попадает в группу гуманитарных наук. Если бы вопрос стоял: «Исключите лишнее», не было бы про-

блемы, но здесь другая формулировка, с которой, извините, согласиться трудно. Мы уже не обсуждаем вопросы об оппозиции «природа-культура»? Мы не рассказываем о том, что термин «культура» употребляется и в биологии (например, при описании поведения синих и белых китов, которые никогда не спариваются друг с другом, при том, что не имеют биологических различий)? В конце концов неужели нам нужно прекратить приводить имена великих ученых-естественников при характеристике процессов в духовной культуре? Очень сомнительная точка зрения.

*Для культурологии характерно структурирование культуры на обыкновенную и ...*

- + специализированную
- городскую
- элитарную
- высокую

Пусть будет «специализированная», но слова «элитарная», «высокая» ничуть не хуже. «Решение», которое представляет собой цитату из учебника А. П. Садохина, где объясняется, что автор понимает под «специализированной» культурой, совсем не свидетельствует, что то же самое нельзя назвать другим словом.

*При историческом подходе необходимо установить...*

- + развитие и угасание культурных явлений во времени
- влияние древней культуры на современную
- значение выдающихся личностей в истории культуры
- правила интерпретации памятников истории

Попробуйте угадать, что правильный вариант – первый. Правильность ответа мотивирована только интуицией.

*Целостность России держалась на...*

- + самодержавной власти
- культурном единстве
- православной вере
- идеологии

Не ясно: почему правильный только первый вариант. Если бы целостность России держалась только на самодержавной власти (при всем ее значении) в нашей огромной стране, она просто не смогла бы осуществиться.

*Для культуры Нового времени характерны...*

- + урбанизация
- + высокая мобильность общества
- отмена классовых перегородок
- экстенсивное производство

По поводу правильных ответов сомнений нет, однако в какой культуре, если не Нового времени, были нарушены классовые перегородки? А экстенсивное производство... Леса в Европе свели неандертальцы?

*Задачей семиотики является исследование...*

- + невербальных языков
- естественных языков культуры
- литературного языка
- языков науки

Не понимаю, почему правильным надо считать только первый вариант. «Семиотика, семиология, общая теория, исследующая свойства знаковых систем, каждому из которых придается некоторое значение. Примеры знаковых систем: естественные языки, системы предложений научных теорий, искусственные языки, системы сигнализаций в обществе и природе...» (Философский энциклопедический словарь. – М., 1983). У нас создается новая «теория двойственной истины»? Отдельно для философии, отдельно для культурологии?

*В русской культуре исторически сложился культ...*

- + государства
- демократизма
- европеизма
- порядка

Где бы посмотреть на этот культ государства? Если по Н. Я. Данилевскому, то у нас был, скорее, культ «европейничанья».

*Для гуманизма эпохи Возрождения характерны...*

- + интерес к человеческой личности
- + влияние идей гуманизма на сферу искусства
- разрыв с католической церковью
- влияние идей гуманизма на все сферы жизни общества

Правильность двух первых позиций понятна, но почему не оказывается влияние идей гуманизма на все сферы жизни общества? А. Ф. Лосев в своей «Эстетике Возрождения» показывает влияние ренессансных исканий и в науке, и в религии, и в общественно-политической жизни. Проявление гуманистических тенденций здесь, разумеется, иное, чем в искусстве, но видно отчетливо. Читаем «решение»: «*Вне сферы искусства влияние гуманистов на духовную жизнь общества было не столь значительно. Как философия, так и естествознание не вышли из-под власти церкви*» (Культурология / под ред. Ю. Н. Соломина, М. С. Кагана. – М., 2005). Ах, вот, оно что! Значит, художники вышли, а философы нет! Интересно, из какого номера журнала «Воинствующий безбожник» такая точка зрения? Если бы автор этого текста просто внимательно полистал альбомы по искусству, а еще и послушал бы музыку, то наверняка заметил бы, что 80 % ренессансных произведений написаны по заказу церкви, на религиозные сюжеты и выражают ее подходы. Другое дело, что способы реализации заметно отличаются от канонов, господствующих в Средние века (хотя и не отвергаются полностью), но это уже совсем другой вопрос. Во всяком случае, оснований противопоставлять искусство другим сферам жизни, по этому пункту, нет совсем.

*Социология заимствует у культурологии...*

- + некоторые методы полевого исследования
- научные термины

- логику научного вывода
- результаты научных исследований

Не очень понятно: зачем в тесте по культурологии выяснять, что у нее заимствует социология. Ну, да ладно. Однако все остальное выглядит более, чем странно. Общим местом для культурологии является акцентирование метанаучных обобщений, преобладание обобщений над эмпирическим знанием. В предлагаемом наборе вариантов для ответа можно подумать, что правильным является любой, кроме указанного автором.

Смотрим «решение»: *когда речь идет об этнографических методах, социологи прежде всего вспоминают «о включенном наблюдении как исследовательской практике, характеризующей классический этнографический инструментарий»* (О. Л. Лейбович). Помилуйте, этнография входит в систему исторических наук. Да, в культурологию сделали вклад некоторые выдающиеся этнографы, но ведь не полевыми исследованиями, а кабинетными теориями. Эмпирические исследования могут быть отнесены к культурологии только в некоторых разделах прикладной культурологии, которые вряд ли интересны социологам.

*Эпоха Просвещения характеризуется...*

- + промышленным переворотом
- + критическим мышлением
- гуманизмом
- появлением мануфактурного производства

То, что для Просвещения характерна критичность мышления – сомнений нет, а вот, с промышленным переворотом – как сказать. Его обычно датируют 1760–1820-ми гг. Причем особенно заметен он становится в XIX столетии, когда эпоха Просвещения уже закончилась. Начало же эпохи Просвещения, как правило, обозначают от Дж. Локка, т. е. со второй половины XVII в. К 60-м XVIII в. уже очень много всего было. Да, между двумя процессами есть небольшой период параллельного развития, но как-то трудно пове-

рить, что промышленный переворот – важная характеристика эпохи Просвещения.

*Культурологии по степени обобщенности знаний о «человеческой реальности» наиболее близка...*

- + социология
- этнография
- искусствоведение
- политология

Ничего не понял. Остальные чем хуже?

*Примером контркультуры можно считать культуру...*

+ итальянских гуманистов эпохи Возрождения

- русских старообрядцев
- бизнесменов
- античности

Фантастическая нелепость! Хотя и с оговорками, можно было бы ожидать в качестве правильного варианта «русских старообрядцев», у которых, по крайней мере, есть сознательное стремление не просто к отделению, но и к отрицанию доминирующей культуры. Но «гуманисты»?! Читаем решение: *«Возникнув как контркультура по отношению к доминировавшему христианству, он со временем занял ведущее положение во всех сферах культурной деятельности»* (Культурология / под ред. Ю. Н. Соломина, М. С. Кагана).

После такого заявления можно представить себе только следующее. Ф. Петрарка – старший из гуманистов, который, как известно, имел духовный сан, в свободное время от секретарской работы у кардинала, делал себе панковский ирокез, включал запись группы «Секс пистолз» и орал: «Долой церковь! Попов – к стенке!»

Очень сомневаюсь, что итальянских гуманистов можно объединить даже понятием субкультура. Какая там контркультура?!

*Язык культуры описывает реальность при помощи...*

- + формализации, метафоризации, искажения
- системы художественных стилей

- верификации, концептуализации, отождествления

- конечных значений и смыслов

*Решение:* «Набор знаков и правила их сочетания в языке всегда конечен, а поэтому ограничен по отношению к многообразию явлений действительности и смыслов. Поэтому закрепление смысла в языке, его «означение» предполагает не только формализацию, но и метафоризацию, определенное искажение» (Шейнин А. Г. *Культурология. XX в.: энциклопедия.* – СПб., 1998).

Совершенно не понятно, что имеется в виду. Более того, не становится яснее и после прочтения решения, потому что «закрепление смысла в языке» это все-таки не совсем тот же процесс, что «описание реальности».

*В предмете культурологии культура представлена в виде...*

+ моделей поведения

- мировой художественно культуры

- теорий и моделей развития человеческих обществ

- духовной связи между различными историческими периодами

*Решение:* «предметом культурологии является культура в ее развитии, в различных формах, видах, в ее функционировании и конфликтах. Причем, культура понимается как сложное образование, вбирающее в себя искусство, систему знаний, освоенных обществом, нравы, способы поведения, принятые в разных сферах человеческой деятельности» (О. Л. Лейбович).

Этот вопрос можно понимать только как провокацию, поскольку в «решении» заложено основание для обозначения не только одного варианта ответа как правильного.

*В средневековой культуре греховной считалась...*

+ телесная красота

- куртуазная литература

- книжная миниатюра

- любовь к Богу

Правильный ответ не вызывает затруднений, но сформулирован некорректно. В Средневековье совсем не считалось греховной телесная красота. Другое дело, что телесная красота может быть импульсом для греховных желаний, поэтому тело не рекомендовалось демонстрировать публично, но это уже про другое.

*Невербальные языки культуры преимущественно различаются...*

+ стилем

- символической

- семиотикой

- самобытностью

Опять совершенно не понятно логическое основание правильного ответа. Посмотрим решение: «различие в невербальных языках культуры имеют базовый преимущественно стилевой характер» (Флиер А. Я. *Культурология для культурологов.* Спасибо Андрею Яковлевичу, что он ввел в учебник важнейшую для искусствоведения категорию стиля. Однако составителю тестов неплохо было бы знать, что в разработке этого понятия семиотические аспекты – определяющие, поэтому противопоставлять стиль семиотике безграмотно.

Вообще, судя по предлагаемым «решениям», в рассматриваемых тестах задачей студентов является не освоение содержания курса культурологии, а выработка навыков поиска нужной фразы из учебника. Задача весьма непростая, потому что круг учебников довольно значительный (мне встретились порядка 10). Более того, она, похоже, имеет еще и мистический подтекст, потому что только таким способом можно извлечь нужные пособия из сотни лежащих в библиотеке, а какие-то надо и специально заказать.

*Разделами культурологии являются...*

+ прикладной

+ исторический

- теоретический

- прогностический

В решении перечислены разделы по учебнику «Культурология» (под ред. Ю. Н. Соломина, М. С. Кагана):

1. История мировой и отечественной культуры.

2. История культурологических учений.

3. Социология культуры.

4. Культурная антропология.

5. Прикладная культурология.

Интересно, в каком из перечисленных в «решении» разделах, авторы собираются разрабатывать понятийный аппарат теории культуры, делать описание ее структур, сочинять об этом формулировки для тестов по культурологии?

*Культура в обществе представляет собой сумму...*

+ **социальных технологий**

- производственных технологий

- правовых норм

- шедевров современного искусства

Решение: «Культура включает в себя **технология исполнения всех социальных ролей**: способы получения социальной информации, разученные роли, освоенные компетентности, употребимые средства, одобряемые цели, принятые поведенческие ориентиры» (Лейбович О. Л.).

С каких это пор «технология исполнения социальных ролей» стала синонимом «социальных технологий»?

Продолжать выяснять несуразности в тестах можно и дальше, но, по-моему, достаточно.

Помимо собственно содержательных проблем, тестирование выявило и ряд других вопросов, более важных, чем результаты остаточных знаний.

Главный из них: чего мы хотим, преподавая культурологию в негуманитарных вузах? Может быть, ее нужно давать только как специальную дисциплину в соответствующих учебных заведениях?

Из проблематики, преобладающей в вопросе, создается впечатление, что авторы тестов интерпретируют курс культурологии как некоторое дополнение к философии, воз-

можно, даже просто как философию культуры. В общем-то такая трактовка возможна, однако, вряд ли оптимальна.

Дело в следующем, Современные студенты, обучаясь в вузе, не склонны заботиться о своем личностном формировании. Даже живя в большом городе, не стремятся осваивать возможности его культурного комплекса. Большинство никогда не были в оперном театре, никогда живую не слышали симфонического оркестра, не видели коллекций живописи. Весьма туманные имеют представления о религиозных учреждениях и традициях, при том, что в подавляющем большинстве (около 80 %) [1] при ответе на вопрос о своем вероисповедании называют себя православными. Очень у многих не сформированы даже на уровне ознакомления представления о нравственных нормах, вплоть до того, что встречаются студенты, без всякой иронии утверждающие: «Воровать же можно!» Сюда нужно добавить полное невежество в этнической проблематике. Часто встречается безразличие даже к собственной национальной идентичности.

При таких обстоятельствах представляется не слишком правильным тратить время в единственном курсе, который может дать реальные жизненные ориентиры в важной для самоопределения проблематике. Более того, нельзя забывать, что из числа наших студентов выходит большое количество начальников, иногда очень крупных, от которых в будущем в определенной мере будут зависеть судьбы нашей культуры. Так, стоит ли в таких условиях тратить время на выяснение различий между философией культуры и теорией культуры, устанавливать механизмы влияния социологии на культурологию и обратно, углубляться в особенности классификации первичных и вторичных языков, учитывая, что культурный тезаурус многих студентов не позволяет понять устройство ни тех, ни других?<sup>1</sup>

<sup>1</sup> Подходы к построению курса «Культурология» я рассматривал в ряде работ (см., напр., [2]).

## Литература

1. Лесовиченко А. Духовно-нравственные проблемы студентов и пути их разрешения // Художественная культура и образование: теория, история, методика. – Новосибирск; Херсон, 2008. – С. 14–20.
2. Лесовиченко А. М. О воспитательных ресурсах курса культурологии в вузе // Формирование инновационного мышления и профессиональной ответственности в вузе. – Новосибирск, 2009. – С. 209–212.

УДК 339.9:061.2ТПП(571.17)

*Н. Р. Новосельцев*

**АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ  
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУЗБАССКОЙ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ  
КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (2002–2010 гг.)**

В статье рассматривается внешнеэкономическая деятельность Кузбасса на современном этапе. Значительную роль в реализации этой деятельности играет Кузбасская торгово-промышленная палата (далее – КТПП), в рамках которой был создан Департамент внешнеэкономических связей. В результате анализа были выделены два основных направления: межрегиональное и международное.

**Ключевые слова:** внешнеэкономическая деятельность, торгово-промышленная палата, административная реформа, Департамент внешних экономических связей, тенденция, ярмарка, выставка, форум, торгово-экономическая миссия, Кузбасс.

*N. R. Novoseltsev*

**THE ANALYSIS OF THE MAIN TRENDS OF EXTERNAL ECONOMIC  
ACTIVITY OF KUZBASS CHAMBER OF COMMERCE  
AND INDUSTRY OF KEMEROVO REGION (2002–2010)**

It is considered the external economic activity of Kuzbass in modern stage in this article. Kuzbass Chamber of Commerce and Industry plays significant role in realization of this activity, in which Department of external economic relations was founded. As a result of analysis two main trends of external economic activity of Kuzbass were considered: interregional and international.

**Keywords:** external economic activity, Chamber of Commerce and Industry, administrative reform, Department of external economic relations, trend, fair, exhibition, forum, trade-economic mission, Kuzbass.

В начале XXI в. по-прежнему актуальными остаются проблемы модернизации и изменения сырьевой направленности российской экономики, роста инвестиционной привлекательности регионов, повышения конкурентоспособности продукции и ускоренного внедрения инноваций.

Сложившаяся ситуация говорит о необходимости поиска новых рычагов и механизмов, способных обеспечить устойчивое

социально-экономическое развитие регионов России и страны в целом. Одним из перспективных направлений, которое оказывает влияние на решение ключевых задач регионального развития в условиях глобализации и вовлечения в мирохозяйственные связи непосредственно субъектов Российской Федерации, является внешнеэкономическая деятельность региона. И Кемеровская область здесь не исключение.

Значительную роль в системе общественных объединений, оказывающих влияние на развитие внешнеэкономического сотрудничества с зарубежными партнерами, играет торгово-промышленная палата (ТПП). Палата – это негосударственная, некоммерческая организация, объединяющая своих членов для реализации целей и задач, определенных Законом Российской Федерации «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» от 7 июля 1993 г. и Уставом Палаты от 10 декабря 2003 г. Она представляет интересы малого, среднего и крупного бизнеса, охватывая своей деятельностью все сферы предпринимательства – промышленность, внутреннюю и внешнюю торговлю, сельское хозяйство, финансовую систему, услуги; содействует развитию экономики страны и регионов и созданию благоприятных условий для развития всех видов предпринимательской деятельности [1].

Задачей статьи является выявление основных направлений внешнеэкономической деятельности ТПП Кемеровской области на основе анализа материалов текущего архива.

В период с 2002 по 2010 гг. с участием КТПП было проведено 101 мероприятие в сфере внешней торговли, из которых только 21 являются результативными. Критерием результативности встречи в данном контексте является подписание документов (соглашений, протоколов, меморандумов и др.).

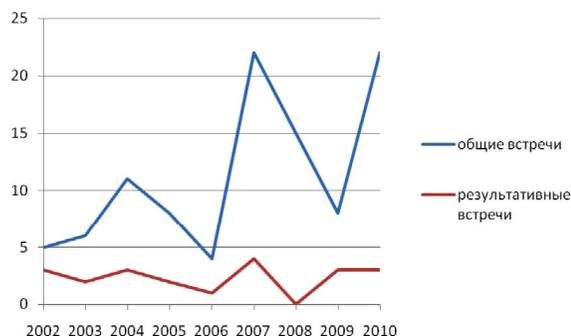


Рис. 1. Внешнеэкономическая деятельность

Анализируя архивные материалы КТПП, можно прийти к выводу, что большое количество мероприятий в сфере внешнеэкономической деятельности было проведено в 2007 и в 2010 гг. Эти факты можно объяснить следующим образом: в 2007 г. был образован Департамент внешнеэкономической деятельности в рамках КТПП, а 2010 г. – это первый посткризисный год.

Основываясь на данных архивных материалов КТПП, автором было выделено два основных направления внешнеэкономической деятельности. Первым является межрегиональная деятельность.

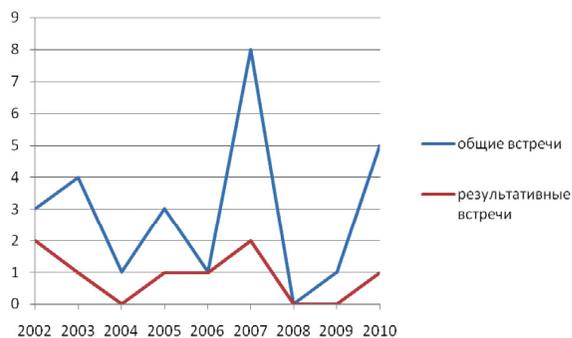


Рис. 2. Межрегиональная деятельность

В аналогичный период (2002–2010) было проведено при участии КТПП 26 межрегиональных мероприятий, 8 из которых можно считать результативными.

В рамках переговоров кузбасских деловых кругов с делегацией Челябинской области в мае 2002 г. было подписано два договора на поставку в Кузбасс автотранспортной техники и барьерных ограждений, а также тракторов, запчастей к ним, дизель-генераторов, бурового оборудования, резино-технических изделий. Данные договоры явились вкладом палаты в осуществление соглашения от 20 апреля 2000 г. между нашими областями. В ноябре 2000 г. торгово-экономическая миссия предприятий Пермской области посетила Кемерово. По итогам миссии было

подписано 4 договора на поставку в Кузбасс пенополиуретана, электродов, некорневых аэрозольных удобрений, также на поставку в Кузбасс запчастей к горно-шахтному оборудованию, средств пожаротушения, фанеры. Деловой визит делегации предприятий Кузбасса – членов КТПП – в Тольятти состоялся в апреле 2003 г. Во время пребывания состоялось 60 бизнес-встреч, по итогам которых были достигнуты договоренности о сотрудничестве в области применения новейшей технологии изготовления керамзита, созданию станции гарантийного техобслуживания автомобилей и др. [2].

Развитие сотрудничества с Алтайским краем началось с торгово-экономической миссии в Кузбасс 27–30 сентября 2005 г. Визиты в Кемерово и Новокузнецк были организованы КТПП и АлтТПП. Предприниматели 47 предприятий Юга Кузбасса встретились со своими алтайскими коллегами. Итогом переговоров стало около 120 встреч, было подписано 5 протоколов о намерениях, достигнуто порядка 60 устных договоренностей между предпринимателями предприятий соседних регионов [3]. В следующем году состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между ТПП двух регионов в рамках официального визита делегации Республики Башкортостан в Кузбасс. В соответствии с подписанным протоколом о сотрудничестве между Правительством Республики и администрацией г. Кемерово Кузбасс приобрел в республике троллейбусы производства ОАО «Башкирский троллейбусный завод», автобусы «Нефтекамский автозавод» и др. [4].

В рамках визита делегации Алтайского края в Кузбасс 1 февраля 2007 г. было подписано соглашение между администрациями Кузбасса и Алтайского края о торгово-экономическом, научно-техническом, социальном и культурном сотрудничестве. В конце этого года алтайские бизнесмены посетили Кузбасс в рамках торгово-экономической

миссии. Было проведено 66 встреч, 17 из которых завершились конкретными договоренностями о дальнейшем сотрудничестве. Например, договоры о поставке с Алтай окрасочного оборудования (между ЗАО «БЭЛСИ Групп» и ОАО «Угольная компания «Кузбассразрезуголь»), договор о взаимных поставках между ООО «КузбассТИСИЗ» и ЗАО «БЭЛСИ Групп» на оказание проектно-исследовательских услуг и поставке погружных вибраторов, договор между Кемеровским предприятием «Промстройполимер» и алтайским ООО «Термоблок» на изготовление кузбасским предприятием комплектующих изделий для полиэтиленовых трубопроводов [5].

Установление и развитие деловых контактов с г. Хабаровск ведет отсчет с 2010 г., когда был организован визит делегации Кузбасса в тот регион. По итогам деловых встреч был подписано Соглашение на поставку минеральных удобрений для нужд АПК Хабаровского края (ОАО «СИБУР» Минеральные удобрения), два договора на открытие представительств и складов оборудования ЗАО «Химуглемет». В Кузбасс в соответствии с договоренностями будут осуществляться поставки рыбы и морепродуктов [6].

Возвращаясь к рис. 2, можно констатировать явные скачки (2007 – образование новой структуры и 2010 – первый год после кризиса) и спады (2008, 2009 – разгар мирового финансового кризиса).

Вторым направлением внешнеэкономической деятельности являются международные отношения.

За исследуемый период было проведено 73 встречи. В рамках торгово-экономической миссии в Алматы (октябрь 2002) некоторые кузбасские предприятия смогли восстановить прежде существовавшие деловые контакты с казахстанскими компаниями. У кузбасских бизнесменов появились новые торговые партнеры. Например, «Химволокно АМТЕЛ-Кузбасс» подписал контракт

с ковровой фабрикой г. Алматы на поставку 55 тонн полиамидного волокна. В следующем году делегация предпринимателей из Южно-Казахстанской области (ЮКО) посетила Кемерово. Состоялось около 50 встреч. Итогом переговоров явились договоренности на поставку в ЮКО металлопроката («ЗСМК», г. Новокузнецк), электродвигателей («Кузбас-электромотор», г. Кемерово), пресс-порошка («Токем», Кемерово) и др. Плодотворные двухсторонние отношения с индийской стороной берут начало с визита индийской делегации в Кузбасс во главе с послом господином Кришнаном Рагхунагхом (январь 2004). По результатам встречи подписано соглашение между КТПП и Индийским Бизнес-Альянсом по содействию развитию экономического и коммерческого сотрудничества в разных формах, в том числе и путем обмена делегациями предпринимателей. Также состоялась торгово-экономическая миссия предприятий Республики Беларусь в Кемерово. В результате миссии стороны достигли договоренности о поставках автобусов в Кузбасс, в частности по лизинговым схемам, а также по встречным поставкам в Беларусь аккумуляторных батарей, весового оборудования и др. [7].

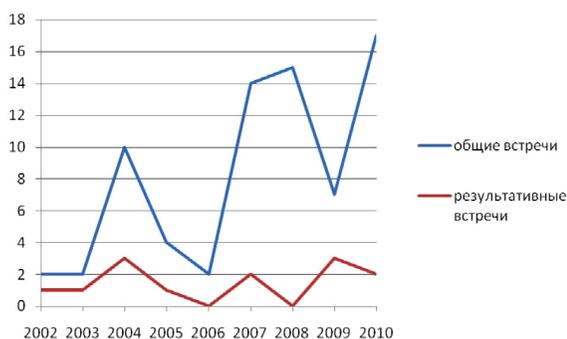


Рис. 3. Международная деятельность

Для ведения переговоров с китайской стороной КТПП и Администрация Кемеровской области с официальным визитом

прибыла в Харбин. В ходе встречи президента КТПП с президентом Харбинского филиала Комитета Янг Джиньша стороны подписали соглашение о сотрудничестве между двумя организациями. Для бизнесменов поездка также оказалась полезной: было подготовлено около 30 контрактов по сотрудничеству [8].

В рамках «Года России в Китае» (2007) прошли «Дни Чунцина в Кемеровской области». Проведена презентация г. Чунцин, состоялась торгово-экономическая миссия китайских и кузбасских бизнесменов. В миссии приняли участие 110 кузбасских предприятий, подписаны 3 соглашения о многостороннем сотрудничестве: между Юго-Западным университетом Чунцина и КГСИ по развитию взаимовыгодных академических программ и курсов, включая аспирантуру, обмен студентами, преподавателями, учебными материалами; между Чунцинским комитетом по внешнеэкономическим и торговым связям и КТПП по развитию бизнес-связей в сфере торговли, совместных производств, инвестиций; между Чунцинским ООО «Носин» и ООО ПО «ТОКЕМ» на поставку химической продукции. Также открыт Центр по обучению китайскому языку в КемГУ. В конце сентября 2007 г. в Кемерово прибыла делегация из Чунцина по энергетике. По итогам встречи подписан протокол между АКО, Институтом угля и углехимии СО РАН и делегацией по энергетике [9].

В 2009 г. состоялся еще один официальный визит кузбасской делегации в Харбин. По результатам встречи подписано соглашение «О сотрудничестве между КТПП РФ и Харбинским филиалом Китайского Комитета содействия международной торговле КНР». В этом же году прошла торгово-экономическая миссия предприятий Северного Казахстана (далее – СКО) в Кемерово – подписано соглашение о сотрудничестве между КТПП

и ТПП СКО: стимулирование информационного обмена, содействие поиску партнеров по торговому сотрудничеству для членов палат на территории Кузбасса и СКО; также состоялся визит делегации из Беларуси в Кузбасс – был подписан протокол по реализации действующего соглашения между Могилевским областным исполнительным комите-

том Республики Беларусь и Администрацией Кемеровской области [10].

Таким образом, анализируя внешнеэкономическую деятельность КТПП, мы можем констатировать, что активнее развивалось межрегиональное сотрудничество и приоритетным партнером в данный период являлся Алтайский край.

### **Литература**

1. Миссия ТПП РФ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tpprf.ru/ru/about/mission/>
2. Аналитическая записка кузбасской торгово-промышленной палаты. – Кемерово, 2005. – 78 с.
3. Текущий архив кузбасской торгово-промышленной палаты. Папка № 3.-4.5-13-21-19, п. 2.2.1.
4. Там же.
5. ТА КТПП. Папка № 3.-4.5-13-21-19, п. 2.2.1 – 2.2.2.
6. Там же.
7. Аналитическая записка кузбасской торгово-промышленной палаты. – Кемерово, 2005. – 78 с.
8. ТА КТПП. Папка № 3.-4.5-13-21-19, п. 2.2.1.
9. ТА КТПП. Папка № 3.-4.5-13-21-19, п. 2.2.1 – 2.2.2.
10. Информация о визитах и деловых миссиях Кемеровской области за рубежом [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.ved.kuztpp.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=11&Itemid=66](http://www.ved.kuztpp.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=11&Itemid=66)



УДК 801.73:81-13

*М. В. Межова*

## ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ СЛОВА В ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается проблема культурологической эквивалентности перевода художественного текста на уровне слова. Акцентируется внимание на переводе безэквивалентной лексики, состоящей из культурно-специфических единиц. Проводится сопоставительный анализ русского художественного текста оригинала с его переводом на английский язык, где выявляется неадекватность переноса лингво-этнической лексики в другую языковую среду.

**Ключевые слова:** перевод, безэквивалентная лексика, адекватность перевода, эквивалентность перевода, культурно-специфическая лексика, художественный текст.

*M. V. Mezhova*

## PROBLEM OF CULTURAL EQUIVALENCE OF THE WORD IN THE TRANSLATION OF LITERARY TEXT

The article considers the problem of cultural equivalence of translation of literary text on the word level. It is focused on the translation of nonequivalent vocabulary consisted of culture-specific words. The comparative analysis of Russian literary text and its translation is provided, where nonequivalences in the vocabularies are identified.

**Keywords:** translation, nonequivalent vocabulary, adequate translation, equivalent translation, culture specific vocabulary, literary text.

Обращаясь ко многим дискуссиям в области переводоведения, можно выделить некоторые наиболее сложные виды переводческой безэквивалентности, с которыми приходится сталкиваться во время перевода, то есть переноса текста из одной языковой и культурной среды в другую. Для того чтобы определить проблемное поле безэквивалентности, необходимо рассмотреть содержание понятия, заключенного в термине «эквивалентность». В современной теории перевода термин «эквивалентность» обозначает соответствие текста перевода тексту оригинала. Эквивалентность имеет объективную языковую основу и, как правило, включает в себя представления

о результате перевода, максимально близком к оригиналу, и о средствах этого результата. Термин «эквивалентность» относительно перевода предложил принять Р. Якобсон в статье «О лингвистических аспектах перевода»: «эквивалентность – это переводческий прием, который заключается в описании той же ситуации, что и в оригинале, но в абсолютно другой редакции» [4]. Эквивалентность предстает как довольно сложное и многогранное понятие, которое сводится к переводу, воспроизводящему содержание оригинала на одном из уровней эквивалентности. Поскольку важность максимального совпадения между текстом-оригиналом и

переводом очевидна, эквивалентность рассматривается как основной признак и условие существования перевода. Так, например, Дж. Кэтфорд определяет перевод как «замену текстового материала на одном языке эквивалентным текстовым материалом на другом языке» [5]. Ю. Найда утверждает, что перевод заключается в создании на языке перевода «ближайшего естественного эквивалента» оригиналу [7]. В современном переводоведении можно обнаружить три подхода к переводческой эквивалентности. Это неизменность содержания, нахождение в оригинале инвариативной части, которая не является обязательным признаком перевода, то есть инвариантность и эмпиричность. Таким образом, переводческая эквивалентность подразумевает чаще лингвистический подход и реже – культурологический или литературоведческий.

К основным параметрам эквивалентности можно отнести эквивалентность на уровне слова и текста. В данной статье рассматривается эквивалентность в культурологическом поле художественного текста на уровне слова. Проблема заключается в следующем: что необходимо делать для нахождения эквивалентного слова в языке перевода, которое бы выражало то же самое значение, что было заложено в языке оригинала? Но прежде чем рассмотреть специфические типы отсутствия эквивалентности (наличие безэквивалентности) и различных стратегий, которые бы могли быть использованы для решения проблемы, важно представить, что есть слово, главный ли это смысловой элемент в языке, какое значение оно может передавать и как языки отличаются в определенных смыслах. Слово – это самый маленький элемент, который нужно расшифровывать. Именно слово имеет свое индивидуальное значение (смысл), слово – это основной смысловой элемент в языке. Чтобы добиться коммуникативной цели при переводе текста, переводчик начинает в первую очередь расшифровывать

некоторые элементы и конструкции текста для понимания исходного заложенного смысла. Обобщив некоторые общие принципы передачи лексики оригинала в перевод, представляется возможным считать, что слово – это мельчайший самостоятельный носитель значения в языковом коде. Оно оказывается мельчайшей частицей комплексного содержания текста; может обладать однозначной, независимой от контекста соотносительностью со словом или словосочетанием языка перевода и передается в этом случае с помощью эквивалентного соответствия; слово может обладать многозначностью, тогда его значение разрешается контекстом и передается с помощью вариантного соответствия; слово может выступать в процессе перевода как самостоятельная единица перевода, с точки зрения семантики, но это далеко не единственная единица перевода в тексте; как правило, в тексте переводчик находит сочетания разных единиц перевода, и слово – только одна из них.

Так, например, слово «**rebuild**», состоящее из «**re**» и «**build**», означает «перестроить заново». Или «**disbelieve**», что может быть перефразировано как «**not to believe**». Такие примеры изменения смысла, которые представляются несколькими орфографическими словами в одном языке, имеют абсолютно другой смысл в другом языке. Выражение «**tennis player**» в турецком языке имеет одно слово «**tenisci**», «**if it is cheap**» на японском – «**yasukattara**», в то время как глагол «**ture**» в испанском языке имеет три слова «**pasar a máquina**» [6]. Эти примеры показывают, что значение слова при переводе трансформирует значение не только в слово, равнозначное переводимому смыслу, но и иногда в многокомпонентную смысловую конструкцию, состоящую из нескольких слов, отражающих эквивалентное значение оригинала.

Предметом данного исследования является проблемное поле культурологической

переводческой эквивалентности на уровне слова или проблема перевода «культурно-специфичных единиц» текста. Язык оригинала текста может выражать такое понятие, которое полностью отсутствует в культуре, на язык которой переводится текст. Так, например, к таким культурно-специфическим единицам относятся экзотизмы, имена собственные, междометия и звукоподражания, фразеологические единицы, просторечие, диалект, сленг, архаизмы. Понятие каждого слова по своей сущности может быть абстрактным или конкретным; оно может относиться к религиозной вере, обычаям, типу еды и т. д. Такие понятия рассматриваются как культурно-специфичные. Примером абстрактного понятия на английском языке можно рассмотреть на труднопереводимом слове «privacy» (уединение, уединенность; тайна, «in the privacy of one's thoughts» – в глубине души). Это абсолютно «английское» понятие, которое редко будет понятно представителям других культур. Слово «Speaker» (House of Commons) не имеет эквивалента во многих языках (русском, китайском, арабском и др.). На русский это понятие чаще всего переводится как «Chairman», что не отражает роли спикера в палате общин Англии.

Язык перевода может также иметь специальные слова для выражения смысла, но не иметь слова, выражающего общее понятие для обозначения семантического поля. В русском языке нет эквивалента для английского слова «facilities», что означает «any equipment, building, services», которые обеспечивают деятельность в определенной области.

В каждом языке имеется огромное количество слов, имеющих отличительные особенности, присущие только для одного языка. Так, например, в английском языке, слову «article» сложно подобрать нужный эквивалент во многих других языках, например: «feature, survey, report, critique, commentary, review». Слово «house» может также иметь

несколько скрытых смыслов, эквивалентов которых нет в других языках, например: «bungalow, cottage, croft, chalet, lodge, hut, mansion, manor, villa, hall». Для слова «jump» можно найти более специфичные глаголы, такие как: «leap, vault, spring, bounce, dive, clear, plunge, plummet».

Таким образом, существуют культурно-специфические единицы языка чужой культуры, которые лишь внешне, по признаку наличия устойчивого лексического соответствия, аналогичны единицам других культур, и в этом случае необходимы усилия переводчика, чтобы помочь разобраться в отличиях, поскольку они не имеют близких аналогов в других культурах. При переводе таких слов необходимо применять прием «культурного замещения», то есть подбор таких эквивалентов (из лексики, принадлежащей языку перевода), которые не изменили бы смысл данных слов.

Практическим анализом данной статьи послужил текст перевода художественного текста. Объектом художественного перевода является художественная литература. Отличительной чертой художественного произведения является образно-эмоциональное воздействие на читателя, что достигается путем использования огромного количества разнообразных языковых средств, от эпитета и метафоры до ритмико-синтаксического построения фразы, а также наличие в тексте языковых единиц, имеющих место только в данной культуре и относящихся к определенной эпохе [1].

Данная статья представляет анализ на основе сравнения одной главы произведения И. С. Тургенева «Записки охотника» [3] с его переводом на английский язык I. Turgenev, *Sketches from a Hunter's Album*, в переводе Ричарда Фриборна (Richard Freeborn) [8].

Слово «записки» из названия произведения переведено как «sketch», что в словаре обозначается как «эскиз, набросок, очерк,

отрывок» [3, с. 687]. Вроде незначительное расхождение в смысле, но, тем не менее, привычный для русского читателя смысл переходит в другую культуру, преломляя смысл, заложенный русским автором.

Также стоит обратить внимание на перевод некоторых обиходных слов, присущих той эпохе, когда было написано произведение (середина XIX в.): **country** – **уезд** (в словаре: «country – страна, родина, отечество, деревня, местность, провинция»); **province** – губерния (в словаре: «**province** – **область**, **провинция**, **периферия**») [2, с. 174]; **hut** – изба (в словаре: «hut – хижина, лачуга, хибарка, барак»); **bastshoes** – лапти (в словаре: **bast** – лыко, луб, мочало; **shoes** – полуботинок, туфля, башмак) [2, с. 678]; **landowner** – помещик (в словаре: «**landowner** – **землевладелец**» [2, с. 423]); **small lamp** – лампадка; **office** – контора; **shelter** – шалаш (в словаре: «shelter – приют, кров, убежище, прикрытие, укрытие») [2, с. 677]; **orlov peasant** – орловский мужик; **miles** – верста; **round the yard** – на задворке и т. д. Причем, описание этого «орловского мужика» переведено на английский язык без просторечных выражений, примененных у автора: «Орловский мужик был *невелик* ростом, *сутуловат*, *угрюм*, *глядит исподлобья...*» – «Orlov peasant is a man of little estate, round-shouldered, gloomy...» [8, p. 19]. Слово «**барщина**» переведено как «*soigneur*» (фр.), в конце книги есть ссылка с объяснением данного слова. Также переводчик использует и французское слово «*plazas*» для передачи слова «площадь». «“Площадями” называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов: орловское наречие отличается вообще мно-

жеством своеобразных, иногда весьма метких, иногда довольно безобразных слов и оборотов» [3, с. 55]. «Жиздринский уезд» переводчик переводит как «Zhizdra» и дает описание в конце книги как «Zhizdra is a region of Kaluga Province» [8, p. 265].

Некоторые просторечия, присущие жителям Волховского и Жиздринского уезда, обозначаются в переводе современным английским языком: «отведайте – *try it*; извольте – *certainly*; упразднена – *not used now*; батюшка – *sir*; рублев – *roubles*; да уж так – *that's my business*; тотчас – *directly*; после чаю – *after tea*; лапоть подвязываю – *dothe shoes*.

Данный анализ осуществлен ни в коей мере не для критики представленного перевода, а для того, чтобы акцентировать внимание именно на культурологическом аспекте перевода художественных текстов. Несмотря на то что перевод является объектом лингвистических исследований, в последнее время большое внимание уделяется культурологическому подходу к переводу. В условиях взаимосвязи и взаимозависимости современного мира различные культуры не изолированы друг от друга, а постоянно контактируют и взаимодействуют.

Именно адекватный и эквивалентный перевод художественного текста является одним из тех инструментов, которые точно передают информацию о той или иной культуре, раскрывают своеобразие и многообразие культурных ценностей, обычаев и традиций, способствуют взаимопониманию и взаимоуважению, обогащают культуру каждого народа, вносят большой вклад в развитие его языка, литературы.

### Литература

1. Алимов В. В. Теория перевода. Перевод в сфере профессиональной коммуникации: учеб. пособие. – 2-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 160 с.
2. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь. – М., 2004. – 640 с.
3. Тургенев И. С. Муму. Записки охотника: рассказы / вступ. ст. и коммент. В. Сахарова. – М., 2005. – 239 с.

4. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Избр. раб. – М., 1985. – С. 16–24.
5. Catford J. Linguistic Theory of Translation. – Oxford: University Press, 1965.
6. Mona Baker. Course on Translation, 2006.
7. Nida E. Towards translation. – Leiden, 1964.
8. Turgenev I. Sketches from a Hunter's Album/ Richard Freeborn, 2001.

УДК 002

*А. М. Чеботарев, В. Я. Аскарлова*

### ЭСТЕТИКА В ОФОРМЛЕНИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ ПЕЧАТНОЙ ГАЗЕТЫ

В статье рассматриваются особенности оформления первой русской печатной газеты – «Ведомости». В качестве элементов оформления использовались гравюры, графические заставки, шрифтовые выделения и композиционные приемы, виньетки, цвет. В поисках своего стиля «Ведомости» сочетали подражательность Западу и выраженное национальное своеобразие.

**Ключевые слова:** первая русская газета, Петр I, оформление, гравюра, шрифт, виньетки, кириллический и гражданский шрифт, национальное своеобразие.

*A. M. Chebotaryov, V. Y. Askarova*

### ESTHETICS IN DESIGN OF THE FIRST RUSSIAN NEWSPAPER

The article considers peculiarities of design of the first Russian printed newspaper «Vedomosty». As the design elements there have been used engravings, graphic miniatures, type accentuations and compositional devices, vignettes, color. In search of its style «Vedomosty» combined imitation of the West and signified national peculiarity.

**Keywords:** the first Russian newspaper, Peter I, design, engraving, type, vignettes, Cyrillic and civil font, national peculiarity.

Одним из важнейших факторов национальной культуры является пресса. В содержании и оформлении газеты отражается видение приоритетов общественного развития, представления о значимости тех или иных событий. В этом отношении все больший интерес вызывает первая русская печатная газета «Ведомости», проводник петровской государственной политики, который император использовал для роста национального самосознания, формирования патриотических настроений и более осмысленного участия населения в государственных преобразованиях. В наше время у «Ведомостей» VIII столетия появился идейный преемник – газета «Петровские ведомости», которая начала вы-

ходить в Петербурге в 90-е гг. XX столетия. Как и детище императора-реформатора, она привлекает внимание к людям, которые служат общественной пользе, и делам, которые приносят славу России – «приводят в порядок планету». И в этом деле нет мелочей: отбор материала для публикации, каждая деталь оформления (цветовые, шрифтовые решения, виньетки и проч.) составляют единой целое, образующее газету. Петровским «Ведомостям» посвящено немало исследований; среди них отметим содержательные работы П. Н. Беркова, Т. А. Быковой А. П. Киселева, С. М. Томсинского, А. И. Тошева и др., однако вопросы оформления в них рассматривались фрагментарно. Данная статья преследует

цель объединить разрозненный материал и дать более целостное представление о единстве содержания и оформления петровского первенца российской периодической печати.

Появлению первой русской печатной газеты предшествовал выпуск рукописной газеты «Вести-куранты» («вестовые письма»), выходившей в Посольском приказе с 1621 г. (есть данные о выходе отдельных номеров с 1600 г.). Ее название произошло от французского слова «courant» – текущий. «Вести-куранты» выпускались примерно 2–4 раза в месяц. Издание содержало преимущественно обзоры немецкой и голландской прессы, фрагменты переписки частных лиц и донесений содержавшихся за границей информаторов. Публиковались также известия о сражениях, взятии городов, приемах послов; это была просто сводка новостей, своего рода конфиденциальных документов, которые предназначались в основном для царя и его приближенных, которые зачастую воспринимали содержание материалов с голоса, в исполнении чтецов. Материал в русском переводе заносился на узкие длинные листы бумаги – «столбцы» (их еще называла «листовыми письмами»), которые подклеивались один к другому (рис. 1). Обзоры и перепечатки, пересказы зарубежных оригиналов давали представление о состоянии иностранной периодики, ее жанрах: письмах, трактатах, памфлетах, что не могло не отразиться на содержании отечественных периодических изданий [9].

Однако остальное население находилось в состоянии информационного вакуума; лишь в последние два десятилетия XVII в. «Вести-куранты» писались не в одном, а в нескольких экземплярах и постепенно утратило скрытый дипломатический характер. Однако большинство населения пребывало в информационном вакууме и узнавало об указах при зачитывании их бичурочами на рынках и в церквях, об основных

событиях общественной жизни, новостях – от глашатаев, странников, юродивых и сказителей былин. Доминировала, таким образом, устная коммуникация.



Рис. 1. Вести-Куранты. Первый лист «вестей» за 1631 год

Радикально изменил ситуацию в этой сфере Петр I. Стремясь европеизировать

страну и утвердить могущество России, расширить круг активных сторонников своих реформаторских преобразований, император 16 декабря 1702 г. подписал «Указ о печатании газет для извещения оными о заграничных и внутренних происшествиях». Указ гласил: «Великий государь указал: по ведомостям о военных и всяких делах, которые надлежат для объявления Московского и окрестных Государств людям, печатать куранты, а для печати тех курантов, ведомости, в которых приказах, о чем ныне какие есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырский приказ, без мотчания (то есть без промедления. – А. Ч.), а из Монастырского приказа отсылать те ведомости на Печатный двор» [7, с. 201].

В отличие от «Вестей-курантов», практически не выходивших за пределы Кремля, «Ведомости» (которые император порой привычно называл «курантами») должны были быть проводником императорских реформ, общедоступной государственной газетой, повышающей информированность грамотного населения и способствующей петровским преобразованиям. Газета информировала о военных действиях, победах российского оружия, развитии промышленности, торговли, успехах науки и просвещения; она была направлена на поддержку национальной самостоятельности и независимости.

«Ведомости» предназначались для распространения в свободной продаже; стоимость «любезнейшего органа» императора составляла 1–2 деньги, но иногда, при большом количестве листов, стоимость издания могла составлять и 6 денег. Однако первая русская печатная газета, в отличие от аналогичных зарубежных изданий, носила явно идеологический, а не коммерческий характер. Более того, Петр заботился о ее безденежном распространении среди простого люда: он распорядился, чтобы номера «Ведомостей» в трактиры передавали бесплатно, а за их чтение посетителей бесплатно поили чаем.

Первым редактором «Ведомостей» был историк и литератор Федор Поликарпов, в его обязанности входила подготовка материала к печати, обработка переводов из иностранной печати, добывание нового материала из различных ведомств и канцелярий. С 1711 г. стали выходить петербургские выпуски газеты: в первые годы ее редактировал Михаил Абрамов при активном участии переводчика Бориса Волкова, который впоследствии стал ответственным за питерские выпуски «Ведомостей». Непосредственное участие в выпуске газеты принимал император: Петр I **собственноручно отбирал материалы к печати**, снабжал газету поступавшими к нему донесениями, «письмами», иногда сам писал тексты, редактировал материал, добиваясь ясности изложения [5].

Оформление, содержание и характер первой печатной газеты во многом определялись западным влиянием. В частности, отмечалось подражание гамбургской газете «Нордишер Меркуриус»; однако «Ведомости» вскоре избавились от присущей этому изданию официозности (в русской газете приветствовался «кудрявый» слог, допускались ирония, полемическая фраза, дифирамбы – допускалось использование всего богатства русского языка) и, кроме того, изначально не имели строгой регулярности немецкого издания. По данным А. И. Тошева, периодичностей «Ведомостей» колебалась от двух дней (например, в декабре 1722 г.) до года [9].

Т. А. Быкова отмечает, что в характере первой русской печатной газеты явно угадывается и голландское влияние. Как и в голландских газетах, в «Ведомостях» отсутствовали рубрики, различные сообщения излагались бессистемно. Единое название, формат, точная периодичность выхода

в свет, последовательность нумерации отсутствовали у голландских газет; не было всего перечисленного и у «Ведомостей» [3]. «Ведомости» печатались по мере накопления материала, что определяло их периодичность и объем.

Точного названия у газеты не было; общим названием принято считать «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах. Начаты в лето от Христа 1704-е, от генваря а окончены декабрем сего же года». Другие названия: «Ведомость о Митавской осаде», «Российские ведомости», «Подлинное доношение», «Эссенция из французских печатных газетов», «Реляция» и др. [2]. Тираж также был «плавающим» (он составлял примерно от 150 до 500 экземпляров, но в ряде случаев доходил и до 2 500).

Многие номера газеты по содержанию представляли собой смесь разнообразных сведений: от описания сражений до рекламы целебных вод. По жанровому составу публикации было достаточно разнообразны: печатались событийные репортажи, политические фельетоны, памфлеты, небольшие научно-популярные статьи, тексты рекламного характера, различные «письма», сообщавшие газете некоторую публицистичность. Однако предпочтение явно отдавалось информационным сообщениям и событийным репортажам, связанным с военными действиями: со временем наиболее важные абзацы сообщений такого рода (например, о разгроме шведов под Полтавой) стали набирать киноварью.

Внешне газета представляла собой одну восьмую часть листа (как тогда говорили, «в осьмушку»), почти без полей, однако некоторые номера выходили в четверть и даже в лист. Издавалась она то в виде книжечки, то на целом листе. Это были ли-

сты с «письмами», гравюры, выполненные в стилистике газеты. Предположительно они выходили отдельно из-за несовпадения с общей тональностью газеты и продавались отдельно [5]. Часто тексты дублировались: одно и то же сообщение могло быть опубликовано в газете и выпущено в форме плаката. Кроме того, выходили и «листы» особо важного содержания, с которым в срочном порядке должно было ознакомиться большое количество людей. Текст печатался с одной стороны листа, чтобы его можно было размещать на стенах и заборах. Набирались они, как правило, более крупным шрифтом, чем обычно тексты «Ведомостей». В основном такие «плакаты» распространялись безденежно, использовались для победных реляций и иных важнейших событиях.

Однако были ли они газетой или ее частью? Никто из исследователей не пытался выяснить вопрос о комплектовании печатных листов, которые объединили под общим названием «Ведомости». К полиграфической форме газеты они могут быть отнесены с большой натяжкой, потому что форма существования таких «реляций» подчеркнута публичная, предназначенная для всеобщего обозрения. Несмотря на то, что они обнаруживались вперемешку с «Ведомостями» и имели графические знаки принадлежности к газете, часто имели свои заголовки и повторяли материал газеты, скорее это был шрифтовой информационный плакат. Характер сообщений на этих листах был разный: «Изъявления о затмениях», «Об акции под Полонным», просто «Реляция» и др.

Отдельные текстовые плакаты имели заголовки «Объявление». Так, после победы русских войск при деревне Лесной (1708 г.), названной Петром «матерью Полтавского сражения», в Москве издается «Объявление баталии меж его царским величеством российским, и швецким генералом гра-

фом Левенгоппом при деревне Лесной...». Оно было напечатано на одной стороне листа размером 375 x 422 мм в рамке. Лист разделен на 7 вертикальных колонок, в трех левых помещены тексты на русском языке: 1) текст «Объявления»; 2) «Описание наших полков, сколько было...»; 3) Описание неприятельских полков, сколько было». Справа – три графы с тем же текстом на голландском языке [8]. Русский текст был написан мелким шрифтом, с ударениями. Известно также, что листы этого «Объявления» были напечатаны гражданским шрифтом (до его официального ведения в «Ведомостях»!) в количестве 165 экз. [6]. Иногда подобные «листы» красочно оформлялись; так, плакат «Из лагеря у Полтавы» имел заголовков, набранный красным цветом. Однако иллюстрации или украшения на таких плакатах или листах, как правило, отсутствовали.

С течением времени оформление газеты становилось все более разнообразным. Оформление «Ведомостей» зависело от места издания; у номеров, выходивших в Москве, заглавные листы изображали либо Москву, либо Петербург. В некоторых выпусках, выходивших в столице, название впечатывалось в линейную рамку, над ним изображалась маленькая гравюра – двуглавый орел с царской короной, державой и мечом в лапах (рис. 2). С. Р. Долгова отмечает, что авторы некоторых «Ведомостей» зачастую выносились в заголовков – в основном это были сподвижники Петра: Федор Апраксин, Алексей Меншиков, Борис Куракин, Петр Шафиров и др. [5].

Предположительно для петербургских «Ведомостей» было нарезано 14 гравюр-заставок и их копий, различных по размеру, содержанию, качеству исполнения [4]. С третьего номера (1711 г.) у «Ведомостей», выходивших в Петербурге, появился свой отличительный знак: в верхней части первой страницы располагалась виньетка.



Рис. 2. Заглавный лист Ведомостей 1704 г.

Первая виньетка, выполненная А. Ф. Зубовым, изображала Неву, за которой виднелась Петропавловская крепость и мазанковые дома на Троицкой площади. На этом фоне был изображен летящий Меркурий – бог торговли и покровитель путешественников – с крылышками на ногах, который трубил в рог. В руках у Меркурия кадудей – жезл глашатаев, которому приписывается способность примирять (рис. 3). М. Алексеева считает, что Меркурий как бы возвещает, что на Неве построена не только крепость «назло надменному соседу»,

но и торговый порт [1]. Вместе с тем как бы предлагается не забывать, что крепость, символизирующая готовность дать отпор неприятелю, в России есть – Петропавловская, – она присутствует практически на всех «питерских» гравюрах.



Рис. 3. Виньетка с Меркурием (1711 г.)

В последующем Меркурий на виньетках «Ведомостей» отсутствовал. В 1714 г. была выгравирована виньетка, на которой были изображены приветственно салютующие корабли и Троицкая церковь (рис. 4). На виньетке, выполненной в 1719 г., была изображена сцена мирной жизни: неспешно плывущие по Неве суда с раздутыми парусами и гуляющие на набережной Невы люди (рис. 5). Виньетка, выполненная в 1723 г. П. Пикар-

том, была более динамичной: вздымающиеся волны Невы, бегущие по небу облака над Невой, куда-то торопящиеся суда и жестикулирующие люди – все символизировало стремление к чему-то, беспокойство (рис. 6). Практически на всех гравюрах присутствует тема движения: полет, ветер, полные паруса, оживленные, жестикулирующие и куда-то идущие горожане. Думается, что в гравюрах нашли отражение мечты Петра о превращении России в мощную, открытую иным странам империю, сильную морскую державу, способную и постоять за себя, и наладить полезный для отечества обмен достижениями со всем миром.



Рис. 4. Виньетка, изображающая салютующие корабли. На заднем плане – церковь, расположенная на Троицкой площади (1714 г.)



Рис. 5. Виньетка с гуляющими людьми (1719 г.)



Рис. 6. Виньетка, выполненная Питером Пикартом (1723 г.)

Шрифтовое оформление издания определялось тенденциями развития книгопечатания в России первой четверти XVIII столетия. До 1710 г. газета «Ведомости» набиралась церковно-славянскими, «библейными» литерами. Реформа кирилловского печатного полуустава, его замена шрифтом, по форме подражавшим латинской антикве и позднее названным гражданским, была одним из важнейших мероприятий по переориентации книгоиздания на европейский манер. Она касалась не только графики шрифта, но и состава алфавита, написания цифр. Были исключены надстрочные знаки, устаревшие буквы полуустава, введены новые литеры:

Э и Я. В первых выпусках «Ведомостей» использовались старые русские цифровые буквы, которые впоследствии были заменены арабской системой написания цифр. Были утверждены также арабские цифры вместо буквенных обозначений чисел.

С принятием гражданского шрифта вплоть до 1713 г. отдельные номера, выходящие в Москве (с 1711 г. некоторые выпуски выходили в Петербурге), продолжали печататься кириллицей. Кроме того, кириллица использовалась для извещения о победах и иных действиях, требующих широкого оповещения; видимо, считалось, этот шрифт был более доступен большинству грамотного населения, учившегося в свое время читать по часослову и Псалтыри. Практиковалось и двойное написание цифр: кириллицей и арабскими цифрами; эта двойственность была прекращена с окончательным внедрением гражданского шрифта. Колонцифры помещались в наружном углу; в экземплярах, напечатанных кириллицей, колонцифра обозначала лист, а в напечатанных гражданским шрифтом – страницу. Окончательное вытеснение кирилловского шрифта гражданским в «Ведомостях» Т. А. Быкова датирует 1714 [3] годом, А. И. Тошев – 1715 [9].

А. Г. Шицгал отмечает достоинства гражданского шрифта, которые косвенно способствовали развитию чтения вообще и газеты «Ведомости» в частности: это его четкая графическая основа, декоративность, сочетание классических элементов с элементами барокко. Он был и функционален, и эстетичен, что сделало его главным эстетическим элементом в оформлении газеты. Гражданский шрифт украшал титульные листы, заглавия, видоизменял зеркало текста. Искусство шрифтового оформления отличалось разнообразными композиционными приемами, что позволяло использовать его в качестве украшения [10]. Внедрение гражданского шрифта способствовало обогащению оформления газеты: стали создаваться различные графические заставки с аллегорическими сюжетами.

Таким образом, первая русская печатная газета – «Ведомости» находилась в поиске своего уникального стиля и в содержании, и в оформлении. Изначально она задумывалась как подражание западным изданиям, но ей было свойственно ярко выраженное национальное своеобразие. Это была уникальная газета, не похожая ни на одно европейское издание. «Ведомости» служили цели

государственного строительства, объединения народа вокруг монарха, вовлечения населения в преобразовательную деятельность. Для нее были одновременно характерны простота, деловитость, сложность и многожанровость содержания, поиски выразительности в оформлении – это была поистине петровская газета.

### Литература

1. Алексеева М. Гравюра петровского времени. – Л.: Искусство, 1990. – 205 с.
2. Берков П. Н. История русской журналистики XVIII в. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 572 с.
3. Быкова Т. А. Первая русская газета // Исследования и материалы. – М.: Книга, 1960. – Вып. III. – С. 230–250.
4. Дагаева Т. П. Виньетка с видами Санкт-Петербурга в изданиях петровского времени // Русская графика XVIII – первой половины XIX в.: Новые материалы. – Л., 1984. – С. 5–11.
5. Долгова С. Р. Неизвестные петровские «Ведомости» и их рукописные оригиналы по материалам Центрального государственного архива древних актов // Рукописная и печатная книга. – М.: Наука, 1975. – С. 170–177.
6. Описание книг гражданской печати. 1708 – январь 1825 / сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 626 с.
7. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1700–1712. – СПб.: Печатано в типографии II Отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. IV. – 881 с.
8. Покровский А. А. К истории газеты в России // Ведомости времени Петра Великого. – М., 1906. – Вып. 11. – С. 79.
9. Тощев А. И. Петровские «Ведомости» как тип издания // Труды Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Отдел русской литературы XVIII в. – Л.: Пушкинский дом. – Т. XVI. – С. 184–199.
10. Шицгал А. Г. Русский типографский шрифт: вопросы истории и практика применения. – М.: Книга, 1985. – 255 с.

УДК 811.512'1

*Е. Е. Максакова*

## ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНО-ФРЕЙМОВЫЙ СЛОВАРЬ ТЕЛЕУТСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ РАССМОТРЕНИЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ «РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА»)

В статье рассматривается модель разработки пропозиционально-фреймового словаря на примере словарной статьи «Рождение ребенка». Данный подход (пропозиционально-фреймовое моделирование) способствует изучению мышления телеутов, особенностей функционирования языка в XIX в., а также на современном этапе. Это необходимо в связи с тем, что телеутский язык находится на грани исчезновения. Функционирование языка в последнее столетие снижается.

**Ключевые слова:** телеутский язык, пропозиционально-фреймовое моделирование, тематическая группа «рождение ребенка».

*E. E. Maksakova*

## THE PROPOSITIONAL FRAMING TELEUT LANGUAGE DICTIONARY (ON THE EXAMPLE OF REVIEW OF THE ENTRY «THE BIRTH OF A CHILD»)

In the article the model of development of the propositional framing dictionary on an entry example of «The Birth of a Child» is considered. This approach (propositional framing modeling) promotes understanding the Teleut thinking, studying the language functioning in the XIX century and on the edge of extinction. It is necessary because the Teleut language is on the verge of disappearance. In the last century, the language functioning decreases.

**Keywords:** the Teleut language, propositional framing dictionary, theme group «The Birth of a Child».

Создание базы данных и словаря телеутов на сегодняшний день имеет особое значение: телеуты – малочисленный коренной народ Сибири. На 2011 г. численность народа составляет около 2500 человек (для сравнения, по данным переписи 2002 г. число телеутов составило 2650 человек, 2534 из которых проживали в Кемеровской области). Часть народа проживает на сегодняшний день в Алтайском крае, Республике Алтай и Новосибирской области. Общая численность телеутов в РФ составляла в 1989 г. 3 тыс. чел., в том числе в Кемеровской области 2594 человека. В опубликованных материалах советских переписей телеуты никогда не выделялись отдельной строкой. По этой причине судить о динамике численности этого народа в XX в. трудно [6].

Язык телеутов до настоящего времени практически не исследовался. Существует ряд публикаций 30-х гг. XX в., рассматривающих фонетические особенности языка. Долгое время, согласно лингвистической классификации, язык телеутов считали одним из южных диалектов алтайского языка. Согласно этому положению его относили к киргизско-кыпчакской группе восточнохуннской ветви тюркских языков. Но уже с 70-х гг. XX в. появляется другая точка зрения, согласно которой «язык бачатских

телеутов может рассматриваться как самостоятельный объект исследования, без диалектной отнесенности к алтайскому языку» [8, с. 267].

В целом существующая литература о телеутах описывает историю народа, быт, религиозные представления и пр. Языковая сторона по-прежнему остается неизученной. На данный момент телеутский народ активно взаимодействует с русским населением. Подавляющая часть телеутов использует язык лишь в быту, утрачивая при этом духовную и культурную составляющие. В прошлое уходят традиции народа, обряды, фольклор. Перенимая русские традиции, обряды, религию, телеуты меняют свойственный им образ мышления, теряя при этом самобытность. Создание словаря телеутского языка способствует сохранению самого языка и культурно значимых компонентов для следующего поколения телеутов, так как помимо языковых единиц словарь будет отражать и культурные особенности, значимые для телеутов.

Целью нашего исследования является формирование электронных баз данных, содержащих видео- и аудиоматериалы, а также создание на их основе пропозиционально-фреймового словаря, который будет доступен в сети Интернета. В словарь будут входить лексемы, демонстрирующие специфику

мышления народа. Каждая словарная статья сопровождается визуальным и аудиальным рядом (видеоконтекст, произношение слова). Каждое слово представлено как лексема, вписанная в систему языка таким образом, что любой пользователь словаря сможет легко проследить дискурсивные цепочки связей каждого слова.

Отсутствие интереса лингвистов к данному языку привело к отсутствию сформированной научной базы, которая способствовала бы его сохранению, изучению, а также привлечению внимания научной среды к проблемам телеутского языка. Создание научной базы в дальнейшем приведет к появлению учебных материалов, специальной литературы и различных методик изучения языка. На сегодняшний день изучение телеутского языка осуществляется в Кемеровском государственном университете на кафедре стилистики и риторики [7].

Пропозиционально-фреймовый словарь, автором идеи которого является Л. А. Араева [2, 3, 4], направлен на изучение телеутского языка в когнитивной парадигме. То есть во главу угла ставится соотношение обыденного сознания и языка, в котором это сознание актуализируется. Такой подход к изучению телеутского языка является актуальным и инновационным в лингвистическом пространстве в свете антропоцентрической парадигмы современной науки. Пропозициональная связанность слов проявляет особенности когнитивно-дискурсивного взгляда на мир телеутов, специфику их мировидения, представленную в языковой картине мира. Предлагаемая методика описания телеутского языка может быть использована при изучении культурных концептов, вернее, их реликтов, сохраненных в долговременной памяти народа. Наряду с пропозиционально-

фреймовым словарем представляется необходимым создание телеутско-русского ассоциативного словаря, который будет создан в перспективе.

Каждый язык складывается из представлений его народа о мире, восприятия человеком окружающей действительности. Этот процесс является исторически сложившим, при этом представления одного человека о мире встречаются с представлениями другого, концентрируясь и концептуализуясь, они переходят в коллективное сознание. По своей сути его можно охарактеризовать как «наивное», но если вдуматься в его содержание, то оно ничуть не уступает научному. Каждый естественный язык создает свое представление о мире, выражая его в определенных концептуализированных моделях. Представления о мире являются продуктом коллективной философии. Они отчасти несут в себе особенности ментальности народа, взгляды на мир, религиозные представления и прочее.

Из всех аспектов культуры «у языка есть свое окружение. Народ, на нем говорящий, принадлежит к какой-то расе (или нескольким расам), то есть к такой группе человечества, которая своими физическими свойствами отличается от прочих групп. Язык не существует и вне культуры, то есть вне социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [5, с. 132].

Поэтому необходимо изучать язык в теснейшей связи с культурными зонами и господствующими идеями народов, их совместного мыслительного творчества. Будучи одним из признаков нации, ее социального взаимодействия, язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры. Учитывая данные положения,

мы в своей работе обращаемся к описанию лексического строя языка телеутов, с точки зрения пропозиционально-фреймового моделирования, которое в свою очередь позволяет достаточного полно отобразить менталитет народа.

Становление взглядов у телеутского народа прошло долгий путь развития. Телеуты имеют продолжительную историю существования, в ходе которой сложились их взгляды на окружающую их действительность. На религиозные взгляды телеутов оказали влияние христианство и мусульманство. Однако главенствующую роль в формировании мировидения сыграл шаманизм, сохраняющий свое влияние на сознания представления народа до сих пор.

Религиозное сознание телеута-шаманиста крепко связано с именами своих умерших кровных родственников – камов, камок, а также эмегендеров и энекелеров – лиц не камского происхождения. Телеут еще живет родовой системой. Эту систему он не изменил и по отношению к своим предкам; поэтому каждый род чтит только своих кровных предков. В этой связи душа человека приобретает как никогда актуальное значение.

Вильгельм фон Гумбольдт пишет: «...для того, чтобы человек мог полностью постичь хотя бы одно-единственное слово..., весь язык полностью и во всех своих взаимосвязях уже должен быть заложен в нем» [3, с. 92]. Понимая, раскрывая, постигая отдельные понятия, мы приближаемся к пониманию языка, раскрываем его взаимосвязь с деятельностью человека, их со-существование.

Телеуты устойчиво сохраняют этническое самосознание, что и находит свое отражение в лексическом составе языка. В XVIII – начале XIX в. телеуты сохрани-

ли в основе своей деятельности кочевой и оседлый тип ведения хозяйства. В этой связи выделяется целый ряд фреймов, таких как «жилище» (наименование домов, их назначение, мужская/женская сторона, время построения, материал, место построения, внутреннее убранство, предметы быта, мебель), «скотоводство» (включает животных, место их обитание, людей, корм, место выпаса, время выпаса, счет скота, способы стреножевания, гендерный аспект, возрастной аспект, блюда., различие коней по масти, различие верблюдов и т. д.), «земледелие» (орудие, злаки, традиции обработки земли, которые находят свое отражение в названиях месяцев и т. д.), «одежда» (мужская и женская, материал, функция, способ изготовления, головные уборы, время использования, виды, украшения и т. д.), «средства передвижения» (действие, средство, время применения, материал, место передвижения и т. д.), «пища» (время приготовления, пища из мяса, из молока и т. д.), «охота» (оружие, время) [8, с. 65]. Выделение данных фреймов обусловлено хозяйственными занятиями и материализованной культурой телеутов.

Большое значение в сознании телеутов имеют обряды, традиции, мифы предков. Эта особенность пронизывает все пласты жизни народа и находит свое отражение в языке при номинации явлений окружающего мира. Проследим особый тип мышления телеутов, а также принцип анализа и составления словарной статьи в пропозиционально-фреймовом словаре на примере тематической группы «рождение ребенка».

Беременность женщины, в представлении бачатских телеутов, связана с получением от мужчины для продолжения рода зародыша «кут». В древнетюркских рунических памятниках он имеет значение «счастье», «благодать», «удача», «душа». Якутам из-

вестен как «зародыш», «жизненная сила», «счастье», «совокупность физиологических процессов». Очевидно, что слово «кут» связывали именно со словами, несущими положительные эмоции и связанными с началом, зарождением жизни, ее духовной наполненностью.

Слово «кут» входит в пропозицию «субъект – действие – объект». Сюда же можно отнести и божество, живущее на четвертом слое неба – «йайучы» или «йайачы – каан», имеющее значение «творец», «создатель». «Кызыл курт» – зародыш в виде красного червяка, который, попадая в утробу матери, развивался в плод человека.

Мать и отец, не имеющие детей, считаются лишенными их, по воле *А́нәм – Јајучы, кут’а* (куда т’ок кижилер). Они могли обратиться с просьбой дарования кут на детей к другим родовым Ульгениям или же к земным духам: *Ада – кижі и Јо – кан’у*. В этих случаях приносятся кровавые жертвы ради умножения в доме голов (*ји толо баш учун*).

Если после жертвоприношения вскоре рождается дитя, то его рождение истолковывается милостью духа, а сам ребенок считается творением духа: *ада кижідәң јајалбан, јо адазынаң јајалбаң, өрөіі бајанадаң јајалбан* – от Адама сотворенный, от отца сомов сотворенный, от верховного духа сотворенный.

По поверью телеутов, кут кладет на тело ребенка метку в виде *мәң* – родимого пятна, или дает курчавые волосы – *јилбәр чач*. В сознании телеутов кут очень ценится. Он сравнивается с золотом с конскую голову и с серебром с овечью голову [1, с. 91].

К пропозиции «субъект – действие – средство» можно отнести следующую группу слов.

«Эржинэ» (счастье) – целый заячий чеп, суливший нашедшему скорое пополне-

ние потомства. Также называли серебристую пену на муравейнике, которую необходимо было втирать на верхнюю часть тела в целях скорейшего зачатия. Омонимичность в названии может быть связана с тем, что данные предметы имеют единую направленность и функцию, поэтому в сознании телеутов их неразличение не играло существенной роли, а имело одинаковое лексическое воплощение.

Особую группу представляют слова, называющие беременную женщину:

- Уй Кижі – занимающаяся домом.
- Айлу – имеющая месячные, способная к зачатию.
- Курсакту – имеющая желудок, то есть с животом.
- Пайда барлу – имеющая самостоятельность, то есть право на выход замуж и рождение ребенка.

Представленными словами называли и ту женщину, которая была беременна, и ту, которая могла родить. Особенность в неразличении названий заключается в традициях и представлениях телеутов о беременности. Бачатские телеуты считали, чтобы не навредить еще не родившемуся ребенку, женщина не должна ничем показывать свое состояние; чтобы не прослыть бесстыдной, она должна была скрывать округлившийся стан.

Данные названия состояния женщин осуществляются в разных пропозициях:

- Субъект – действие – место:  
Уй Кижі – домашний человек.
- Субъект – действие – состояние:  
Айлу – имеющая месячные.
- Субъект – действие – объект:  
Курсакту – имеющая желудок, то есть с животом.
- Субъект – действие – свойство:  
Пайда барлу – имеющая самостоятельность, то есть право на выход замуж и рождение ребенка.

По отношению к беременной женщине могли употреблять глагол «териксе», который, по В. Вербицкому, означает «иметь позыв на необыкновенную пищу». При этом беременным запрещалось есть головы барана, коровы, рыбы; запрещалось смотреть в глаза мертвым животным. Нарушение перечисленных запретов могло привести к «олу» – выкидышу (субъект – действие – результат). По преданию, душа умершего могла перейти к младенцу и причинить ему вред.

Большое значение придавалось оберегам беременных. Эта группа слов занимает особое место.

- «паштык» – холщовый мешок, где хранились ритуальные предметы (средство – действие – место);

- «чалу» – миниатюрная модель бубна (объект – действие – средство);

- «кѳжѳгѳ» – занавеска с изображением хранителей беременных (средство – действие – объект);

- «энекелер» – мать эмегендер'ов (матушка) (субъект – действие – объект);

- «кѳрмужек/тѳрѳ» – антропоморфная деревянная фигурка (объект – действие – субъект).

Также в языковой группе «рождение ребенка» можно выделить следующие пропозиции:

- «алкыш» – молитва, общение, читающаяся с целью облегчения родов. Также ее читали над колыбелью ребенка (средство – действие – результат);

- «алас» – обряд изгнания злых духов из жилища (средство – действие – объект).

Роды принимала «кучактаган энези» (субъект – действие – объект) (мать, берущая на руки, или «пабушка» – от русского «бабушка»). Она же первая объявляла о поле ребенка. Данное слово вбирает в себя се-

мантику нескольких слов одновременно. В сознании телеутов оно ассоциировалось с матерью рожавшей. Она же исполняла роль повитухи. По значению «пабушка» и «кучактаган энези» являются синонимами и вбирают в себя семантику нескольких слов.

«Керек т'ок кижиги» – ненужный человек. Так называли девочек, так как с выходом замуж семья лишалась ее рабочих рук. Здесь проявляется особенность мышления телеутов, которая заключается в большем значении хозяйственной жизни.

«Пала майя – Май или Умай» – плацента, которую роженица закапывала у себя под очагом (в берестяной коробке в подполье), либо – в 30-е гг. XX в. – кидали собакам. Действие, где также собака играла своеобразную магическую роль, мы находим у карачаевцев. Обряд укладывания ребенка в колыбель обычно совершали женщины. Чтобы отогнать злых духов и защитить новорожденного от влияния нечистой силы, его купали в корыте, из которого кормили собак. «Иногда из магических соображений, прежде чем положить ребенка в колыбель, в нее укладывали кошку или щенка, чтобы «обеспечить ребенку счастливую жизнь» [9, с. 81].

Собака как дарующая счастье ребенку имеет место и в культуре киргизов. Первая рубашка, которую надевали на новорожденного у киргизов, – «ит койнок» – собачья рубашка. Ее шили из лоскутов белой ткани, взятой из белья у старого человека или у многодетной уважаемой старой женщины. Эту рубашку иногда сначала надевали на собаку (прикасаясь к ее туловищу), а затем на ребенка, отсюда ее название. Все эти действия связаны с поверьем «ырым»: прожить долгую и счастливую жизнь, быть здоровым и выносливым. Как видно из приведенных сравнений, тюркские культуры в основе своей имеют

одинаковые истоки, которые со временем преломляются в сознании народа в связи с определенным мировоззрением.

«Киндик» – пуповина, которая считалась оберегом, помогающим при родах (средство – действие – результат). Ее берегли для ребенка, особенно, если рождалась девочка, чтобы она защищала ее и будущего младенца от злых духов.

Для сравнения отметим значение пуповины в культуре сибирских татар, где по обычаю пуповину перерезали, положив ее на серебряную монету. Этот обычай, по представлению сибиряков, обеспечивал новорожденному крепкое, как металл, здоровье и богатство. Пуповину вместе с последом обычно заворачивали в чистую тряпку и закапывали в землю, выбрав для этого чистое место во дворе. В некоторых местах существовал обычай сохранять пуповину новорожденного. Пуповину заворачивали в тряпку или кожу и хранили в щели между матицей и досками потолка. По такому поверью пуповина оберегала жизнь и здоровье ребенка.

После родов для «очищения» роженицы устраивали три бани. «Калган мылча» – последняя баня. После нее собирались родственники и устраивался обед в честь ребенка.

Отдельная группа слов – название колыбелей (субъект – действие – объект). Различие в семантике слов нет, различается лишь звучание слов.

- Пешик – в ритуальных текстах.
- Бубеш.
- Пуубей.
- Пуубай.
- Убай.
- Буубеш.

Ребенка кормила мать (субъект – действие – средство):

- Эмис – грудью.

• Улучу – рожок из рога коровы и соска коровьего вымени.

Ребенка называли «пала»; грудного – «эмчек пала», «јаш пала».

Как видно из представленных пропозиций, культура телеутов отличается особенностью сознания народа. Обычаи, обряды, традиции определили представления телеутов о мире, явлениях и их номинации. В языке преобладают аналитические конструкции, что наиболее ярко отразило латеральность и, казалось бы, наивность мышления. Приведенные примеры отображают образность языка, ассоциативность сознания. Культура телеутов вобрала в себя не только особенности тюркских народов, но и подверглась влиянию русскоязычных соседей. Влияние русского языка нашло отражение на фонетическом и лексическом уровне.

Как отмечает Ю. В. Бромлей [2, с. 43], национальная специфика интериоризируется, ментализируется, акцент в ее изучении смещается с анализа внешних материальных носителей культуры в план изучения внутренних (ментальных) форм представлений человека о мире и о своем месте в нем.

Картина мира формирует тип отношения человека к миру – природе, другим людям, самому себе как члену этого мира, задает нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизненному пространству.

В результате межкультурных и межэтнических контактов обнаруживаются наиболее типичные черты, характерные для того или иного народа или культуры. Так возникают этнокультурные стереотипы, представляющие собой обобщенные представления о типичных чертах, характерных для какого-либо народа или его культуры. Они находят свое выражение в языке как способе выражения отношения к действительности.

### Литература

1. Анохин А. В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // Сборник музея антропологии и этнографии. – М., 1926. – Т. VIII.
2. Араева Л. А. Фреймово-пропозициональный электронный словарь как основа эффективности межкультурной коммуникации и изучения иностранных языков // Теоретические и практические аспекты лингвообразования: прикладная лингвистика и обучение иностранному языку в вузе: сб. науч. ст. / под ред. Л. С. Зникиной. – Кемерово: ГУ КузГТУ, 2009.
3. Араева Л. А. Электронный пропозиционально-фреймовый многоязычный словарь как основа эффективности межкультурной коммуникации // Глобализация и пути сохранения традиционной культуры: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Кемерово, 2009.
4. Араева Л. А. Электронный пропозиционально-фреймовый многоязычный словарь как основа толерантной межкультурной коммуникации // Вестник Кемеров. гос. ун-та культуры и искусств. – Кемерово: КемГУКИ, 2008. – № 5.
5. Бромлей Ю. В. Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. – 1988. – № 7.
6. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М., 1985.
7. Максакова Е. Е. Языковая группа «душа человека» в телеутском языке // Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: мат-лы IV Междунар. науч.-практ. конф. / Кемеров. госуниверситет. – Кемерово: ООО «ИНТ», 2009. – Вып. 10, Т. 1.
8. Потапов А. П. Алтайский шаманизм. – Л., 1991.
9. Сепир Э. Избр. труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. – М., 1993.
10. Суляндзига Р. В., Кудряшова Д. А., Суляндзига П. В. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Обзор современного положения. – М., 2003.
11. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Омский филиал Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – М.: Наука, 2006.
12. Фисакова Г. Г. Изучение языка бачатских телеутов // Языки народов Сибири. – Кемерово, 1979. – Вып. 3.
13. Функ Д. А. Бачатские телеуты. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1991.
14. Шаманов И. Обряды и поверья карачаевцев, связанные с рождением ребенка (XIX – начало XX в.) // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесок, 1984.



ДК 37

*Н. И. Гендина*

**ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ВЫПУСКНИКОВ  
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ:  
ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ФГОС ВПО ТРЕТЬЕГО ПОКОЛЕНИЯ**

В статье характеризуется разработка комплекса рабочих учебных программ «Основы информационной культуры личности» по культурологии, музеологии, туризму, библиотечно-информационной деятельности, прикладной информатике и другим направлениям подготовки кадров в бакалавриате и аспирантуре. Анализируются достоинства и недостатки образовательных стандартов третьего поколения.

**Ключевые слова:** информационная культура личности, учебные программы, образовательные стандарты высшего профессионального образования, ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств».

*N. I. Gendina*

**GRADUATES' INFORMATION CULTURE IN THE UNIVERSITY OF CULTURE  
AND ARTS: FAULTS AND MERITS OF THE FEDERAL STATE EDUCATIONAL  
STANDARDS OF HIGHER EDUCATION OF THE THIRD GENERATION**

The article characterizes the development of a complex of Draft Curricula programs "Principles of person's information culture" for culturology, museology, tourism sphere, library information activities, applied informatics and some other educational directions for Bachelor degree and Postgraduate Study. Faults and merits of educational standards of the third generation are analyzed.

**Keywords:** personal information culture, curricula programs, Educational Standards of Higher Education, Kemerovo State University of Culture and Arts.

**Университетский учебный курс «Основы информационной культуры личности» и задачи инновационного образования в условиях информационного общества**

Переход к информационному обществу и информационной экономике, необходимость постоянного повышения квалификации сотрудников и стимулирование их креативных способностей в целях поддержания конкурентоспособности любой организации обусловили потребность общества в инновационном образовании. Можно выделить несколько взаимосвязанных причин, тре-

бующих развития системы инновационного образования в условиях информационного общества.

Во-первых, это нарастающая изменчивость современного мира: беспрецедентные для истории цивилизации темпы смены технологий – социальных и информационно-коммуникационных, имеющих следствием стремительные изменения во всех сферах жизни общества.

Во-вторых, необходимость для современного человека ориентироваться и осваивать гигантские, нарастающие объемы информа-

ции, для «укрощения» которых используются многообразные и также быстро сменяющиеся друг друга поколения персональных компьютеров и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Все эти атрибуты информационного общества и информационной экономики требуют от выпускников любого вуза высокой интеллектуальной мобильности, умений оперативно ориентироваться в динамически трансформирующейся профессиональной среде и принимать квалифицированные решения, адекватные быстро меняющейся ситуации.

Средством реализации целенаправленной и последовательной информационной подготовки студентов университетов культуры и искусств является учебная дисциплина «Основы информационной культуры личности». Назначение этого курса – облегчить положение студента университета и будущего бакалавра в условиях современного «информационного взрыва», научить его рациональным приемам поиска, анализа и синтеза информации, вооружить методикой «информационного самообслуживания».

Способность создавать собственный культурный, информационный продукт на основе самостоятельно найденной, критически оцененной и преобразованной информации является важнейшим свойством творческой (креативной) личности, развитие которой является первостепенной задачей современной системы высшего образования вообще и творческих вузов в частности. Между становлением творческой (креативной) личности и формированием информационной культуры личности существует тесная связь. Она проявляется в том, что повышение продуктивности любого вида интеллектуального труда, сущность которого состоит в работе с информацией (ее анализе, сопоставлении, сравнении, классификации и обобщении), невозможно без соответствующего

уровня информационной культуры личности. Эта связь проявляется также и в том, что формирование психологической и интеллектуальной смелости, независимости, необходимых для творческой и креативной деятельности, а также для работы с разнородной и противоречивой информацией, невозможно без соответствующей информационной подготовки и овладения должным уровнем информационной культуры. Без новой информации не возможно развитие воображения, рождение новых образов, развитие творческого мышления, интуиции. Но все это требует от творческой личности не только определенных психофизических качеств, но и специальных знаний, умений, навыков, опыта, системы взглядов в сфере работы с информацией и информационными технологиями, то есть с тем, что составляет сущность информационной культуры личности.

#### **Причины создания комплекса учебных программ по курсу «Основы информационной культуры личности»**

Развитие информационного общества, часто именуемого «обучающимся обществом», неразрывно связано с возрастанием потребности каждого человека в постоянном повышении квалификации, обновлении знаний, освоении новых видов деятельности. Исходя из этого, к числу основных причин разработки комплекса можно отнести следующие:

– доминирование принципа «обучение в течении всей жизни», необходимость профессионального самосовершенствования выпускников университета в условиях роста объемов профессиональной информации и внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы профессиональной и личной жизни человека.

– отнесение информационной грамотности и информационной культуры личности к разряду ключевых компетенций в системе образования;

– переход отечественной системы высшего образования к реализации третьего поколения Федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), обусловивший резкое возрастание доли самостоятельной работы в процессе обучения, что в свою очередь определило необходимость специальной подготовки студентов в области работы с информацией.

**Цели и задачи учебной дисциплины «Основы информационной культуры личности»**

Основные цели:

– формирование целостного представления о роли и месте информационной культуры в жизни современного общества, различных социальных групп и личности;

– получение представлений об информационной культуре как интегративном междисциплинарном научном направлении и области деятельности;

– ормирование информационного мировоззрения личности как основы развития профессионального самосознания в целях личного профессионального саморазвития и постоянного повышения уровня профессиональной квалификации.

**Общими задачами изучения курса для студентов всех направлений подготовки являются:**

– формирование информационной компетентности в области профессиональных информационных ресурсов;

– формирование информационной компетентности в области поиска информации в традиционной и электронной информационной среде;

– формирование информационной компетентности в области анализа, синтеза и критической оценки профессиональной информации;

– формирование информационной компетентности в области самостоятельной

подготовки информационных продуктов по основным видам профессиональной деятельности.

**Специфическими задачами для отдельных категорий обучаемых являются:**

*Для бакалавров по направлению 071900 «Библиотечно-информационная деятельность»:*

– овладение технологией формирования информационной культуры различных категорий пользователей библиотеки.

*Для бакалавров по направлению 230700 «Прикладная информатика».*

– овладение технологией информационного обучения основам информационной культуры личности различных категорий пользователей автоматизированных информационных систем.

*Для аспирантов университета культуры и искусств:*

– овладение технологией поиска и аналитико-синтетической переработки информации в целях получения нового знания;

– расширение, углубление и систематизация знаний и умений по работе с информацией как основы качественного информационного самообеспечения профессиональной деятельности вузовского педагога, исследователя.

**Состав и структура комплекса учебных программ по курсу «Основы информационной культуры личности»**

Комплекс включает в свой состав восемь рабочих учебных программ, в том числе программу для аспирантов, рассчитанную на послевузовское обучение, а также семь программ по следующим направлениям (профилям) подготовки в бакалавриате:

– 033000 «Культурология»;

– 050100 «Педагогическое образование», профиль подготовки «Музыка»;

– 050400 «Психолого-педагогическое образование» и профилю подготовки «Психология и социальная педагогика»;

– 071900 «Библиотечно-информационная деятельность»;

– 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», профиль подготовки «Культурный туризм и экскурсионная деятельность»;

– 100400 «Туризм»;

– 230700 «Прикладная информатика».

Курс «Основы информационной культуры личности» входит в состав вариативной части основной образовательной программы бакалавриата.

Разработку комплекса программ осуществил творческий коллектив преподавателей и научных сотрудников КемГУКИ:

– Гендина Н. И., доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор НИИ ИТ СС КемГУКИ;

– Стародубова Г. А., кандидат педагогических наук, заведующая лабораторией формирования информационной культуры НИИ ИТ СС КемГУКИ, доцент кафедры технологии документальных коммуникаций;

– Рябцева Л. Н., старший научный сотрудник НИИ ИТ СС КемГУКИ;

– Лазарева Л. И., кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой социальной педагогики КемГУКИ;

– Родионова Д. Д., кандидат философских наук, доцент кафедры музейного дела;

– Сергеева Е. Ф., кандидат исторических наук, доцент, начальник учебно-методического управления КемГУКИ.

В основу разработки комплекса были положены результаты исследований НИИ ИТ СС КемГУКИ, обеспечивающего на протяжении более чем десяти лет разработку теоретических основ формирования учебной дисциплины «Основы информационной культуры личности» и ее методическое обеспечение [1; 7; 8].

#### **Структура рабочих учебных программ**

1. Все программы имеют единую структуру и включают две части: собственно учеб-

ную программу и приложение. Состав приложений унифицирован и включает следующие выборочные перечни информационных ресурсов по конкретному направлению (профилю) подготовки бакалавра: нормативно-правовых документов (документы международного, федерального и регионального уровней, ГОСТы, Модельные стандарты библиотек (только для учебной программы по направлению 071900 «Библиотечно-информационная деятельность»); текущих библиографических указателей и баз данных; профильных периодических изданий; журналов по смежным отраслям; справочных изданий традиционного и электронного типа; учебников и учебных пособий; научных изданий и трудов ведущих специалистов; информационных ресурсов Интернета; сайтов высших учебных заведений, ведущих подготовку кадров по конкретному направлению (профилю) подготовки бакалавра, а также выборочные перечни информационных продуктов, выполняемых бакалаврами по конкретному направлению (профилю) подготовки бакалавра.

Приложение играет важную роль в составе каждой учебной программы, представляя собой микросправочник информационных ресурсов по определенному направлению подготовки бакалавров. Оно позволяет сделать обозримым изучаемую студентами предметную область, четко обозначить границы используемого понятийно-терминологического аппарата.

#### **Особенности построения комплекса учебных программ**

При построении комплекса учебных программ были использованы взаимодополняющие подходы: деятельностный, компетентностный, системный, метапредметный, предметный.

**Деятельностный подход** обусловил анализ ФГОС ВПО и выявление видов деятельности по соответствующему направлению

(профилю) подготовки бакалавров. В результате были получены следующие данные (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение основных видов деятельности, предусмотренных ФГОС ВПО, по направлениям (профилям) подготовки**

№ п/п	Вид деятельности	Номер направления (профиля) подготовки						
		1	2	3	4	5	6	7
1.	Производственно-технологическая	+			+	+	+	+
2.	Проектная	+			+	+	+	+
3.	Организационно-управленческая	+			+	+	+	+
4.	Научно-исследовательская	+	+		+	+	+	+
5.	Культурно-просветительская	+	+			+		
6.	Аналитическая	+						+
7.	Психолого-педагогическая			+	+			
8.	Методическая				+			
9.	Информационно-аналитическая				+			
10.	Преподавательская	+						
11.	Педагогическая		+					
12.	Социально-педагогическая			+				
13.	Образовательная			+				
14.	Сервисная						+	
15.	Экспертная	+						

Номера направлений (профилей) подготовки: 1 – 033000 «Культурология», 2 – 050100 «Педагогическое образование», профиль «Музыка», 3 – 050400 – «Психолого-педагогическое образование», профиль

«Психология и социальная педагогика», 4 – 071900 «Библиотечно-информационная деятельность», 5 – 072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», 6 – 100400 «Туризм», 7 – 230700 «Прикладная информатика».

Выявленные виды профессиональной деятельности будущих бакалавров были взяты за основу при разработке содержания всей учебной программы курса «Основы информационной культуры личности» и особенно раздела 4 «Технология подготовки информационных продуктов», обеспечивая профилирование курса и его прикладную направленность.

#### Компетентностный подход

Все включенные в состав данного комплекса учебные программы, независимо от направления (профиля) подготовки, направлены на формирование одной из *ключевых компетенций современного человека* – информационной, включающей готовность искать, анализировать, преобразовывать, применять информацию для решения проблем профессиональной деятельности и личных целей.

Методом экспертной оценки в текстах ФГОС ВПО по каждому из направлений (профилей) подготовки бакалавров были выявлены общекультурные (ОК) и профессиональные компетенции (ПК), связанные с формированием готовности выпускника университета культуры и искусств работать с информацией, используя для этого персональный компьютер и информационные технологии. После устранения синонимии в названиях компетенций, их группировки и обобщения было проведено распределение общекультурных и профессиональных компетенций по четырем разделам курса «Основы информационной культуры личности» (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение общекультурных и профессиональных компетенций, предусмотренных ФГОС ВПО, по разделам курса «Основы информационной культуры личности»**

Раздел курса	Состав компетенций	
	Общекультурные компетенции	Профессиональные компетенции
Раздел I. Информационные ресурсы общества и информационная культура	<p>1) способен понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознавать опасности и угрозы, соблюдать основные требования информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны;</p> <p>2) владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения;</p> <p>3) способен использовать нормативные правовые документы (международные и отечественные) в своей деятельности и соответствующей предметной области;</p> <p>4) способен работать с информацией в глобальных компьютерных сетях</p>	<p>1) способен использовать нормативные правовые документы в профессиональной деятельности;</p> <p>2) способен использовать на практике основы действующего законодательства в сфере своей деятельности</p>
Раздел II. Основные типы информационно-поисковых задач и алгоритмы их решения		<p>1) способен находить, анализировать и обрабатывать научно-техническую информацию... с использованием информационно-коммуникационных технологий;</p> <p>2) способен самостоятельно находить и использовать различные источники информации при проектировании информационного продукта (культурного, туристского)</p>
Раздел III. Аналитико-синтетическая переработка источников информации	<p>1) способен логически верно выстраивать устную и письменную речь;</p> <p>2) способен формулировать и высказывать свои мысли, выступать публично и работать с научными текстами;</p> <p>3) способен понимать, изучать и критически анализировать научную информацию... используя адекватные методы обработки, анализа и синтеза информации</p> <p>4) владеет основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, имеет навыки работы с компьютером как средством управления информацией</p>	

Раздел курса	Состав компетенций	
	Общекультурные компетенции	Профессиональные компетенции
Раздел IV. Технология подготовки информа- ционных продуктов	способен логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь, владеть навыками ведения дискуссии и полемики	<p>1) способен ставить и решать прикладные задачи с использованием современных информационно-коммуникационных технологий;</p> <p>2) готов использовать современные информационные технологии при разработке и реализации новых информационных продуктов (культурных, туристских и др.);</p> <p>3) готов применять современные ИТ для формирования баз данных в своей предметной области;</p> <p>4) способен разрабатывать и реализовывать с учетом отечественного и зарубежного опыта, различные программы (учебные, образовательные, культурно-воспитательные, культурно-просветительские, программы социального сопровождения и поддержки, региональные программы сохранения и освоения культурного и природного наследия и др.);</p> <p>5) способен готовить и оформлять результаты научных исследований, научные отчеты, аналитические справки и пояснительные записки, обзоры научной литературы и электронных информационно-образовательных ресурсов для профессиональной деятельности;</p> <p>6) способен к подготовке и редактированию текстов профессионального и социально значимого содержания</p>

Данная таблица отражает информационные компетенции, общие для всех направлений (профилей) подготовки бакалавров. Эти компетенции связаны с получением, хранением, переработкой информации, применением компьютера, информационных технологий и подготовкой на этой основе

самостоятельных информационных продуктов в соответствии с основными видами профессиональной деятельности. В эту таблицу не включены специфические информационные компетенции, формирование которых характерно лишь для двух направлений подготовки: 071900 «Библиотечно-

информационная деятельность» – «обладать готовностью к формированию информационной культуры пользователей библиотек» и 230700 «Прикладная информатика» – «способностью обучать пользователей». Эти компетенции связаны с задачами трансляции информационно-библиотечными работниками информационных знаний и умений, формированием информационной культуры различных категорий пользователей библиотек и автоматизированных информационных систем.

В целом курс «Основы информационной культуры личности» базируется на комплексе компетенций, имеющих универсальное значение для различных видов деятельности выпускника университета культуры и искусств: *производственно-технологической, организационно-управленческой, научно-исследовательской, проектной, культурно-просветительской и др.* В совокупности эти компетенции определяют готовность выпускника к самостоятельной, ответственной, продуктивной деятельности, связанной с решением личностных и профессиональных задач в современном информационном пространстве, перенасыщенном разнородной, неоднозначной и противоречивой информацией.

#### **Системный подход**

Применение системного подхода, во-первых, позволяет обеспечить целостность представления феномена информационной культуры, преодолеть за счет введения единой методологической базы изолированность при рассмотрении таких его традиционных компонентов, как библиотечно-библиографические знания, культура чтения, компьютерная грамотность, интернет-грамотность и т. п. Учебная программа курса «Основы информационной культуры личности» – это целостная система, включающая четыре неразрывно взаимосвязанных между собой раздела:

1) «Информационные ресурсы общества и информационная культура»;

2) «Основные типы информационно-поисковых задач и алгоритмы их решения»;

3) «Аналитико-синтетическая переработка источников информации»;

4) «Технология подготовки и оформления результатов самостоятельной учебной и научно-исследовательской работы студентов».

Именно целостная совокупность этих разделов позволяет сформировать у студентов систему информационных знаний и умений, а на их основе – информационных компетенций, обеспечивающих успешную работу по поиску, переработке, критическому анализу и эффективному использованию информации.

Во-вторых, системный подход предполагает определение роли и места курса «Основы информационной культуры личности» в составе реализуемых основных образовательных программ (ООП) соответствующего направления (профиля подготовки), а также учет междисциплинарных отношений с наиболее тесно связанными с данным курсом учебными дисциплинами – «Введение в профессию (специальность)» и «Основы НИР» (Организация НИР).

Сопоставительный анализ общекультурных и профессиональных компетенций, формируемых тремя учебными дисциплинами – «Основы информационной культуры личности», «Введение в профессию», «Основы научных исследований», позволил выявить взаимосвязи и размежевание этих курсов. В табл. 3–4 представлены взаимосвязи сравниваемых учебных дисциплин. Приведенные в таблицах формулировки компетенций являются результатом их группировки, устранения синонимии, ликвидации повторов и обобщения.

**Взаимосвязи учебных дисциплин  
«Основы информационной культуры личности»  
и «Введение в профессию»**

№ п/п	Компетенции, формируемые курсом «Введение в профессию»	Разделы курса «Основы информационной культуры личности», направленные на формирование данной компетенции
1.	Способен осознавать социальную значимость своей будущей профессии	Раздел 1. Информационные ресурсы общества и информационная культура
2.	Обладает высокой мотивацией к выполнению профессиональной деятельности	Раздел 1. Информационные ресурсы общества и информационная культура
3.	Владеет основами речевой профессиональной культуры	Раздел 4. Технология подготовки и оформления результатов самостоятельной учебной и научно-исследовательской работы студентов
4.	Способен принимать участие в междисциплинарном и межведомственном взаимодействии специалистов в решении профессиональных задач	Все разделы курса
5.	Способен нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности	Раздел 1. Информационные ресурсы общества и информационная культура
6.	Способен к рефлексии способов и результатов своих профессиональных действий, может критически оценивать свои достоинства и недостатки, намечать пути и выбирать средства развития достоинств и устранения недостатков	Раздел 3. Аналитико-синтетическая переработка источников информации в учебной и научно-исследовательской работе студентов
7.	Способен критически переосмысливать накопленный опыт	Раздел 3. Аналитико-синтетическая переработка источников информации в учебной и научно-исследовательской работе студентов
8.	Способен самостоятельно приобретать и использовать в практической деятельности новые знания и умения	Все разделы курса
9.	Способен к профессиональному саморазвитию, самосовершенствованию, профессиональной переподготовке и повышению своей квалификации и мастерства	Все разделы курса
10.	Способен к профессиональной мобильности, изменению при необходимости профиля профессиональной деятельности	Все разделы курса

Таблица 4

**Взаимосвязи учебных дисциплин  
«Основы информационной культуры личности» и «Основы научных исследований»**

№ п/п	Компетенции, формируемые курсом «Основы научных исследований»	Разделы курса «Основы информационной культуры личности», направленные на формирование данной компетенции
1.	Владеет основными положениями, законами, категориями и концепциями... наук	Все разделы курса, в том числе Раздел 3. Аналитико-синтетическая переработка источников информации в учебной и научно-исследовательской работе студентов
2.	Способен осуществлять сбор и первичную обработку эмпирической информации (об истории развития и заболевания детей с ограниченными возможностями, об индивидуальных особенностях детей и т. п.)	Раздел 1. Информационные ресурсы общества и информационная культура; Раздел 2. Основные типы информационно-поисковых задач и алгоритмы их решения; Раздел 3. Аналитико-синтетическая переработка источников информации в учебной и научно-исследовательской работе студентов
3.	Способен применять современные методы, методики и технологии... научного исследования	Раздел 3. Аналитико-синтетическая переработка источников информации в учебной и научно-исследовательской работе студентов; Раздел 4. Технология подготовки и оформления результатов самостоятельной учебной и научно-исследовательской работы студентов
4.	Способен использовать при решении социальных и профессиональных задач: <ul style="list-style-type: none"> <li>• методы научного исследования (теоретического и экспериментального исследования);</li> <li>• прикладные методы исследовательской деятельности;</li> <li>• методы группы наук (социальных, гуманитарных, экономических, естественнонаучных);</li> <li>• методы конкретных наук (культурологии, историко-культурного и музеологического знания, исторический метод);</li> <li>• математические методы (методы математической обработки информации, математического анализа и моделирования, методы системного анализа и т. п.);</li> <li>• методы качественные и количественные;</li> <li>• методы анализа прикладной области на концептуальном, логическом, математическом и алгоритмическом уровнях;</li> <li>• методы диагностики (социальной диагностики, диагностирования достижений обучающихся);</li> <li>• методы проектирования;</li> <li>• методы оценки качества и надежности при проектировании;</li> <li>• методы мониторинга</li> </ul>	Раздел 3. Аналитико-синтетическая переработка источников информации в учебной и научно-исследовательской работе студентов

№ п/п	Компетенции, формируемые курсом «Основы научных исследований»	Разделы курса «Основы информационной культуры личности», направленные на формирование данной компетенции
5.	Способен к оформлению результатов научных исследований: научных отчетов, обзоров, аналитических справок и пояснительных записок и др.	Раздел 4. Технология подготовки и оформления результатов самостоятельной учебной и научно-исследовательской работы студентов

Для каждой из сравниваемых учебных дисциплин курс «Основы информационной культуры личности» выступает в качестве информационной базы, служащей основой для формирования специфических, адекватных их целям компетенций. В свою очередь общекультурные и профессиональные компетенции, на формирование которых ориентированы курсы «Введение в профессию» и «Основы научных исследований» показывают возможности профилирования курса «Основы информационной культуры личности», его максимальной направленности на будущую профессиональную деятельность бакалавров. Для этой же цели при разработке программ использовалось сочетание инвариантной и вариативной частей курса, метапредметного и предметного подходов.

#### **Сочетание метапредметного и предметного подходов**

Метапредметность курса «Основы информационной культуры личности» проявляется в том, что он формирует **метаумения** – усвоенные метаспособы, общеучебные, междисциплинарные (надпредметные) познавательные умения и навыки, включая, прежде всего, информационно-логические навыки: анализ, синтез, классификацию, обобщение, систематизацию, интерпретацию, экстраполяцию, оценку, аргументацию, умение сворачивать и разворачивать информацию, а также способность использовать персональный компьютер и информационно-

коммуникационные технологии для сбора, хранения, преобразования и передачи различных видов информации.

Формирование **метаумений направлено на развитие** критического и творческого мышления, способность личности не принимать на веру любую полученную информацию, подвергать ее логической оценке и анализу, находить новые самостоятельные решения для нестандартных ситуаций, комбинировать известные способы деятельности с новыми. В настоящее время формирование метаумений становится центральной задачей любого обучения, поскольку они определяют профессиональное мастерство и возможности быстрой адаптации выпускников университета в условиях частой смены научно-технической парадигмы, производственных и социальных технологий.

Метапредметный подход неразрывно связан с предметным подходом. В рамках курса «Основы информационной культуры личности» это проявляется в профилировании содержания всех разделов и тем курса в соответствии с направлением (профилем подготовки). Особенно наглядно влияние изучаемой предметной области (культурология, социальная педагогика, прикладная информатика и т. д.) прослеживается в составе Приложения к каждой учебной программе, отражающем специфику информационных ресурсов, видов профессиональной деятельности и порождаемых ею информационных продуктов.

### **Назначение и функции комплекса учебных программ по курсу «Основы информационной культуры личности»**

Комплекс учебных программ по курсу «Основы информационной культуры личности» подготовлен как учебное пособие для университетов культуры и искусств, осуществляющих подготовку кадров высшей квалификации по широкому спектру направлений от 033000 «Культурология» до 230770 «Прикладная информатика» и разных уровням: бакалавриат и аспирантура.

Учебные программы, входящие в состав комплекса, предназначены для:

- ориентации в структуре, содержании, объеме и порядке изучения курса «Основы информационной культуры личности»;

- контроля и самоконтроля за результатами обучения и освоения учебного материала студентами и аспирантами;

- навигации в основных нормативно-правовых, справочных, учебных, научных изданиях, интернет-ресурсах по направлению и профилю подготовки бакалавров и научной специальности, теме диссертации аспирантов;

- стимуляции и развития профессионального самообразования студентов и аспирантов.

Данное пособие призвано служить источником учебной и справочной информации не только для студентов и аспирантов, но и для преподавателей специальных дисциплин.

Исходя из задач интенсификации обучения, повышения роли самостоятельной работы студентов, качественно новых возможностей, которые появились в связи с внедрением в учебный процесс информационно-коммуникационных технологий, каждая из учебных программ, входящих в состав комплекса, позволяет не только составить целостное представление об учебной дисциплине «Основы информационной культуры личности», но и может быть использована студентами при выполнении контрольных,

курсовых и дипломных работ, при подготовке к зачетам и экзаменам по циклу дисциплин профессиональной подготовки. Основными функциями комплекса учебных программ по курсу «Основы информационной культуры личности» в учебном процессе являются: ориентировочная, справочная, контролирующая, диагностическая, стимулирующая, развивающая.

### **ФГОС ВПО третьего поколения как основа разработки комплекса учебных программ: возможности и ограничения**

Разработка комплекса учебных программ по семи направлениям подготовки бакалавриата позволила выявить возможности и ограничения третьего поколения вузовских образовательных стандартов как рабочего инструмента, позволяющего вузовским преподавателям создавать учебно-методическое обеспечение на единых методологических основаниях, обеспечивать соблюдение дидактических принципов системности, последовательности, преемственности.

Важнейшим достоинством ФГОС ВПО третьего поколения является наличие перечня видов профессиональной деятельности, общекультурных и профессиональных компетенций, дающих возможность моделировать содержание рабочих учебных программ более целенаправленно и четко. Наряду с этим стандарты содержат явное указание тех информационных продуктов, которые интегрируют результаты профессиональной подготовки целого ряда учебных дисциплин. В таблице приведены результаты анализа семи ФГОС ВПО с точки зрения отражения в них информационных продуктов, аккумулирующих широкий спектр информационных знаний, умений и навыков. Как правило, эти информационные продукты указываются в составе профессиональных задач, соотношенных в соответствии с видами профессиональной деятельности, либо при формулировке профессиональных компетенций (см. табл. 5).

**Основные виды информационных продуктов,  
которые должны создавать (способны готовить) бакалавры**

№ п/п	Направление (профиль) подготовки	Состав информационных продуктов в соответствии с видами профессиональной деятельности и профессиональными компетенциями, заданными ФГОС ВПО
1.	033000 «Культурология»	<p><b>Виды профессиональной деятельности:</b></p> <p><i>научно-исследовательская:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• обзоры, аннотации, рефераты и библиографии по тематике проводимых исследований, статьи, презентации; научные отчеты; сообщения, доклады, заявки на проекты; научное описание социокультурных проектов;</li> </ul> <p><i>организационно-управленческая:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• нормативная и техническая документация (графики работ, инструкции, планы, заявки, отчеты);</li> </ul> <p><i>производственно-технологическая:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• схемы, таблицы, графики, отчетность по утвержденным формам, нормативные методические документы, проекты, различные типы текстов (академических, официально-деловых, публицистических, рекламных);</li> </ul> <p><i>культурно-просветительная:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• художественно-творческие планы, художественные программы;</li> </ul> <p><i>преподавательская:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• образовательные программы.</li> </ul> <p><b>Профессиональные компетенции:</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• научные отчеты, обзоры, аналитические карты пояснительные записки (ПК-3)</li> </ul>
2.	050100 «Педагогическое образование», профиль «Музыка»	<p><b>Профессиональные компетенции:</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• тексты профессионального и социально значимого содержания (ОПК-5);</li> <li>• учебные программы базовых и элективных курсов в различных образовательных учреждениях (ПК-1);</li> <li>• культурно-просветительские программы (ПК- 9)</li> </ul>
3.	050400 «Психолого-педагогическое образование», профиль «Психология и социальная педагогика»	<p><b>Виды профессиональной деятельности:</b></p> <p>В области психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в специальном и инклюзивном образовании:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• психологическое заключение.</li> </ul> <p><b>Общие и профессиональные компетенции:</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• психологическое заключение; научные тексты (ОК-5);</li> <li>• профессиограммы для различных видов профессиональной деятельности (ПКПП-10)</li> </ul>

Продолжение таблицы 5

№ п/п	Направление (профиль) подготовки	Состав информационных продуктов в соответствии с видами профессиональной деятельности и профессиональными компетенциями, заданными ФГОС ВПО
4.	071900 «Библиотечно-информационная деятельность»	<p><b>Виды профессиональной деятельности:</b></p> <p><i>производственно-технологическая:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• информационно-поисковые системы и базы данных;</li> </ul> <p><i>организационно-управленческая:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• локальная нормативная и организационно-управленческая документация;</li> </ul> <p><i>проектная деятельность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• библиотечно-информационные продукты;</li> </ul> <p><i>информационно-аналитическая:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• информационно-аналитическая продукция;</li> </ul> <p><i>психолого-педагогическая:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• образовательные и социокультурные программы для населения.</li> </ul> <p><b>Профессиональные компетенции:</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• документные фонды, базы и банки данных (ПК-3);</li> </ul> <p><i>проектная деятельность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• комплексные инновационные проекты и программы развития библиотечно-информационной деятельности (ПК-19);</li> </ul> <p><i>информационно-аналитическая деятельность:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• информационно-аналитическая продукция (ПК-31)</li> </ul>
5.	072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»	<p><b>Виды профессиональной деятельности:</b></p> <p><i>научно-исследовательская :</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• списки объектов историко-культурного и природного наследия; обзоры, аннотации, рефераты и библиографии по тематике проводимых исследований, презентации; научные отчеты; научные статьи, доклады, тезисы; сообщения;</li> </ul> <p><i>организационно-управленческая:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• программы сохранения и освоения культурного и природного наследия;</li> </ul> <p><i>производственно-технологическая:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• реестры памятников изучаемой территории и формирование Государственного кадастра; справочный аппарат, компьютерные базы данных;</li> </ul> <p><i>проектная:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• проекты по музеефикации памятников истории и культуры, территорий;</li> </ul> <p><i>культурно-просветительская:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• культурно-образовательные программы.</li> </ul>

№ п/п	Направление (профиль) подготовки	Состав информационных продуктов в соответствии с видами профессиональной деятельности и профессиональными компетенциями, заданными ФГОС ВПО
		<p><b>Профессиональные компетенции:</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• выставочные и экспозиционные проекты (ПК-13);</li> <li>• проекты региональных программ сохранения и освоения культурного и природного наследия, в том числе – в туристической сфере (ПК-14);</li> <li>• новые культурные продукты (ПК-15)</li> </ul>
6.	100400 «Туризм»	<p><b>Виды профессиональной деятельности:</b> <i>проектная:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• программы туров, турпакетов, экскурсионные программы и другие продукты туристской деятельности.</li> </ul> <p><b>Профессиональные компетенции:</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• туристский продукт (ПК-5)</li> </ul>
7.	230700 «Прикладная информатика»	<p><b>Виды профессиональной деятельности:</b> <i>проектная:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• технические задания;</li> </ul> <p><i>организационно-управленческая:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• презентации проектов;</li> </ul> <p><i>научно-исследовательская:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• обзоры, аннотации, рефераты, научные доклады, публикации, библиографии по научно-исследовательской работе в области прикладной информатики.</li> </ul> <p><b>Профессиональные компетенции:</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• обзоры научной литературы и электронных информационно-образовательных ресурсов для профессиональной деятельности (ПК-22)</li> </ul>

Как следует из данной таблицы, разработчикам рабочих учебных программ по курсу «Основы информационной культуры личности» становится возможным четко профилировать содержание каждого из разделов, потому что ФГОС ориентирует на достижение того результата (информационного продукта), в котором аккумулируются все действия с информацией. Ведь для того чтобы создать с помощью компьютера и ИКТ любой из информационных продуктов, от обзора публикаций до конкретного образовательного, культурно-просветительного проекта или региональной программы сохранения и

освоения культурного и природного наследия, необходимо сначала провести поиск, обработку, анализ и критическую оценку информации. Лишь на такой информационной основе возможно создание подлинно нового, креативного продукта (информационного, туристского, культурного и т. д.).

Однако анализ ФГОС третьего поколения как инструмента разработки рабочих учебных программ выявил не только его безусловные достоинства, но и явные недостатки. В таблице 6 приводятся результаты сопоставления семи анализируемых ФГОС ВПО по областям, объектам и видам профессиональной деятельности.

Таблица 6

**Сопоставление ФГОС ВПО по областям, объектам  
и видам профессиональной деятельности**

Направление (профиль подготовки)	Область профессиональной деятельности	Объекты профессиональной деятельности	Виды профессиональной деятельности
033000 «Культурология»	Культурология и социально-гуманитарное знание, культурная политика и управление, сохранение культурного и природного наследия, социокультурные и массовые коммуникации, образование	Фундаментальные проблемы теории и истории культуры; культурные формы, процессы, практики в истории и современности; культурное и природное наследие; способы производства культурных значений, средства их распространения, закрепления и потребления в публичной и приватной сферах жизни общества; формы, способы и средства культурных массовых коммуникаций; межличностные и межкультурные взаимодействия в глобальном и локальном измерениях; просвещение и образование в сфере культуры	- научно-исследовательская; - организационно-управленческая; - проектно-аналитическая и экспертная; - производственно-технологическая; - культурно-просветительская; - преподавательская
050100 «Педагогическое образование», профиль «Музыка»	Образование, социальная сфера, культура	Обучение, воспитание, развитие, образовательные системы	- педагогическая; - культурно-просветительская; - научно-исследовательская
050400 «Психолого-педагогическое образование», профиль «Психология и социальная педагогика»	Образование (общее, коррекционное, инклюзивное); социальная сфера; здравоохранение; культура	Обучение; воспитание; индивидуально-личностное развитие обучающихся; здоровье обучающихся; психолого-педагогическое и социальное сопровождение обучающихся, педагогов и родителей в образовательных учреждениях различного типа и вида; социализация	- психолого-педагогическое сопровождение дошкольного, общего, дополнительного и профессионального образования; - психолого-педагогическое сопровождение детей с ограниченными возможностями здоровья в специальном и инклюзивном образовании;

Продолжение таблицы 6

Направление (профиль подготовки)	Область профессиональной деятельности	Объекты профессиональной деятельности	Виды профессиональной деятельности
			<ul style="list-style-type: none"> <li>- социально-педагогическая деятельность;</li> <li>- образовательная деятельность в дошкольном образовании;</li> <li>- образовательная деятельность на начальной ступени общего образования</li> </ul>
071900 «Библиотечно-информационная деятельность»	Практическая деятельность по формированию и использованию библиотечно-информационных ресурсов, сохранению документного наследия, формированию информационной культуры общества	Библиотечно-информационная деятельность по удовлетворению потребностей общества в информационных ресурсах; формирование и организация документных ресурсов общества; оптимизация функционирования библиотечно-информационных сетей и систем; использование современных информационно-коммуникационных технологий библиотечно-информационной деятельности; применение психолого-педагогических методик, содействующих духовно-нравственному развитию личности и формированию информационной культуры	<ul style="list-style-type: none"> <li>- производственно-технологическая;</li> <li>- организационно-управленческая;</li> <li>- проектная;</li> <li>- научно-исследовательская и методическая;</li> <li>- информационно-аналитическая;</li> <li>- психолого-педагогическая</li> </ul>
072300 «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия»	Музеи и учреждения музейного типа, художественные галереи (государственные, общественные, ведомственные, частные); библиотеки, архивы; фонды; общественные организации; реставрационные мастерские;	Культурное и природное наследие, их сохранение и актуализация; возникновение, развитие и функционирование музеев и учреждений музейного типа; формы и средства музейной коммуникации	<ul style="list-style-type: none"> <li>- производственно-технологическая;</li> <li>- научно-исследовательская;</li> <li>- организационно-управленческая;</li> <li>- культурно-просветительская;</li> <li>- проектная</li> </ul>

Продолжение таблицы 6

Направление (профиль подготовки)	Область профессиональной деятельности	Объекты профессиональной деятельности	Виды профессиональной деятельности
	<p>экскурсионные бюро и туристические фирмы; научно-исследовательские институты и экспертно-аналитические центры; органы управления объектами культурного и природного наследия разного уровня и ведомственной подчиненности; образовательные учреждения, центры эстетического воспитания; средства массовой информации</p>		
100400 «Туризм»	<p>Разработка и реализация туристского продукта, обладающего качествами, удовлетворяющими требования потребителей, организация комплексного туристского обслуживания в основных секторах туристской индустрии</p>	<p>Потребители услуг туристской индустрии (индивидуальные или корпоративные клиенты), их потребности; туристский продукт; технологические процессы предоставления услуг туристской индустрии; результаты интеллектуальной деятельности; нематериальные активы, принадлежащие субъектам туристской индустрии на праве собственности или ином законном основании; средства размещения, предприятия питания, объекты экскурсионной деятельности, спортивно-оздоровительных услуг, средства транспорта, иные предприятия туристской индустрии и другие объекты, связанные с разработкой и реализацией туристского продукта;</p>	<p>- проектная; - производственно-технологическая; - организационно-управленческая; - сервисная; - научно-исследовательская</p>

Направление (профиль подготовки)	Область профессиональной деятельности	Объекты профессиональной деятельности	Виды профессиональной деятельности
		информационные ресурсы и системы, средства обеспечения автоматизированных информационных систем и их технологий	
230700 «Прикладная информатика»	Системный анализ прикладной области, формализация решения прикладных задач и процессов ИС; разработка требований к созданию и развитию ИС и ее компонентов; технико-экономическое обоснование проектных решений; разработка проектов автоматизации и информатизации прикладных процессов и создание ИС в прикладных областях; реализация проектных решений с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и технологий программирования; внедрение проектов автоматизации решения прикладных задач и создания ИС; управление проектами информатизации предприятий и организаций; обучение и консалтинг по автоматизации решения прикладных задач; сопровождение и эксплуатация ИС; обеспечение качества автоматизации и информатизации решения прикладных задач и создания ИС	Данные, информация, знания; прикладные и информационные процессы; прикладные информационные системы. Особенности объектов профессиональной деятельности определяются характером прикладной области, уточняемой спецификой профилей подготовки, к которым относятся: Экономика, Менеджмент, Юриспруденция, Государственное и муниципальное управление, Социология, Дизайн, Химия, Геодезия, Психология, Образование, Социальная сфера, Информационная сфера, Искусство и гуманитарные науки, Геоинформатика, Здравоохранение, Сервис, Архитектура, Социально-культурная сфера, Социальные коммуникации	- проектная; - производственно-технологическая; - организационно-управленческая; - аналитическая; - научно-исследовательская

Результаты сопоставительного анализа ФГОС ВПО по областям, объектам и видам профессиональной деятельности позволяют утверждать следующее.

Несмотря на наличие инструктивно-методических материалов по реализации деятельностно-компетентного подхода в ФГОС третьего поколения [2; 3], у разработчиков стандартов отсутствует единое понимание того, что является областью и объектом профессиональной деятельности бакалавров. В качестве областей профессиональной деятельности бакалавров выступают логически разнородные понятия:

а) названия наук и областей знания (культурология и социально-гуманитарное знание);

б) наименование отраслей производственной сферы народного хозяйства (образование, здравоохранение, социальная сфера);

в) перечень видов практической деятельности (практическая деятельность по формированию и использованию библиотечно-информационных ресурсов и т. п.);

г) перечень типов учреждений и организаций, в которых могут быть востребованы бакалавры (музеи и учреждения музейного типа, художественные галереи, библиотеки, архивы; фонды, образовательные учреждения, центры эстетического воспитания и др.);

д) перечень технологических процессов, которые бакалавры призваны реализовывать в своей профессиональной деятельности (разработка и реализация туристского продукта; системный анализ прикладной области, формализация решения прикладных задач и процессов информационных систем и т. д.).

В качестве объектов профессиональной деятельности бакалавров также выступают логически разнородные понятия:

– абстрактные категории (фундаментальные проблемы теории и истории культуры; культурные формы и т. п.);

– процессы (обучение, воспитание, развитие, формирование и организация документных ресурсов общества; оптимизация функционирования библиотечно-информационных сетей и систем и др.);

– объекты (культурное и природное наследие, формы и средства музейной коммуникации, потребители услуг туристской индустрии, данные, информация, знания; прикладные и информационные процессы; прикладные информационные системы и др.).

При выделении и формулировке видов профессиональной деятельности у разработчиков ФГОС наблюдается отсутствие единого подхода, нарушение принципов системности и объективности. Так, наряду с пониманием отдельных видов профессиональной деятельности как обобщенных типов профессиональных задач (производство и технология, организация и управление, исследование, образование, просвещение, проектирование, сервис, экспертиза и т. д.), в некоторых стандартах для обозначения видов профессиональной деятельности используются несопоставимые, узкопрофессиональные понятия. Например, разработчики ФГОС по направлению 050400 «Психолого-педагогическое образование», профиль «Психология и социальная педагогика» используют в качестве наименования вида профессиональной деятельности понятие «Психолого-педагогическое сопровождение» (образования, детей) и др.

Для наименований видов профессиональной деятельности в стандартах применяются категории различной степени общности. Так, наряду с выделением проектной, аналитической деятельности в самостоятельные виды профессиональной деятельности, в ФГОС по направлению 033000 «Культу-

рология» используется понятие «проектно-аналитическая и экспертная деятельность», в ФГОС по направлению 071900 «Библиотечно-информационная деятельность» в единый вид деятельности объединяются научно-исследовательская и методическая.

Нарушение принципов системности и объективности проявляется в том, что при сопоставлении ФГОС родственных направлений выявлена неопределенность и субъективизм в количественных и качественных показателях, характеризующих виды профессиональной деятельности в том или ином стандарте, рассогласование между внутренними параметрами стандартов. Например, в стандарте по направлению 033000 «Культурология» имеет место противоречие между объектом профессиональной деятельности – «просвещение и **образование в сфере культуры**» и профессиональной компетентностью – способностью осуществлять воспитательную и педагогическую деятельность в **общеобразовательных учреждениях** (ПК-19) (выделено мной – *Н. Г.*).

Важнейшим при этом является вопрос о критериях, на основании которых выделяется как количество видов профессиональной деятельности, так и их состав. Не понятно, почему для одних направлений подготовки предусмотрен тот или иной вид деятельности, а для других нет? В частности, удивляет отсутствие такого вида деятельности, как научно-исследовательская для ФГОС по 050400 «Психолого-педагогическое образование», профиль «Психология и социальная педагогика».

Всего при анализе ФГОС было выявлено 15 наименований видов профессиональной деятельности. Максимальное количество – шесть видов деятельности – характеризует подготовку бакалавров по направлениям 071900 «Библиотечно-информационная дея-

тельность» и 033000 «Культурология», минимальное – три вида – названо в стандартах по направлению 050100 «Педагогическое образование», профиль «Музыка», и направлению 050400 «Психолого-педагогическое образование», профиль «Психология и социальная педагогика». Наиболее типичными являются производственно-технологическая, организационно-управленческая, проектная, научно-исследовательская виды профессиональной деятельности.

В понятийно-терминологическом аппарате, используемом в анализируемых ФГОС ВПО, имеет место не унифицированная терминология: синонимия в названиях видов деятельности, методов, формулировки компетенций. Разработчики ФГОС именуют родственные виды деятельности по-разному. Например, как наглядно видно в табл. 1 и табл. 6, в текстах ФГОС ВПО фигурируют образовательная, педагогическая, преподавательская и психолого-педагогическая деятельность, границы между которыми достаточно «размыты» и неопределенны.

Использование стандартов затрудняет включение в их состав понятий, не имеющих четких дефиниций: «культурные значения» «культурные формы», «культурные массовые коммуникации», «новые культурные продукты», «глобальное и локальное измерение» (033000 «Культурология»); «новые культурные продукты», «туристский продукт» (100400 «Туризм») и др.

Самостоятельной проблемой, существенно ограничивающей возможности использования ФГОС третьего поколения как инструмента разработки рабочих учебных программ, является отсутствие в большинстве из анализируемых стандартов указания на то, где, в каких конкретно типах и видах учреждений, организаций, фирм и т. п. призван работать будущий бакалавр (см. табл. 7).

Таблица 7

**Представленность типа, вида учреждения, организации – потенциального места работы бакалавра в анализируемых ФГОС ВПО**

№ п/п	Направление (профиль) подготовки	Наличие/отсутствие указания на конкретный тип, вид учреждения, организации – потенциального места работы бакалавра
1.	033000 «Культурология»	<p><b>4.3. Бакалавр по направлению подготовки 033000 «Культурология» готовится к следующим видам профессиональной деятельности:</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• в научно-исследовательских институтах и центрах, музеях, библиотеках, архивах;</li> <li>• в органах федерального, регионального, муниципального государственного управления; в аналитических центрах, общественных и государственных организациях; работа в фирмах и консалтинговых компаниях, общественных и государственных организациях; в системе печатных и электронных средств массовых коммуникаций, издательствах, рекламно-информационных и туристических агентствах, в системе маркетинговых коммуникаций;</li> <li>• в организациях и учреждениях культуры (музеях, библиотеках, культурных центрах);</li> <li>• в образовательных учреждениях высшего, среднего и начального профессионального образования</li> </ul>
2.	050100 «Педагогическое образование», профиль «Музыка»	нет
3.	050400 «Психолого-педагогическое образование», профиль «Психология и социальная педагогика»	нет
4.	071900 «Библиотечно-информационная деятельность»	Библиотеки ( <i>Примечание:</i> стандарт не выделяет их в составе областей и видов профессиональной деятельности, они упоминаются лишь в составе профессиональных компетенций)
5.	072300 «Музеология и охрана объектов культурного природного наследия»	<p><b>4.1. Область профессиональной деятельности бакалавров включает:</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• музеи и учреждения музейного типа, художественные галереи (государственные, общественные, ведомственные, частные);</li> <li>• библиотеки, архивы; фонды; общественные организации;</li> <li>• реставрационные мастерские;</li> <li>• экскурсионные бюро и туристические фирмы;</li> <li>• научно-исследовательские институты и экспертно-аналитические центры;</li> <li>• органы управления объектами культурного и природного наследия разного уровня и ведомственной подчиненности;</li> <li>• образовательные учреждения, центры эстетического воспитания; средства массовой информации.</li> </ul>

№ п/п	Направление (профиль) подготовки	Наличие/отсутствие указания на конкретный тип, вид учреждения, организации – потенциального места работы бакалавра
		<p><b>4.3. Бакалавр по направлению подготовки 072300 Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия готовится к следующим видам профессиональной деятельности:</b></p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• научно-исследовательская деятельность:</li> <li>• в высших учебных заведениях;</li> <li>• организационно-управленческая деятельность:</li> <li>• в органах федерального, регионального, муниципального государственного управления;</li> <li>• культурно-просветительская деятельность:</li> <li>• в экскурсионных бюро и туристических фирмах</li> </ul>
6.	100400 «Туризм»	нет
7.	230700 «Прикладная информатика»	нет

Отсутствие в ряде стандартов указания на типы, виды учреждений и организаций, их «отстраненность» от будущих мест работы бакалавров входит, на наш взгляд, в противоречие с основными идеями разработки ФГОС ВПО третьего поколения – ориентацией на результат обучения и активное участие представителей работодателей в разработке и экспертизе стандартов, что зафиксировано в соответствующих законах РФ [5; 6], реализацией компетентностного, то есть практикоориентированного подхода, не согласуется с одной из важнейших задач Федеральной целевой программы развития образования на 2011–2015 гг. – «приведение содержания и структуры профессионального образования в соответствие с потребностями рынка труда» [4].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Потребность в специальной информационной подготовке выпускников университета обусловлена как минимум двумя причинами: во-первых, задачами успешного овладения основной образовательной про-

граммой в период обучения, во-вторых, задачами плодотворной будущей профессиональной деятельности. Совершенно очевидно, что без способности самостоятельно находить, анализировать и обрабатывать научную информацию с использованием персонального компьютера и информационно-коммуникационных технологий невозможно реализовать такое важнейшее требование ФГОС ВПО третьего поколения, как сокращение объема аудиторных часов и увеличение объемов самостоятельной работы студентов. В свою очередь самостоятельная работа студентов современного университета предполагает значительное увеличение доли интерактивных занятий на основе информационных образовательных технологий, активное освоение электронного образовательного контента, представленного в Интернете и электронных библиотеках. Учебный курс «Основы информационной культуры личности» является одним из способов развития умений самостоятельно осваивать знания. Он закладывает основы умений учиться в современном вузе, дает студентам возможность

овладеть метапредметными знаниями, умениями и навыками, связанными с поиском, переработкой и эффективным использованием информации, то есть с формированием информационной компетентности и информационной культуры личности.

2. Плодотворность будущей профессиональной деятельности выпускника университета, независимо от направления (профиля) подготовки, также неразрывно связана с информационной компетентностью и информационной культурой личности. Причина этой взаимосвязи заключается в том, что выпускники университета относятся к категории работников, занимающихся интеллектуальным трудом, который предполагает, прежде всего, работу с информацией. Суть такого труда, если использовать обобщение, заключается в получении информации (зачастую разнообразной и противоречивой), ее переработке (критическом анализе, сопоставлении, сравнении, классификации и синтезе) и выработке на этой основе решений, за которые работник интеллектуального труда несет ответственность. Диапазон задач, решаемых выпускниками университетов, их сложность и новизна обусловили потребность в креативной личности, способной не просто к интеллектуальной, но к инновационной деятельности. Инновационная деятельность также невозможна без информационной компетентности – способности выпускника университета самостоятельно отыскивать, осваивать, критически оценивать необходимую информацию и на этой основе находить нестандартные решения возникающих профессиональных задач.

3. Особое значение и информационная культура личности имеет для выпускников университетов культуры искусств, связанных с художественным творчеством. Новая, многообразная по форме представления информация может дать толчок воображе-

нию, рождению новых образов, стимулировать творческое мышление, интуицию. Однако такая способность предполагает наличие у личности не только определенных психофизических качеств, но и приобретаемых информационных знаний, умений, навыков, информационного мировоззрения, которые и формируются в рамках учебного курса «Основы информационной культуры личности».

4. Информационная компетентность и информационная культура личности влияют также на профессиональную мобильность высококвалифицированных кадров, поскольку без владения приемами рациональной работы с информацией, включая использование персонального компьютера и ИКТ, приобретение новых знаний, умений и навыков существенно затрудняется, практически невозможны профессиональная переподготовка и повышение квалификации, изменение направленности профессиональной деятельности, что решающим образом определяет жизненное благополучие выпускника университета в современном динамично меняющемся мире.

5. ФГОС ВПО третьего поколения, если рассматривать их как генераторы рабочих учебных программ, позволяют реализовать на практике единую методологическую основу – компетентностный подход за счет учета государственных требований к результатам освоения ООП, выраженным в форме общекультурных и профессиональных, компетенций, обеспечить соблюдение дидактических принципов системности, последовательности, преемственности. Наличие в составе ФГО СВПО перечня видов профессиональной деятельности, общекультурных и профессиональных компетенций, информационных продуктов, которые интегрируют результаты профессиональной подготовки, открывают перед вузовскими преподавателя-

ми возможность определять содержание рабочих учебных программ более целенаправленно и четко.

6. Возможности использования в вузах ФГОС ВПО третьего поколения как генераторов рабочих учебных программ существенно снижаются из-за нарушений принципов системного подхода к их построению, о чем свидетельствует проведенный анализ стандартов по родственным направлениям подготовки бакалавров. К их числу относятся неунифицированная терминология, отсутствие единого (логически совместимого) подхода к трактовке областей, объектов и видов профессиональной деятельности бака-

лавров, субъективизм и отсутствие четких критериев, на основании которых выделяется как количество видов профессиональной деятельности, так и их состав, отсутствие в некоторых стандартах указания на типы и виды учреждений, организаций, фирм и т. п., в которых призван работать выпускник университета (*бакалавр*). Учитывая нормативный характер ФГОС третьего поколения и то, что они в ближайшее время будут определять качество создаваемого вузами учебно-методического обеспечения, частности, учебных рабочих программ, следует предусмотреть возможность сведения к минимуму имеющихся недостатков.

### Литература

1. Гендина Н. И. Информационная подготовка и медиаобразование в России и странах СНГ Проблемы формирования информационной культуры личности и продвижения идей информационной и медиаграмотности. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2012. – 186 с.
2. О разработке вузами основных образовательных программ: Инструктивное письмо Разъяснения разработчикам основных образовательных программ для реализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.edu.ru/db/portal/spe/3v.htm>
3. Богословский В. А., Караваева Е. В., Ковтун Е. Н., Коршунов С. В., Котлобовский И. Б., Мелехова О. П., Родионова С. Е., Телешова И. Г. Переход российских вузов на уровневую систему подготовки кадров в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами: нормативно-методические аспекты. – М.: Университет. книга, 2010. – 248 с.
4. Федеральная целевая программа развития образования на 2011–2015 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fcpro.ru/program / program-texta>
5. Федеральный закон от 01.12.2007 г. – № 309-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия структуры и содержания государственного образовательного стандарта» [Электронный ресурс] // Российская газета. – URL: <http://www.rg.ru/2007/12/05/obrazovanie-stansart-dok.html>
6. Федеральный закон от 01.12.2007 г. – № 307-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях предоставления объединениям работодателей права участвовать в разработке и реализации государственной политики в области профессионального образования» [Электронный ресурс] // Российская газета. – URL: <http://www.rg.ru/2007/12/06/obrazovanie-dok.html>
7. Гендина Н. И., Колкова Н. И., Стародубова Г. А., Уленко Ю. В. Формирование информационной культуры личности: теоретическое обоснование и моделирование содержания учебной дисциплины. – М.: Межрегион. центр библиотечного сотрудничества, 2006. – 512 с.
8. Гендина Н. И., Колкова Н. И., Стародубова Г. А., Скипор И. Л. Формирование информационной культуры личности в библиотеках и образовательных учреждениях: учеб.-метод. пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: Школьная б-ка, 2003. – 296 с.

УДК 37

*И. Л. Скипор***ИНТЕГРАЦИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ ВУЗА:  
РАЗРАБОТКА УНИФИЦИРОВАННОЙ СТРУКТУРЫ КОНТЕНТА САЙТА  
«ЭЛЕКТРОННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА КЕМГУКИ»**

Описаны подходы к интеграции электронных образовательных ресурсов Кемеровского государственного университета культуры и искусств (КемГУКИ) в рамках сайта «Электронная образовательная среда КемГУКИ». Охарактеризована структура контента сайта, в основе построения которой используется блочно-модульный принцип построения. Рассмотрены правила представления электронных образовательных ресурсов в электронных учебно-методических комплексах, обеспечивающих реализацию различных форм организации учебного процесса, предусмотренных образовательной программой.

**Ключевые слова:** электронные образовательные ресурсы, электронная образовательная среда вуза, контент сайта.

*I. L. Skipor***INTEGRATION OF ELECTRONIC EDUCATIONAL RESOURCES OF THE  
UNIVERSITY: DEVELOPMENT OF UNIFIED STRUCTURE OF SITE  
“ELECTRONIC EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF KEMGUKI” CONTENT**

It describes approaches to the integration of electronic educational resources of the Kemerovo State University of Culture and Arts (KemGUKI) in the framework of site “Electronic educational environment of KemGUKI.” The structure of the site content, in the basis of which is used to block-modular principle of construction. It considers the rules of electronic educational resources in electronic educational and methodical complexes, ensuring the implementation of the various forms of educational process organization, provided for a curriculum.

**Keywords:** electronic educational resources, e-educational environment of the University, content of the website.

Формирование надежного информационного обеспечения, включающего как традиционные, так и электронные образовательные ресурсы, является важнейшей задачей, стоящей перед вузами в условиях модернизации российского образования, реализации федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС ВПО). В соответствии с установленными стандартами требованиями основные образовательные программы должны обеспечиваться учебно-методической документацией по всем учебным дисциплинам (модулям), представленной в сети Интернет или локальной сети образовательного учреждения.

В состав информационных образовательных ресурсов вуза в качестве важнейшего компонента входят электронные учебно-методические комплексы (УМК), обеспечивающие эффективную работу обучающихся по всем видам занятий в соответствии с учебным планом. Несмотря на активное использование в системе высшего образования термина «учебно-методический комплекс», к сожалению, он не нашел отражения в нормативных документах. Это ведет к тому, что вузы как разработчики УМК самостоятельно определяют требования к учебно-методическим комплексам (структуре и оформлению, порядку разработки, организации контроля содержания и качества

разработки УМК, хранению и использованию) и закрепляют их в локальных нормативных документах (положениях об УМК, методических указаниях по разработке УМК дисциплины и т. п.). Анализ таких нормативных документов показывает, что в состав УМК рекомендуется включать различные виды учебных документов, в том числе: учебную программу, учебник/учебное пособие, курс/, конспекты лекций, практикум, планы семинарских занятий, описания практических (лабораторных) работ, хрестоматию, учебные словари и справочники, рабочую тетрадь студента, вопросы к зачету или экзамену и т. д. При этом они могут быть представлены как в традиционной, так и электронной формах.

В Кемеровском государственном университете культуры и искусств с целью упорядочения процесса создания учебно-методической продукции, унификации показателей оценки ее качества разработаны и активно используются стандарты системы вузовской учебной документации [1] и «Положение об учебно-методическом комплексе» [7]. Следует отметить, что данные документы отражают требования к учебно-методическим документам, представленным на традиционных носителях. Создание электронной образовательной среды определяет необходимость расширения состава образовательных ресурсов, а также учета специфики их представления и обеспечения доступа к ним.

В соответствии с ГОСТ Р 52653-2006 «Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения» **электронный образовательный ресурс (ЭОР)** – образовательный ресурс, представленный в электронно-цифровой форме и включающий в себя структуру, предметное содержание и метаданные о них. Электронный образовательный ресурс может включать в себя данные, информацию,

программное обеспечение, необходимые для его использования в процессе обучения [3, с. 4]. Следует заметить, что в образовательной практике, наряду с термином «электронный образовательный ресурс», широко используются понятия «цифровой образовательный ресурс», «информационный образовательный ресурс», которые рассматриваются как условные синонимы.

В настоящее время учебно-методическое обеспечение реализуемых в КемГУКИ образовательных программ представлено как традиционными, так и электронными учебными документами, которые хранятся в библиотеке, на общенаучных и выпускающих кафедрах. В такой ситуации весьма затруднительно получение студентом полного комплекта учебных материалов, необходимых для освоения образовательной программы на заданном промежутке времени (в течение семестра, учебного года). В еще большей степени эта проблема обостряется в условиях внедрения дистанционных форм обучения.

Особая значимость формирования интегрированного комплекса электронных образовательных ресурсов определяется разработанной и утвержденной в 2010 г. «Концепцией информатизации Кемеровского государственного университета культуры и искусств на период до 2020 г.» [5], в которой данная работа выделена в качестве стратегического направления информатизации учебной и учебно-методической деятельности.

На решение проблемы интеграции электронных образовательных ресурсов вуза и обеспечение свободного доступа к ним студентов направлен созданный в 2012 г. сайт «Электронная образовательная среда КемГУКИ» ([www.moodle.kemguki.ru](http://www.moodle.kemguki.ru)), который реализован на основе системы управления обучением Moodle (Modular Object-Oriented Dynamic Teaming Environment). Использование данного инструмента позволяет не только обеспечить возможность

интеграции различных видов электронных образовательных ресурсов (учебных документов, баз данных учебного назначения, электронных тренажеров и т. п.) по реализуемым вузом образовательным программам, но и создать среду для интерактивного общения преподавателей и студентов в процессе обучения. Несомненными достоинствами системы являются широкие функциональные возможности, простота и удобство использования, которые обеспечиваются применением блочно-модульного принципа построения контента создаваемого на основе Moodle информационного ресурса.

Как известно, востребованность любого электронного информационного ресурса, эффективность его функционирования, прежде всего, определяются его контентом. ГОСТ Р 52653-2006 определяет образовательный контент как структурированное предметное содержание, используемое в образовательном процессе [3, с. 4].

При разработке контента сайта «Электронная образовательная среда КемГУКИ» исходили из необходимости учета следующих групп требований:

- требования к составу размещаемых ЭОР;
- требования к структурированию информации;
- требования к представлению ЭОР;
- требования к навигации по сайту.

Необходимость обеспечения удаленного доступа студентов к учебно-методическим комплексам по всем дисциплинам, входящим в состав осваиваемых ими образовательных программ, определила потребность включения различных видов учебных документов (учебно-теоретических, учебно-практических, учебно-методических и др.), а также средств диагностики и контроля знаний.

В принципе, формирование электронного УМК может осуществляться вузом путем приобретения законно распространяемых

ЭОР, заимствования свободно распространяемых ЭОР, генерации собственных ЭОР либо их корпоративного создания. На первом этапе создания сайта «Электронная образовательная среда КемГУКИ» принято решение о размещении только самостоятельно создаваемых вузом электронных образовательных ресурсов, в том числе опубликованных учебных документов, а также неопубликованных и непубликуемых учебных документов. В дальнейшем расширение состава электронных образовательных ресурсов возможно за счет обеспечения доступа к внешним законно приобретенным электронным образовательным ресурсам, а также организации навигации по размещенным в Интернете свободно распространяемым ЭОР.

Включение в состав размещаемых на сайте «Электронная образовательная среда КемГУКИ» УМК различных видов электронных документов (опубликованных, неопубликованных и непубликуемых учебных документов) требует уточнения их дефиниций. При определении данных понятий целесообразно ориентироваться на общепринятые и отраженные в нормативных и учебных изданиях подходы.

В отечественных нормативных документах отсутствует дефиниция понятия «электронный учебный документ». Тем не менее, в ГОСТ Р 52653-2006 дается определение понятия «электронный документ» – это документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме [3, с. 2]. Исходя из данной дефиниции, можно сформулировать рабочее определение понятия «электронный учебный документ» – это документ, содержащий систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для изучения и преподавания, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме.

Для разграничения понятий «опубликованный документ», «неопубликованный

документ» и «непубликуемый документ» использовалась классификация документов по степени их распространенности, отраженная в [6, с. 108]. В соответствии с данной классификацией к отличительным признакам опубликованных документов относятся предназначенность для широкого и многократного использования, наличие выходных данных, а также тиража (независимо от способа тиражирования). Наличие таких признаков позволяет отнести опубликованные документы к изданиям. Поэтому понятия «опубликованный электронный учебный документ» и «учебное электронное издание» далее рассматриваются как синонимы, и для их определения используется приведенная в ГОСТ 7.83-2001 следующая дефиниция: «учебное электронное издание – это электронное издание, содержащее систематизированные сведения научного или прикладного характера, изложенные в форме, удобной для изучения и преподавания, и рассчитанное на учащихся разного возраста и степени обучения» [2, с. 299]. Таким образом, к числу опубликованных электронных учебных документов относятся все представленные в электронно-цифровой форме учебные документы, прошедшие редакционно-издательскую обработку и имеющие выходные данные (учебные программы, учебники, учебные пособия, сборники описаний практических или лабораторных работ, учебные терминологические словари и справочники и т. п.).

Если учебные документы рассмотрены и утверждены на заседании кафедры, учебно-методическим советом института, однако они не прошли редакционно-издательскую обработку и не имеют выходных данных, то их следует относить к группе неопубликованных учебных документов. Такие документы, как правило, представлены в виде файлов либо ограниченным количеством печатных экземпляров, хранящихся на кафедре. В эту группу входят не прошедшие редакционно-издательскую обработку учебные

программы, сборники описаний практических или лабораторных работ, методические указания по изучению дисциплины и т. п., а также описания отдельных практических или лабораторных работ, планы семинарских занятий, методические указания по выполнению отдельных видов учебной работы, описания контрольных работ и др. В последующем они могут изменить свой статус и войти в группу опубликованных электронных учебных документов.

В составе УМК также представлены непубликуемые документы, которые не проходят редакционно-издательскую обработку, поскольку они не предназначены для широкого и многократного использования, а также тиражирования. К таким документам относятся вопросы к зачету или экзамену, список рекомендуемой литературы, тематика рефератов или докладов, контрольные вопросы по разделам, темам и т. п.

При разработке требований к структурированию информации и представлению ЭОР на сайте в качестве базовых документов использованы СТП 1. 003-98 «Система вузовской учебной документации. Виды вузовских учебных изданий. Термины и определения» [1] и ГОСТ Р 52657-2006 «Образовательные интернет-порталы федерального уровня. Рубрикация информационных ресурсов» [4], в которых приводятся различные подходы к классификации электронных образовательных ресурсов.

Так, в СТП 1. 003-98 в соответствии с целевым назначением определены следующие виды вузовских учебных изданий: учебно-программные, учебно-теоретические, учебно-методические, учебно-практические, учебно-справочные, учебно-наглядные и учебно-библиографические издания [1, с. 16]. ГОСТ Р 52657-2006 установлены такие типы электронных образовательных ресурсов, как: учебные материалы, нормативные документы, учебно-методические материалы, научные материалы, справоч-

ные материалы, иллюстративные и демонстрационные материалы, дополнительные информационные материалы, электронные периодические издания, электронные библиотеки, образовательные сайты, программные продукты [4, с. 3–4]. Результаты сравнительного анализа изложенных в данных нормативных документах подходов к классификации образовательных ресурсов свидетельствуют о расширении состава образовательных ресурсов за счет не только оцифровки традиционных учебных документов либо создания электронных учебных изданий, но и включения баз данных, специализированных программных средств учебного назначения, образовательных интернет-ресурсов.

Для обеспечения единообразия представления электронных образовательных ресурсов на сайте «Электронная образовательная среда КемГУКИ» при разработке структуры его контента был использован блочно-модульный принцип построения. Определение состава модулей осуществлялось в соответствии с классификацией вузовских учебных изданий, отраженной в СТП 1.003-98 [1]. С учетом требований со-

временной системы образования и реализуемых вузом образовательных стандартов данная классификация была расширена путем включения новых видов электронных образовательных ресурсов.

В структуре размещаемых на сайте электронных учебно-методических комплексов (ЭУМК) предлагается выделять следующие модули: «Организационные ресурсы», «Учебно-программные ресурсы»; «Комплексные учебные ресурсы»; «Учебно-теоретические ресурсы»; «Учебно-практические ресурсы»; «Учебно-методические ресурсы»; «Учебно-справочные ресурсы»; «Учебно-наглядные ресурсы»; «Учебно-библиографические ресурсы»; «Средства диагностики и контроля знаний».

Особенности информационного обеспечения различных форм организации учебного процесса потребовали выделения в каждом модуле четырех блоков: «Учебная дисциплина», «Практика», «Курсовые работы и проекты», «Итоговая государственная аттестация».

Представление о структуре электронного учебно-методического комплекса в разрезе модулей и блоков дает табл. 1.

Таблица 1

**Состав модулей электронного учебно-методического комплекса, размещаемого на сайте «Электронная образовательная среда КемГУКИ»**

Состав ЭОР блока «Учебная дисциплина»	Состав ЭОР блока «Практика»	Состав ЭОР блока «Курсовые работы и проекты»	Состав ЭОР блока «Итоговая государственная аттестация»
<i>Модуль «Организационные ресурсы»</i>			
• График изучения дисциплины • Вводная видеолекция	• График прохождения практики	• План-график выполнения курсовой работы/проекта	• План-график выполнения дипломной работы/проекта
<i>Модуль «Учебно-программные ресурсы»</i>			
• Тематический план дисциплины • Учебная программа дисциплины • Рабочая учебная программа	• Программа практики		• Программа государственного экзамена

Состав ЭОР блока «Учебная дисциплина»	Состав ЭОР блока «Практика»	Состав ЭОР блока «Курсовые работы и проекты»	Состав ЭОР блока «Итоговая государственная аттестация»
<i>Модуль «Комплексные учебные ресурсы»</i>			
<ul style="list-style-type: none"> <li>• Учебно-методический комплекс</li> <li>• Электронное учебное пособие</li> </ul>		Электронные учебные пособия	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Электронные учебные пособия</li> </ul>
<i>Модуль «Учебно-теоретические ресурсы»</i>			
<ul style="list-style-type: none"> <li>• Учебник</li> <li>• Учебное пособие</li> <li>• Тексты лекций</li> <li>• Курс лекций</li> <li>• Конспекты лекций</li> <li>• Видеолекции</li> </ul>		<ul style="list-style-type: none"> <li>• Учебное пособие</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Учебное пособие</li> </ul>
<i>Модуль «Учебно-практические ресурсы»</i>			
<p>Сборник описаний практических работ</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>• Сборник описаний лабораторных работ (лабораторный практикум)</li> <li>• Описания отдельных практических (лабораторных, творческих) работ</li> <li>• Сборник задач (задачник)</li> <li>• Сборник упражнений</li> <li>• Сборник планов семинарских занятий</li> <li>• Рабочая тетрадь</li> <li>• Сборник иностранных текстов</li> <li>• Репертуарный сборник</li> <li>• Сборник партитур</li> <li>• Хрестоматия</li> <li>• Описания деловых игр</li> <li>• Планы отдельных семинарских, индивидуальных занятий</li> <li>• Электронные тренажеры</li> </ul>			
<i>Модуль «Учебно-методические ресурсы»</i>			
<ul style="list-style-type: none"> <li>• Методические указания по изучению дисциплины</li> <li>• Методические указания по выполнению отдельных видов, форм учебной работы</li> <li>• Описание методики выполнения отдельных видов учебной работы</li> </ul>		<ul style="list-style-type: none"> <li>• Методические указания по выполнению курсовых работ (проектов)</li> <li>• Описание методики выполнения отдельных видов учебных исследовательских (проектных) работ</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Методические указания по выполнению дипломных работ (проектов)</li> <li>• Описание методики выполнения отдельных видов учебных исследовательских (проектных) работ</li> </ul>

Окончание таблицы 1

Состав ЭОР блока «Учебная дисциплина»	Состав ЭОР блока «Практика»	Состав ЭОР блока «Курсовые работы и проекты»	Состав ЭОР блока «Итоговая государственная аттестация»
<i>Модуль «Учебно-справочные ресурсы»</i>			
<ul style="list-style-type: none"> <li>• Учебный терминологический словарь</li> <li>• Учебный справочник</li> </ul>			
<i>Модуль «Учебно-наглядные ресурсы»</i>			
<ul style="list-style-type: none"> <li>• Альбомы</li> <li>• Атласы</li> <li>• Электронные презентации</li> <li>• Учебные видеофильмы</li> <li>• Учебные аудиоматериалы</li> <li>• Подборки графических, фотодокументов и т. п.</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Электронные презентации</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Электронные презентации</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Электронные презентации</li> </ul>
<i>Модуль «Учебно-библиографические ресурсы»</i>			
<ul style="list-style-type: none"> <li>• Учебно-вспомогательное библиографическое пособие</li> <li>• Учебный библиографический справочник</li> <li>• Список рекомендуемой литературы</li> <li>• Перечень полезных ссылок</li> </ul>			
<i>Модуль «Средства диагностики и контроля знаний»</i>			
<ul style="list-style-type: none"> <li>• Сборник контрольных заданий</li> <li>• Описание контрольной работы, индивидуального задания</li> <li>• Тематика контрольных работ</li> <li>• Тематика рефератов, докладов</li> <li>• Тематика деловых игр</li> <li>• Тематика учебных исследовательских проектов</li> <li>• Тематика проектного обучения</li> <li>• Тематика кейс-стади</li> <li>• Вопросы коллоквиумов</li> <li>• Контрольные вопросы (по разделам, темам и т. п.)</li> <li>• Отдельные тесты по разделам, темам и т. п.</li> <li>• Сборник тестов (тестовых заданий)</li> <li>• Вопросы к зачету, экзамену</li> </ul>		<ul style="list-style-type: none"> <li>• Примерная тематика курсовых работ (проектов)</li> </ul>	<ul style="list-style-type: none"> <li>• Примерная тематика дипломных работ (проектов);</li> <li>• Вопросы к государственному у экзамену</li> </ul>

Таблица 2

**Состав атрибутов описания документов, входящих в электронный учебно-методический комплекс, размещаемый на сайте «Электронная образовательная среда КемГУКИ»**

Приведенная таблица иллюстрирует возможность представления в структуре ЭУМК различных видов электронных образовательных ресурсов, обусловленных как спецификой реализуемых образовательных программ и входящих в их состав учебных дисциплин, так и используемыми образовательными технологиями.

Принцип унификации явился определяющим не только при разработке структуры контента сайта, но и при определении способов представления информации о размещаемых ЭОР. Так, в качестве важнейшего поискового атрибута выступает «вид ресурса» (учебная программа, учебник, сборник описаний лабораторных работ, планы семинарских занятий, описание контрольной работы, вопросы к экзамену и т. п.). Это обусловлено тем, что в рамках ЭУМК собраны материалы по одной учебной дисциплине и пользователю необходимо быстро найти необходимый ресурс в зависимости от реальных задач, решаемых им на заданном интервале времени: подготовка к семинару, выполнение контрольной работы, подготовка к экзамену и т. п.

Далее для опубликованных документов приводится библиографическое описание в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». При размещении неопубликованных работ (например, описания отдельных лабораторных, практических или контрольных работ, презентаций и др.) следует указать – № работы, тему (заглавие), Ф. И. О. и должность составителя, дату составления. Вопросы к зачету или экзамену сопровождаются сведениями о составителе (Ф. И. О. и должность) и об их утверждении на заседании кафедры (дата и номер протокола).

В обобщенном виде состав атрибутов, описывающих документы в составе ЭУМК, представлен в табл. 2.

Атрибут	Опубликованные учебные документы	Неопубликованные учебные документы	Непубликуемые учебные документы
Вид документа			
Вид ЭОР	+	+	+
Заглавие	+	+	-Г
Сведения, относящиеся к заглавию	+		
Сведения о наличии грифа, номера гос. регистрации и т. п.	+		
Сведения об авторе/составителе	+	+	+
Место издания	+		
Издательство	+		
Дата издания / составления	+	+	+
Объем	+	+	
Сведения об утверждении кафедрой, УМС		+	+

Приведенный в табл. 2 состав атрибутов позволяет идентифицировать электронные образовательные ресурсы, отразить необходимые сведения для быстрого поиска информации, а также проверки актуальности размещенных на сайте ЭОР.

Навигация по сайту предполагает использование как внутренних, так и внешних гиперссылок. Внутренние гиперссылки обеспечивают возможность перехода на ресурсы в пределах заданной образовательной программы, учебно-методического комплекса. Внешние гиперссылки позволяют организовать доступ к распределенным электронным информационным ресурсам. Так, например, с целью исключения дублирования ЭОР, размещенных в электронной библиотеке Научной библиотеки КемГУКИ, из соответствующего ЭУМК, представленного на сайте «Электронная образовательная среда КемГУКИ», приводится полное описание ЭОР и гиперссылка на соответствующий ресурс электронной библиотеки. Также возможно обеспечение навигации и по рекомендуемым при изучении конкретной дисциплины специализированным образовательным интернет-ресурсам.

В целом использование унифицированной структуры при организации контента обеспечит качество сайта «Электронная образовательная среда КемГУКИ» и способность решать на его основе комплекс задач

различными категориями пользователей, в том числе:

- создание конечным пользователям (студентам) комфортной среды для поиска необходимых электронных образовательных ресурсов и решения задач их учебной деятельности в дистанционном режиме;
- обеспечение технологичности процесса размещения электронных образовательных ресурсов преподавателями за счет использования ими готовых регламентированных решений;
- организация специализированными структурами (управлением информатизации КемГУКИ) централизованного управления процессом формирования электронных образовательных ресурсов, в ходе которого будет возможна проверка соблюдения требований к размещению ЭОР, их своевременной актуализации;
- осуществление учебно-методическим управлением, отделом комплектования научной библиотеки КемГУКИ, дирекцией института, заведующим кафедрой оценки состояния учебно-методического обеспечения как отдельной учебной дисциплины, так и специальности или направления подготовки в целом.

### Литература

1. Гендина Н. И., Колкова Н. И. Нормативно-методическое обеспечение учебного процесса в вузе: стандарты высшего учебного заведения / КемГАКИ. – Кемерово, 2002. – 170 с.
2. ГОСТ 7.83-2001. СИБИД. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения // Стандарты по издательскому делу / сост. А. А. Джиго, С. Ю. Калинин. – М.: Экономистъ, 2004. – С. 297–311.
3. ГОСТ Р 52653-2006. Информационно-коммуникационные технологии в образовании. Термины и определения. – М.: Стандартинформ, 2007. – 7 с.
4. ГОСТ Р 52657-2006. Образовательные интернет-порталы федерального уровня. Рубрикация информационных ресурсов. – М.: Стандартинформ, 2007. – 6 с.
5. Концепция информатизации Кемеровского государственного университета культуры и искусств на период до 2020 г.: утв. ученым советом КемГУКИ 24.11.2010 г. – Кемерово, 2011. – 40 с.
6. Кушнарченко Н. Н. Документоведение: учебник. – 3-е изд., стер. – Киев: Знания, 2001. – 460 с.
7. Об учебно-методическом комплексе: положение № 03/16-02-у: утв. ректором КемГУКИ 05.02.2008. – Кемерово, 2008. – 10 с.

*Л. П. Халыпина*

## СОЗДАНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Статья посвящена вопросам теории и методики обучения иностранным языкам студентов высших учебных заведений и подготовки их к ситуации межкультурной коммуникации, что особенно важно в условиях глобализирующегося мира. В статье раскрываются новые подходы к обучению иностранным языкам на основе достижений таких базовых наук, как межкультурная коммуникация и когнитивная лингвистика, которые дают возможность осуществлять исследование универсальных культурных концептов, имеющих как сходства, так и различия в интерпретации их значений в различных языках и культурах. Такой подход обеспечивает создание инновационной межкультурной образовательной среды.

**Ключевые слова:** обучение иностранным языкам, межкультурная коммуникация, концептуальный анализ, универсальные культурные концепты, культурные ценности.

*L. P. Khalyapina*

## CREATING THE INNOVATIVE INTERCULTURAL LEARNING ENVIRONMENT IN THE PROCESS OF TEACHING THE FOREIGN LANGUAGES

The paper focuses on the methodology of teaching students foreign languages and their preparation for the situation of intercultural communication which is still important for the situation of globalizing the world. Our approach is based on the studies of such sciences as intercultural communication and cognitive linguistics with the help of which it is possible to investigate universal cultural concepts aimed to help students understand that universal cultural concepts only partially have common features in different cultures, in many aspects their interpretation in different cultures is different. This approach creates the innovative intercultural learning environment.

**Keywords:** teaching the foreign languages, intercultural communication, universal cultural concepts, conceptual analysis, cultural values.

В современных условиях глобализирующегося мира перед системой обучения иностранным языкам и методической наукой встала задача разработки новых теорий и подходов к обучению, которые базировались бы не только на реализации задач по овладению новой языковой системой, но и на рассмотрении концептуальной картины мира носителей изучаемых языков. Данный подход призван обеспечить создание инновационной межкультурной образовательной среды, способствующей более глубокому пониманию сходств и различий двух или нескольких взаимодействующих лингвокультур и сокращению межкультурных барьеров.

В условиях межкультурной коммуникации мы сталкиваемся с ситуацией, когда носители разных культур подсознательно апеллируют к своим культурным ценностям, что провоцирует взаимное непонимание. Для того чтобы изменить данную ситуацию и подготовить студентов к пониманию как сходств, так и различий в интерпретации общеизвестных (универсальных) культурных концептов, мы решили обратиться к исследованиям в сфере теории межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики, которые анализируют сходства и различия между представителями различных культур на уровне концептуальных картин мира,

универсальных культурных концептов, концептуального анализа и т. д. Мы считаем, что использование в методической науке данных подходов и понятий поможет в большей степени подготовить изучающих иностранный язык к лучшему взаимопониманию с представителем другой культуры в ситуации межкультурной коммуникации и сокращению межкультурных барьеров.

В настоящее время в лингвистике и теории межкультурной коммуникации общепризнанными являются положения о наличии общих для всех культур элементов, которые обеспечивают возможность взаимопонимания всех людей на общепланетарном уровне. В терминологии пока не сложились устоявшиеся понятия, однако семантика представленных в данном контексте явлений идентична. К наиболее распространенным относятся следующие категории: культурные универсалии (В. А. Маслова), семантические и концептуальные универсалии (А. Вежбицкая), общечеловеческие концепты (В. М. Бухаров), универсальное когнитивное пространство, универсальная когнитивная база и универсально-прецедентные феномены (В. В. Красных, Д. Б. Гудков), универсальные культурные концепты (Ю. С. Степанов). В ходе исследования нами были рассмотрены некоторые научные концепции, определяющие и доказывающие важность существования той или иной культурной универсалии.

Так, например, система универсальных культурных концептов, представленная Ю. С. Степановым, выделяет следующий их перечень: «вечное, мир, время, огонь и вода, хлеб, действие, ремесло, слово, вера, любовь, радость, воля, правда и истина, знание, наука, число, счет, письмо, алфавит, закон, цивилизация, душа, совесть, мораль, деньги, страх, тоска, грех, грусть, печаль, дом, язык» [7].

Идеи антропологии относительно универсальности модели культуры нашли свое продолжение в исследованиях по лингви-

стике и лингвокультурологии. Заслуживающее внимания высказывание В. М. Бухарова сформулировано следующим образом: «...формирование концепта в сознании человека происходит вне жесткой связи с тем, на каком языке он говорит и говорит ли вообще на каком-либо языке. Это означает возможность установления общечеловеческих концептов, системы реализации которых, обнаруживают национальную, этническую, культурную и др. специфику. В результате этого возникают трансконцептные связи и отношения» [1].

Модель культуры, построенная на основе «универсального» способа изучения сходств и различий культур, исходит из культурно-детерминированного поведения человека (Дж. П. Мердок). Итоговая универсальная схема содержала 47 всеобщих культурных черт, среди которых следующие: совместный труд, спорт, образование, наличие ритуалов, системы родства, правила взаимодействия полов, язык и т. д.

Все исследуемые элементы культуры в данном случае были зафиксированы при помощи формализованной записи, которая была разработана Дж. П. Мердоком и положена им в основу HRAF (Ареальная картотека человеческих отношений – Human Relations Area File). **Впервые она была опубликована** в виде «Этнографического атласа» (1967) и представляла собой набор табулограмм по 600 культурам.

Следующая классификация культурных универсалий разработана на основе анализа американской школы антропологической лингвистики и состоит из десяти культурных универсалий в следующем составе: отношение к природе, времени, пространству, деятельности, характеру общения, характеру аргументации в ходе общения, личной свободе и автономности личности, соперничеству, власти, природе человека [4].

Интерес для исследователей представляет и теория семантических универсалий и по-

нимания культур через посредство ключевых слов, разработанная А. Вежбицкой [2]. Согласно рассматриваемой теории, возможность успешной коммуникации между различными культурами напрямую зависит от универсальности базового множества семантических примитивов, из которых каждый язык может создать практически бесконечное число более или менее «идиосинкретичных» (специфичных для данной культуры) понятий (комбинируя примитивы в различных конфигурациях). В качестве примера можно привести такие семантические и лексические универсалии, как субстантивы: я, ты, некто (лицо), нечто (вещь), люди, тело; детерминаторы: этот, тот же, другой; атрибуты: хороший, плохой, большой, маленький; жизнь и смерть: жить, умереть и т. д. Данные концепты, по словам исследователя, являются частью генетического наследства человека, на основании чего делается вывод о том, что они не будут различаться от одного человеческого сообщества к другому. Отсутствие такого фундамента привело бы к тому, что «носители разных языков были бы обитающими в разных измерениях узниками различных концептуальных систем, лишенными всякой возможности какого бы то ни было контакта с узниками других концептуальных тюрем» [2].

Исходя из всего вышесказанного, считаем возможным заключить, что обращение к методике исследования универсальных культурных концептов в системе обучения иностранным языкам будет способствовать созданию инновационной межкультурной образовательной среды и более эффективной подготовке студентов к ситуации межкультурного взаимодействия с представителями других культур. Необходимо подчеркнуть идею о том, что компетенция в сфере установления и объяснения универсальных культурных концептов в ситуации межкультурной коммуникации будет в первую очередь способствовать продвижению на пути взаимопонимания между представителями

разных культур. Быть компетентным в сфере универсальных культурных концептов – значит обладать знаниями, умениями и способностями, необходимыми для того, чтобы выявлять концепты данного уровня в дискурсе собеседника, оповещать его о специфическом наполнении культурных универсалий в собственной культуре с тем, чтобы обеспечить возможность взаимного понимания с собеседником – носителем другой культуры.

После того, как были исследованы теоретические основы обращения к системе универсальных культурных концептов и доказана их значимость для ситуации межкультурной коммуникации, было организовано экспериментальное обучение студентов языкового вуза с целью овладения технологией осуществления учебного варианта концептуального анализа, ориентированного на выявление сходств и различий в интерпретации одних и тех же культурных концептов представителями разных языков и культур. В целях более эффективной реализации разработанной автором методической системы было решено осуществлять ее внедрение поэтапно. При этом были выделены следующие этапы: подготовительный (цель: знакомство с теорией концептуального анализа, особенностями исследования культурных концептов разных уровней); интерактивного обучения (цель: исследование способов лексической репрезентации культурных концептов); самостоятельной поисковой и исследовательской деятельности (цель: исследование способов контекстной реализации смысловых значений культурных концептов); творческого представления результатов самостоятельной деятельности (цель: сопоставительный анализ сходств и различий значений универсальных культурных концептов в различных лингвокультурах).

Тематика подготовительных занятий, посвященных проблемам концептуального анализа, включала в себя следующие пункты:

1. Языковая и концептуальная картины мира.

2. Культурный концепт. 3. Универсальная концептосфера. 4. Этнокультурная концептосфера. 5. Способы исследования лексической репрезентации концепта. 6. Способы исследования контекстуальной реализации смысловых составляющих концепта. На основе имеющихся концептуальных исследований студентам была подробно объяснена методика осуществления исследования лексической репрезентации концепта и контекстной реализации концептуальных смыслов.

Знакомство с практической стороной концептуального анализа было направлено на изучение методики исследования толковых и энциклопедических словарей. В данном случае для анализа лексикографических источников рекомендуется отбирать только прямые номинативные значения. Используемый для примера сравнительный анализ словарных дефиниций имен существительных «деньги» и «money» показал, что мнения составителей словарей по поводу признаков, по которым можно определить каждое из значений данных многозначных единиц, не совпадают, поэтому выделенные ими признаки весьма разнообразны.

В качестве практического задания студентам было предложено в малых группах поработать с англоязычными и русскоязычными лексикографическими изданиями на предмет изучения лексической репрезентации того же концепта «деньги». Выводы, полученные студентами, заключались в следующем: **в английском языке большое внимание уделяется признакам, характеризующим деньги как нечто рациональное, связанное с ментальным процессом, лишенное эмоциональной составляющей:** «money is opinion: for (one's) money; money is brains: fool and his money are soon parted; money is a kind of independence: pin money, to put (one's) money where (one's) mouth is; money is something precise: on the money; money is opposed to feelings and emotions: not for love or money etc».

В русской культуре деньги рассматриваются в качестве категории, не зависимой от человека и его способностей, они часто получаются случайно: money is gained by luck or chance: to make money out of air, crazy money; money is a measurable object: money likes to be counted, «poltinnik» is not money, a long ruble; money is something moving: to run after (big) money; money is a thing to save: to store coins / money under the pillow / in the stocking / in «kubyshka» etc.

Несмотря на наличие очевидных различий в интерпретации концепта money / деньги в английском и русском языках, был выявлен ряд общих характеристик. Например: «официальные монеты и купюры, используемые для расчета и накопления» (*officially coined and stamped currency, generally accepted medium of exchange, measure of value*), а также, как средство измерения состояния и богатства (*wealth reckoned in terms of money, funds, assets, a deep, tender feeling of affection*).

Подобные результаты анализа лексикографических источников позволяют дать студентам первичное представление об универсальной и этнокультурной специфике культурных концептов.

Следующим задачей обучения, направленного на знакомство с методикой концептуального анализа с целью выявления общего и различного в характеристиках концепта, является знакомство с методикой сопоставления интерпретаций контекстуальной реализации смысловых составляющих концепта и выявление общего и специфического в ассоциативных связях языковых сознаний представителей сопоставляемых лингвокультур.

Итог, который следует из данных, представленных в результате проведенной работы, заключается в следующем:

Являясь универсальным явлением в человеческой жизни вообще (а соответственно и универсальным культурным концептом), «деньги» как понятие универсально с точки

зрения совокупности существенных признаков, наполняющих его. Но языковые интерпретации этого понятия отличны в сравниваемых языках, так как коннотативные и ассоциативные признаки, вычлененные конкретным языковым сознанием, своеобразны и базируются на ментальных образах, свойственных только данному конкретному социуму. Расхождения в интерпретациях понятия «деньги» прослеживаются в структурных типах его описания, в коннотативных признаках и в образно-ассоциативных переосмыслениях, связанных с этим понятием.

Таким образом, лексические и контекстуальные варианты в наполнении концепта «деньги» в сравниваемых языках свидетельствуют об относительной универсальности данного концепта и разности его этнокультурного фона.

В качестве других концептов, предложенных студентам для совместного подготовительного исследования, были выбраны «дружба», «счастье», «замужество», «вредные привычки».

Анализ финальных самостоятельных работ студентов содержал полный и всесторонний сопоставительный анализ как лексической репрезентации концептов в двух лингвокультурах, так и исследование интерпретационного поля концепта на основе различных типов дискурса и интернет-коммуникации. В работах правильно

интерпретировались сходства и различия смысловых значений концепта, на основе которых определялись выводы о возможном взаимопонимании между представителями исследуемых культур.

Итоговые работы говорят о том, что студенты, пользуясь учебным вариантом концептуального анализа, продемонстрировали способность, исследуя различные лингвистические источники (словари, энциклопедии, разные виды дискурса), осуществлять на когнитивном уровне проникновение в концептуальную систему носителей другой лингвокультуры, определять сходства и различия сопоставляемых лингвокультур, что оказывает положительное влияние на процесс межкультурного взаимодействия и взаимопонимания. Такой вывод подтверждается результатами реального общения в интернет-среде, тональностью итоговых работ студентов, а также обсуждением рассматриваемых проблем на занятиях в процессе работы над той или иной темой.

Таким образом, результаты внедрения разработанной автором методической системы представили картину положительной динамики формирования способности и готовности студентов к межкультурной коммуникации в условиях инновационной межкультурной образовательной среды, созданной в процессе обучения иностранным языкам.

### Литература

1. Бухаров В. М. Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация: учеб. пособие. – Н. Новгород: Деком, 2001. – С. 74-84.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Бульгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 287 с.
4. Елизарова Г. В. Культура и обучение иностранным языкам. – СПб.: КАРО, 2005. – 352 с.
5. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М.: Academia, 2001. – 203 с.
7. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

УДК 37

*Ф. К. Зиннуров, В. Ф. Габдулхаков, Г. Г. Чанышева***О РАЗВИТИИ ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Технологии взаимосвязанного изучения языков способствуют формированию полноценной языковой личности. Чтобы формировалась хорошая языковая координация или субординация, необходима интеграция языковых дисциплин, учитывающая положительный перенос сходных языковых явлений и отрицательное влияние на речь расходящихся языковых явлений.

**Ключевые слова:** поликультурное образование, технологии интегративного изучения языков, языковая личность, языковая координация, языковая субординация, интеграция языковых дисциплин, интеграция языковых явлений.

*F. K. Zinnurov, V. F. Gabdulhakov, G. G. Chanysheva***ON MULTICULTURAL EDUCATION DEVELOPMENT**

Technologies of interconnected studying the languages promote formation of the high-grade language person. To form good language coordination or subordination, the integration of language disciplines considering positive transfer of the similar language phenomena and negative influence on speech of the dispersing language phenomena are necessary.

**Keywords:** multicultural education, technologies of integrated study of languages, language person, language coordination, language subordination, integration of language disciplines, integration of language phenomena.

Российские исследователи, педагоги-практики часто обращают внимание на то, что у нас в стране поликультурное образование пока не входит в число приоритетных направлений развития педагогической науки и практики. В политических декларациях, научных трудах, на уроках и внеклассных мероприятиях в школах содержатся призывы к воспитанию в духе поликультурности, но далеко не всегда они становятся идейной основой образовательной деятельности [1]. Ученые-педагоги, руководители школ, простые учителя нередко замалчивают такие «неудобные вопросы», как межэтнические конфликты, культурные предрассудки, национализм. Между тем поликультурность человека закладывается отнюдь не на генетическом уровне. Она социально детерминирована и должна быть воспитана (и в языковом, и в духовном смысле).

Крах концепции мультикультурного общества в Западной Европе в связи с терактами в Норвегии, Бельгии, Англии и других

странах поставил под сомнение перспективы развития поликультурного образования. Понятие поликультурного образования употребляется в России в широком смысле: и в контексте диалога культур, и в контексте воспитания толерантности, и в контексте билингвального или полилингвального образования [1].

У родителей и педагогов наибольший интерес вызывает последний контекст: он связан с освоением второго или третьего языка.

В современной психолингвистике идеальным считается такой билингвизм, когда ученик свободно переключается с одного языка на другой, то есть говорит на двух языках свободно. Однако если изучаются одновременно три языка (скажем, татарский, русский, английский), то на две семантические базы (значения слов) наслаивается третья: для одних – русского языка, для других – татарского, для третьих – английского. Определить, как это происходит у того или иного ребенка, очень важно для выработки

общей стратегии скоординированного и синхронизированного обучения трем языкам. Отсутствие такой стратегии отрицательно влияет не только на речевую, но и на мыслительную, интеллектуальную, эстетическую и нравственную деятельность [1, 2].

Чтобы выяснить, какая языковая база доминирует, можно сравнить тексты высказываний, сделанных ребенком на родном и втором языке за одинаковый промежуток времени. Подсчитывается уровень концентрации информации, логической взаимосвязи, синтаксической сложности речи и т. д. Полученные результаты позволяют определить стратегию развития связной речи в рамках интегрированного, скоординированного изучения разных языков [1, 2].

Связь речевой деятельности и общего психического развития личности, мышления и речи всегда привлекала внимание педагогов. Технологии интегративного (взаимосвязанного) изучения языков играют в этом взаимодействии особую роль. Они способствуют формированию полноценной языковой личности, помогают ученику адекватно проявлять себя в разных сферах общения – на уроках математики, химии, литературы; на улице и дома. Чтобы формировалась хорошая языковая координация (свободное общение на двух-трех языках) или субординация (свободное общение на одном и переводное общение на другом), необходима интеграция языковых дисциплин, учитывающая положительный перенос сходных языковых явлений и отрицательное влияние на речь «расходящихся» языковых явлений [1, 2, 10].

Разобшенное обучение разным языкам развивает смешанный билингвизм, тормозящий не только порождение речи на родном языке, но и интеллектуальное развитие в целом. Развитие смешанного билингвизма, которое наблюдается сейчас в школах, может приводить к появлению такой языковой личности, которая будет испытывать речевые затруднения при общении на любом языке – и родном, и втором [10].

Как же все-таки построить поликультурное языковое развитие личности в национально-региональных условиях России?

Поликультурное образование – это познание человеком поликультуры, возможность его самореализации в поликультурном мире при сохранении взаимосвязи с родным языком, культурой, что в итоге способствует бесконфликтной идентификации личности в многокультурном обществе и его интеграции в поликультурное мировое пространство [1, 3–9]. Современная трактовка понятия «поликультурное образование» не может не вызывать споров и сомнений. «Международная энциклопедия образования» (The International Encyclopedia of Education, 1994), выражая мнение ряда исследователей, ограничивает его рамками национальной, расовой, этнической культуры и видит его цель в воспитании толерантного отношения к другим культурам, в выработке знания и понимания различий и сходств между ними. Социальная группа, группа говорящих на диалекте, сексуальное меньшинство рассматриваются как нормальные вариации в рамках единой культуры, то есть как субкультуры, не имеющие отношения к поликультурному образованию. В таком случае «поликультурное образование» синонимично «полиэтническому». Зарубежные исследователи в свою очередь подчеркивают, что расширение границ понятия искажает цель данного типа образования, отвлекая внимание от вопросов дискриминации и равенства, предрассудков в отношении этнических меньшинств в целом и чернокожих американцев в частности [3, 4, 5].

Теоретики билингвального обучения также отводят основное место в поликультурном образовании расовым и этническим меньшинствам. Исследователи подчеркивают, что поликультурное образование начинает разрабатываться в связи с подъемом этнического сознания в период движения за гражданские права и в качестве основного компонента включает программы, посвященные

этническим группам [7, 8, 9]. Они отмечают, что в программах должны присутствовать две стороны: изучение всего этнического разнообразия страны и собственного этнического наследия. В качестве еще одной составляющей поликультурного образования они называют «изучение женщин» (women's studies) [7, 8].

Мы считаем, что поликультурное образование должно стать неотъемлемой частью образования во всех странах мира. Для этого есть три основные причины:

- социальные реалии современного общества;
- влияние культуры и этнической принадлежности на человеческий рост и развитие;
- условия эффективного преподавания и обучения.

Эти причины, на наш взгляд, объясняют потребность в поликультурном образовании, а также то, каким должен быть акцент в его содержании. Каждая причина играет важную и уникальную роль в создании целей и направлений для поликультурного образования. Целями такой концепции образования являются: развитие этнической и культурной грамотности, личностное развитие, разъяснение ценностей, поликультурная социальная компетентность, мастерство коммуникативных умений и навыков, равенство в образовании и расширение возможностей для социальной реформы.

Поликультурное образование включает несколько особенностей или черт, которые в совокупности отличают его врожденную природу и качество от других образовательных новшеств. Принятие поликультурного образования не означает разрушения всей системы образования или что культурное господство эгоцентризма, существующее в обучении, должно просто быть заменено господством других этнических культур. Скорее, за счет поликультурного образования система образования должна быть улучшена,

стать менее культурно монолитной, твердой, главной и эгоцентричной.

Современная теория языка (языкознание) и речевой деятельности (психолингвистика) последовательно проводит мысль о том, что общение – коммуникация – является формой межличностного обмена, благодаря которой человек может устанавливать контакт с «психикой» другого человека.

Лица, участвующие в коммуникации, проверяют, удачно ли проходит обмен информацией. Они регистрируют сигналы, источником которых является поведение каждого из них. Эти сигналы указывают на результаты, которые у получателя информации вызывает новость, что позволяет источнику информации оценить, насколько достигнута поставленная им цель. Познавательные процессы, мотивы и установки информирующего и получателя информации влияют на их соответствующие действия. Каждый из них также подготовлен к получению сигналов от партнера по взаимодействию, сигналов, указывающих, как на сознание партнера, на мотивы действий и поведенческие установки повлиял межличностный обмен.

Восприятие людей составляет основу взаимных контактов и всегда происходит в определенном физическом и социальном контексте, то есть имеет целостный характер. Восприятие людей нельзя свести к «изычанию» человека из его окружения, оно принимает объект со всем тем, что дает его среда. Социальное восприятие не только всесторонне, оно еще и неоднородно, потому что охватывает как отражение свойств объекта, приспособление к нему воспринимающего субъекта, так и определенные ожидания, которые воспринимающий связывает с воспринимаемым.

Теория и практика языкового развития выделяют три компонента восприятия личности: определяющий компонент, или наделение людей определенными чертами и особенностями; компонент «ожидания» или

предвидение определенного поведения у тех, кого воспринимают; эмоциональный компонент, или такое расположение воспринимающего по отношению к воспринимаемому, которое вызывает либо интерес предмета наблюдений, либо наоборот – его враждебное, отрицательное отношение, неприятие.

Поэтому результатом процесса межличностного восприятия является образ наблюдаемого объекта, который включает в себя как утверждения о его свойствах, так и ожидания относительно них. И первые, и вторые сопровождаются эмоциональной адаптацией, которая, в случае если наблюдаемый объект или взаимодействие с ним имеют для наблюдающего положительную ценность, определяет, станет ли воспринимаемый объект привлекательным для субъекта восприятия. Поэтому в основе работы по развитию связной речи на том или ином языке должен лежать механизм порождения речи, включающий в себя следующие компоненты: 1) мотив; 2) общий замысел; 3) внутренняя схема (структура) высказывания; 4) грамматико-лексическое и фонетическое оформление.

Необходимо оговорить тот факт, что выбор национальности не всегда соответствует уровню владения родным (в нашем случае – татарским, английским, польским) языком. В Татарстане многие респонденты считают себя татарами в силу внутренней приверженности к коренной нации, при этом не владея или плохо владея родным языком. Таким образом, «расклад» получается следующим: 57,2 % русских считают, что для ведения профессиональных обязанностей достаточно владения русским языком; 17,1 % – русским и иностранными языками;

11,4 % предвидят необходимость владения больше русским, нежели татарским языком; 5,7 % – татарским и русским языками в равной мере и 8,6 % – добавляют еще и иностранный/и иностранные языки. Всего двуязычие и многоязычие в профессиональной сфере признают 25,7 % русских респондентов. Среди респондентов-татар выбор языковых приоритетов следующий: больше половины из них (52,4 %) считают необходимым владение двумя и тремя языками (48,9 % и 3,5 % соответственно) и 43,8 % признают достаточным владение только русским языком.

В целом по данной корреляции можно отметить, что языковые приоритеты респондентов разделились поровну: 50 % выступают за одноязычие (русский язык) и 50 % – за дву- и многоязычие на рабочих местах.

В условиях Республики Татарстан двуязычие опирается на принципиально новую основу: создает двуязычную среду, в которой не только развивается и обогащается татарский язык, но и растет потребность в овладении им русским населением. Основную роль в утверждении двуязычия (татарско-русского и русско-татарского) играет общеобразовательная школа, которая фактически становится организатором общения детей на двух (и более) языках. Именно в школе с первых уроков, с первых совместных дел дети накапливают опыт общения в двуязычном коллективе, у них возникает естественное стремление к общению, к познанию языка и своей культуры, а также неродного языка и иной культуры. Все это способствует развитию межнационального согласия в Республике Татарстан.

### Литература

1. Формирование творческой личности в условиях поликультурного образования: технологии творческой одаренности: сб. науч.-метод. материалов / под ред. д-ра пед. наук, проф. В. Ф. Габдулхакова. – М.: Национальный книжный центр, 2011. – 169 с.
2. Almanac of Social Communication: академический учебник (Academic handbook) / kolegium redakcyjne: prof. dr hab. Walerian Gabdulhakov, prof. dr hab. Ryszard Parzęcki, doc. dr hab. Jitka Oravcova. – Opole-Ostrava; Wydawca: Uniwersytet Opolski: Skład i druk: «Drukmasz», 2011. – 288 с.

3. Anderson J. Supporting the Invisible Minority // Educational leadership. – 1997. – Vol. 54, № 7.
4. Banks J. Cultural Diversity and Education: Foundations, Curriculum and Teaching. – Boston, 2001.
5. Encyclopedia of Educational Research. – N. Y., 1992. – Vol. 3.
6. Edwards A. Let's Stop Ignoring Our Gay and Lesbian Youth // Educational Leadership. – 1997. – Vol. 54, № 7.
7. Glazer N. We Are All Multiculturalists Now. – Harvard University Press, 1997.
8. Lynch J. Multicultural Education: Principles a. Practice. – London, 1986.
9. The International Encyclopedia of Education. – Oxford, 1994. – Vol. 7.
10. Valerian F. Gabdulchakov. Of linguistic education in kindergartens // International Journal of Early Years Education. – 2011. – Vol. 19, Issue 2. – P. 185–188.

УДК 37

*О. А. Филиппова*

### СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В статье описаны функции образования и культуры как двух единых сторон процесса становления личности, проанализирован процесс становления толерантного сознания в контексте гуманистического развития личности, отмечено совпадение ключевых констант гуманистического мировоззрения и компонентов толерантного сознания.

**Ключевые слова:** социокультурное пространство, культурно-образовательная среда, поликультурное общество, гуманистическое мировоззрение, межкультурный диалог.

*O. A. Filippova*

### SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF TOLERANCE FORMATION OF UNIVERSITY STUDENTS

This work describes the functions of education and culture as two common aspects of the process of personality formation, the process of formation of tolerance is analyzed in the context of humanistic personality development, and the coincidence of the key constants of the humanistic world view and components of tolerance is noted.

**Keywords:** socio-cultural space, cultural and educational environment, multicultural society, humanistic world view, intercultural dialogue.

Мировой кризис во многих сферах человеческой деятельности способствовал сильнейшему обострению экономических, социальных, политических проблем всего мирового сообщества. В настоящее время тенденции глобализации, всемирной интеграции рассматриваются как угроза потери индивидуальности как отдельных людей, так и национальных культур в целом. В этой связи проблема формирования толерантного сознания стала одной из ведущих проблем современной психолого-педагогической науки.

В основе этического контекста концепции толерантности лежат гуманистические идеи, в которых подчеркивается непреходящая ценность различных достоинств и добродетелей человека, в том числе многообразия, отличающего одного человека от другого и поддерживающего богатство индивидуальных вариаций единого человеческого вида. Если рассматривать разнообразие людей, культур и народов как ценность и достоинство культуры, то толерантность представляет собой норму цивилизованного сосуществования

этих культур, готовность к принятию иных взглядов, что в свою очередь выступает как условие сохранения многообразия, условие сохранения человеческой культуры в целом.

Анализируя процесс становления толерантного сознания в контексте гуманистического развития личности, представляется необходимым отметить совпадение ключевых констант гуманистического мировоззрения и компонентов толерантного сознания, а именно: ценностные ориентации, отражающие индивидуально-личностные позиции (религиозные, эстетические, политические взгляды), которые находят свое выражение в позитивном отношении к другим, способности к эмпатии, доверии и открытости в получении новой информации; характеристика социальных чувств (патриотизм, толерантность), проявляющаяся в виде стремления к объективизации восприятия особенностей представителей разных наций и культур, развитию и взаимообогащению культурного опыта, признания ценности каждой человеческой жизни, конструктивный межкультурный диалог; индивидуальные психологические характеристики личности, способствующие адаптации и развитию мотивации к самоопределению, самовыражению и самореализации в современном поликультурном мире.

Образование и общество неотделимы. Это единая система. Любые сколько-нибудь глобальные проблемы, с которыми сталкивается общество, социум, цивилизация в целом, неизбежно сказываются и на состоянии сферы образования. И именно сфера образования, откликаясь на эти актуальные проблемы, способна оказывать свое существенное влияние на развитие тех или иных тенденций в обществе, стимулировать или, напротив, тормозить их развитие. Будучи сферой, включенной в различные системы и отношения, образование является поликультурным пространством. В связи с этим чрезвычайно важными представляются идеи и ценности, заложенные в содержание образования. Ведь именно от них зависит способность и воз-

можность бесконфликтного существования любого общества, возможность его интеграции в мировое сообщество.

Вполне естественно, что содержание образования детерминировано целым комплексом проблем, выходящим далеко за рамки собственно образовательной тематики. Эти проблемы (прежде всего социально-экономического характера) имеют непосредственное отношение к сфере образования. Таким образом, важным является вопрос своевременной коррекции приоритетов и ценностей содержания образования с учетом не только актуальных, но и перспективных, долговременных запросов человека и общества. Учитывая этот факт, мы полагаем, что наиболее значимым в содержательном плане учебных программ является формирование таких основополагающих жизненных установок, как чувство принадлежности к своему народу, знание, любовь и уважение истории и традиций своего народа; чувство принадлежности к многонациональному российскому обществу, патриотизм, исключающий национальное тщеславие и этническое превосходство; чувство принадлежности к мировому сообществу.

Основываясь на том, что образование и культура являются двумя единственными сторонами процесса становления личности, необходимо отметить важную роль образовательной, а точнее культурно-образовательной среды в процессе формирования толерантности.

Рассматривая образование и культуру как «генетически единые “стороны” процесса становления и развития человеческой социальности» [1; 33], В. Н. Леонтьева считает образовательные учреждения «центрами культуры, “мастерскими” культуротворчества как объективируемой человеческой способности создавать/воссоздавать культурные формы и ответственно наполнять их определенными культурными смыслами» [1; 33].

Подчеркивая нетождественность понятий «человек культуры» и «культурный человек», В. Н. Леонтьева в первом случае имеет

в виду достаточно высокую степень освоенности индивидом достижений своей культуры. Во втором случае – это умение и осознание необходимости организовать индивидуальную жизнь в соответствии с нравственными ценностями, на основе взаимопонимания, сотрудничества, диалога.

По мнению Ю. М. Лотмана, культурная личность возникает на границе и главным ее свойством является способность переводить информацию с языка «чужой» культуры на язык «своей». Однако для этого культурная индивидуальность должна иметь «билингвальный механизм», то есть знать язык и «чужой» культуры, и «своей». Понятие «культурная индивидуальность» предполагает способность и готовность к продуктивному диалогическому взаимодействию с другими культурами, что позволяет рассматривать его в качестве основы для формирования культурной толерантности как готовности принятия иной культуры и одновременно осознавать себя носителем определенных культурных ценностей, что является необходимым условием сохранения и развития человеческой культуры в целом. Таким образом, толерантность выступает способом преодоления разъединенности людей, явлением, определяющим становление процесса общения и его результат. Толерантность является своего рода психологической установкой, представляет познавательную, эмоциональную и волевою готовность индивида к поиску и взаимодействию с Другим. Понимание толерантности как осознанной идентификации образа Я и образа «другого» в сознании индивида на основе интериоризованных принципов общения является определяющим для преодоления конфронтации и достижения максимальной общности с «другим». Таким образом, становление личности, обретение ею своего места в социокультурном пространстве немислимо без Другого, другой личности и связано со способностью субъекта видеть, наделять ценностными характеристиками объект и самого себя, отождест-

влять себя с этим объектом. Функционируя как многообразие особенного, толерантность по своей сути и есть многообразие в единстве, при этом каждая отдельная составляющая этого многообразия является самоценной и многоаспектной.

Рассмотрение толерантности как социокультурного феномена с общетеоретических позиций позволяет сделать вывод о том, что данное явление свойственно всем областям человеческого существования и многим областям знания о человеке, в том числе и педагогике.

Принадлежность образования к культурной деятельности предполагает не только реализацию основного функционального назначения культуры – передачу последующим поколениям накопленного социального опыта, но и определение границ и создание условий «специфически человеческому бытию» [1; 33].

В этой связи представляется возможным определить культурно-образовательную среду как сформированную систему ценностных ориентаций, основанную на принципах гуманистического мировоззрения, выступающую как средство формирования духовной, эмоционально-чувственной сторон личности и программирующей ее развитие и жизненный путь.

Проблема формирования толерантного сознания на современном этапе приобретает все большую актуальность, которая обусловлена проявлениями нетерпимости, расового, этнического, религиозного терроризма, растущим социальным неравенством. В этой связи культурно-образовательная среда, в которой происходит непосредственное становление «становящегося» человека, обладает огромным потенциалом для преодоления этих явлений. Однако это требует пересмотра целей образования, а также изменения традиционных форм обучения и воспитания с точки зрения внесения в содержание образования поликультурной составляющей. Образование, являясь широким социокуль-

турным, социально-экономическим и собственно педагогическим явлением, в условиях поликультурности, полиэтничности, полиментальности и многоязычия России не может не приобретать характер поликультурного образования.

Образование – это сфера приложения самых разных наук, каждая из которых рассматривает образовательные проблемы в своем специфическом ракурсе. Проблема формирования толерантного сознания имеет явно выраженный междисциплинарный характер и требует осуществления междисциплинарного синтеза, результатом которого и будет порождение «человека культуры».

Участниками симпозиума в Берне, который проходил в рамках проекта «Среднее образование для Европы» 27–30 марта 1996 г. выделены пять базовых компетенций, которые в своей совокупности призваны обеспечить готовность выпускников различных учебных заведений к успешной адаптации и самореализации в условиях современного рынка труда информационного общества. В основу формирования каждой из компетенций положено достаточно дифференцированное понимание ее сути. Рассмотрим суть данных компетенций.

#### *1. Социально-политическая компетенция, или готовность к решению проблем*

Суть данной компетенции заключается в психологической готовности самостоятельно принимать решения и брать на себя ответственность за принятые решения. Для достижения данной компетенции необходимо в рамках образовательного процесса, в процессе учебного взаимодействия моделировать достаточно широкий спектр проблемных задач, решение которых будет способствовать формированию базовых рефлексивных умений, создавать необходимые алгоритмы деятельности.

#### *2. Информационная компетенция*

Суть данной компетенции представляет собой совокупность готовности и потребности работать с современными источниками

информации и предполагает наличие умений находить нужную информацию с помощью различных источников, определять степень ее достоверности, важности, обрабатывать информацию в соответствии с поставленными задачами, использовать для решения широкого спектра задач.

#### *3. Коммуникативная компетенция*

Данная компетенция является многокомпонентной и представляет собой совокупность языковой, речевой и социокультурной составляющих. Данная компетенция рассматривается в качестве жизненно необходимой для успешного профессионального функционирования и карьерного роста в любой области. Обязательным условием является ее сформированность как на родном, так и на иностранном языке. Любой специалист должен иметь достаточно высокий уровень данной компетенции в устной и письменной речи.

#### *4. Социокультурная компетенция*

Суть данной компетенции можно определить как совокупность готовности и способности жить и взаимодействовать в современном поликультурном мире. Данная компетенция предполагает формирование следующих умений: выделять общее и культурно-специфическое в моделях развития разных стран, исторических этапов развития одной и той же страны, различных социальных слоев общества; представлять свою страну и ее культуру, принимая во внимание возможную межкультурную интерференцию со стороны слушателя; признание на существование разных культур, религий; готовность и способность конструктивно отстаивать свои позиции, не унижая других и не попадая в прямую зависимость от чужих приоритетов.

#### *5. Готовность к образованию на протяжении всей жизни*

Суть данной компетенции естественно вытекает из рассмотренных выше и обусловлена тем фактом, что знания в условиях современного информационного общества

быстрее устаревают и теряют свою актуальность в силу новых позиций их толкования, а также акцентов в их интерпретации.

Принимая во внимание многоаспектность и полифункциональность рассмотренных компетенций, следует отметить, что в основу формирования каждой из них положены установки толерантного сознания, являющиеся фундаментом системы ценностных ориентаций обучаемых и обеспечивающие становление личности, стремящейся и готовой к межкультурному диалогу с целью развития и взаимообогащения культурного опыта, самоопределению и самореализации в современном поликультурном мире.

Профессиональная сфера востребует толерантного специалиста. Важнейшим требованием к профессионалу в современных социально-экономических условиях являются способность и внутренняя готовность к пониманию и сотрудничеству, терпимому отношению к многообразию социокультурных моделей, критическому осмыслению суждения, основанному на моральных ценностях, социальной адаптации. Формиро-

вание у будущих специалистов – студентов вуза – установок толерантного сознания позволит разрешать конфликты на почве этнокультурных и социальных различий через понимание и принятие Другого, другой точки зрения, предполагает отказ от профессионального догматизма, способность субъекта к саморазвитию

Многообразие культур, менталитетов и ценностей, входящих в современную цивилизацию, превращает проблему толерантности из социокультурной в антропологическую. С одной стороны, «разнородность» социального пространства делает невозможным формирование некоего стандарта толерантности. С другой, толерантность – это следствие естественной, присущей всему живому способности адаптироваться к окружающей среде, способ взаимодействия, который по-разному воспроизводится в разных культурах. Таким образом, толерантность следует рассматривать как комплексный феномен, некий поведенческий ориентир, определяющий отношение человека как к себе, так и к окружающему миру.

### Литература

1. Леонтьева В. Н. Гуманистические перспективы образования // Высшее образование в России. – 1999. – № 4.

УДК 37

*Л. П. Лехтина*

## АДАПТИВНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА ПРОФИЛЬНОЙ ШКОЛЫ КАК УСЛОВИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ВЫБОРА УЧЕНИКОМ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ

В статье предложены материалы по актуальной проблеме: поиск эффективных подходов обеспечения качества современного образования. Сегодня необходимо разработать системы обучения и воспитания, которые способствовали бы эффективному развитию обучающегося с учетом самостоятельного выбора индивидуальной траектории развития. Примером такого пути может быть адаптивно-образовательная среда профильной школы.

**Ключевые слова:** адаптивная школа, сущность и функции адаптивной школы, адаптивно-образовательная среда, адаптивно-образовательная среда профильной школы.

L. P. Lehtina

## ADAPTIVE-EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF A SPECIAL SCHOOL AS A CONDITION OF INDEPENDENT STUDENT'S CHOICE OF AN INDIVIDUAL DEVELOPMENT TRACK

This article contains material on a topical issue: the search for effective approaches to ensure the quality of modern education. Today it is necessary to develop a system of training and education that would facilitate the effective development of student self-selection, taking into account the individual trajectories of development. An example of such a path can be adaptive-profile school educational environment.

**Keywords:** adaptive school, nature and function of adaptive schools, adaptive learning environments, adaptive learning environment profile of a school.

Формирование образованных, мобильных, творческих, инициативных людей, способных легко адаптироваться к быстро изменяющимся условиям жизни, темпам экономического развития, обладающих потребностью и способностью к самосовершенствованию – главная задача образования, которая в свете новых представлений неизбежно требует качественных изменений на всех уровнях:

- приоритетность обобщения и распространения инновационных образовательных программ и технологий, инновационных моделей образования;

- стремление к достижению системой образования соответствия динамично меняющимся потребностям личности, общества и государства;

- необходимость формирования новых ориентиров качества образования, систем оценки качества, определения общественно-го представления о результатах образования;

- переориентация структуры и содержания общего образования на развитие новых навыков и способностей, востребованных обществом в долгосрочной перспективе;

- актуальность компетентностного подхода при конструировании учебных и образовательных программ;

- ценность развития общего образования как открытой системы, ориентированной на потребности личности и общества;

- культурно-историческая трансформация института образования в направлении замещения школы (как основной организующей образование единицы) образовательной программой, в том числе индивидуальной образовательной программой;

- необходимость создания экономических механизмов повышения качества педагогического труда и качества образования;

- важность расширения общественного участия в управлении образованием, организации переговорных площадок по достижению понимания целей и результатов образования и педагогического труда;

- необходимость определения новых стандартов педагогической деятельности для обеспечения открытости, личностной ориентации, индивидуализации образовательного процесса, реализации новых федеральных государственных образовательных стандартов общего образования.

Одним из наиболее перспективных подходов к решению данных вопросов, на наш взгляд, является создание адаптивной образовательной среды.

Проблема формирования адаптивной образовательной среды в последние годы находится в центре внимания многих исследователей. Вопросы формирования образовательной среды с позиций ее адаптивности рассматриваются в работах М. Р. Битяновой, А. С. Границкой, Т. М. Давыденко,

Н. А. Заруба, Н. П. Капустина, С. В. Крайкова, Н. А. Рогачевой, И. Б. Сенновского, П. И. Третьякова, Т. И. Шамовой, И. С. Якиманской, Е. А. Ямбурга и др. Проблема создания условий, позволяющих воспитывать у учеников способность самостоятельно учиться всю жизнь, посвящены работы Я. А. Коменского, И. Г. Песталотии, Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского и др.

Изучение научной литературы, отражающей разработку вопросов, связанных с поливариантным развитием личности ребенка, показало, что решение обозначенной проблемы в настоящее время имеет серьезное научно-методическое обоснование. Вместе с тем, несмотря на постоянный интерес к изучению проблем адаптации, приходится признать, что еще недостаточно комплексных психологических исследований, посвященных адаптации школьников к условиям новой системы обучения, недостаточно рассмотрены факторы, влияющие на успешность адаптации учащихся в зависимости от типа учебного учреждения, в том числе практически отсутствуют научные исследования, посвященные психологическим проблемам обучения в условиях профильной школы.

Теоретические основания организации адаптивно-образовательной среды в школе профильного обучения предполагают необходимость выявления теорий, направлений, концепций, помогающих ее разрешить.

К числу основных подходов исследования проблемы организации адаптивно-образовательной среды профильной школы следует рассматривать *адаптивный подход*. В образовании изучение адаптивного подхода осуществляется следующими авторами: Н. А. Заруба, Е. А. Ямбург, П. И. Третьяков, Т. И. Шамова, Н. П. Капустин и др.

Среди направлений совершенствования качества современного образования значительное место занимает идея построения *адаптивной школы*, учитывающей возможности каждого ученика, ориентированной на

удовлетворение разнообразных познавательных потребностей и интересов школьников в аспекте дальнейшего жизненного самоопределения и самореализации.

Основная образовательная *цель* адаптивной школы, по мнению многих исследователей, состоит в создании условий для самостоятельного выбора каждым учеником индивидуальной траектории развития, способа осуществления индивидуальных направлений самореализации и самосовершенствования в многофункциональном контексте человеческой культуры, а также сохранения и развития его здоровья.

Характеристика адаптивной школы, представленная в науке, позволит нам определить содержание адаптивно-образовательной среды школы, необходимой для самостоятельного выбора учеником индивидуальной траектории развития.

Е. А. Ямбург, автор Концепции адаптивной школы, ориентированной на разноуровневое и многопрофильное обучение детей [8, с. 12], полагает, что в такой школе должно найтись место каждому ребенку, вне зависимости от его индивидуальных психофизиологических особенностей, способностей и склонностей. Он считает, что «адаптивная школа выстраивается таким образом, чтобы у каждого ребенка развить механизмы природной и социальной адаптации. Для решения указанной цели вносятся изменения во все компоненты образовательного процесса, а именно: в структуру, содержание, формы, методы и технологии (что особенно важно для адаптивной школы), в условия, критерии оценки результатов. Таким путем в адаптивной школе реализуются принципы природо- и целесообразности учебно-воспитательного процесса. Поэтому логика развития человека, индивида и личности в искусственной образовательной системе воспринимается учащимися как естественное явление (развитие происходит как бы само собой)» [8, с. 52].

Концепция, в соответствии с которой адаптивная школа понимается как школа, ориентированная на удовлетворение разнообразных потребностей и интересов учащихся, обеспечивающая условия для их жизненного самоопределения, представлена в науке учеными: Т. М. Давыденко, Н. А. Рогачева, Т. И. Шамова и др.

Согласно точке зрения Т. И. Шамовой, основные функции адаптивной школы осуществляются в целостном образовательном процессе на основе идей гуманитарно-культурологического подхода, творческого развития личности и рефлексивного управления.

Таковыми функциями, по ее мнению, являются:

- ориентационная – создание условий для профессионального выбора личностного самоопределения учащихся;

- коррекционная – нивелирование учебно-воспитательных трудностей и проблем;

- реабилитационная – профилактика «психологических зажимов» и «комплексов неполноценностей» обучаемых;

- стимулирования – содействие формированию у школьников потребности внутренней и внешней мотивации учения;

- предупреждения затруднений у учащихся – создание условий для ликвидации случаев отставания школьников в учении, достижение каждым учеником оптимального уровня образованности в зоне ближайшего развития [6, с. 59].

М. М. Поташник, А. М. Моисеев, говоря об адаптивной школе, отмечают ее ярко выраженную гуманистическую направленность, реализующую аффективную (эмоционально-ценностную практику) образования в режиме лично-ориентированной парадигмы.

Н. А. Заруба, автор Концепции адаптивной школы прежде всего как школы интеллектуального, духовного, физического, психического здоровья, отмечает при этом,

что это открытая самоуправляемая и самоорганизующаяся целостная система, обладающая способностью приспосабливаться к изменяющимся условиям среды. Развитие адаптивной школы идет, по ее мнению, как за счет использования внутренних возможностей, так и факторов внешней среды [2].

Прогрессивность взглядов этого автора, на мой взгляд, заключается, прежде всего, в том, что понятие «адаптивная школа» рассматривается в более широком значении, чем традиционно. Автором обосновывается целесообразность считать «адаптивными» школами образовательные учреждения любого типа и вида (лицеи, гимназии, профильные и др.), так как гибко реагировать на социально-экономические изменения в обществе и на потребности и возможности обучающегося должно любое образовательное учреждение.

Точка зрения Н. П. Капустина на адаптивную школу не противоречит позициям ученым, взгляды которых изложены выше. Он подтверждает мысль, которую уже можно считать устоявшейся в науке. По его мнению, «адаптивная школа – это определенная социально-педагогическая система, которая приспосабливается к особенностям личности каждого учащегося, помогая ему адаптироваться к школе и социуму в процессе образования и самообразования, развития и саморазвития. Педагогическая деятельность в такой школе – это решение профессиональных задач различного класса, типа и уровней. Профессиональная готовность учителя такой школы проявляется в его способности управлять процессом саморазвития. В научной литературе проблема формирования готовности учителя к труду в адаптивной школе средствами решения педагогических задач пока еще не нашла своего отражения. До сих пор не получило однозначной и общепринятой трактовки понятие «педагогическая задача...» [3].

Адаптивная школа – образовательное учреждение, в котором обучаются дети с разными образовательными возможностями и потребностями. Процессы адаптации в такой школе имеют встречный характер: образовательный процесс должен гибко учитывать особенности обучения разных детей, с другой стороны – школа должна обеспечить адаптацию ребенка к образовательной среде на уровне, требуемом государственными образовательными стандартами.

Характерной особенностью адаптивной школы является формирование в ней *адаптивно-образовательной среды*, способствующей самостоятельному выбору учеником индивидуальной траектории развития. Думается, следует согласиться с точкой зрения И. С. Якиманской, что в адаптивной многопрофильной школе через организацию единой образовательной среды создаются условия для изучения личности каждого ученика, определение индивидуальной траектории обучения, способствующей проявлению познавательных интересов и потребностей, личностно значимых ценностей и жизненных установок [7, с. 144].

Этому способствуют такие структурно-функциональные особенности образовательного пространства адаптивной школы, как открытость, динамичность, сложность, неопределенность и автономность, единство систематического, синергетического и диалогического подходов к выстраиванию педагогического взаимодействия [6, с. 9].

Следует учитывать, что адаптивная, то есть максимально приспособленная к ребенку образовательная среда, в функционале педагогического воздействия отнюдь не утверждает приоритеты излишней заботы об учащихся, что замедляет процесс формирования необходимых навыков по преодолению жизненных трудностей, а наоборот, способствует преодолению трудностей. Например, освоение профильных программ обучения не за счет высокой цены здоровья

школьников, а за счет индивидуальной, самостоятельно выбранной траектории индивидуального развития. Наибольшее значение для успешной адаптации к условиям обучения в профильной школе имеют следующие характеристики личности старшеклассников: высокий уровень развития личностного адаптационного потенциала, адекватная самооценка, эмоциональная устойчивость, низкий уровень тревожности, общительность и самоконтроль.

Утверждение и реализация личностно-развивающих возможностей школьника в условиях образовательного пространства адаптивной школы во многом определяется уровнем демократизации и гуманизации управленческих процессов, что предполагает создание максимально благоприятных условий для раскрытия и развития способностей каждого ученика педагогического процесса с учетом его индивидуальных особенностей и возможностей на основе его самостоятельного выбора своей индивидуальной траектории развития.

Изучение подходов к пониманию сущности понятия «адаптивная образовательная среда» позволило сделать следующие выводы:

- сущность понятия «адаптивная образовательная среда» следует рассматривать в общей сложности таких понятий, как «среда», «образовательная среда», «адаптация»; в свою очередь понятие «адаптация» – в философском, социологическом и психологическом аспектах;

- под адаптивной образовательной средой мы понимаем все протекающие в школе процессы, в которых ученик без принуждения, по собственному выбору может принимать участие, развивать свои индивидуальные способности, получать возможность для саморазвития, самоопределения, самореализации при условиях сохранения здоровья.

Профильное обучение на современном этапе является очередным шагом в развитии

российского образования. Согласно Концепции профильного обучения, профильное обучение есть «средство дифференциации и индивидуализации обучения, позволяющее за счет изменений в *структуре, содержании и организации* образовательного процесса более полно учитывать интересы, склонности и способности учащихся, создавать условия для обучения старшеклассников в соответствии с их профессиональными интересами и намерениями в отношении продолжения образования».

Таким образом, думается, что *адаптивно-образовательная среда профильной школы* представляет собой разнообразное пространство единой образовательной среды, в которой создаются условия для изучения и развития личности каждого ученика, самостоятельного определения его индивидуальной траектории обучения в виде профиля обучения, способствующей проявлению познавательных интересов и потребностей, личностно значимых ценностей и жизненных установок.

### Литература

1. Антропова Л. В. Подготовка учителя к работе в адаптивной школе // Педагогика. – 2004. – № 1. – С. 68–74.
2. Заруба Н. А. Теория и практика управления адаптивной школой: монография. – Кемерово, ОблИУУ, 2001. – 291 с.
3. Капустин Н. П. Педагогические технологии адаптивной школы: учеб. пособие для вузов. – М.: Academia, 2001. – 215 с. – (Высшее образование).
4. Логинов В. Е. Образовательная среда как объект управления // Актуальные вопросы развития высшего и среднего образования на современном этапе: тезисы науч.-практ. конф. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2000. – С. 36–39.
5. Сопов В. Ф. Мотивационно-ориентированная модель образовательного пространства // Актуальные вопросы развития высшего и среднего образования на современном этапе: тезисы науч.-практ. конф. – Самара: Изд-во СамГПУ, 2000. – С. 259–263.
6. Шамова Т. И. Исследовательский подход в управлении школой. – М.: АПП ЦИПТ, 1992. – 65 с.
7. Якиманская И. С. Технология личностно-ориентированного обучения в современной школе. – М.: Педагогика, 1995. – 186 с.
8. Ямбург Е. А. Управление развитием адаптивной школы. – М.: PerSe, 2004. – 366 с. – (Культурно-историческая педагогика).

УДК 37

**Я. Ю. Смирнов**

### ШКОЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

В статье отражен совокупный опыт художественного воспитания в народном коллективе – оркестре баянистов им. П. И. Смирнова и вокально-хоровой студии Дворца учащейся молодежи. Особенность педагогической деятельности данных коллективов заключается в том, что наряду с решением общих для коллективов вопросов обучения, связанным с освоением тех или иных музыкальных произведений, в коллективах была принята система разработки индивидуальной траектории развития личности.

**Ключевые слова:** личность, художественное воспитание, коллектив самодеятельного творчества, нравственно-эстетическое воспитание подростков и молодежи, система разработки индивидуальной траектории развития личности.

Y. Y. Smirnov

## ARTISTIC EDUCATION SCHOOL

The article reflects the common experience of the art education in national group of Pavel Smirnov orchestra and vocal-choral studio of the Palace of Studying Youth. Specific of pedagogical activity of the given groups is, that along with the decision of general questions of education for groups, connected with development of music in groups, the system of an individual trajectory of development of a person is accepted.

**Keywords:** person, art education, collective of amateur creativity, moral-aesthetic education of teenagers and youth, the system of an individual trajectory of development of the person.

В августе 1944 г. в условиях еще продолжавшейся Великой Отечественной войны с фашизмом в освобожденном от блокады Ленинграде был открыт Дом культуры учащихся профтехобразования (ныне Дворец учащейся молодежи г. Санкт-Петербурга), который более чем за шестьдесят лет своего существования получил право называться Всероссийской лабораторией художественного воспитания подрастающих поколений.

С первых лет функционирования Дворец учащейся молодежи определил сущность своего существования как центра нравственно-эстетического воспитания подростков и молодежи средствами искусства, как социального института, который в сотрудничестве с учебными заведениями обеспечивает гармоническое развитие личности, как неотъемлемого компонента культурной среды, раскрывающей учащимся широчайшие возможности саморазвития, самоутверждения, активного проявления своих творческих потенций.

Как любое учреждение клубного типа Дворец учащейся молодежи осуществляет систему культурно-просветительной деятельности: организует вечера, праздники, встречи с интересными людьми, устные журналы, диспуты, отчетные выступления любительских объединений; ведет постоянную работу с учащимися, воспитанниками детских домов и подростками из трудных семей; создает условия для успешного функционирования клубов по интересам и раз-

личных творческих коллективов. Широкую популярность завоевали здесь музыкальный театр «Северная Пальмира», студия пантомимы и пластики, студия степ-шоу, ансамбль танца «Невская акварель», академический хор, вокальная студия «Созвучие», оркестр баянистов имени П. И. Смирнова, но в первую очередь Дворец гордится утвердившейся в нем системой музыкального воспитания.

Лауреат многих международных и отечественных конкурсов и фестивалей оркестр баянистов им. П. И. Смирнова получил ныне признание как один из уникальных и лучших в Европе, который сравнивают с «Виртуозами Москвы» В. Спивакова и национальными симфоническими оркестрами России, Германии, Австрии. В его репертуаре И. С. Бах, М. И. Глинка, П. И. Чайковский, М. П. Мусоргский, С. Прокофьев, Д. Д. Шостакович, А. И. Хачатурян, Ф. Лист, Б. Бриттен; ему доверяют первое исполнение своих произведений ведущие российские композиторы, много обработок фольклорных произведений, современных джазовых, эстрадных и роковых миниатюр. Оркестр покорила миллионы слушателей в Европе, Америке, Азии, Африке, по записям исполненных ими произведений строят свои занятия многие педагоги музыкальных учебных заведений. Все это характерно для XXI в., а начинался оркестр в блокадном Ленинграде 1943 г., когда демобилизованный после ранения на фронте музыкант и педагог Павел Иванович Смирнов собрал за Невской заставой группу учащихся

ремесленных училищ, чтобы, увлекая музыкой, помочь им менее болезненно пережить чувство голода.

Уникальность педагогической системы оркестра им. П. И. Смирнова состоит в целенаправленном, последовательном развитии у подростков социально-творческой активности на основе их включения в различные виды деятельности: образовательную, концертно-исполнительскую, культурно-досуговую, творческую; реализации репертуарной политики, построенной на лучших традициях русской и мировой музыкальной классики; ориентации подростков на усвоение и преумножение ценностей коллектива.

Для любительского коллектива художественного творчества шестьдесят с лишним лет существования – срок достаточно большой. Он позволяет подняться над отдельными сторонами его жизнедеятельности и сделать ряд обобщающих выводов.

Первый из них дает достаточные основания, чтобы подтвердить, что это досуговое объединение строится в соответствии с общими закономерностями развития любительского художественного творчества. В оркестре баянистов им. П. И. Смирнова собрались энтузиасты-единомышленники, которых объединяет общая цель и совместная деятельность по ее достижению. Здесь создаются молодые семьи, формируются и постоянно развиваются традиции, способствующие нравственно-эстетическому развитию личности. Здесь же проявляются многие особенности, делающие коллектив уникальным.

Важнейшая особенность оркестра баянистов им. П. И. Смирнова проявилась в репертуарной политике, в многолетней глубоко осмысленной деятельности по воспитанию молодежи на лучших традициях русской и мировой музыкальной классики.

Система эстетического воспитания в оркестре баянистов им. П. И. Смирнова стро-

ится на том, что, проявляя уважение к реальным интересам и вкусам учащихся, педагогический коллектив ориентирует их на подлинные шедевры мировой культуры, последовательно подводит последних к осознанию их ценности и, что весьма существенно, к праву подняться до уровня музыкальной классики. Усвоению лучших образцов мировой и отечественной музыки способствует разъяснительная деятельность педагогов, которые на примере конкретных произведений композиторов-классиков показывают, как они аранжируют народные мелодии, как включают в свои партитуры мелодии и ритмы исторически сложившихся направлений и жанров музыкальной культуры.

В результате полувековой опытно-экспериментальной деятельности по нравственно-эстетическому воспитанию молодежи средствами музыки в оркестре баянистов им. П. И. Смирнова сложились принципы педагогического воздействия на формирующуюся личность. В первую очередь это:

1. Принцип соответствия репертуара духовным потребностям исполнителя и предполагаемых слушателей.

2. Принцип доступности исполнения с учетом требования опережающего общекультурного развития участника самодеятельного коллектива.

3. Принцип индивидуального подхода к каждому участнику коллектива, с учетом его реальной функции: как исполнителя, члена любительского объединения, организатора деятельности своего оркестра.

4. Принцип систематичности и последовательности в усложнении репертуара, в поэтапном движении к постижению шедевров мировой и отечественной музыкальной культуры.

Перечисленные выше принципы музыкально-эстетического воспитания Павел Иванович Смирнов сформулировал еще в сороковые годы, когда коллектив переживал

период своего становления. По мере функционирования оркестра эти принципы стали органической частью стратегии и тактики воспитания юных музыкантов, а начиная с 1950-х гг. они естественно стали распространяться на Академический хор, вокально-эстрадный коллектив, на все любительские коллективы, созданные непосредственно в учебных заведениях на базе Дворца учащейся молодежи. А ныне они стали нормой любого любительского музыкального объединения, и это говорит о жизненности, о несомненной оправданности предложенной и апробированной П. И. Смирновым системы развития личности средствами музыкальной деятельности.

Одна из важнейших особенностей оркестра проявляется в том, что он стал своеобразной базой обучения музыкальных педагогов методике воспитательной работы. Этому служат открытые занятия коллектива, мастер-классы его руководителей, стажировки педагогов из различных регионов России, семинары по методике эстетического воспитания средствами музыки, встречи по обмену опытом и т. д. Творческое сотрудничество педагогического коллектива оркестра им. П. И. Смирнова с кафедрой народных инструментов Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств и коллегами из других музыкальных коллективов позволило обосновать социально-педагогические условия формирования музыкальной культуры молодежи средствами самодеятельного художественного творчества. К ним в первую очередь относятся:

1. Создание благоприятной духовной микросферы, в рамках которой музыка во всем ее многообразии воспринимается как непреложный элемент духовной жизни.

2. Использование игровой активности как средства вовлечения разных групп молодежи в различные формы восприятия музыки и собственного музыкального творчества.

3. Вовлечение молодых людей в систематическое музицирование как форму проявления эстетической активности.

4. Развитие способностей, дарований и других личностных задатков подростков, юношей и девушек посредством их приобщения к концертно-исполнительскому творчеству и организации этой деятельности на всех этапах ее подготовки и осуществления (от планирования до реализации плана).

Многолетняя опытно-экспериментальная деятельность на базе этого и ряда других музыкальных коллективов позволила также обосновать принципы нравственно-эстетического воспитания молодежи средствами музыкальной культуры:

1. Добровольность и самодеятельность.

2. Опора на индивидуальные склонности, способности и дарования.

3. Последовательность и систематичность.

4. Единство музыкального просвещения, музыкального образования, музыкального творчества и музыкального развития.

5. Связь музыкального воспитания с жизнью и с конкретной социально-культурной ситуацией.

Решая задачи художественного воспитания, коллектив любительского творчества в первую очередь преследует цель формирования высоконравственной, гармонически развитой личности. Реализуя эту цель, за годы существования оркестр баянистов им. П. И. Смирнова совместно с учебными заведениями Санкт-Петербурга подготовил более шести тысяч специалистов, работающих ныне в самых разных областях экономики, производства и социально-культурной сферы. Немало он сделал и для формирования мастеров искусств. Оркестр и его руководители могут гордиться, что в нем прошли первую школу музыки такие выдающиеся мастера, как народные артисты России, лауреаты Государственных премий Владимир Федосеев, Анатолий Беляев, Лев Андронов, Фред Ярви и многие другие.

За годы своей творческой деятельности ансамбль баянистов вырос в большой оркестр, обладающий высокими профессиональными качествами. Сегодня коллектив насчитывает более 100 одаренных исполнителей – учащихся системы образования Санкт-Петербурга.

В настоящее время оркестр состоит из трех составов: младшего (20 человек), среднего (40 человек) и старшего – основного (70 человек).

Особенность педагогической деятельности коллектива оркестра заключается еще и в том, что наряду с решением общих для коллектива вопросов обучения, основанных на исполнительском мастерстве и репетициях, связанным с освоением тех или иных музыкальных произведений, в коллективе была принята система разработки индивидуальной траектории развития личности. Опираясь на психолого-педагогические характеристики участников коллектива, педагогический коллектив обобщал особенности способностей и их конкретных проявлений, специфику наклонностей, круг интересов и иные черты индивидуальности подростков (юношей и девушек). К данным, которые были получены в коллективе, прибавлялись данные, которые педагоги получали в процессе контактов с семьей и с педагогами школ и профессиональных училищ, где обучались участники коллектива. Впоследствии педагоги непосредственно связывались с участниками данного коллектива на рабочем совещании и определяли индивидуальную педагогическую программу развития личности. Программа развития включила в себя следующие основные компоненты:

1. Учет половозрастных особенностей личности.
2. Учет психофизиологических особенностей личности.
3. Развитие творческих способностей личности.

4. Работа над техническим мастерством игры на инструменте.

5. Интеллектуальное развитие.

6. Стимулирование процесса самоактуализации.

7. Развитие мотивации личности к познанию, творчеству, культуре, профессионализму и т. п.

8. Формирование ценностных ориентаций.

Разработка подобных индивидуально направленных программ служила и служит средством развития таких качеств личности, как:

1. Познавательная активность.

2. Творческая активность.

3. Трудолюбие.

4. Организованность.

5. Проявление интереса.

6. Привитие художественного и музыкального вкуса.

7. Стремление слушать классическую музыку и т. д.

Кроме того, целенаправленное и комплексное воздействие на личность влекло за собой устранение и «извлечение» из души человека отрицательных качеств, эмоций, негативных воздействий «из вне». В отдельных программах стояла цель – налаживание отношений в семье, восстановление эмоциональных отношений родителей с подростками и т. п.

Одновременно со всеми воспитуемыми проводилась подготовительная работа, направленная на:

1. Убеждение подростка в необходимости самовоспитания, объяснить ему, что для преодоления жизненных трудностей нужны сильные воля и характер.

2. Доказательство примерами, что воля и характер не даны от природы, а формируются в процессе воспитания и самовоспитания, что неустанная работа над собой приносит поразительные результаты.

3. Определение задач, путей и средств самовоспитания.

При стимулировании процесса самовоспитания определялись реальные цели и задачи, методы работы, достижение цели, самоконтроль, применялись приемы самонаблюдения и самонаказания, избавляющие от нерешительности, страха, неуверенности.

Примеры постановки задач были самые различные. В частности, обращалось особое внимание на необходимость:

1. Выполнять режим дня.
2. Воспитать в себе сильную волю.
3. Закалить тело.
4. Воспитать в себе упорство.
5. Выполнить и выучить все произведения (стать первым музыкантом на партии).
6. Воспитать в себе настойчивость.
7. Окончить хорошо школу (или иное учебное заведение).

Для выполнения каждой поставленной задачи составлялся план индивидуального развития с учетом внешних требований и собственных возможностей личности, определялись методы самовоспитания на большой и короткий отрезок времени. Для учета эффективности достижения цели устанавливалась поэтапная отчетность, самоконтроль и оценка.

Существенный вклад в систему художественного воспитания подростков и молодежи также вносит и вокально-хоровая студия Дворца учащейся молодежи.

Академический хор был создан в 1945 г. в Ленинграде царским капельмейстером, народным артистом РСФСР Палладием Богдановым. Долгие годы руководителем коллектива был народный артист СССР, главный хормейстер Мариинского театра Александр Мурин, а также лауреат Государственной премии СССР, заслуженный учитель России Григорий Беззубов. Многие выпускники хора стали профессиональными вокалистами и хормейстерами. Среди

них блистательное имя народной артистки СССР, солистки Мариинского театра, профессора Санкт-Петербургской консерватории Ирины Богачевой.

С годами Академический хор преобразовался в вокально-хоровую студию. Сегодня коллектив насчитывает 100 детей и подростков.

Коллективом педагогов студии создана образовательная программа, которую характеризует комплексный подход к обучающимся. В программу включены те предметы, без которых невозможно серьезное музыкальное воспитание: постановка голоса, сольфеджио и музыкальная грамота, работа с солистами.

В 1999 г. на базе академического хора Вокально-хоровой студии создана стажерская площадка для студентов выпускного курса кафедры хорового дирижирования Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. Стажерская площадка призвана расширить базу профессионально-практических знаний стажеров, предоставить условия для приобретения и накопления ими навыков работы.

В репертуар студии входят произведения русской и зарубежной классики XVI–XX вв., музыка светская и духовная, народные песни разных стран, произведения современных композиторов.

Сольные концерты коллектива проходят на различных концертных площадках Санкт-Петербурга, в образовательных учреждениях города. Академический хор Вокально-хоровой студии является Лауреатом Международных и Всероссийских конкурсов и фестивалей.

Занятия проводятся, прежде всего, в форме репетиций, на которых происходит основная работа по разучиванию нового музыкального материала, закреплению старого, а также укрепляется контакт дирижера и хора, отрабатывается единая вокальная манера

ра звучания. Результатом репетиционной работы становится концерт, участие коллектива в смотрах, конкурсах, фестивалях. К концерту допускаются обучающиеся, успешно сдавшие зачеты по партиям. Занятия могут включать в себя просмотр видеоматериалов, прослушивание музыкальных записей.

Концертная деятельность является одним из важнейших стимулов занятий в хоре. В течение одного учебного года хор выступает в 15–20 концертах.

Основные методы учебной деятельности:

- Словесные методы обучения – это лекции, диалог, анализ музыкального произведения, анализ поэтического текста.

- Наглядные методы – показ видеофильмов, иллюстраций, использование дидактических материалов, фото, схем (сольфеджио).

- Практические методы – упражнения, тренинги, каноны, вокализы, импровизации, сочинения, имитации.

- Объяснительно-иллюстративный – важный метод в работе над голосом, в особенности в варианте «от противного»: педагог показывает (как в «кривом зеркале») неправильное звучание или дыхание и т. д., анализирует вместе с детьми и завершает верной иллюстрацией.

- Частично-поисковый метод направлен на развитие самостоятельности в достижении поставленных целей.

Одной из основных задач учебной и концертной деятельности студии является воспитание у хористов навыков академического пения. Небезызвестно, что хоровое пение оказывает исключительное влияние на формирование личности ребенка. Оно способно не только занять досуг, но и стать духовной и психологической опорой, способом самовыражения. В эпоху утраты большинства идеологических ориентиров хоровое искусство является одной из высших форм коллективного творчества. А это значит, нужно уметь слышать и слушать своих коллег, работать

сообща. Подобная работа в коллективе формирует в людях характер, определяет личный стиль общения, выстраивает его поведение в обществе, что немаловажно в настоящее время. Занятие же вокалом подразумевает, прежде всего, работу с самим собой, воспитание в себе силы воли, умение скоординировать свои эмоции со своим голосом, умение донести до слушателя мысль через голос.

Причины, по которым подростки начинают заниматься в студии, весьма разнообразны. Однако чаще всего основной причиной является желание «поставить голос», научиться петь красиво и ярко, уметь выразить свои эмоции через голос и получить основы музыкальной грамоты, так как многие ребята любят и занимаются «домашним музицированием», которое включает в себя пение под гитару, сочинение песен.

В хоровой студии также была разработана программа обучения пению детей и подростков с нарушениями координации между слухом и голосом (в среде музыкантов их называют «гудочники»). Это своего рода эксперимент коллектива педагогов хора, проводимый уже много лет и неизменно дающий положительный результат. В основе этой программы лежат не только успешно подобранные методики, но, прежде всего, индивидуальный подход к каждому воспитаннику.

С 1997 г. в студии успешно осуществляется комплексная многоуровневая образовательная программа, предусматривающая как формирование вокальных качеств, так и общекультурное развитие участников коллектива. Преимущество программы проявилось в том, что она разносторонне учитывала индивидуальные особенности каждого члена студии.

Отдельно хочется выделить раздел работы с солистами студии, благодаря которой становится возможным поддержка и развитие молодых талантов. Освоение сольных программ позволяет значительно повысить

исполнительский уровень не только самого учащегося, но и всего хора в целом, так как солисты формируют так называемый «костяк» коллектива, являются примером для отстающих по программе.

За шестьдесят пять лет своего существования вокально-хоровая студия разработала и успешно реализовала систему художественного воспитания личности средствами вокального искусства.

Таким образом, организовав систему разнообразных видов художественной деятельности, Дворец учащейся молодежи выполняет важную социально-культурную и творческую функции: помогает насыщать свободное время детей, юношей, подростков общественно полезным, наполненным ценным содержанием как для общества, в целом, так и для личности конкретно.

### Литература

1. Амонашвили Ш. А. Личностно-гуманная основа педагогического процесса. – Минск, 1990. – 560 с.
2. Андреев В. И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности: основы педагогики творчества. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988.
3. Дадашев В. А., Щирин Д. В. Информационное поле музыки и музыкальная педагогика. – СПб., 1998.
4. Двойнина Г. Б. Художественное воспитание как смысловое ядро высшего музыкально-педагогического образования [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Эйдос». – 2007. – 22 февраля. – URL: <http://www.eidos.ru/journal/2007/0222-21.htm>
5. Куприянов Б. В. Формы воспитательной работы с детским объединением: учеб.-метод. пособие. – 3-е изд., перераб. и исп. – Кострома: КГУ, 2000. – 37 с.
6. Народный хор: темы и вариации // Клуб и художественная самодеятельность. – 1984. – № 19. – С. 10–13.
7. Щирин Д. В. Педагогика формирования музыкальной культуры различных групп населения в условиях досуга. – СПб., 1992.

УДК 373.21

*Т. Б. Соколова*

## СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье представлено теоретическое обоснование понятия «социокультурное развитие детей», отмечена актуальность использования учебно-методических комплексов в дополнительном образовании детей. Описаны результаты социологических опросов, изменений в социокультурном развитии детей в рамках экспериментальной работы по реализации учебно-методического комплекса по правовому образованию дошкольников в области безопасности дорожного движения. В выводах отмечается необходимость системного подхода к правовому образованию по безопасности дорожного движения для эффективного социокультурного развития дошкольников.

**Ключевые слова:** социокультурное развитие детей, правовая культура, правовое образование, правовое воспитание, социально-культурная деятельность, профилактика детского дорожно-транспортного травматизма, дополнительное образование, системный подход, учебно-методический комплекс.

*T. B. Sokolova*

## CHILDREN'S SOCIAL-CULTURAL DEVELOPMENT UNDER CONDITIONS OF ADDITIONAL EDUCATION ESTABLISHMENTS

In the article the theoretical motivation of notion "children's social-cultural development" is presented, and also the actual use of scholar-methodical complex in additional formation is mentioned. The results of sociological questioning, changes to children's social-cultural development within the framework of experimental work on realization scholastic-methodical complex on legal education children of the preschool age in the field of safety of the road motion are described. In conclusion, it's worth paying attention to the systematic approach of legal education on safety of the road motion for efficient social-cultural development of preschool age children.

**Keywords:** children's social-cultural development, legal culture, legal formation, legal education, social-cultural activity, preventive maintenance baby road traumas, additional formation, system approach, scholar-methodical complex.

В последнее десятилетие проблемы, связанные с развитием человека, начали изучать в социокультурном аспекте. Проведенный анализ диссертационных исследований последних десяти лет в таких областях, как психология, педагогика, философия, социология показал, что категория «социокультурное развитие» рассматривается в отношении человека в немногочисленных работах (см. [2, 6, 13, 15, 16, 17] и др.). Следует отметить, что большинство авторов раскрывают свой аспект понимания данной категории: изучают социально-культурное развитие в различные возрастные периоды жизни человека, рассматривают в качестве составляющих компонентов различные понятия, входящие в него, зачастую не связанные с развитием, а только с определяющими его компонентами «социально-культурное», при этом нами не обнаружено определение данной категории. Необходимо отметить, что и в справочной литературе не сформулированы ни дефиниция «социокультурное развитие», ни дефиниция «социокультурное развитие детей». Этот факт относит данную категорию к малоизученной и требующей научного исследования и определения.

На наш взгляд, составляющими категории «социокультурное развитие детей» яв-

ляются понятия «развитие», «социальное развитие», «культурное развитие», «детство». Результаты проведенного категориального анализа данных понятий, представленных в различных источниках, позволили сформулировать рабочее определение понятия «социокультурное развитие детей» (ребенка) – *процесс индивидуального развития в период первоначальной жизни человека и создание определенных условий для перехода его в более совершенное состояние, при котором посредством воспитания и обучения происходят количественные и качественные изменения, раскрываются способности, определяются особенности и возможности становления путем усвоения ценностей, норм, установок, присущих данному обществу, через культурные средства, формы и методы.*

Следовательно, социокультурное развитие детей связано со взаимодействием ребенка с людьми, заинтересованными в его благополучном развитии (члены семьи, работники учреждений образования, культуры и др.), которые передают свои знания, опыт, помогают ребенку понять и принять социально-культурные особенности своего общества (культурные средства и формы, социально-культурные ценности, нормы,

установки), адаптироваться в социально-культурной среде. На основе индивидуальных особенностей и возможностей развиваются способности ребенка, происходит овладение им теоретическими знаниями и практическими способами существования в данной среде и взаимодействия на субъектно-объектном или субъектно-субъектном уровнях. Социокультурное развитие осуществляется при активном участии взрослых в процессе различной деятельности ребенка. Таковой деятельностью является человеческая деятельность, состоящая, согласно М. С. Кагану, из биологической жизнедеятельности человека и его социально-культурной деятельности (см. [14, с. 14]).

Понятие «социокультурное развитие детей» тесно взаимосвязано с дефиницией «социально-культурная деятельность», которая не имеет в науке однозначного определения. Нами были рассмотрены точки зрения относительно данного понятия педагогов и ученых, ведущих представителей социально-культурной науки (М. А. Ариарский, Ж. Р. Дюмазедье, В. Г. Иванов, М. С. Каган, Т. П. Киселева, А. С. Ковальчук, Ю. Д. Красильников, Н. Ф. Максютин, А. П. Марков, Э. В. Соколов, Ю. А. Стрельцов, В. В. Туев, Н. Н. Ярошенко и др.). Анализ понятий позволил сделать вывод о том, что социально-культурная деятельность – это организованный, целесообразный, педагогически направленный процесс, заключающийся в сохранении, трансляции, распространении, освоении, создании, развитии культурных ценностей и норм в сфере художественной, исторической, духовно-нравственной, экологической и политической культуры, в ходе реализации которого специфическими формами, методами и средствами решаются культурологические и социально-педагогические задачи в интересах развития способностей каждого члена общества при условии активного включения самого индивида в этот процесс.

По нашему мнению, социокультурное развитие детей может успешно осуществляться именно в социально-культурной деятельности, поскольку она представляется управляемой системой, а ее компоненты приемлемы к использованию в процессе социокультурного развития детей. Цель социально-культурной деятельности – приобщение человека к культуре и культурным ценностям общества; задачи – культурное просвещение и образование, формирование и развитие культуры личности, организация культурной среды и культурного досуга, включение в творческую деятельность и др.; содержание включает культурные ценности, нормы, правила, культуроформирующую информацию. К субъектам социально-культурной деятельности относятся социальные институты, в том числе, семья и образовательные учреждения, которые осуществляют социокультурное развитие детей, где дети – объекты, то есть посетители социально-культурных учреждений, участники социально-культурных программ, пользователи культурно-образовательными услугами, получающие необходимую культуроразвивающую информацию. Средства, формы и методы, используемые в социально-культурной деятельности, приемлемы для использования в процессе социокультурного развития детей. Также можно отметить сходство в организации данных процессов: социально-культурные технологии, социально-культурные и культурно-досуговые программы и т. д. (см. [14, с. 20]).

С помощью теоретического исследования мы определили, что социокультурное развитие детей направлено на: становление и формирование характера ребенка; развитие способностей ребенка с учетом имеющихся возможностей и задатков; овладение ребенком культурными средствами и культурными формами; усвоение ребенком ценностей, норм, установок и т. д.

Следует отметить, что одной из культурных форм, которой овладевает ребенок в процессе социокультурного развития, является правовая культура. В связи с этим изучаемая нами проблема предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма в условиях дополнительного образования, безусловно, направлена на формирование правовой культуры детей. Данная проблема стала особенно актуальной в последнее десятилетие в связи с существенными изменениями условий дорожного движения и возрастанием интереса к ней среди исследователей (см. [1, 10] и др.).

По мнению Н. В. Рыбкиной, на безопасность дорожного движения в большей степени влияют внутренние факторы, к которым относятся уровень теоретической, практической подготовки участников дорожного движения и их отношение к соблюдению требований Правил дорожного движения (см. [12, с. 24–25]). Изучение и соблюдение Правил дорожного движения осуществляется посредством правового воспитания, с целью совершенствования правовой культуры. Согласно В. В. Диаконову, «индивидуальная правовая культура включает знание законодательства, своих субъективных прав и обязанностей, умение их реализовать и защищать, юридический опыт и многое другое» [4]. В связи с этим основной задачей социально-культурных институтов детства является формирование правовой культуры путем систематического правового образования по безопасности дорожного движения с первых дней контактирования детей с улично-дорожной сетью. По мнению Л. Г. Ахметшиной, «системный подход можно рассматривать как одно из важнейших условий повышения эффективности профилактики детского дорожно-транспортного травматизма при организации непрерывного процесса обучения и воспитания у детей

безопасного поведения в дорожном движении» [1, с. 46].

К сожалению, институт семьи уделяет недостаточно внимания воспитанию, обучению и социокультурному развитию детей, тем более не способен организовать системное образование, поэтому нуждается в помощи специалистов. Наиболее оптимальные условия для социокультурного развития детей создаются в процессе социально-культурной деятельности, которая реализуется, в том числе, в дополнительном образовании. В нем имеются все условия для внедрения нестандартных разработок для образования и развития детей, может оказываться реальная помощь родителям в повышении уровня правовой культуры по безопасности дорожного движения и осуществляться социокультурное развитие детей. С точки зрения Н. Р. Минниханова и И. А. Халиуллина, одним из направлений эффективного функционирования учреждений дополнительного образования по вопросам профилактики детского дорожно-транспортного травматизма является непрерывность и системность обучения детей безопасному поведению на дорогах с использованием современных средств, форм и методов обучения (см. [12, с. 81]).

Совершенствованием средств, форм и методов обучения занимается методическая служба. Практикой доказано, что инновационный подход к методическому сопровождению образовательного процесса в современном образовании заключается в разработке учебно-методических комплексов (УМК) (занятий, темы, учебного предмета, специальности, обучающихся, студентов, образовательных учреждений), обеспечивающих системный подход к дидактическому процессу, удобных в использовании как педагогическими работниками, так и обучающимися. На актуальность разработки и использования УМК указывают авторы

статей и диссертационных исследований (см. [3] и др.). В нормативных документах в области образования регламентируется порядок использования и требования к содержанию УМК, который должен соответствовать государственным образовательным стандартам. В дополнительном образовании не утверждены ГОСТы, поэтому формирование УМК осуществляется на основании требований к минимуму содержания образовательных программ дополнительного образования [10] и других нормативно-правовых документов, необходимых для разработки УМК.

Таким образом, для повышения эффективности профилактики детского дорожно-транспортного травматизма в условиях дополнительного образования необходима система обучения, воспитания и развития детей, то есть системность правового образования по безопасности дорожного движения. В этой области мы рассматриваем образование, как процесс воспитания и обучения (см. [8, с. 3]). Правовое воспитание заключается в формировании правового сознания и поведения гражданина, ориентировано на осознанное восприятие законов, правовых норм и обязанностей (см. [11, с. 178]). Под правовым обучением мы понимаем не только трансляцию правовой информации, но и постижение этой информацией личностью. Правое обучение очень тесно связано с правовым воспитанием, результатом которого является овладение личностью правовой культурой [7]. При этом необходимо подчеркнуть, что важным средством профилактики детского дорожно-транспортного травматизма является социально-культурная деятельность [12].

Осуществляемая нами практическая работа в рамках проводимого исследования, с одной стороны, направлена на разработку, корректировку, апробацию УМК по правовому образованию дошкольников в области

безопасности дорожного движения таким образом, чтобы все элементы комплекса соответствовали изучаемым темам, дополняли друг друга, реализовывались в процессе социально-культурной деятельности и максимально способствовали социокультурному развитию детей. С другой стороны, на изучение динамики социокультурного развития дошкольников в процессе их правового образования по безопасности дорожного движения с использованием УМК. Учебно-методический комплекс по правовому образованию дошкольников в области безопасности дорожного движения мы рассматриваем как компонент комплексного методического обеспечения, представленный в виде совокупности учебно-методических материалов, способствующих эффективному освоению программы дополнительного образования «Азбука дорожного движения для детей дошкольного возраста», которая является основным элементом УМК, входит в нормативный комплект УМК. Кроме нормативного комплекта учебно-методический комплекс включает в себя еще несколько комплектов: учебный, методический, средства контроля, общеметодический.

Программа дополнительного образования «Азбука дорожного движения для детей дошкольного возраста» разрабатывалась таким образом, чтобы в процессе ее реализации дети участвовали в социально-культурной деятельности, имеющей, согласно М. С. Кагану, следующие виды: коммуникативная, познавательная, преобразовательная, ценностно-ориентационная (см. [14, с. 14]). Следует отметить, что реализация всех указанных видов социально-культурной деятельности осуществляется в их тесном взаимодействии друг с другом. При этом коммуникативная деятельность проявляется при осуществлении всех обозначенных видов. При создании УМК по правовому образованию в области

безопасности дорожного движения мы опирались на исследования В. В. Туева, взяв за основу определяемую автором в схемах систему социально-культурной деятельности [14, с. 20].

Таким образом, УМК по правовому образованию в области безопасности дорожного движения представлен нами как система, включающая:

*Субъекты* – общество, государство, социально-культурные институты (семья, образование (учреждения дошкольного и дополнительного образования), культура (музеи, театры, парки, библиотеки), здравоохранение (общество «Красный крест»), средства массовой информации (учреждения печати, телевидение, газета «Патруль 880», газета «Добрая дорога детства», журнал «Дошколенок Кузбасса» и др.), профессиональные работники социально-культурных институтов.

*Цель* – овладение участниками образовательного процесса правовой культурой в области безопасности дорожного движения.

*Задачи* – правовое просвещение и правовое образование по безопасности дорожного движения, формирование и развитие правовой культуры участников дорожного движения, организация социокультурной среды и использование культурного досуга в пропаганде безопасности дорожного движения, включение всех объектов в творческую деятельность.

*Содержание* – нормы (закон «Правила дорожного движения» (утверждены постановлением Совета Министров – Правительства РФ от 23.10.1993 г. № 1090), закон «О безопасности дорожного движения» (принят Государственной думой 15.11.1995 г.) и др.), культууроформирующая информация (источники информации: СМИ, библиотеки, музеи, театры и др.).

*Формы* – массовые (лекции, игровые программы, КВНы, викторины, конкурсы, фестивали, марафоны, тематические вечера и др.); групповые (беседы, семинары, дискуссии, встречи в форме «круглого стола», конференции и др.); индивидуальные (индивидуальные беседы, индивидуальные занятия, консультации, компьютерные игры, репетиции и др.).

*Средства* – устные (живое слово, сценическая речь); печатные (художественная и научная литература, газеты, журналы по ПДД); наглядные (плакаты, афиши, выставки по пропаганде ПДД и др.); художественные (искусство по ПДД: изобразительное, декоративно-прикладное, театральное, музыкальное, хореографическое); технические (компьютерные, видео, аудио, телевидение по ПДД); психолого-педагогические (игры, общение по вопросам безопасности дорожного движения и др.).

*Методы* – 1. Методы педагогики: методы обучения ПДД (словесные, исследовательские, демонстрационные и др.); методы воспитания: методы формирования сознания участников дорожного движения (убеждение); методы организации деятельности и формирования опыта поведения в условиях улично-дорожной сети (упражнение); методы стимулирования поведения и деятельности (мотивация). 2. Методы социологии: изучение документов, опросы.

*Ресурсы* – информационные, материальные, финансовые, технические, кадровые и др.

*Организация* – социально-культурные технологии, социально-культурные и культурно-досуговые программы, проекты, планы, мероприятия по пропаганде безопасности дорожного движения и по реализации программ, проектов и планов.

*Объекты:* а) посетители социально-культурных учреждений, организаторы и

участники социально-культурных программ, пользователи культурно-образовательных услуг, получающие необходимую правовую информацию; б) участники или организаторы социально-культурных программ, которые в результате воздействия более активно включаются в процесс приобщения к правовой культуре или получают необходимую правовую информацию.

*Результаты:* 1) степень эффективности достижения субъектом поставленной цели и намеченных задач; 2) степень эффективности правового просвещения и правового образования по безопасности дорожного движения детей в системе дополнительного образования; 3) степень эффективности формирования и развития правовой культуры детей – участников дорожного движения.

В ходе проводимого исследования для корректировки элементов УМК возникла необходимость изучения мнений пользователей о его содержании. Методом сбора данных было выбрано анкетирование. Количество респондентов, выбранных для опроса, соответствовало количеству пользователей УМК. Для этого перед началом опроса нами был проведен анализ справок по итогам комплексного изучения дошкольных образовательных учреждений по вопросам обучения детей Правилам дорожного движения и профилактики детского дорожно-транспортного травматизма. Результаты анализа показали, что в 20 % дошкольных образовательных учреждений г. Кемерово реализуется программа дополнительного образования детей «Азбука дорожного движения для детей дошкольного возраста». Таким образом, для проведения опроса воспитателей и формирования группы экспертов в выборку попали 26 детских садов г. Кемерово, что составляет 20 %.

Группу респондентов № 1 в количестве 78 человек составили воспитатели, проработавшие по программе «Азбука дорожного

движения для детей дошкольного возраста» не менее одного года. В процессе анкетирования мы изучали готовность воспитателей к участию в экспериментальной работе по апробации УМК после его корректировки, отношение воспитателей к содержанию УМК, мнения о его влиянии на социокультурное развитие дошкольников. 77 % респондентов подтвердили готовность участия в экспериментальной работе и 23 % респондентов отказались от участия в эксперименте. Таким образом, после анализа данного вопроса мы определили участников эксперимента (20 ДОУ) и обрабатывали только их анкеты (60 воспитателей).

В результате опроса мы выяснили, что воспитатели используют элементы УМК (программу дополнительного образования, сборники для чтения детям и разучивания стихотворного материала, дидактический и наглядный материалы, печатную и компьютерную диагностику, раздаточный материал и методические рекомендации по его использованию и др.) полностью или частично и, в целом, довольны его содержанием. Большинство респондентов считают, что весь УМК способствует в большой степени (85 %) или частично (11,7 %) социокультурному развитию дошкольников, затруднились ответить 3,3 %. Например, дидактический материал в большой степени влияет на развитие психических процессов (36,7 %), всестороннее развитие (25 %), формирование нравственно-правового поведения и освоение знаний по ПДД (31,7 %), частичное влияние (3,3 %) и затруднились ответить (3,3 %); наглядный материал в большой степени влияет на освоение ПДД (36,7 %), развитие психических процессов (30 %), всестороннее развитие (16,6 %); развитие речи – 10 %, частичное влияние (1,7 %) и затруднились ответить (5 %).

Положительные стороны воспитатели отметили в элементах УМК, а именно: раздаточный материал доступен и понятен для детей, соответствует возрасту (48,3 %), удобен в использовании (21,6 %), эстетично и красиво оформлен (11,7 %), грамотно разработан, доступно и понятно изложены для педагога сам материал и методические рекомендации по его использованию (10 %), соответствует темам программы (6,7 %), можно применять на других занятиях (1,7 %); сборники для чтения детям и разучивания стихотворного материала включают достаточное количество материала (43,4 %), текст доступен детям, соответствует возрасту (35 %), удобны в использовании, соответствуют темам программы (16,6 %), можно применять на других занятиях (5 %); печатный диагностический материал доступен и удобен (41,7 %), включает все темы программы (30 %), показывает реальные знания детей (18,3 %), затруднились ответить (10 %).

Группе респондентов № 2 был предложен метод сбора первичной вербальной информации – экспертный опрос. При формировании необходимой группы экспертов, согласно Ф. Э. Шереги (см.: [4, с. 497–499]), мы использовали два признака: род занятий и стаж работы по интересующему нас профилю. Таким образом, в качестве кандидатов в эксперты выступали старшие воспитатели тех детских садов, чьи воспитатели (респонденты № 1) согласились участвовать в эксперименте. Критерии компетентности кандидатов в эксперты мы определяли методом самооценки экспертов в форме – совокупный индекс, рассчитанный на основании оценки экспертами своих знаний, опыта и способностей по ранговой шкале, где выделяли позиции с численными значениями: 1 – «высокий», 0,5 – «средний», 0 – «низкий». Получение первичных числовых значений самооценки для расчета индекса компетентности канди-

датов в эксперты происходило при помощи вопроса табличной формы «Как Вы оцениваете уровень Вашей “приобщенности” к теоретическим и практическим проблемам правового образования дошкольников в области безопасности дорожного движения?» Исходя из числовых значений оценок, мы рассчитали коэффициент уровня компетентности каждого из двадцати кандидатов в эксперты по заданной проблеме. В результате 75 % кандидатов в эксперты имеют уровень компетентности – 0,5; 15 % кандидатов в эксперты – 0,7; 10 % кандидатов в эксперты – 0,8. Таким образом, в группу экспертов (респонденты № 2) мы включили всех кандидатов в эксперты, так как у них индекс компетентности не менее среднего (0,5) и выше (до 1).

В процессе опроса экспертов мы изучали степень правового образования по безопасности дорожного движения в различных программах детских садов, мнения о влиянии УМК на социокультурное развитие детей, предложения по корректировке УМК для более успешного социокультурного развития детей, удовлетворенность педагогических работников количеством учебно-методического материала, возможность использования УМК в масштабе города.

По итогам экспертного опроса мы сделали следующие выводы. Во всех экспериментальных детских садах необходимо реализовывать дополнительные образовательные программы по безопасности дорожного движения, которые могут компенсировать недостаток основных программ, повысить правовую культуру участников дорожного движения, тем самым способствовать социокультурному развитию детей в период дошкольного возраста. Большинство экспертов (80 %) считают, что УМК в большой степени способствует социокультурному развитию дошкольников. Содержание УМК,

в основном устраивает воспитателей и существенных корректировок не требует. Эксперты отмечают, что УМК в полном объеме или частично можно рекомендовать для использования в детских садах г. Кемерово. 45 % респондентов считают УМК достаточно полным; остальные предлагают (для возможности выбора): дополнить содержание конспектами, различными видами игр, видеоматериалами (25 %); дидактическим материалом (5 %); использовать различные виды искусства (5 %); добавить материал для работы с родителями, в том числе разработки культурно-досуговых программ (10 %); затруднились ответить (10 %).

Группу респондентов № 3 составили родители (484 человека), дети дошкольного возраста которых посещают детские сады, участвующие в эксперименте. В ходе опроса мы изучали отношение респондентов к проблеме детского дорожно-транспортного травматизма (их информированность о статистике детского дорожно-транспортного травматизма, участие в профилактических мероприятиях, обучение детей правилам безопасного дорожного движения в домашних условиях); отношение родителей к содержанию УМК; мнения о влиянии УМК на социокультурное развитие детей; предложения по совершенствованию УМК для более успешного социокультурного развития детей; готовность семьи к совместному правовому образованию детей по безопасности дорожного движения, как в рамках эксперимента, так и в последующем.

В результате опроса мы выяснили, что все родители интересуются статистикой детского дорожно-транспортного травматизма. 74,2 % респондентов не участвуют в мероприятиях по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма. Большинство родителей (98,4 %) считают, что обучение детей правилам безопасного

поведения на дорогах должно осуществляться в совместном сотрудничестве дошкольного учреждения и семьи. Обучением ребенка Правилам дорожного движения в домашних условиях занимаются (регулярно или иногда) 98,4 % родителей. 52,6 % респондентов отметили, что УМК в большой степени влияет на социокультурное развитие детей; 33,7 % считают, что влияет частично; 1,7 % считают, что не влияет; 12 % затруднились ответить. 83 % родителей готовы сотрудничать в экспериментальной работе; 11 % не желают сотрудничать; 6 % не определились. 12,2 % родителей считают УМК достаточно полным, не требующим корректировок; 26 % родителей не могут выдвинуть предложения, так как не знакомы или частично знакомы с содержанием УМК; 32,5 % родителей затруднились ответить; остальные родители предлагают: разработать больше практических занятий с использованием специально оборудованных площадок (автоплощадки, автогородки) (8,5 %); дополнить УМК наглядным, дидактическим, раздаточным материалом и видеоматериалами (6,2 %), играми и сценарными разработками культурно-досуговых программ (2,9 %); разработать дидактический материал для семейного обучения (1 %) и другое (10,7 %).

Таким образом, опрос всех респондентов подтвердил значимость учебно-методического комплекса по правовому образованию дошкольников в области безопасности дорожного движения для социокультурного развития детей. Результаты опроса помогли внести корректировки в содержание УМК и апробировать новый материал в течение 2010–2011 учебного года. В процессе корректировки элементов учебно-методического комплекса были разработаны: новые календарно-тематические планы по всем годам обучения; дополнительные примерные конспекты занятий с учетом изме-

нений в календарно-тематических планах; книги для семейного обучения «Безопасная прогулка» для всех возрастных групп; разминки с использованием терминов, соответствующих темам программы «Азбука дорожного движения для детей дошкольного возраста»; диагностические листы с целью изучения динамики социокультурного развития детей на основе освоения ими программы «Азбука дорожного движения для детей дошкольного возраста» в течение двух лет обучения; сценарий спектакля «ПДДшка – дорожный домовой»; методические рекомендации в помощь педагогическим работникам дошкольных образовательных учреждений для организации и проведения родительского всеобуча по вопросам профилактики детского дорожно-транспортного травматизма и повышения правовой культуры по безопасности дорожного движения у родителей дошкольников.

Практическая работа по изучению динамики социокультурного развития дошкольников в процессе правового образования по безопасности дорожного движения основывается на подходе к педагогической диагностике, предложенном в программе «Развитие» Л. А. Венгера, который заключается в определении продвижения детей по освоению программы в процессе выполнения детьми диагностических заданий (см.: [9] и др.). Нами определялись достижения детей в освоении программы «Азбука дорожного движения для детей дошкольного возраста» за учебный год в процессе социально-культурной деятельности в форме диагностических заданий (беседа, игра, конструирование, рисование) при помощи показателей (критериев) социокультурного развития (развитие речи; развитие памяти; развитие мышления; развитие навыков счета; формирование нравственно-правового поведения), выделенными нами в теоретическом исследовании.

Каждый показатель (критерий) соответствует определенным достижениям детей. *Развитие речи* – умение называть термины (предметы), изученные в соответствии с пройденными темами программы. *Развитие памяти* – умение запоминать и показывать необходимое количество изучаемых терминов (предметов) по теме безопасности дорожного движения. *Развитие мышления* – способность выполнять задания, связанные с дорожным движением. *Развитие навыков счета* – способность считать предметы (автомобили, элементы дороги, сигналы светофоров) в пределах возможностей, соответствующих каждой возрастной группе дошкольного периода. *Формирование нравственно-правового поведения* – умение оценивать ситуации согласно правилам безопасного дорожного движения и определять законопослушных участников дорожного движения и нарушителей правил.

Достижения детей оценивались в баллах, количество которых зависело от количества названных слов, подсчитанных предметов, оцененных ситуаций на картинах. Задания, связанные с выполнением какого-либо действия (построить, раскрасить, разложить), оценивались по принципу: выполнил полностью – 2 балла, выполнил частично – 1 балл, не выполнил – 0 баллов. При этом учитывалась самостоятельность ребенка при выполнении задания. В результате достижения детей и их социокультурное развитие (СКР) мы определяли в оценках по процентному количеству выполненных заданий, а именно: «отлично» (от 100 % до 76 %), «хорошо» (от 75 % до 51 %), «удовлетворительно» (от 50 % до 25 %), «неудовлетворительно» (от 24 % до 0). Каждая оценка соответствовала своей характеристике: «отлично» – освоил объем программы одного года обучения полностью, социокультурное развитие ребенка осуществлялось в полном объеме; «хорошо» – объем программы одного года

обучения освоил частично, социокультурное развитие ребенка осуществлялось частично (из наблюдений: невнимательность ребенка на занятиях либо плохое самочувствие ребенка на занятиях); «удовлетворительно» – объем программы одного года обучения освоил частично, социокультурное развитие ребенка осуществлялось частично (из наблюдений: из-за его частого отсутствия на занятиях); «неудовлетворительно» – объем программы одного года обучения не освоил, социокультурное развитие ребенка в рамках программы не осуществлялось.

Первую экспериментальную группу (ЭГ № 1) составили 332 воспитанника второй младшей, а затем средней групп. Вторую группу (ЭГ № 2) – 341 воспитанник средней, а затем старшей групп. Третью группу (ЭГ № 3) – 305 воспитанников старшей, а затем подготовительной групп. Первая диагностика проводилась в 2010 г., после чего было выявлено, что у детей в большей степени возникают трудности в запоминании и произношении изучаемых новых слов (терминов). Педагогам было рекомендовано помочь детям в освоении программы: повторять новые термины не только во время занятия, но и в процессе прогулок; использовать разминки, которые включают изучаемые по каждой теме термины; акцентировать внимание родителей на чтении сборников «Дорожные фантазии», где предлагается художественный и познавательный материалы с использованием изучаемых по программе терминов. В конце эксперимента проводилась контрольная диагностика детей по результатам освоения программы второго года обучения. В табл. 1 представлены результаты диагностики детей дошкольного возраста за два учебных года.

Анализ результатов, представленных в табл. 1, позволяет сделать вывод о том, что 94,7 % детей освоили объем программы двух годов обучения полностью, социокуль-

турное развитие ребенка осуществлялось в полном объеме; 5 % детей 3–7 лет объем программы освоили частично, социокультурное развитие осуществлялось частично (из наблюдений: невнимательность детей на занятиях либо плохое самочувствие детей на занятиях); 0,3 % детей 3–7 лет объем программы освоили частично, социокультурное развитие осуществлялось частично (из наблюдений: из-за частого отсутствия детей на занятиях). Процесс корректировки, апробация учебно-методического комплекса по правовому образованию дошкольников в области безопасности дорожного движения, а также анализ результатов диагностики подтвердили эффективность представленного учебно-методического комплекса для профилактики детского дорожно-транспортного травматизма и доказали положительную результативность его использования для социокультурного развития дошкольников.

Таблица 1

## Результаты диагностики детей 3–7 лет

Оценки за достижения детей	Количество детей, участвующих в диагностике в 2010 году (%)			Количество детей, участвующих в диагностике в 2011 году (%)			Средний показатель количества детей (%)
	ЭГ № 1	ЭГ № 2	ЭГ № 3	ЭГ № 1	ЭГ № 2	ЭГ № 3	
«отлично»	93,3	95,6	92,1	97,6	92,7	96,7	94,7
«хорошо»	5,5	4,4	7,9	2,1	7,3	3	5
«удовлетворительно»	1,2	-	-	0,3	-	0,3	0,3
«неудовлетворительно»	-	-	-	-	-	-	-

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась. В рамках эксперимента мы предполагали: если будет разработан учебно-методический комплекс по правовому образованию дошкольников в области безопасности дорожного движения для системы дополнительного образования дошкольников на основе системы социально-культурной деятельности, проведена его апробация, последующая корректировка и формирование правовой культуры дошкольников по безопас-

ности дорожного движения будет осуществляться во взаимодействии и при поддержке родителей, то это даст положительные результаты в социокультурном развитии детей, значительно повысив степень эффективности правового просвещения и правового образования по безопасности дорожного движения детей в системе дополнительного образования и степень эффективности формирования и развития правовой культуры детей – участников дорожного движения.

### Литература

1. Ахметшина Л. Г. Организационно-педагогические условия профилактики детского дорожно-транспортного травматизма (на примере Республики Татарстан): дис. ... канд. пед. наук. – Казань, 2003. – 201 с.
2. Волошина В. П. Социокультурное развитие учащихся в учебном процессе на основе синтеза видов искусств: дис. ... канд. пед. наук. – Армавир, 2010. – 208 с.
3. Горский В. А. Учебно-методический комплект как средство программно-методического обеспечения дополнительного образования детей, его функции и основные этапы разработки // *Дополнительное образование*. – 2004. – № 1. – С. 29–33.
4. Диаконов В. В. Теория государства и права: Правовое сознание и правовая культура [Электронный ресурс]: учеб. пособие. – URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc108p/instrum151/item2788.html> (дата обращения: 15.08.2011).
5. Добреньков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования: учебник. – М.: Инфра-М, 2009. – 768 с.
6. Канин Л. И. Амплификация образовательного процесса лица как условие свободного социокультурного развития личности: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2001. – 209 с.
7. Майданкина Н. Ю. Педагогические условия формирования основ правовой культуры на начальных этапах становления личности (старший дошкольный и младший школьный возраст): дис. ... канд. пед. наук. – Ульяновск, 2004. – 231 с.
8. О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «Об образовании» // *Российская газета*. – 1996. – № 13(1373). – С. 3–6.
9. Педагогическая диагностика по программе «Развитие»: рекомендации и материалы для работы с детьми младшего и среднего дошкольного возраста. – М.: Изд-во «Гном и Д», 2000. – 128 с.
10. Порядок использования дистанционных образовательных технологий [Электронный ресурс]. – URL: [http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d\\_05/prm137-1.htm](http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_05/prm137-1.htm) (дата обращения: 15.01.2012).
11. *Российская педагогическая энциклопедия*: в 2 т. / В. В. Давыдов. – М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1993. – 608 с.
12. Рыбкина Н. В. Социально-культурная деятельность как средство профилактики детского дорожно-транспортного травматизма: дис. ... канд. пед. наук. – Тамбов, 2006. – 216 с.
13. Слукин С. В. Патриотизм в социокультурном развитии личности: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2005. – 194 с.
14. Туев В. В. Социально-культурная деятельность в таблицах и схемах: учеб. пособие по курсу «Социально-культурная деятельность» для студентов специальности 053100 «Социально-культурная деятельность». – Барнаул: Изд-во АлтГАКИ, 2006. – 87 с.

15. Федоскина О. В. Педагогические средства социокультурного развития младших школьников в образовательном процессе: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2004. – 245 с.
16. Чижова К. И. Социокультурное развитие детей в процессе музыкального воспитания: дис. ... канд. пед. наук. – М., 2002. – 147 с.
17. Шабатура Л. Н. Традиция в социокультурном развитии личности: дис. ... д-ра филос. наук. – М., 2004. – 414 с.

УДК 37

*Г. С. Елисеенков*

### **КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ДИЗАЙНА**

Дается обоснование концептуальных подходов, необходимых для построения целостных многомерных моделей образовательных программ в сфере дизайна различных уровней: для среднего профессионального образования, для бакалавриата, специалитета, магистратуры.

**Ключевые слова:** компетентностный подход, концептуально-ретроспективный подход, функционально-морфологический подход, системно-деятельностный подход, профессиографический подход, моделирование.

*G. S. Yeliseyenko*

### **CONCEPTIONAL APPROACHES TO MODELING OF THE EDUCATIONAL PROGRAMMES IN THE SPHERE OF DESIGN**

The basis of conceptional approaches which are necessary for formation of the whole and many-sided models of educational programmes in the sphere of design for different levels: for average professional education, for bachelors, specialists, masters.

**Keywords:** competence approach, conceptional and retrospective approach, functional and structural approach, system and activity approach, professional and graphical approach, modeling.

В современном российском дизайн-образовании возникает вопрос, волнующий академическое сообщество: каковы существенные различия в образовательных программах бакалавра, специалиста, магистра, выпускника среднего специального учебного заведения? Иначе говоря, речь идет о **моделях образовательных программ** в сфере дизайна и о моделях специалистов, обучающихся по этим программам. Для построения этих моделей необходимо определить основные параметры, сущностные характеристики, концептуальные подходы.

В российских вузах в настоящее время в качестве основополагающего методологиче-

ского основания избран компетентностный подход. Поэтому, определяя модель образовательной программы бакалавра, чаще всего говорят о его компетентностной модели. Не отрицая правомерности и продуктивности компетентностного подхода, заметим, однако, что для построения всеобъемлющей, многоплановой, «объемной» модели образовательной программы только компетентностной модели недостаточно.

Во-первых, компетентностный подход – это всего лишь один из возможных подходов к моделированию образовательных программ, о чем речь пойдет в наших дальнейших рассуждениях.

Во-вторых, компетентностный подход затрагивает только сферу результатов обучения. Это внутренний мотивационный фактор, не определяющий внешне по отношению к системе образования условия и требования.

В-третьих, с точки зрения теории, компетентностный подход продуктивен, поскольку фиксирует изменение парадигмы образования, но с точки зрения практической реализации имеет определенные недоработки.

Эти недоработки проявляются в следующем:

1. В образовательных стандартах компетенции представляют собой набор требований к результатам образования, причем этот набор в различных направлениях подготовки бакалавров варьируется от 20 до 40 позиций и более, что указывает на отсутствие единого подхода к определению компетенций.

2. Наличие большого перечня компетенций неминуемо затрудняет разработку соответствующих оценочных средств и инструментов для проверки степени их сформированности у обучающихся.

3. Перечень общекультурных компетенций не структурирован по каким-либо основаниям.

Поэтому нами предпринята попытка систематизации и группировки общекультурных компетенций, зафиксированных в ФГОС ВПО по направлению подготовки 072500 «Дизайн», по определенным основаниям. В результате весь набор из 15 компетенций сведен к 4 интегрированным блокам компетенций, которые легко удерживать в памяти и которыми легко оперировать. Это отражено в табл. 1.

Весь ход наших предшествующих рассуждений подводит к тому, что только компетентностного подхода и компетентностной модели недостаточно для моделирования образовательных программ в сфере дизайна. Для этого возможны следующие подходы (см. рис. 1):

**Группировка общекультурных компетенций в интегрированные блоки**

№ п/п	Интегрированные блоки компетенций	Перечень компетенций из ФГОС ВПО
1.	Интеллектуальное развитие	Владеет культурой мышления (ОК-1) на основе применения методов и средств познания (ОК-15), умений переработки информации (ОК-14), владения устной и письменной речью (ОК-2), иностранным языком (ОК-11)
2.	Ценностные ориентации	Осознает значение гуманистических ценностей (ОК-12), исторического наследия и культурных традиций (ОК-10), способен анализировать социально-значимые проблемы и процессы (ОК-9)
3.	Мотивация	Осознает социальную значимость своей будущей профессии (ОК-8), критически оценивает свои достоинства и недостатки (ОК-7), обладает высокой мотивацией к профессии (ОК-8), стремится к саморазвитию (ОК-6)
4.	Организационно-управленческие качества	Способен находить организационно-управленческие решения в нестандартных ситуациях и нести за них ответственность (ОК-4), использует нормативные правовые документы (ОК-5), готов к кооперации с коллегами (ОК-3), владеет методами защиты персонала и населения от возможных последствий аварий, катастроф, стихийных бедствий (ОК-13)

**ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ МОДЕЛЕЙ ОБРАЗОВАНИЯ В СФЕРЕ ДИЗАЙНА**

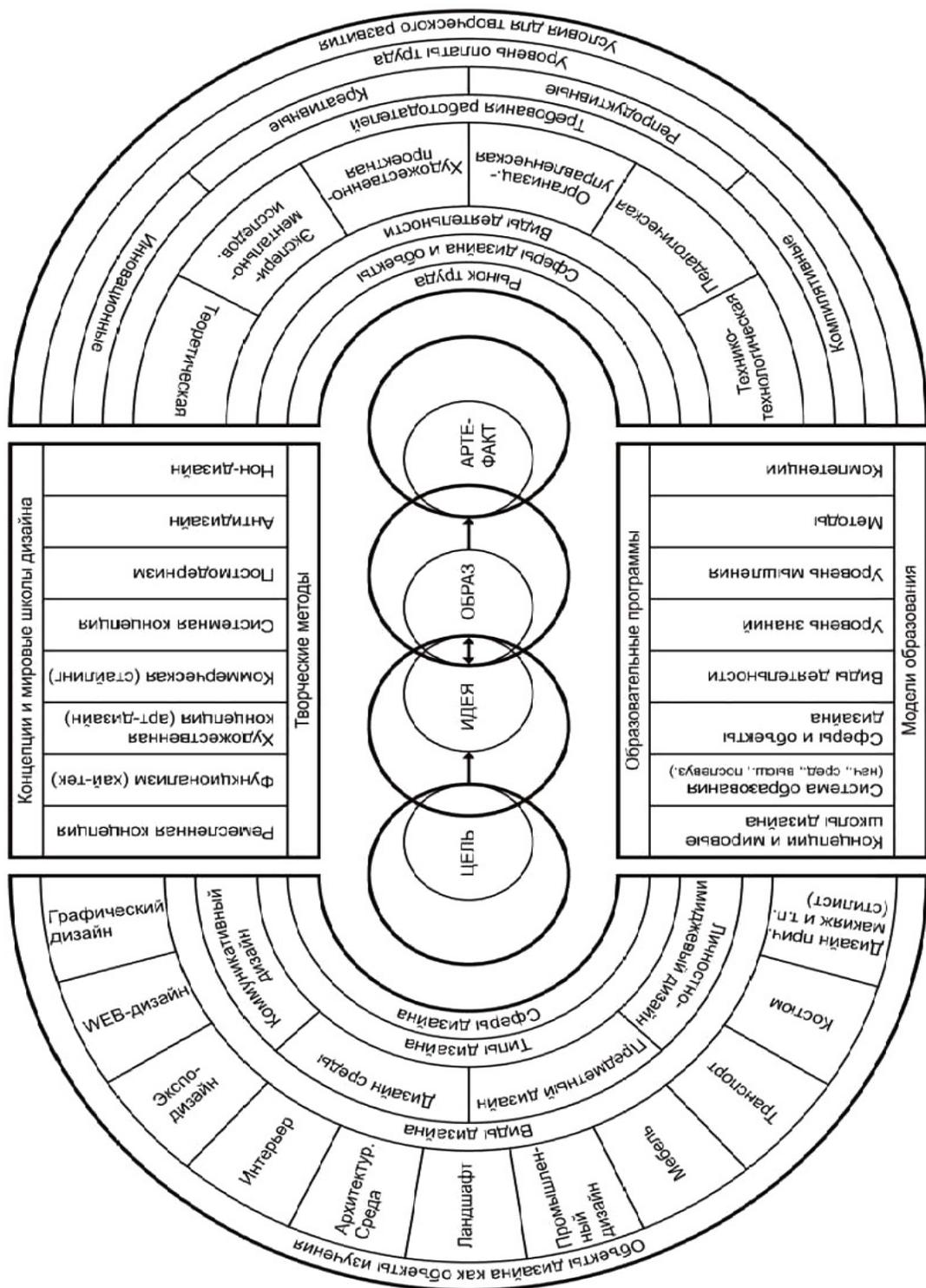


Рис. 1

**1. Концептуально-ретроспективный подход** позволяет учесть различные концепции (концепция функционализма, художественная концепция, концепция системного проектирования и т. п.) и опыт мировых школ дизайна (БАУХАУЗ, ВХУТЕМАС, Ульмская школа, итальянская, российская школа и т. д.). Для построения модели образовательной программы важны **идеология и аксиология** дизайна, например, образование на основе художественной концепции или на основе концепции постмодернизма.

На рис. 1 основные концепции и мировые школы дизайна, а, соответственно, и творческие методы, лежащие в их основе, показаны в верхнем прямоугольнике.

**2. Функционально-морфологический подход** позволяет на основе анализа сфер дизайна (типы, виды, объекты) определить структуру современного дизайна и тенденции его развития, функциональные особенности, востребованность практикой. В конечном итоге это позволяет определить перспективные профили обучения, определить объекты дизайна в качестве объектов изучения. На рис. 1 в левом полукруглом секторе представлены типы дизайна (коммуникативный, предметный, личностно-имиджевый, средовой), а также виды дизайна соответственно каждому из представленных типов.

**3. Системно-деятельностный подход** дает возможность рассматривать дизайн как сложную многокомпонентную **систему** и одновременно как циклический проектный **процесс**, включающий основные этапы: анализ проблемной ситуации и постановку цели, этап концептуального проектирования (результат – идея артефакта), этап художественно-образного проектирования (результат – образ артефакта), функционирование артефакта.

В любой образовательной программе в сфере дизайна системно-деятельностный подход позволяет выявить общую технологию проектирования, что является со-

держательным ядром обучения. Системно-деятельностная модель дизайна представлена в центре рис. 1, где показана взаимосвязь этапов проектирования и результаты каждого этапа.

Системно-деятельностный подход предполагает формирование типов мышления дизайнера (концептуального, художественного, проектного, визуального) и их взаимодействия на различных этапах проектирования.

**4. Профессиографический подход** ориентирует образовательную программу на описание профессии дизайнера по ее важнейшим параметрам: сферы деятельности, предмет, цель и содержание труда, характер, средства и условия труда, требования к личности. Профессиографический подход предполагает изучение рынка труда, требований работодателей и уровня решения профессиональных задач: компилятивного, репродуктивного, креативного, инновационного.

На основе изложенных концептуальных подходов нами предпринята попытка построения моделей образовательных программ в сфере дизайна для выпускника среднего специального учебного заведения, вузовского специалиста с шестилетним сроком обучения, бакалавра дизайна и магистра дизайна (см. рис. 2).

Для построения моделей были выделены следующие параметры: сферы дизайна, объекты труда, уровни проектного знания (методологический, теоретический, эмпирический, прикладной), типы мышления (концептуальное, художественное, проектное, визуальное), методы решения задач (репродуктивные, компилятивные, креативные, инновационные), степень профессиональной адаптации, компетенции.

При этом учитываются внешние факторы: с одной стороны, весь спектр концепций и творческих методов дизайна, опыт мировых дизайнерских школ, многокомпонентная структура современного дизайна и

**МОДЕЛИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ В СФЕРЕ ДИЗАЙНА**

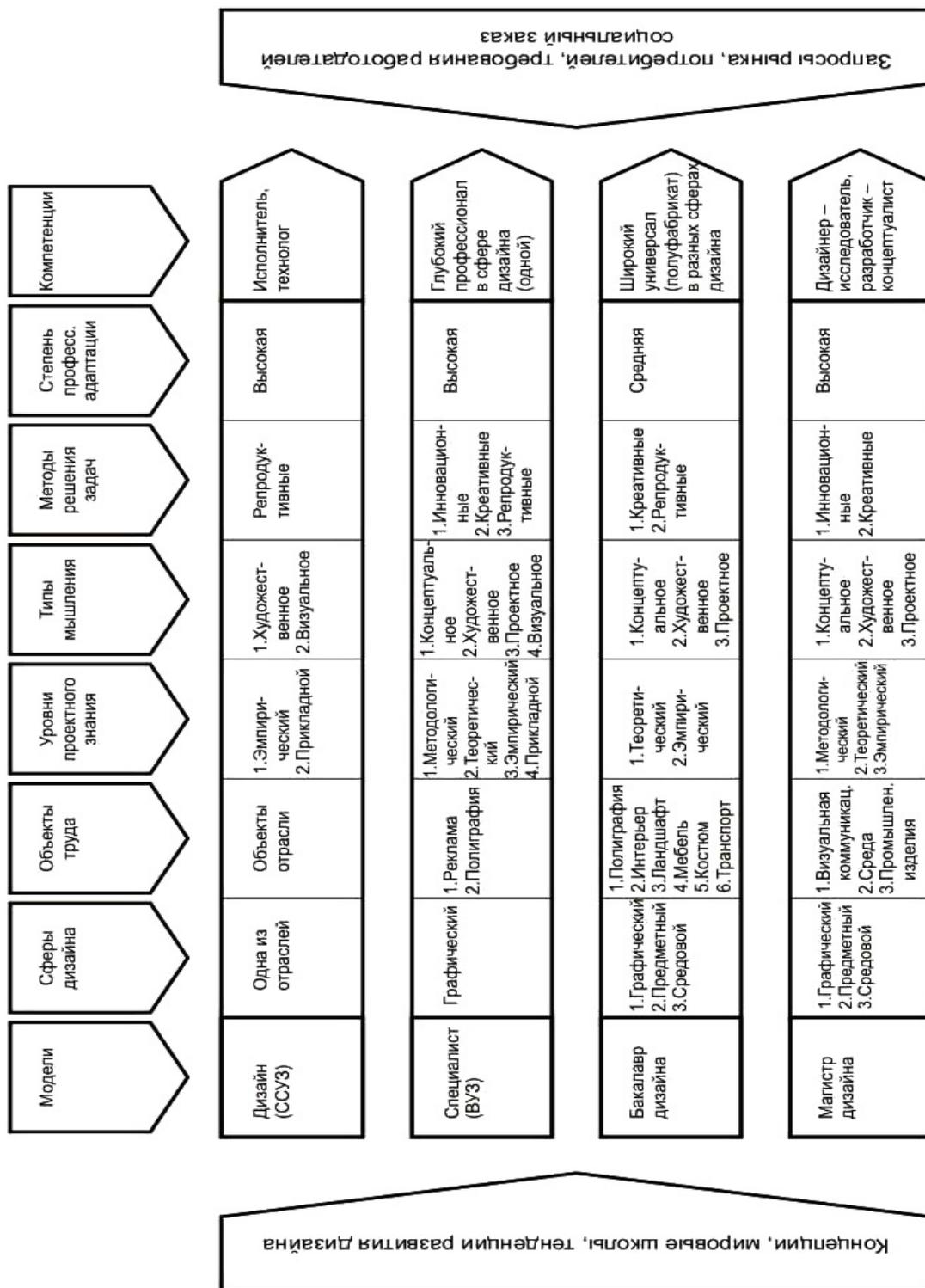


Рис. 2

тенденции его развития, и, с другой стороны, – запросы рынка труда, преимущественное развитие тех или иных сфер дизайна, основные виды деятельности дизайнеров, требования работодателей к уровню решения профессиональных задач и соответствие этому уровню оплаты труда, а также условий для творческого развития работников.

Если анализировать представленные модели по таким параметрам, как сферы дизайна и объекты труда, то можно отметить, что наиболее многофункциональными являются образовательные программы бакалавра и магистра, где объектами изучения стали различные типы дизайна (предметный, средовой, коммуникативный) и, соответственно, более широкий спектр объектов дизайна, а у специалистов вузов и средних профессиональных образовательных учреждений сферы дизайна дифференцированы более конкретно, например, только графический дизайн или только дизайн среды и т. д. Разумеется, современное образование должно давать фундаментальную подготовку, однако, трудно предположить, чтобы бакалавр смог одинаково профессионально работать, например, и в дизайне средств транспорта, и в ландшафтном дизайне, так как эти сферы дизайна имеют свою глубокую специфику. На наш взгляд, усиление фундаментальности подготовки бакалавров может происходить за счет освоения смежных видов дизайна в рамках одного типа дизайн-проектирования, например, в интеграции графического дизайна с экспо-дизайном, web-дизайном и т. п.

Существенно различаются модели образовательных программ по уровням проектного знания. Программа среднего профессионального образования в сфере дизайна ориентирована на формирование эмпирического и прикладного уровня проектного знания. В соответствии с ФГОС СПО по направлению 072501 «Дизайн» прикладной уровень проектного знания реализуется в процессе технического исполнения художественно-

конструкторских проектов в материале, контроля над изготовлением изделия в производстве и работы по одной из профессий рабочих. Образовательная программа бакалавра характеризуется более высоким уровнем проектного знания – теоретическим и эмпирическим, а магистра – методологическим, теоретическим и эмпирическим. Подготовка в рамках специалитета предполагает наличие всех уровней проектного знания, из них в меньшей степени – прикладного.

Различия в моделях образовательных программ разного уровня прослеживаются также по таким параметрам, как типы профессионального мышления (концептуальное, художественное, проектное, визуальное) и методы решения проектных задач. Если формирование и развитие художественно-образного мышления является необходимым условием подготовки дизайнеров вообще, независимо от уровня образования, то концептуальное и проектное мышление – это имманентная характеристика высшего дизайнерского образования, а степень развития визуального мышления определяется конкретными задачами работы над дизайн-проектами.

Для дифференциации представленных моделей образовательных программ целесообразно ввести еще один параметр – виды профессиональной деятельности (технологическая, организационно-управленческая, педагогическая, художественно-проектная, экспериментально-исследовательская и т. п.), которые достаточно хорошо коррелируются с уровнями образования в сфере дизайна.

Результаты проведенного теоретического анализа и представленных проектных предложений позволяют сделать следующие выводы:

1. Для решения актуальной проблемы, связанной с разработкой и обоснованием моделей образовательных программ в сфере

дизайна, только одного методологического основания – компетентностного подхода – недостаточно, так как при этом не учитываются в полной мере все факторы дизайнерского образования.

2. Предложенные наряду с компетентностным иные концептуальные подходы (системно-деятельностный, функционально-морфологический, концептуально-ретроспективный, профессиографический) позволяют учесть при разработке моделей образовательных программ как внешние факторы,

влияющие на создание современной системы образования в сфере дизайна, так и внутренние, определяющие качественные характеристики образовательного процесса.

3. Представленные модели образовательных программ спроектированы на основе разработанных автором параметров, отражающих существенные характеристики дизайна и являющихся действенным инструментом как моделирования, так и дальнейшего совершенствования образовательных программ в сфере дизайна.

УДК 378 14:78.071.2

*Л. Э. Муртазина*

### **РОЛЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ В РАЗВИТИИ КОММУНИКАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ**

В работе рассматриваются возможности музыкального искусства с точки зрения обработки информации мозгом человека. Отмечается, что накопленный у людей искусства творческий опыт по восприятию музыкальной информации усиливает структурно-функциональное сходство и взаимодействие левого и правого полушария.

**Ключевые слова:** музыкальная информация, аналитический и синтетический тип обработки информации, восприятие музыкальной информации.

*L. E. Murtazina*

### **THE ROLE OF MUSIC IN THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE ABILITIES OF HUMAN THINKING**

This article considers the possibility of musical arts from the perspective of information processing by the human brain. It is noted that the accumulated experience of the creative people have the perception of musical information that enhances structural and functional similarities and interaction of left and right hemispheres.

**Keywords:** musical information, analytical and synthetic type of information processing, perception of musical information.

При восприятии структурированной музыкальной информации человеческим мозгом недостаточно изученными являются вопросы раздельной обработки информации и межполушарного взаимодействия. Известно, что правое полушарие рассматривается как сфера бессознательного. Левое полу-

шарие участвует в основном в аналитических процессах; это полушарие – база для логического мышления. Правое полушарие обеспечивает конкретно-образное мышление и имеет дело с невербальным материалом, отвечая за определенные навыки в обращении с пространственными сигналами,

за структурно-пространственные преобразования, способность к зрительному и тактильному распознаванию предметов. Этому полушарию свойственна гештальт обработка информации – одновременно, целиком или глобально. Правое полушарие отвечает также за способности к музыке и изобразительному искусству. Функции левого полушария отождествляются с осознанными, логическими процессами мышления, функция правого полушария – это интуитивное мышление.

Можно предположить, что два полушария как бы дублируют друг друга, два типа обработки информации могут взаимно использовать положительные качества и компенсировать недостатки друг друга. Это повышает надежность системы жизнеобеспечения всего организма, повреждение одного из полушарий не приводит к полной потере жизненно важных функций, как например, в случае со зрением и слухом. Д. Леви была высказана гипотеза, что деятельность полушарий головного мозга взаимодополнительна и они на равных участвуют в познавательных процессах. При этом творческая личность имеет повышенные способности в связи с интеграцией функций обоих полушарий [1]. Полноценная работа правого полушария чрезвычайно важна для становления и развития творческой личности.

Рассматривая механизмы перехода между уровнями иерархии при восприятии музыкальной информации, обратимся к триадным формулам Б. Асафьева: «толчок-движение-замыкание» и «тезис-антитезис-синтез». В основе восприятия, пишет Б. Асафьев, лежит сравнение тождественных и контрастных элементов формы: «...Комплекс тезис и антитезис ..... в своем раскрытии (интонировании) превращается из слуха в синтез вслед за их обнаружением. Новое (и, значит, более длительное) соотношение звучаний порождает новое сопоставление и новый синтез» [2]. Как это напоминает восприятие информации в современных моделях обработки

информации мозгом, хотя данная мысль и была высказана более 40 лет назад. При восприятии музыкальной информации путем ее деления на временные порции (музыкальные предложения) и их сравнения с эталонами музыкальных объектов (левое полушарие) происходит узнавание и отнесение их к определенным семантическим единицам, а также прогнозирование будущих временных порций. Отличие музыкальных порций от эталонных семантических единиц, если оно значительно, кодируется и передается в правое полушарие для нахождения нечто похожего, в предельном случае воспринимается интонационное отличие музыкальной порции от семантического эталона. При восприятии и накоплении информации формируется новый семантический эталон. При обобщении одноуровневых информационных порций происходит переход на новый, более высокий уровень смыслового обобщения. Это необходимо для «свертывания», сжатия информации, что приводит к уменьшению объема памяти для ее сохранения (в левом полушарии) и последующего повышения скорости обработки приходящей информации из-за повышения быстродействия и увеличения скорости ее нахождения в долговременной памяти. «В сложных структурированных стимулах (паттернах) мы пытаемся обнаружить упорядоченность, которая позволила бы нам выделить в них более крупные элементы (supersigns) и, таким образом, иметь дело с меньшим количеством информации» [3].

Переход на новый уровень иерархической обработки информации, новый уровень смыслового обобщения не может происходить без взаимодействия, слаженной работы левого и правого полушарий мозга.

Без иерархической системы обработки информации не может происходить интегрированная обработка разнородной информации, увеличения коммуникационных возможностей сложнейшей информационной системы – под названием человеческий мозг.

Это происходит на основе принципа укрупнения сигналов, увеличение пропускной способности каналов и увеличения скорости обработки информации, то есть происходит информационное ускорение саморазвивающейся системы головного мозга. По В. В. Медушевскому, «одномоментный образ вспыхивает с первых же тактов и в душе слушателя, руководит его восприятием: из несметных запасов памяти заблаговременно извлекаются музыкально-языковые и стилистические знания (эту готовность к действию – перцептивному в данном случае – психологи называют установкой; звучащее воссоединяется с отзвучавшим. Действие механизма свертывания распространяется и за пределы произведения: благодаря ему музыканты и слушатели хранят в себе образы целых стилей, жанров, музыкальных эпох!» [4].

Выявление местоположения мозговой активности при определенной деятельности осуществляется с помощью позитронно-эмиссионной томографии (ПЭТ). Установлено, что локализация активации в полушарии при прослушивании музыкальных произведений зависит от музыкальной грамотности слушателя [5]. Более образованные в музыкальном отношении испытуемые, использовавшие аналитическую стратегию и умеющие обнаруживать сходство и различие звуков в аккордах, по данным ПЭТ, показывают большее потребление глюкозы левым полушарием. У лиц, не имеющих музыкального образования, прослушивание музыки усиливало метаболическую активацию (по глюкозе), особенно в теменных и затылочно-височных областях правого полушария. Не музыканты склонны воспринимать мелодии «глобально», то есть в основном правым полушарием.

Таким образом, исследование музыкантов (по сравнению с любителями) указывает на более двустороннее представительство у них функций, важных для музыкальных способностей. Доминирование того или дру-

гого полушария зависит также от того, какому аспекту мелодии уделяется больше внимания. Так, хорошо знакомые мелодии могут кодироваться в виде целостного образа (гештальта), тогда как незнакомые мелодии требуют аналитического подхода. Музыканты-профессионалы, по-видимому, различаются между собой по степени использования способностей правого и левого полушарий, однако асимметрия в восприятии тонов, силы звука, аккордов, темпа и ритма у них, похоже, значительно меньше, чем у обычных людей. Накопленный у людей искусства творческий опыт усиливает структурно-функциональное сходство и взаимодействие их полушарий.

Отметим, что различие в работе полушарий заключается, прежде всего, не в их специализации, как долгое время пытались представить психологи, а в способе обработке информации. Как уже говорилось: левое полушарие – аналитическое занимается последовательной обработкой данных, правое – синтетическое параллельной. Поэтому есть два способа информационного ускорения с точки зрения работы мозга – это увеличение пропускной способности одноканальной узкополосной системы, конечно, в меру возможностей обработки данных левым полушарием. И второй – увеличение пропускной способности системы в целом за счет множественности параллельных каналов передачи информации, задействования широкополосных свойств данных каналов. В каждый момент времени в обществе существует преимущественное доминирование одного или другого способа обработки информации, как пишет В. Петров, «всегда желательно пользоваться неким общим стилем мышления вместо Вавилоновского смешения» [6].

Взаимодействие полушарий при восприятии музыки, развитие межполушарных связей по своей сути и есть мышление. «Мыслительные операции – сравнение, установление отношений, анализ и синтез, разложение на части и объединение в целое –

органично присутствуют в музыке, и вполне возможно, эти умственные навыки из музыки перешли в царство абстрактной мысли, перекидывая психологический мост между миром искусства и миром науки, между миром эмоционально-чувственного мышления и мышления абстрактно-логического» [7]. По своей сути слушание музыки с раннего возраста, обучение игре на музыкальных инструментах, воспитание музыкой есть «обустройство» человеческого мозга. Как напоминает человеческий мозг работу устройств с программируемой и перепрограммируемой логикой, когда мы имеем множество электронных ключей без сформированных связей. Задача обучения сформировать «архитектуру» мозгового процессора, запрограммировать механизмы обработки информации, сформировать их иерархичность. Необходимо развить механизмы обработки с точки зрения повышения их эффективности – уменьшения количества памяти для сохранения информации и повышения скорости доступа к ней. Д. Кирнарской проанализировано большое количество материалов психологических исследований, подтверждающих, что музыка реорганизует мозговые функции. Музыка весьма помогает формированию аналитических мыслительных навыков, поскольку она иерархична. Д. Кирнарская ука-

зывает на связь музыки и речи: их структура опирается на линейные последовательности элементов, организованные в соответствии с выработанными правилами. Она отмечает: «музыковеды довольно долго воспринимали выражения «музыкальный язык» и «музыкальная речь» метафорически, хотя близость музыки и речи, сходство их иерархической структуры и способов функционирования наталкивало на мысль о реальном и действительном, а не образно-аналоговом характере этой близости» [7].

Д. Кирнарская пишет: «человек, желающий сформировать свое мышление природным образом, желающий вернуться к психологическим истокам мышления и дать ему прорасти естественно, неизбежно должен обратиться к музыке. ... Мыслить в музыке и отталкиваться от музыки легче, чем без нее; научиться мыслить в звуках и затем перенести свое умение на другие сферы – это психологически органично, поскольку опирается на естественный ход эволюции» [7].

Таким образом, музыкальная деятельность, как исполнительская, так и слушательская, позволяет на основе развития музыкального мышления добиваться улучшения межполушарного взаимодействия, объединяя различные способы обработки информации и развивая творческие способности человека.

### Литература

1. Леви Д. Церебральная асимметрия и эстетическое переживание // Красота и мозг: биологические аспекты эстетики. – М.: Мир, 1995. – С. 227–250.
2. Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс. – М.: Музыка, 1971. – 376 с. – С. 127.
3. Красота и мозг. Биологические аспекты эстетики: пер. с англ. / под. ред. И. Ренчлера, Б. Херцбергер, Д. Эпстайна. – М.: Мир, 1995. – 335 с. – С. 32 = Frank H. *Über grundlegende Satze der Informationsasthetik. Grundlagen-studienaus Kybernetik und Geisteswissenschaft*, (1960). 1: 25–32.
4. Медушевский В. В. Двойственность музыкальной формы и восприятие музыки // Восприятие музыки. – М., 1980. – С. 185.
5. Грюссер П., Зепке А., Цинда Т. Функциональная асимметрия мозга и ее значение для искусства, эстетического восприятия и художественного творчества // Красота и мозг. – М., 1995. – Гл. 11. – С. 265–269.
6. Копчик В. А., Рыжов В. П., Петров В. М. Этюды по теории искусства. – М.: ОГИ, 2004. – 368 с. – С. 317.
7. Кирнарская Д. К. Музыкальные способности. – М.: Таланты – XXI век, 2004. – С. 497.

УДК 13+37.01

*И. В. Хлудеева***ВЛИЯНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НА РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ**

Построение человеком научной личностной картины мира, поиск путей реализации себя в жизни предполагает широкую образованность личности. Выбор аксиологического подхода в качестве методологической основы современной педагогики позволяет рассмотреть образование как социально-педагогический феномен, который находит свое отражение в основных его идеях: универсальность и фундаментальность гуманистических ценностей, единство целей и средств. Выстраивание учебного процесса с позиции ценностно-смыслового значения представляет системообразующую функцию в образовании, которая может служить задающим вектором развития личности учащихся.

**Ключевые слова:** ценность образования, личностное развитие.

*I. V. Khludeyeva***INFLUENCE OF VALUE ORIENTATIONS ON PERSONAL DEVELOPMENT**

The forming of the personal scientific world picture, searching for the ways of implementation of a person in life supposes wide education of this person. The choice of axiological approach as methodological framework of the modern pedagogy considers education as a social and pedagogical phenomenon, that is reflected in its basic ideas: universality and fundamentality of humanistic values, unity of purpose and its means. Building of the learning process from the position of value and semantic meaning represents the system-forming function in education, which can serve as setpoint vector of learner's personal development.

**Keywords:** education value, personal development.

Построение человеком научной личностной картины мира, определение им способов адаптации к быстро изменяющимся условиям среды, поиск путей реализации себя в жизни предполагает развитое теоретическое мышление и широкую образованность личности. В связи с этим на первое место выходит задача развития личности учащегося на основе его внутреннего потенциала и в соответствии с гуманистическими культурно-историческими традициями общества.

Существуют различные представления о природе развития. В настоящее время образование ориентируется на взгляды ученых, полагающих, что именно окружение учащегося направляет его развитие. С рассматриваемой точки зрения, личностная самоактуализация в жизни как образовательная ценность служит регулятивом для учета и решения про-

блемы реализации личностного потенциала и внутренних потребностей. Назначение образования состоит в обеспечении условий для свободного самоопределения каждого учащегося, для принятия им собственных ценностей в форме жизненных целей.

Источник развития изначально заложен во внутренней природе индивида в виде генетических программ, которые разворачиваются и наполняются социальным содержанием в результате воздействия двух факторов: биологического начала и социального воздействия, благодаря которому индивид усваивает определенную систему норм и ценностей, позволяющих функционировать в качестве члена общества.

Исследования Д. А. Леонтьева показывают, что классические механизмы развития личности определяются разнообразием мо-

тивационных отношений. Мотивация выполняет функцию критерия, который направляет, отбирает, побуждает, то есть организует активность в учебной ситуации. Особенность человека состоит в том, что он осознает, старается понять и отрефлексировать собственную деятельность, а значит, в определенной ситуации выбирает предметы, явления, имеющие для него ценность [1].

Ценность в первую очередь является тем, что дает идеальной (то есть реально еще не осуществленной) цели силу воздействия на способ и характер человеческой деятельности, побудительную силу. Нечто может признаваться целью деятельности только в том случае, если оно воспринимается как ценное, как способное удовлетворить ту или иную потребность или же сделать человеческую жизнь осмысленной, достойной. Если что-либо признано, выбрано целью, то тем самым оно признано ценным, обладающим или ценностью самоцели, или ценностью средства достижения какой-то другой цели, инструментальной ценностью. Это означает и то, что целевая детерминация человеческой деятельности – это ценностная детерминация. Цели могут воздействовать на человеческую деятельность не реально-казуально, но как идеальные ценности, реализацию которых человек считает своей насущной потребностью или долгом [2].

Сократ считал, что знание – благо, так как оно позволяет отличить реальное добро от мнимого. Тезис Сократа «Никто не ошибается добровольно» подчеркивает ценность знания, позволяющего отличить реальное добро от того, что таковым не является. Он отмечал, что действия преподавателя в процессе передачи ученику знаний должны быть продуманы с точки зрения социальной ценности и личного блага учащегося [3].

Ценность знания для личности рассматривалась в двух аспектах: внешнем – как

средство достижения личного успеха (софисты) и внутреннем – как средство самопознания и самосовершенствования (Сократ, Платон, Аристотель).

Говоря о ценности образования, Гегель подчеркивал, что образованный человек как существо духовное в большей степени способен управлять своими чувствами. Образование важно для развития внимания, представлений и мышления. Важным является признание Гегелем воспитания и образования не как результата формирования личности, а как процесса [4].

В. Ратке обосновал двойственную заинтересованность в образовании: индивида, которому образование необходимо, и государства, которое нуждается в образованных гражданах. Образованный индивид обладает целостным и гармоническим знанием, добытым в процессе непосредственной деятельности, а также путем обобщения, позволяющим благополучно существовать человеку в обществе [3].

Я. А. Коменский вслед за В. Ратке осуществил ценностные подходы к педагогическому знанию. Ценность образования чешский педагог видел в улучшении дел человеческих (образование для жизни), совершенствовании личности (образование для саморазвития) [3].

Швейцарский педагог И. Г. Песталоцци в своих работах отстаивал ценность развивающего обучения.

В условиях быстроразвивающегося индустриального общества ценность образования рассматривалась с точки зрения его практической пользы. Школа была в большей степени призвана осуществлять передачу суммы знаний, пренебрегая задачей развития ученика, формирования его познавательной активности. В то же время внимание педагогов, психологов (Д. Дьюи, У. Джемс и др.)

продолжали привлекать проблемы развития личности ребенка.

Появившиеся работы Д. Дьюи «Психология и педагогика мышления», «Искусство как опыт», Б. Рассела «Религия и наука», Б. Кроче «Философия как наука о духе», а позднее – работы Ж. Пиаже, Л. Кольберга и др. поколебали представление об универсальности исторически выработанных традиционных подходов к образованию.

Различное истолкование ценности в аксиологии реализуется в различных типах образовательных систем Запада.

1) Традиционно-консервативное направление, сохраняющее верность идее цементирующей роли школы, призванной вооружать детей знаниями, умениями, навыками, формировать поведение, основанное на морально-этических нормах.

2) Рационалистическое направление уделяет внимание наиболее эффективным способам усвоения учащимися различных видов знаний, а также проблемам адаптации школьников к существующим общественным условиям.

3) Феноменологическое направление (неогуманистическая стратегия обучения) акцентирует внимание на внутреннем мире личности ребенка в процессе его обучения. Представители этого направления отстаивают значимость обучения посредством деятельности, позволяющей ребенку самому формулировать цели, принимать решения, оценивать собственный субъективный опыт.

4) Методология гуманистического образования основывается на взглядах А. Маслоу, который считает, что сущность образования в том, чтобы помочь человеку обнаружить то, что в нем уже заложено, и создать благоприятные условия для самореализации личности.

5) Социал-реконструктивистское направление имеет различные ориентации: первая

делает акцент на поддержку индивидуальных нужд и запросов ребенка в стенах школы, на его «психологический рост» и на соответствующую адаптацию школьных программ; вторая во главу угла ставит вопросы свободы, творческого саморазвития и самовыражения ребенка (В. Я. Пилиповский).

6) Направление, которое ставит задачу формирования у ребенка ценностного отношения к самому себе, окружающим людям, процессу учения на протяжении всей жизни, культуре, собственной профессиональной деятельности, окружающей среде [3].

В контексте заявленной проблематики представляет интерес шестое направление, появившееся в рамках общегуманистических взглядов, в центре которых находится мысль об абсолютной ценности человека, о ценностном отношении личности к знаниям. Развитие личности – это прогрессирующее, опосредованное социальными общностями и их ценностями развитие ценностной сферы. Усвоение социальных ценностей и их трансформацию в личностные ценности необходимо рассматривать с нескольких позиций. Во-первых, как движение от ценностей социальных групп (социальное, внешнее) к личностным ценностям (социальное, внутреннее) – интериоризация. Во-вторых, как движение от структуры индивидуальной мотивации, основанной исключительно на потребностях (биологическое, внутреннее), к структуре, в которой главенствующую роль играют ценности (социальное, внутреннее) – социализация.

Вступая в систему образовательных отношений, учащийся оценивает ее с позиции собственных ценностных ориентаций. При этом он выясняет степень соответствия новых требований собственным взглядам, меру их схождения или расхождения. Совпадение ценностных ориентаций коллектива и входя-

щей в него личности является основой развития личности учащегося.

Зарубежная педагогика рассматривает образование как базовую ценность, определяющую последующий профессиональный и социальный успех личности. Аксиологический подход к образованию отражает значимость формирования ценностного сознания, отношения, поведения человека в противовес индивидуальным и общественным ценностям.

В российской философии находят отражение общие закономерности ценностного миропонимания. Распространение образования повлекло за собой развитие отечественной педагогической мысли. Большую роль в ее развитии сыграли Л. Ф. Магницкий («Арифметика, сиречь наука числительная»); В. Н. Татищев («Разговор о пользе наук и училищ»); М. В. Ломоносов, труды которого имели ярко выраженную практическую направленность: он рассматривал человеческий разум как ценность. Концепция отечественных философов была ориентирована именно на личность [5].

К. Э. Циолковский рассматривал образование как ценностную категорию. Ученый отстаивал необходимость отношений учителя и учеников, способствующих развитию у последних самостоятельности, творческого поиска, стремления к знанию. Поддержание этого стремления – главная задача образования.

Современная философия рассматривает исторический процесс развития общества как образовательный, а образование – как средство формирования личности. Постоянное взаимодействие, взаимопроникновение образовательных и общественных ценностей предъявляют все более высокие требования к педагогической теории.

В процессе исторического развития общества образовательная система претерпева-

ет изменения. На направление развития образования кроме других влияет и фактор смены ценностей в общественном сознании. По мнению Н. С. Розова, направление развития образования определяют новые общественные ценности [6].

Выделены следующие мировые тенденции образования: фундаментализация, ставящая основной задачей не полноту знаний в силу того, что они быстро устаревают, а формирование способностей воспринимать новые знания в течение всей жизни индивида; индивидуализация предполагает на основе обязательной фундаментальной подготовки развитие творческих способностей, адекватных различным профилям специализации. Причем учащийся сам выбирает индивидуальную направленность обучения; теоретизация вызвана тем, что при современной информатизации общества все больше будет цениться умение мыслить и принимать решения в условиях множества различных точек зрения (ведение дискуссий, преодоление конфликтов, достижение партнерского согласия). Функционализация вытекает из необходимости знания о мире не только для решения частных проблем в различных сферах деятельности, но и для поддержания развития общества как совокупности социальных систем; аксиологизация состоит в учете ценностных систем с установленными нормами.

Н. С. Розов назвал также шесть групп альтернативных ценностных представлений о назначении образования: с целью формирования утилитарных умений и навыков; для развития умений преодолевать жизненные препятствия; формирования моральных качеств индивида; личностного роста; эстетического развития; достижения личной автономии и счастья [6].

Как отмечают М. С. Бургин, Н. С. Кузнецов, внимание философов к проблеме ценности в настоящее время усилилось. Это

вызвано значимостью понятия ценности при анализе структуры человеческой деятельности, которая определяется ценностными ориентирами для постановки цели, определения программ действий, принятия решений, оценки окружающих предметов и явлений.

Выбор аксиологического подхода в качестве методологической основы современной педагогики позволяет рассмотреть образование как социально-педагогический феномен, который находит свое отражение в основных его идеях: универсальность и фундаментальность гуманистических ценностей, единство целей и средств, приоритет идеи свободы.

Исходя из аксиологических идей, можно выделить следующие культурно-гуманистические функции образования:

- развитие духовных сил, способностей и умений, позволяющих человеку преодолевать жизненные препятствия;
- формирование характера и моральной ответственности в ситуациях адаптации к социальной и природной сферам;
- обеспечение возможностей для личностного роста и осуществления самореализации;

- овладение средствами для достижения интеллектуально-нравственной свободы, личной автономии и счастья;

- создание условий для саморазвития творческой индивидуальности личности и раскрытия ее духовных потенций [7].

Образование внутренне закономерно, законосообразно, но закон, с которым соотнобразится образовательный процесс, не навязан ему извне, а продиктован самой целью образования. Образование – созидание посредством нового типа закономерности, определенная законосообразность, подразумевающая «свободную необходимость». Образование обязательно направлено на созидание таких ценностей, потребность в которых до этого не ощущалась; образование есть не только созидание знаний, но и созидание потребностей в ценности этих знаний.

Таким образом, выстраивание учебного процесса с позиции ценностно-смыслового значения представляет системообразующую функцию в образовании, которая может служить задающим вектором развития личности учащихся.

### Литература

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.
2. Чавчавадзе Н. З. Культура и ценности. – Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1984.
3. Сластенин В. А., Чижикова Г. И. Введение в педагогическую аксиологию: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2003. – 192 с.
4. Гегель Г. Т. Собр. соч. – Т. 4. – М., 1959.
5. Философия гуманитарного образования: Ценностные основания: сб. науч. тр. – М., 1993.
6. Розов Н. С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1998. – 292 с.
7. Блинов Л. В. Аксиологические аспекты постдипломного образования педагогов: монография. – М.: МПГУ, 2001. – 220 с.



## ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ ART STUDIES

УДК 781.6

*М. Г. Карнычев*

### ЗАДАЧА И ЕЕ РЕШЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ МУЗЫКЕ (К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ)

Статья посвящена проблемам канона и оригинальности в традиционной музыке в семантическом аспекте. Семантический канон выступает как задача, семантика канона – как результат ее решения. Задача не меняется, но результат решения – всегда разный.

Оригинальность представляет категорию решения задачи. Импровизация (единственно возможная форма жизнедеятельности канонического музыкального искусства) – наиболее естественная форма оригинальности.

**Ключевые слова:** традиционная музыка, устный профессионализм, канон, оригинальность, семантика, импровизация.

*M. G. Karpychev*

### THE TASK AND ITS SOLUTION IN TRADITIONAL MUSIC (TO PROBLEM OF LEARNING METHODOLOGY)

The article is devoted to the problems of canon and originality in traditional music (semantic aspect). Semantic canon represents a task; canon's semantics is a result of the task's solution. The task doesn't change, but a result is always new. Originality represents the category of the task's solution. Improvisation (the only form of the canonical music art's being) is the most natural form of originality.

**Keywords:** traditional music, oral professionalism, canon, originality, semantics, improvisation.

Методология изучения традиционной музыки непременно включает в себя оперирование двумя основополагающими, взаимосвязанными категориями: каноном и противоположной ему субстанцией. Их союз исследователи называют различными, но выражающими одну и ту же суть, определениями: типизированное и индивидуализированное (М. Арановский), нормативное и индивидуально-свободное (И. Еолян), неизменное и изменяемое (Г. Головинский), константное и мобильное (Л. Карагичева), стабильное и нестабильное (Т. Джани-заде), регламентированное и свободное (Н. Шахназарова). Мы полагаем целесообразным гово-

рить об этих явлениях как о каноне и оригинальности. Смысл заглавия настоящей статьи связан с этими категориями, он полностью раскроется в процессе изложения материала.

Еще раз подчеркнем, что любой серьезный исследователь, понимающий необходимость обобщения частных, «полевых» фактов, не может не использовать указанные категории (пусть и называя их по-своему) при анализе традиционной музыки (поэтому мы и говорим не только о ее изучении, но о методологии изучения). Строго говоря, любой тип творчества как такового, в частности музыкального творчества, композиторский, например, актуализируется и может

быть рассмотрен в фокусе союза канона и оригинальности, как надежного каркаса сведения частных в целостную картину. Однако наиболее остро эти вопросы стоят перед исследователями традиционной культуры, в частности традиционной музыки, которым зачастую приходится «доказывать» наличие в ней полнокровного оригинального статуса. Поэтому мы и начнем с общей характеристики того положения, к которому необходимо относиться критически. В завершение преамбулы отметим, что статья имеет предметом рассмотрения семантическую проблематику.

Итак, из самого общего (и поэтому прилизительного) взгляда на вопрос следует, что категории канон и оригинальность олицетворяют соответственно устно-традиционную и письменную музыкальную культуру. Культура традиционной музыки предстает как каноническая<sup>2</sup>, культура посттрадиционной письменной музыки – как оригинальная. Отличительной чертой последней является институт произведения, коего в принципиальном смысле лишена музыкальная культура устной традиции. Она являет статус безличности, коллективности, в то время как произведение бесспорно демонстрирует личностное, авторское, оригинальное начало. Канон соотносится с философской категорией объективного, оригинальность – субъективного.

Традиционная музыка, плод творчества некоего социума (включающего в себя наиболее музыкально одаренных его представителей), бесконечно подтверждает и утверждает свое семантическое «поле». Музыка письменной же традиции своим каждым новым опусом – произведением провозглашает открытие невиданных ранее семантических горизонтов. Как отмечает Т. Чередниченко, типичность музыкальных структур теряет признак «стандартности» и типичным стано-

вится разнообразное, опосредованное авторской фантазией [14, с. 215].

Таким образом, если в традиционном музыкальном искусстве с его, по словам А. Сайгуна, незыблемым существующим порядком и боязнью «необычного» [11, с. 330], музыкальным содержанием «управляет» семантический канон, то содержание музыки письменной традиции семантически оригинально. Рассмотрение семантического среза проблемы «канон и оригинальность», «снятой» в таком общем, если можно так сказать, беспроблемном виде, диктует неоспоримый вывод относительно аксиологии семантических параметров: семантика письменного музыкального творчества несравнимо более активна по сравнению с семантикой устного; динамика развития семантической функции музыки в историческом движении от устного творчества к письменному выдвигает ее на первый план в музыкальном искусстве письменной традиции.

Однако истинное положение вещей не столь однозначно. Чрезвычайно важно подчеркнуть следующий краеугольный тезис: содержание, которое мы вкладываем в понятие «семантика канона», не адекватно содержанию понятия «семантический канон». Иначе говоря, сущность семантики канонического, традиционного искусства не эквивалентна феномену семантического канона как своду в известном смысле незыблемых предписаний музыкально-содержательного свойства. Если бы эти понятия были синонимичны, то традиционное искусство представляло бы из себя мертвую схему и давно прекратило бы свое существование, исчерпав себя. Но оно живет и развивается на протяжении многих веков, не теряя свежести и первоначальной прелести<sup>3</sup>. Именно об этой «загадочной» особенности традиционно-канонического искусства

<sup>2</sup> «Понятия “каноническое” и “традиционное”, обозначающие один и тот же тип творчества, синонимичны», – пишет Ю. Плахов [10, с. 14].

<sup>3</sup> «На практике азербайджанские мугамы, так же как и другие формы искусства “макамат”, оказываются намного богаче, чем канон жанра» [5, с. 21–22].

писал Ю. Лотман, отмечая парадоксальность информативного потенциала канона [9]. Суть этой парадоксальности состоит в том, что в бесписьменной традиции каноническое, повторяемое преподносится в неповторимом виде<sup>4</sup>. Добавим к этому, что в письменной традиции существует прямо противоположное положение – неповторимое бесконечно повторяется буквально в исполнительских актах.

На наш взгляд, для правильного понимания соотношения понятий «семантический канон» и «семантика канона» справедливо применить следующую аналогию. Семантический канон выступает как задача, семантика канона – как результат ее решения. При этом задача в принципиальном смысле не меняется, но результат ее решения – всегда разный.

Разгадка этого парадокса канонического искусства видится в том, что понятие «семантика канона» включает в себя феномен «семантического канона», но не исчерпывается им. Семантика канона как искусства с необходимостью включает в себя и фактор оригинальности. Фактор оригинальности представляет категорию решения задачи.

Семантический канон как априори заданное требование пребывания в установленной данным жанровым явлением эмоционально-идейной сфере конкретно, «здесь и сейчас» осуществляется в оригинальной семантической модификации. Если, с точки зре-

ния формы, структурный канон претворяется в жизнь в русле интонационно-структурной импровизации<sup>5</sup>, то семантический канон осуществляется через стихию импровизации семантической. Импровизация в широком смысле слова – единственно возможная форма осуществления и жизнедеятельности канонического музыкального искусства, в котором музыкант разрабатывает исходную схему от себя, наращивая и окружая заданный каркас «внезапной, непредвиденной» (*improvvisus* (лат.) – **внезапный, непредвиденный**) версией построения музыкального целого.

Импровизация, формирующая данную семантическую «вариацию» семантического канона, выступает как начальная, наиболее естественная форма оригинальности в музыкальном каноническом искусстве. Никак иначе, кроме как в форме семантических вариаций на «самого себя», на семантический канон, последний существовать не может. Поэтому мы и говорим о начальной, наиболее естественной форме проявления оригинальности в каноне.

Каковы же иные формы проявления оригинального в каноническом музыкальном искусстве? Как известно, музыкальное искусство устной традиции, хотя и менее мобильно по сравнению с музыкой письменной традиции, ни в коей мере не является искусством статичным. Оно прошло минимум две важнейшие стадии в истории своего развития – фазу фольклора и профессионализма устной

<sup>4</sup> Аналогичное явление характерно и для классической поэзии Востока. Б. Шидфар пишет об арабской касыде: «Можно говорить об “эстетике привычного” – эстетическое чувство слушателя удовлетворяется только привычными ему формами и сюжетами, он ждет от поэта не нового сюжета, который будет восприниматься как нечто необычное, чуждое, неинтересное, а как можно более мастерских и изобретательных вариаций на тему уже известного и привычного ему сюжета» [15, 12].

<sup>5</sup> Выдающийся азербайджанский композитор, автор «Симфонических мугамов» Ф. Амиров свидетельствует: «На Востоке даже простенький фольклорный напев или наигрыш обязательно варьируется исполнителем, приобретая каждый раз новые индивидуальные оттенки. Любой мальш привносит в исполняемый напев свой нюанс, интонацию, мелизм. Он делает это не осознанно, а в подражание старшим» [2, с. 57–58]. Справедливости ради отметим, что это свойственно не только фольклору Востока.

традиции. Семантическая функция музыки в этих формах проявляет себя с различной степенью активности. Где она рельефнее?

Разумеется, в профессионализме устной традиции, так как в фольклоре музыка существует в синкретическом единстве с бытовой ситуацией музицирования, и в этом случае семантическая функция собственно музыки еще не вполне самостоятельна. Вторая причина исходит из первой и заключается в значительном росте репрезентативности авторского<sup>6</sup>, личностного начала, в самом факте появления музыкантов-профессионалов, отделившихся от слушательского блока<sup>7</sup>. Именно в соответствии с этим обстоятельством оригинальность в своем абсолюте свойственна музыке письменной традиции, произведению.

В профессиональной музыке устной традиции импровизационность, как некоторый исходный пункт оригинальности, без которого осуществление канонической формы попросту невозможно, может возвышаться, переплавляться в категорию нового – в том случае, когда силой выдающейся творческой индивидуальности вносятся максимально возможные коррективы в «сущностные параметры» (Н. Шахназарова) семантики канона.

Новое в каноне – это наиболее высокий уровень оригинально-канонического мышления. Новое, как подчеркивает Т. Джани-заде,

<sup>6</sup> С. Галицкая особо подчеркивает, что личное авторство как таковое отнюдь не чуждо системе профессиональной монодии [4, с. 51].

<sup>7</sup> Здесь уместно указать на принципиальный механизм дифференциации функций в триаде «композитор (К) – исполнитель (И) – слушатель (С)». Для фольклора свойственно соединение в одном лице всех функций: КИС. В профессиональной музыке устной традиции слушатель отделяется от триады, а единство творца и исполнителя сохраняется: КИ – С. В письменной традиции в процессе развития композиторского творчества автономная функциональность обретается и исполнителем: К – И – С.

в художественной системе искусства «макамат» связывается с представлениями о преобразовании самой жанровой модели, при условии, однако, что эта трансформация осуществляется в пространстве, строго заданном самой моделью, когда новое предстает уже как фактор необходимости, традиционности [6, с. 124]. Здесь, безусловно, существует неписанный, но чутко ощущаемый истинными профессионалами и знатоками-слушателями порог обновления, за которым – ломка канонического жанра.

Преобразования жанровой модели демонстрируют новую (относительно, разумеется) семантическую установку художника-музыканта и в итоге новый семантический результат. Этим результатом будет не просто оригинальный семантический вариант семантического канона (иным он и быть не может), коррелирующий с явлением оригинальности на уровне импровизации, но новая интерпретаторская семантическая трактовка<sup>8</sup> исходной задачи содержания, то есть новое наклонение предписанного эмоционально-идейного модуса.

Деятельность выдающихся профессионалов, творящих в условиях устно-музыкальной традиционности и обладающих талантом и мастерством создания собственной трактовки, определенным образом преломляла сущность семантики канонического искусства. Результат творчества мастеров «шитья по канве» семантического канона, однако, ни в коей мере не может характеризоваться жестким понятием «изменение». Гораздо более приемлемы такие определения, как «видоизменение», «трансформация». Изменения, смены задачи выражения предписанного тем или иным жанровым феноменом эмоционального настроения в принципиаль-

<sup>8</sup> Соколова-Делюсина пишет о классической японской поэзии: «Индивидуальность проявлялась в тончайших нюансах и поворотах трактовки канона» [12, с. 139].

ном смысле не происходило, но шел процесс разработки вариантов решения этой задачи. Задача не изменялась как данность, она только усложнялась, модифицировалась. Разработка поставленной проблемы задачи никак не могла выйти за ее пределы<sup>9</sup>, но могла идти и шла вглубь нее. Данная семантическая задача не допускала произвола в выборе эмоциональных сфер выражения, но требовала открытия новых семантических граней в заданном эмоциональном «коридоре». Семантическое развитие в каноническом искусстве профессионального типа коррелирует с развитием в структурно-формообразующем плане: первичный интонационно-тематический тезис развивается с огромной степенью интенсивности, но никогда не приводит к рождению нового интонационно-тематического ядра (появление теснифа или рянга после какой-либо импровизационной части, например, азербайджанского мугама, разумеется, не имеет никакого отношения к рождению нового тематизма).

Претерпевала ли некие видоизменения сама задача, то есть незыблем ли семантический канон? По мнению И. Еолян, например, жесткая привязанность к определенной образно-эмоциональной сфере (что мы и понимаем как задачу) со временем ослабевает [7, с. 155–156]. Наша позиция по этому вопросу состоит в следующем.

<sup>9</sup> Используя терминологию М. Арановского, можно сказать, что обновление в мугаме существует только в рамках канона, и у нас нет оснований говорить о поисках альтернативы [1, с. 40, 81] ему. Примечательно, как Х. Х. Тоума характеризует искусство иракского музыканта Моунира Башира: «Мастерская техника и высокая виртуозность Башира придают его таксимам черты оригинальности и обязывают нас считать их не столько традиционно арабскими, сколько индивидуально авторскими. В них совершается дальнейшее развитие «традиционного», но без нарушения подлинности традиции» [13, с. 301].

Изменение задачи (семантического канона) проявляется главным образом не в ослаблении жесткого требования<sup>10</sup> выражения той или иной эмоциональной сферы, а в изменении самой этой сферы, то есть эмоционального модуса. Жанровый канон на Востоке и его семантический «клик» существовали в условиях хотя и традиционного, менее мобильного, менее динамичного по сравнению с Западом, но тем не менее развивающегося общества. Окружающая действительность не могла не вносить коррективы даже в такие архистабильные явления, как жанровый и семантический каноны. Семантический канон на Востоке испытывал на себе в принципе то же влияние, какое в Европе испытывал на себе композитор, находящийся под влиянием реалий окружающего мира. Психологическое содержание печали, страсти, любви и т. д. в тех или иных своих чертах не могло не различаться в различных «контекстах духовной культуры» [8, с. 46]. В трудновыразимой словами мере и нюансах менялось понимание самой категории прекрасного, менялись сами «образы чувств», эмоций, интеллектуальных параметров – вследствие развития самого человека и среды, его окружающей.

Соответственно менялось и семантическое содержание канона как выразителя эмоционального состояния. Но сама задача соответствия данного семантического канона конкретному, данному и никакому иному эмоциональному наполнению, то есть

<sup>10</sup> Сами музыканты ни в коей мере не ощущают это как жесткое «требование». Данный семантический образ мыслится ими как единственно существующий и совершенно естественный. Им и в голову не придет пытаться каким-либо «новаторским» образом изменить, например, в данном макаме его семантику. Если же им это предложат, они сочтут подобную просьбу дикой и никогда и ни при каких обстоятельствах невозможной, «неправильной».

именно «привязанность» определенного семантического канона определенному образному модусу сохранялась. Она могла отличаться друг от друга в различных географических регионах, но утвержденная традициями данного ареала, она в своей сущности не менялась.

Таким образом, видоизменение результата (семантики канона) связано не только с различными вариантами решения (той или иной меры оригинальности в контакте с задачей – семантическим канонем), но и астатичностью самой задачи. Семантика канонического искусства в XXI в. отличается от подобной в XVI-ом как иным подходом музыкантов к каноническим моделям, так и мироощущением человека, характером чувств и их «воспитанием», то есть содержанием, которое несло с собой время, эпоха. «Оживление» схемы, как указывает Т. Вызго, возникало тогда, когда творчество гения раздвигало ее заданные границы, вносило

свое, новое, отражавшее новый этап жизни общества (разрядка наша. – М. К.) [3, с. 195]. Эту же мысль о трансформации монодической культуры вместе с развитием социумов, о неторопливом, но непрерывном развитии ее вместе со своим временем мы встречаем у А. Юсфина [16, с. 100].

Итак, традиционное музыкальное искусство характеризуется истинно диалектическими взаимоотношениями канона и оригинальности. В принципе они представлены как «слой доавторской нормы и слой авторской фантазии» [14, с. 218]. Говоря об их диалектических взаимоотношениях, мы подразумеваем абсолютную невозможность существования одного без другого, их диффузное взаимопроникновение. Один диалектический полюс с властной, непреодолимой требовательностью обуславливает наличие другого: задача требует своего решения; решение же как вторичная категория есть следствие постановки задачи.

### Литература

1. Арановский М. Симфонические искания. – Л., 1979.
2. Виноградов В. Фикрет Амиров (размышления и диалоги) // Музыка народов Азии и Африки. – М., 1984. – Вып. 4.
3. Вызго Т. Об одном эстетическом принципе средневекового Востока // Профессиональная музыка устной традиции народов Ближнего, Среднего Востока и современность. – Ташкент, 1981.
4. Галицкая С. Профессиональная монодия в свете современной концепции музыкального произведения // Музыкальное произведение: сущность, аспекты анализа. – Киев, 1988.
5. Джани-заде Т. Азербайджанские мугамы. Проблема музыкального мышления в искусстве «макамат»: автореф. канд. дис. – М., 1984.
6. Джани-заде Т. Личность и канон в азербайджанских мугамах // Музыка народов Азии и Африки. – М., 1987.
7. Еолян И. Традиционная музыка Арабского Востока. – М., 1990.
8. Закс Л. Музыка в контекстах духовной культуры // Критика и музыковедение. – Л., 1987. – Вып. 3.
9. Лотман Ю. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. – М., 1973.
10. Плахов Ю. Художественный канон в системе профессиональной восточной монодии. – Ташкент, 1988.
11. Сайгун А. Основные принципы выразительности в музыке Среднего Востока // Музыка народов Азии и Африки. – М., 1973. – Вып. 2.
12. Соколова-Делюсина Т. От переводчика. Вступительная статья к публикации фрагментов литературного наследия Иссы // Иностранная литература. – 1992. – № 5–6.

13. Тума (Тоума) Х. Х. Введение в арабскую музыку // Музыка народов Азии и Африки. – М., 1984. – Вып. 4.
14. Чердниченко Т. Современная марксистско-ленинская эстетика музыкального искусства. – М., 1988.
15. Шидфар Б. Образная система арабской классической литературы (VI–XII вв.). – М., 1974.
16. Юсфин А. Логика мелодического мышления в условиях нестабильного текста // Традиции музыкальных культур народов Ближнего, Среднего Востока и современность. – М., 1987.

УДК 783

*О. А. Светлова*

### ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ЖИТИИ И КАНОНЕ СВЯТИТЕЛЮ ПАВЛУ КОЛОМЕНСКОМУ

В статье рассматриваются историко-героические мотивы в житии и каноне святому Русской православной старообрядческой церкви, епископу Павлу Коломенскому. Тексты новосоставленной службы и жития отражают исторические события раскола русской церкви в XVII в. В центре агиографического богослужения – образ мученика, защитника и исповедника истинной веры, от священного подвига которого зависела судьба гонимой Церкви.

**Ключевые слова:** раскол русской церкви, старообрядчество, Павел Коломенский, святой, житие, богослужение, канон, историко-героические мотивы.

*O. A. Svetlova*

### THE HISTORIC AND HEROIC MOTIVES IN THE LIFE AND CHURCH CANON TO ST. PAUL, KOLOMNA BISHOP

This article is devoted to historic and heroic motives in the life and church canon to St. Paul, Kolomna Bishop of the Russian Orthodox Old Believers' Church. The texts of the new written service and life reflect the history of the Division of the Russian Church in the XVIIth century. The center of hagiographic service is the image of the martyr, defender and confessor of the true religion. The fate of the persecuted Church depended on holy deed of the saint.

**Keywords:** Division of the Russian Church, Old Believers, St. Paul Kolomna, saint, life, church service, canon, historic and heroic motives.

Древнерусской православной культуре свойственно особое отражение времени. Оно неразрывно связано с аспектом «вечности», главным воплощением которой является Священная история. В Ветхозаветных и Новозаветных событиях обнаруживается вневременной непреходящий смысл, тем самым стираются грани между прошлым и настоящим: все действует в одновременном историческом пространстве. Средневековый историзм объединяет представления

о движении-развитии исторических событий и их неизменной вечной сущности. В таком специфическом понимании происходит своего рода перевод длящегося времени в пространство: «Пространство – своеобразное восприятие вечности. Время закреплялось в пространственных формах. Подвижное становилось неподвижным» [8, с. 56].

Понимание мира как исторического пространства соединено со средневековым антропоцентристским видением человека

в этом мире. Личность, включенная в контекст Священной истории, становится, с одной стороны, выражением ее событийной динамичности, а с другой – подтверждением вечной вневременной сущности. Этот принцип объединения истории и ее «героя» характерен для всех взаимосвязанных между собой агиографических жанров, в качестве центрального объекта которых выступает святой – этический и эстетический идеал средневековой культуры. Открытие в эпоху Средневековья эмоционально-нравственной стороны личности человека связано с появлением историчности сознания. Поэтому изображение идеального человека в историческом пространстве базировалось на реально присущих ему чертах и реальных фактах его биографии. Как отмечал Д. С. Лихачев, средневековой культуре чужд вымысел. Следовательно, идеализация была связана в большей степени с реально-историческим, а не отстраненным пониманием действительности [10]. Святой как реальный человек, находившийся в действительном историческом прошлом, в то же время выступает как идеальная личность, несущая в себе Божественное начало, а его жизненное поведение служит образцом для подражания. Находящийся между земным и Божественным, святой становится частью Священной истории, что в «свернутом» символическом виде и отражают агиографические жанры каждого из видов искусств.

События Священной истории символически воспроизводятся в богослужении. Всенощная представляет собой преимущественно историческую часть, отражающую Ветхозаветные и Новозаветные времена. История человечества от сотворения мира до пришествия Спасителя репрезентируется в вечерне, Евангельские события – в утрени. Сюжетно-смысловое развитие Всенощной представляет собой историю Спасения мира Богочеловеком. В специально составленной

службе образ святого не является отдельным объектом поклонения, а «погружается» в общий священно-исторический контекст. Праздничные гимнографические тексты – песни канона, тропарь, кондак, икос, стихиры, седален, светилен, причастен, величание, отпуст, анфиладно «встраиваются» в общую структуру рядового или воскресного богослужения и получают агиографическую направленность. В первую очередь составляется канон святому, который в сюжетно-смысловом и функциональном отношении аналогичен житию.

Житие (сказание, повесть о святом) представляет собой самостоятельное произведение, в котором, согласно В. О. Ключевскому, функционируют два основных элемента – собственно литературный и исторический [6]. Так же, как богослужебный канон композиционно составляет раздел утрени, так и житие является частью более крупных жанров, рисующих общую историческую панораму, например, Киево-Печерского патерика или Степенной книги – «путеводителю» по истории Руси [3]. В свое время Д. С. Лихачевым была выдвинута концепция о возникновении жанра летописи именно на основе сборника житий первых русских святых [9]. Таким образом, восприятие Божественного образа святого становится неразрывно связанным с обозрением и реально-исторического контекста летописи, и Священно-исторического пространства богослужения. Человек находится в окружении событий, тем самым ощущает свою значимость в этом историческом процессе.

Разработанная Д. С. Лихачевым идея о реально-историческом плане древнерусской литературы закономерно находит отражение во многих современных исследованиях старообрядческих памятников, например, диссертациях О. Н. Бахтиной [1], Е. М. Юхименко [11]. Это обусловлено тем, что в настоящее время старообрядчество является

единственной средой, сохранившей тип средневековой культуры с ее религиозным каноническим и зависимым от него бытовым укладом, иерархичным совокупным порядком бытия, спецификой исторического сознания. Современное старообрядчество представляется уникальным феноменом, канонической культурной системой, прямым наследником традиций Древней Руси, находящимся при этом в непрерывном процессе развития, благодаря своим имманентным законам. История русской старообрядческой церкви как неотъемлемая часть общероссийской истории, насчитывает вот уже более трехсот лет. Судьбы и деяния ее подвижников запечатлены в литературных памятниках – «Ответах» и «Посланиях», повестях и сказаниях, житиях и жизнеописаниях, в гимнографии, иконописи. Даже в условиях гонений и невозможности официального причисления к лику святых, с первых трагических лет после церковной реформы началось народное почитание защитников истинной веры. Уже в 70-х годах XVII в. тайно велись служения в их память, появились первые тексты старообрядческих житий – автоагиографическое произведение протопопа Аввакума (1672–1676), Повесть о боярыне Морозовой (между 1675 и 1677 гг.), составлялись каноны и житийные рассказы о других новых страдальцах.

Первым мучеником «за предание святоотеческое и древнее благочестие церковное» стал епископ Павел Коломенский (память 3 апреля ст. ст.) – единственный из иерархов Русской православной церкви, принявший во время раскола сторону старообрядцев, равновелико почитающийся и в поповском, и в беспоповском старообрядчестве. О нем писали протопоп Аввакум и диакон Феодор, имя епископа упоминается в житиях других старообрядческих святых, описание жизни и мученического подвига содержится в знаменитом памятнике первой половины XVIII в. «Виноград Российский» Семе-

на Денисова, сохранилось также «Сказание о страдании и скончании священномученика Павла, епископа Коломенского». Но только после дарования староверам свободы в 1905 г. началось активное изучение исторических и агиографических материалов о знаменитых русских подвижниках XVII в. В 1905 г. были опубликованы Сказания о Павле Коломенском [4], в 1911 г. в журнале «Церковь» помещена служба святителю. По свидетельству старообрядцев, примерно в те же годы была машинописным способом напечатана тетрадь, содержащая многие службы и жития святых, пострадавших за правое верие в XVII в., в том числе и епископа Павла, а творцом (или собирателем) этой тетради считается старообрядческий духовный писатель и апологет, преосвященный Иннокентий (Усов), епископ Нижегородский и Костромской, впоследствии митрополит Белокриницкий (1879–1944). В 1913 г. постановлением нижегородско-костромского епархиального съезда старообрядцев Белокриницкой иерархии было положено поминать епископа Павла в молитвах как священномученика. Почти через сто лет, к 350-летию епископской хиротонии (1652–2002), старообрядческим историком Дмитрием Александровичем Урушевым подготовлено «Сказание о житии и страдании святого священномученика и исповедника Павла, епископа Коломенского» (встречается сокращенное название «Житие»), составленное на основании всех вышеизложенных источников, с уточнением целого ряда биографических фактов. Данное житие и канон святителю стали основным объектом исследования<sup>11</sup> [5].

Житие святителя Павла содержит массу дат и подробных сведений, выстроенных, в целом, согласно линейной логике пове-

<sup>11</sup> Вопрос о соотношении службы и жития святителю Павлу Коломенскому был впервые поставлен известным исследователем старообрядческой культуры Н. Г. Денисовым [2].

ствования, за исключением раздела о чудесном явлении святого еще при его жизни<sup>12</sup>. Воплощение исторического содержания в богослужебном каноне существенно отличается от жития отсутствием хронологии. В текстах кратких песнопений и молитвословий не допускается упоминание дат и историко-географических описаний, в том числе информации «о зачале жития» святого. Здесь, на первый взгляд, все исторически «абстрагировано», но эта универсальная абстрагированность позволяет сосредоточиться на самых важных, судьбоносных эпизодах русской истории, благодаря возникающим между песнями канона и житием текстовым параллелям. Взаимодополняя друг друга, эти тексты в совокупности формируют историко-политический, культурный, духовный контекст Руси XVII в.

Агиограф излагает: «Родился святой Павел в Нижегородском краю во дни царя и великого князя Бориса Феодоровича Годунова, при святейшем Иове, первом патриархе Московском и всея Руси». Несмотря на то, что «более точное время и место рождения будущего святителя неведомы нам», грамотный читатель погружается в исторические реалии предсмертной Руси. Важно смысловое акцентирование на *первом* русском патриархе, по сравнению с которым Никон станет последним патриархом, завершившим огромный исторический период существования единой русской церкви, Павел же – первым мучеником старообрядческой церкви.

<sup>12</sup> Сказание о житии епископа Павла включает традиционные для агиографического жанра разделы: вступление; «О зачале жития его» – от рождения до возведения на кафедру патриарха Никона 25 июля 1652 г.; «О святительствеблаженного Павла» – период егоепископства на коломенской и каширской кафедре; «О исповедничестве и мученичестве святого Павла» – события с 1653 по 1656 гг.; «О кончине святого» – апрель 1656 г.; «О явлении святого» в 1654 г.; заключение.

Попытка уточнения даты рождения в тексте усиливает значительность происходящих событий: здесь же даются годы рождения двух будущих вершителей русской истории – священномученика и исповедника Аввакума (1620) и патриарха Никона (1605). Так через эти знаковые образы экспонируются две основные линии исторического развития русского православия в его самый трагический период. Данное противопоставление становится ведущим идейным мотивом, конфликтным мотивом, «обрастаемым» множеством дополнительной информации, исторических параллелей, смысловых подтекстов.

«Линия» Павла связывает между собой судьбы отдельных героев – защитников древлеправославной веры. Перед читателем жития проходит целый ряд деятелей церковной истории времен раскола, одни из которых лишь упоминаются, описанию других посвящены абзацы. Так мы знакомимся с иереем Иоанном Нероновым – строгим ревнителем благочестия церковного, будущим настоятелем Московского Казанского собора и другом епископа Павла, иноком Авраамием – возобновителем Макарьево-Желтоводского Троицкого монастыря, игуменом Иларионом, ставшим затем архиепископом рязанским, архиепископом Тобольским и Сибирским Симеоном, св. владыкой Рафаилом Коломенским, членами Кружка ревнителей благочестия – протопопами Аввакумом, Стефаном Вонифатьевым, Даниилом Костромским, с «двенадцатью мужами духовными», выдвинутыми в 1652 г. для избрания на святительский престол, и многими другими.

В великолепные, с множеством эпитетов описания географических мест, древних церквей и монастырей, сосредоточенные в первой половине жития, «вплетаются» знаковые в агиобиографии св. Павла даты. 1636 г. – назначение инока «на ответственную службу казначейскую» в «славной обители на Желтых водах», рукоположение в иереи,

1651 г. – возведение «на почетную должность игумена знаменитого Пафнутьево-Боровского монастыря». 17 октября 1652 г. св. Павел был рукоположен в епископы в епархию Коломенскую, считавшуюся «одной из старейших и славнейших в России», поэтому в житии целые страницы отведены на обрисовку коломенского кремля, взятую из книги греческого путешественника, архидиакона Павла Алеппского, посетившего Россию в 1654–56 гг. Такое переключение внимания читателя с жизнеописания святого на зримую, ярко рисуемую в воображении архитектурно-ландшафтную картину неслучайно. Знающий историю старообрядчества понимает, что величественный коломенский собор уже в конце XVII в. будет разобран, а «соратники» епископа Павла («триста стрельцов», «священники, дьяконы, монахи, чтецы», «более ста человек») погибнут в последующие годы. Здесь житие внезапно модулирует в иную образно-смысловую плоскость: «И такое *богатство, благолепие* кафедрального собора, *благоустроенность* архиерейским хором, *многолюдство* челяди и свиты, *сокровища* епископской ризницы, весь *почет* и *слава* мира суетного не прельстили святого Павла, пожелавшего лучше *мученически погибнуть*, чем пожить, хотя и в роскоши, но в несогласии с новолюбцами и в несогласии с совестью своею!» Этот раздел можно считать переломным, поскольку агиограф довольно четко подводит черту в описании всего древнерусского благолепия и переключает нас на трагические события раскольных лет, когда практически в одиночасие (относительно единого исторического пространства) была разрушена вся духовная и культурная система многовековых традиций.

С данного момента в житии начинается вторая линия – «антигероя» Никона, для которой автор избирает иные литературно-художественные приемы. Сообразно исторической правдивости и ка-

нону житийного повествования, в первой половине всей композиции текста автор ни разу не использовал обвинительные характеристики. Линия Никона формируется постепенно, поначалу ограничивается лишь мелкими, но весьма значимыми деталями. При первом появлении имени Никона ярко контрастируют горько-ироничные фразы «у *бедного крестьянина-мордвина* Мины родился сын Никита, будущий “*великий государь*”». Сложно торжественным оттенком выписано возведение Никона на кафедру. На приближение роковых событий раскола настороженно намекает Смутное время, упоминавшееся дважды в начале жития. В описании древнего Желтоводинского монастыря дается краткая историко-географическая справка о том, что обитель находится в месте, где впадает в Волгу река *Керженец*, в 1439 г. она была *уничтожена татарами*, что явно приводит к мысленной аналогии о будущем уничтожении керженских поселений, старообрядческих монастырей.

Постепенное идейное «разведение» в житии двух линий – Павла и Никона – с прямым их столкновением отражает реальную историю противостояния защитников «святоотеческой старины» и «никоновых новин» с трагическими последствиями для всей России. Во второй части жития автор приводит минимум точных дат: 1653 г. – начало реформ, 1654 г. – Собор, отменяющий «русские церковные чины, несогласные с тогдашними греческими» и ссылка св. Павла в палеостровский монастырь, 1656 г. – тайный перевод святителя в новгородский Хутынский монастырь, 7164 г. от сотворения мира (1656) – его «мученическая кончина». Теперь реальное время (трехлетний период) при переводе в художественный хронотоп замедляется, приостанавливается, историческое пространство расширяется (в связи с упоминанием времен *от сотворения мира*), текст концентрируется на

деяниях, поступках, мыслях святого с подробнейшим изложением конкретной обстановки, действий, цитированием высказываний и диалогов.

По сравнению с житием, в богослужебном каноне выпущены все упомянутые даты, красочные описания, имена сподвижников св. Павла. Здесь все сосредоточено только на самом расколе и его последствиях, что соответствует второй половине текста жития. Епископ Павел предстает читателю и прихожанину согласно «законам поведения того разряда героев, к которому он (герой) принадлежит» [7, с. 18], в соответствии с чем формулируются историко-героические агиографические мотивы. Один из наиболее важных для старообрядчества мотив исповедничества, строгого и ревностного «держания» св. Павлом веры подчеркивается в тексте об историческом выходе указа («памяти») Никона: в житии – «Святитель, препоясав ум крепостью своею и поострив сердце свое мужеством, исполнился Святого Духа и восхотел исповедать Христа и отеческое Православие», в третьей песне канона – «благими нравы светяся, исполнился еси премудрости и силы духовныя».

На Соборе 1654 г. епископ «с дивным дерзновением вступился за древнее церковное благочестие», «отважился встать и произнести речь» (ее фрагмент приведен в житии), «выражать собственное суждение, несогласное с мнением патриарха», и при этом приводил «в защиту своего мнения веские доводы». Мысль о *дивном дерзновении*, присутствующая в житии, намеренно акцентируется уже в самой первой песне канона – «дерзнул еси обличити коварства отступник» и далее дублируется «на расстоянии» во втором стихе песни 5 с конкретизацией «яко на собори един дерзнул еси обличити злокозненное умышление, не страшая мук и смерти» и в первом стихе песни 7 «дерзновенно сопротивляющагося искижению предании апостольских». Муже-

ственное противостояние св. Павла очерчивается лаконичными точными штрихами: «обличивыи прелесть» (тропарь), «явил еси необоримое ограждение Церкви» (песнь 3, стих 1).

Другой мотив жития раскрывает епископа как «пастыря доброго», «с радостью и любовью» принимавшего приходящих паломников, к которому «стекалось множество христиан, как мирян, так и священников, желающих получить от исповедника благословение архипастырское, совет или слово утешительное». В каноне Павел назван «великим заступником и утешителем» (седален), который «Единство Троицы проповедал еси, ей же служаше верою и любовию» (песнь 4, стих 1), и «положил еси душу свою за овцы своя» (песнь 6, на Слава). Мотив проповедничества святого тесно связан с мотивом великого подвига юродства, который взял на себя епископ Павел специально для возможности «проповедовать верность древнему Православию и призывать людей к крепкому стоянию за веру старую, прикрываясь “буйством проповеди”», но он фигурирует лишь в житии и опущен в каноне.

В житийном сказании обнаруживаются другие сюжетно-смысловые мотивы, отсутствующие в каноне – чудесных явлений святого, Кары Господней. Это говорит о том, что для богослужебного жанра важна концентрация иных мотивов, прежде всего, – мученического. Подобно житиям о первых мучениках христианской церкви и древнерусской церкви, старообрядческие авторы в своих агиографических текстах значительное внимание уделяют сведениям о мучениях и страданиях святых. Мученический мотив является доминирующим, сквозным и в каноне, и в житии, маркирующим священномученический тип текстов (во вступлении Сказания и запеве канона), представляющим епископа Павла как «начальника славного *страдальческого* воинства и *страстотерпческого* полка»

(вступление), «скончавыися, яко мученик и исповедник» (песнь 9 канона). Житие последовательно охватывает все этапы пути мученика: «заточили в темницу», «лишили сана», «отправили в ссылку», «истязали», «всячески мучили», «схватив его, как волки кроткую овцу, предали пыткам лютым, а посем убили» и сожгли в срубе. Все они фигурируют и в каноне: «изгнашатя в заточение» (песнь 1, стих 2), «претерпел еси горькое заточение, беззаконно лишен престола святительскаго» (песнь 6, стих 1), «ея (веры) же ради пострадал еси» (кондак), «не устраши тебе прещение муками и смертию» (песнь 7, стих 1). Усиление чувственно-эмоционального ряда достигается с помощью перечислений, использования смысловых синонимов, трехкратных отрицаний, например, в житии: патриарх – «*дьявол, завистник и лукавый противник рода праведных*», «приставил к узнику стража *немилостивого, злонаванного и бесчеловечного*», «сколь многие *наглости и гаждения* ему (Павлу) творили», «когда же убивали Павла, *молился он и говорил... и восклицал громким гласом...*», в каноне: «не бояся *ни уз, ни темницы, ни смерти*» (песнь 6, стих 2), «*ни биение бо, ни раны, ни смерть* во огни не возмогоша поколебатитя» (песнь 7, стих 2). Обратим внимание на изложение в трех песнях канона кончины святителя. Уже в первой песне (как свершившийся исторический факт) говорится о том, что «исповедниче *жив сожжен* был еси». Составитель явно ориентировался на свидетельства протопопа Аввакума и других старообрядцев о сожжении мученика. Песнь 3 уточняет: «не убоялся еси *убивающих тело*, и по *кончине огненной* взыде на небеса», песнь 7 замыкает мысль о смерти «во огни».

Показателен момент жестокого избияния святителя Павла «исполненным гнева и духа сатанина», «лютым зверем» Никоном. Житийный текст изобличения патриарха, который «сорвал с него мантию иноческую и начал своими руками бить без милости

по ланитам» и «бил, пока сам не изнемог», представляет собой типичный словесный орнамент с тремя рядами параллельных конструкций: «Не усравился святительскаго великаго чина, не устыдился святости честных седин мужа, не убоялся апостольских правил, извергающих таких дерзких преступников!» Потрясает и умиляет простота изложения ответной реакции мученика: «упал на землю, как мертвый, но, придя в себя, поднялся, бившему благодарение воздал и стоял молча». В богослужебных текстах этот подвиг концентрируется в тропаре: «избиенный Никоном неистовым» и иконе: «кротко претерпел еси яко агнец мучение от духовнаго волка, облеченнаго пастьерскою одеждою, иже не терпя твоея ревности о вере святых, терзашетя на соборище, и сорва с тебе мантию святую, изгнатя в заточение». Завершение исторического противостояния Павла и Никона, своего рода закономерный итог двух сюжетно-смысловых линий осуществляется в последней песне канона, где упоминается низложение и суд патриарха на Соборах 1666–1667 гг.: «Изгнавый тя неправедне с престола святительскаго, бежа с престола своего, никим же гоним, токмо Божиим изволением, и праведно лишен бысть сана и чести, тебе же прослави Господь яко священномученика».

В текстах не случайно фигурирует мысль о том, что св. Павел «*богоугодне пожив, и законне пострадав*» (песнь 3), «*должен был жестоко поплатиться за ревность свою по Бозе*» (житие). Святитель «прославлял Бога за то, что сподобился в ссылке и в тюрьме пострадать, *как христианин*, исповедуя древнее благочестие». Мученическая жизнь за Христа была реальной, истинной жизнью для «героя» событий XVII в. Стремление следовать апостольским заветам сосредоточено в агиографии и гимнографии св. Павла в соответствии с идеей «обожения». Поэтому старообрядческий *первомученик* неодно-

кратно уподобляется *первоверховному* апостолу: в 6 и 9 песнях канона – «апостольски последовал еси Христу», «тезоименит сии верховному апостолу, подражал еси ему и твердою верою и страдании за слово Божие», также в житии – «святитель, тезоименитый верховному апостолу», «именем и ревностью согласный великому апостолу Павлу», «вкупе с апостолом Павлом восклицал», говорил «по слову апостольскому “мы безумны ради Христа” (1Кор. 4, 10)» и «повел жизнь равноапостольную». Кроме того, святитель в его мученической кончине уподобляется другим святым древней Церкви – мученику Поликарпу, епископу Смирнскому, мощи которого были сожжены «древле язычники безбожные», и пророку «Илии ревнителю» (песнь 4, на Слава), вознесемуся «ко Господу на огненной колеснице и конях огненных». Так же и «взят был великий Павел пламенем костра и вихрем на небо к Престолу славы Господней».

Имя святого в Сказании сопровождается образными эпитетами «чудный», «блаженный», «Божественный». Вместе с читателем агиограф *удивляется* тому, как сочувственно назвал святителя «Божественным страдальцем» даже непримиримый враг древлего Православия митрополит Питирим Крутицкий! Автор канона обращается ко всем прихожанам «кто не *удивится* твоему смирению и мужеству славнее» (песнь 5). За «величие мученичества блаженного Павла и безукоризненное от самого начала житие его» св. Павел «праведнее пожив от неправеднаго умерщвлен, сподобился еси воздаяния от праведнаго Судии» (песнь 4, стих 2), «увенчан он Господа венцом славы и получил награду вечную» (житие). Не случайно окончание жития и начало канона (песнь 1) сюжетно связываются днем кончины епископа Павла – Великий четверток, с упоминанием события Тайной вечери Спасителя: как «Христос соверши безкровную жертву», так и исповедник явил собой «жертву бого-

приятную». Таким образом, раскрывается надысторический смысл происходящего в надысторическом времени – вечная борьба со злом, отстаивание правды, защита «преданий святоотеческих», святости истинно православной церкви, и священный подвиг епископа Павла – подвиг перед Христом, мастерски изложенный агиографом и гимнографом по древнерусским канонам.

В этой связи следует отметить еще одну особенность жития, а именно анфиладное «встраивание» и цитирование фрагментов иных текстов – Священного Писания, Жития Аввакума, Повести о боярыне Морозовой, посланий Аввакума и диакона Феодора, свидетельства Иоанна Неронова о гласе от образа Спасова, книг Павла Алеппского и Н. Ф. Каптерева «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович», «Исторического исследования дела патриарха Никона», в совокупности придающих данному повествованию историческую достоверность, художественную яркость и вполне прочитаемый оценочный смысл. Но ключевым моментом всех старообрядческих житий являются слова святого – ответ на принуждение принять нововведения или призыв-поучение к христианам, не всегда цитируемые в текстах службы, где отсутствует прямая речь «героя». В центральном, самом объемном разделе Сказания помещено назидание паломникам, завет епископа Павла: «Возлюбленные мои братия и чада о Господе! Стойте во благочестии и держитесь предания святых апостол и святых отец, а догматов новых, внесенных в Церковь от Никона и учеников его, не приемлите...». Текст представляет кульминационное нравоучение, аналогичное 4 песне канона: «уча не отступати от правыя веры», благодаря чему происходит выход за пределы исторической конкретики в «надысторическое» пространство. Это обращение к каждому читающему и присутствующему на службе в конкретный настоящий, пре-

ходящий, «временной» момент, происходящий в постоянно длящемся, непреходящем, «вечном» Священно-историческом пространстве. Именно поэтому в каноне, в отличие от жития, сосредоточено настоящее время – «ныне молися», «ныне торжествует со святыми», празднующая светлую память святителя паства – «нам христианом», «о нас молися», «прославляем подвиги твоя», «любовию почитаем тя», «нам чтущим тя любовию», и обращение к святому – «ты», «тя», «тебя» с просьбой «избави и спаси нас». Святой выступает здесь в своей главной роли «наставника и учителя» (кондак), предстоятеля «престолу славы Божия со святители и мученики» (песнь 6), посредника между «горним» и «дольним» мирами.

Итак, в житии и каноне старообрядческому святителю Павлу Коломенскому

на анфиладном выстраивании различных пространственно-временных координат образуется особый агиографический хронотоп. Агиографические тексты описывают реальные эпизоды жизни, деяний, чудес святого, происходящие события в конкретный временной промежуток. Реально-исторический, «временной» уровень (но не «прошлое») в каноне, по сравнению с житием, получает абстрагированное воплощение. В богослужбном контексте постоянно воспроизводится Священно-историческое пространство, в котором «сияет славою» святой. И наконец, в надысторическом хронотопе стираются пространственно-временные границы, все происходит «и ныне, и присно, и во веки веком». Так образуется вечный канонический сюжет вечной истории Спасения.

### Литература

1. Бахтина О. Н. Проблемы поэтики старообрядческой литературы (агиографические тексты): дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2000. – 422 с.
2. Денисов Н. Г. Служба старообрядческому святому – епископу Павлу Коломенскому // Музыкальная культура Средневековья: сб. науч. тр.: тез. и докл. конф. / сост. Т. Ф. Владышевская, ЦМиАР, МГК, ВООПИК. – М., 1992 [1991]. – Вып. 2. – С. 33–39.
3. Дмитриев Л. А. Литературные судьбы жанра древнерусских житий (Церковно-служебный канон и сюжетное повествование) // Славянские литературы: VII Междунар. съезд славистов. Август, 1973. – Варшава. – М., 1973. – С. 565–568.
4. Еще сказанія о Павлѣ епископѣ Коломенскомѣ († ок. 1655 г.) // Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1905 годъ. / издана подъ завѣдываніемъ Е. В. Барсова. – М., 1905. – Кн. 4. (Двѣсти пятнадцатая.) – С. 28–44.
5. Житие святителя Павла Коломенского // Христианское чтение. – Казань, 2002. – Вып. 1. – 36 с.
6. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / АН СССР. – М., 1988. – 495 с.
7. Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Лихачев Д. С. Великое наследие. – М., 1980. – С. 7–32.
8. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков // Лихачев Д. С. Избр. раб.: в 3 т. – Л., 1987. – Т. 1. – С. 24–260.
9. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.; Л., 1947. – 499 с.
10. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси // Лихачев Д. С. Избр. раб.: в 3 т. – Л., 1987. – Т. 3. – С. 3–164.
11. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: литература и духовная жизнь: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1999. – 498 с.

УДК 7

*В. И. Семенова*

## АТРИБУЦИЯ ПРЕДМЕТОВ РУССКОГО ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА ИЗ ОБСКО-УГОРСКИХ МОГИЛЬНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассмотрены и атрибутированы предметы русского экспорта из обско-угорских могильников Юганского Приобья (Сургутский, Нефтеюганский р-ны Тюменской области) XII–XVI вв., представленные предметами декоративно-прикладного искусства (украшения, торевтика).

**Ключевые слова:** Юганское Приобье, обские угры, русское декоративно-прикладное искусство, головные украшения, торевтика, чеканка, золочение.

*V. I. Semionova*

## ATTRIBUTION OF OBJECTS OF RUSSIAN ORNAMENTAL-APPLICATIVE ART FROM OB-UGRIC BURIAL GROUNDS OF THE MIDDLE AGES

The article considers and attributes objects of Russian export from Ob-Ugric burial land (Surgut, Nefteyugansk districts of Tumen region ) of the XII<sup>th</sup> – XIV<sup>th</sup> centuries, represented by objects of ornamental-applicative art (decorations, toreutics).

**Keywords:** Ugric Ob land, Ob Ugrs, Russian ornamental-applicative art, tetteuxes, toreutics, minting, gold plating.

Начало активных связей Зауралья с Русью отмечено в XII – первой половине XIII вв. [16, с. 215]. Более достоверное документирование этих контактов можно проследить по распространению русских художественных изделий из металла из раскопок археологических памятников в Юганском Приобье (Сургутский, Нефтеюганский р-ны Тюменской области). В данной статье рассмотрены и атрибутированы предметы русского декоративно-прикладного искусства XII в. – XVI вв. из погребений могильников Усть-Балык (Нефтеюганский р-н), Частухинский Урий и Киньяминского II (Сургутский р-н).

Предметы русского экспорта XII в. – первой половины XIII вв. представлены украшениями из погребений могильников Усть-Балык (Нефтеюганский р-н) и Киньяминского II (Сургутский р-н). К этому периоду относятся фрагменты головного украшения, представляющего первоначально комплект височных украшений типа рясен. В его состав

входили парные серебряные лунницы с позолотой, украшенные зернью в виде пирамидок и сканью по внешнему краю и бубенчики, закрепленные на серебряных цепочках из простых колец. Подобные подвески на цепочках были распространены в домонгольской Руси и являются частыми находками в составе кладов конца XII – начале XIII вв. в Киеве, Старой Рязани, Смелы, Мартыновки, Новгороде [15, с. 17–18; 7, с. 52, ил. 61; 14, с. 519]. Несомненно, к русским изделиям относятся пластинчатые парные перстни, возможно, вырезанные из каких-то новгородских позолоченных серебряных изделий (обкладок?) с плетенчатой гравировкой и загнутые в виде обручей с большим зазором между концами. Орнамент с плетенкой известен по новгородским древностям XII–XIII вв. [13, с. 94; 7, с. 71, ил. 122; 2, с. 22].

Наибольший интерес представляет серия накладок с гравированными изображениями на лицевой стороне (рис. 1).



Рис. 1. Накладки из мог. Усть-Балык

Сердцевидная фигура с трилистником на щитовидной накладке связана с традиционным символом проросшего зерна, характерного для древнерусских украшений [14, с. 699]. Подобные сюжеты известны на браслетах из старорязанского клада начала XIII в., на обруче из Твери [6, с. 37; 12, с. 25–26, 29]. Две прямоугольные накладки с растительным орнаментом различаются по выгравированному на них орнаменту в виде X-образной фигуры с отростками и S-видной фигуры с отростками. Похожие S-видные фигуры с отростками есть на браслетах XIII в. из Старой Рязани, Новгорода, на обруче из Твери [14, с. 112; 7, с. 71, ил. 123; 12, с. 25–26]. Семантика этих изображений связана с также земледельческими культами. S-видные фигуры являются символами переплетенных корней растений, сердцевидные с отростками на [14, с. 698].

Прямоугольные накладки с зооморфными изображениями также представлены двумя вариантами. Изображение сенмурва (собаки с крыльями и птичьим хвостом) восходит к древнеарийским мифам, которые через иранскую мифологию оказали влияние на искусство Средней Азии, Южной Сибири, Византии, Древней Руси, Волжской Булгарии [17, с. 119, 124; 8, с. 146; 14, с. 568, 624; 9, с. 106]. Изображение на усть-балыкской накладке аналогично изображению славянского мифологического персонажа Семаргла на преславской диадеме X века [14, с. 568]. На накладке второго варианта изображен зверь с раскрытой пастью (волка? барса? гепарда?). Аналогии также имеются в

русских изделиях – на перстнях из Болоховского клада [12, с. 16–86], на ажурной накладке из Новгорода [7, с. 60, ил. 87], в белокаменной резьбе XII–XIII вв. Владимиро-Суздальских храмов [14, с. 733].

В материалах могильников есть вещи, которые являются местными репликами русских оригиналов – косорешетчатые и криновидная подвески, височные кольца с круглыми напускными бусами. Для криновидной подвески из киняминского погребения ближайшие аналоги происходят из киевских кладов XII–XIII вв. [10, с. 73, 110–111; 11, с. 1–6, 113]. Криновидные подвески также входили в состав рясен [14, с. 109]. Криница является чисто славянским символом вегетативной силы, обращенной вниз, к земле [14, с. 637]. Орнаментирована киняминская подвеска в чисто местном стиле – «рубчиком», мелкими «жемчужинами».

Таким образом, начиная с XII в. и до середины второго тысячелетия, в обско-угорской культуре распространены оригинальные древнерусские украшения, являющиеся предметами экспорта, а также их реплики, адаптированные в соответствии с местными вкусами.

В конце XVI–XVII вв. в обиходе хантов и манси появляются русские вещи – ножницы, гребни, зеркальные бляхи и пр. Среди всех категорий вещей обращают на себя изделия из серебра. В этом можно увидеть ответ на традиционный запрос местного населения на серебро, необходимое для отправления обрядов (популярный хантыйский

бог Мир-Суснэ-хум мог спуститься на землю к людям, если под копыта его белоснежного коня подставляли серебряные тарелочки). На протяжении полутора тысяч лет этот спрос удовлетворялся за счет потока восточной тореvтики (античной, персидской, арабской, византийской).

Чаша русской работы диаметром 16,5 см с невысокими прямыми закругленными от уплощенного dna стенками была найдена в богатом коллективном погребении на городище Частухинском Урье (Сургутский р-н Тюменской области) (рис. 2).

Чаша сделана способом холоднойковки из серебра 920 пробы. Стенки тонкие. Дно чаши чеканено плоскими изогнутыми «ложками», расходящимися к устью от центрального медальона-мишени. В верхней части «ложек» имеются выпуклые «жемчужины». «Ложки» позолочены через одну. По краю dna вокруг «ложек» и по периметру центрального медальона нанесен чеканный бордюр из наклонных палочек с точками-зернышками на концах. Стенки чаши украшены чеканенными зонами, состоящими из 7 вытянутых вверх и сгруппированных

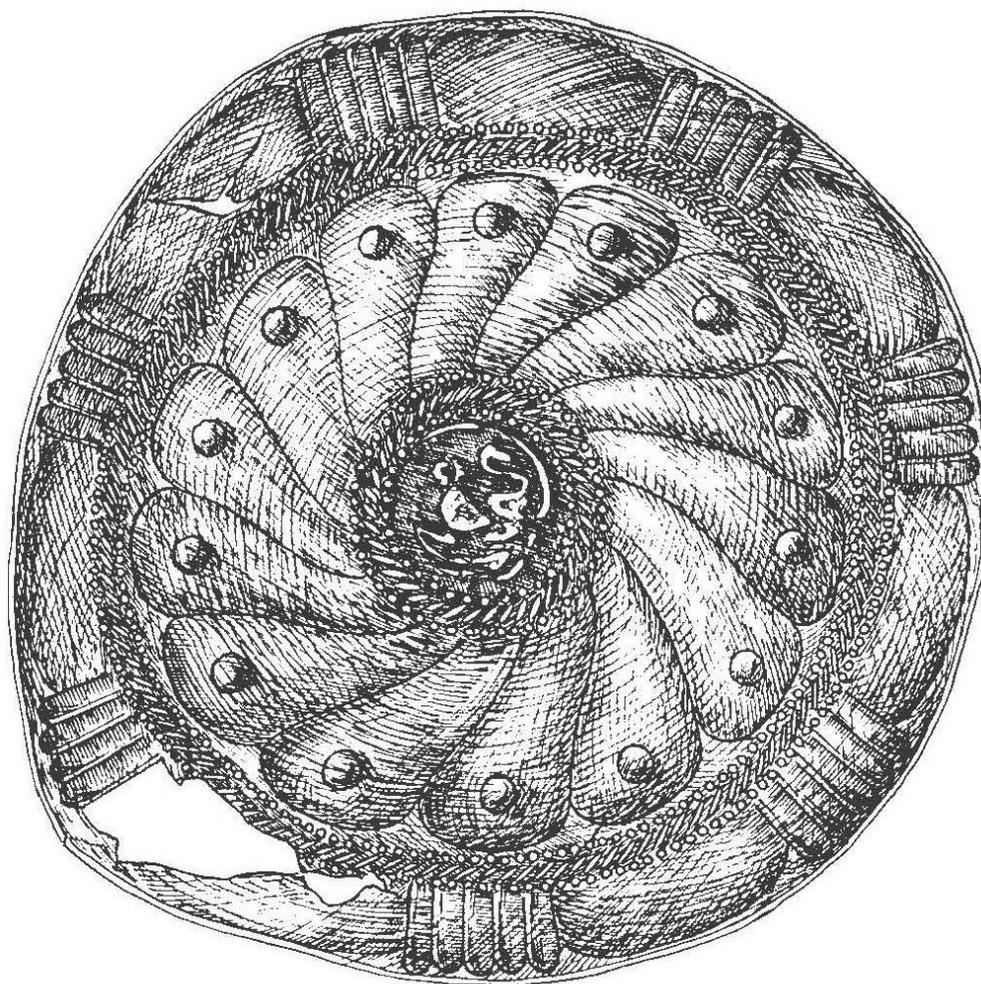


Рис. 2. Чаша из раскопок городка Мункьсь-Урий



по 5 арок и такого же числа широких золоченых арок. Зоны чередуются.

Центральный медальон-мишень выполнен в технике басмы. В центре круга изображено фантастическое существо с львиным телом и человеческой головой с кудрявой прической, сочетающее в себе черты византийского кентавра и восточного сфинкса [5, с. 197]. Сфинкс-кентавр опирается на задние полусогнутые лапы, передние чуть подняты, голова повернута в профиль, S-видный хвост задран. Тиснение было сделано с матрицы. От нее вокруг центральной фигуры остался несплошной след края круглого бордюра.

Чаша выполнена на низком ремесленном уровне. Оттиснутый медальон скошен и не совпадает с внешней чеканной окантовкой, «ложки» асимметричны, тиснение фигуры кентавра-сфинкса сделано некачественно. Для русской торевтики XV–XVI вв. характерен мотив плоских «ложек» [3, с. 22]. В качестве эталона подобного стиля можно при-

вести известное золотое массивное блюдо 1561 г. – свадебный подарок Ивана IV своей второй жене Марии Темрюковне, хранящееся в Оружейной палате [4, с. 60–61]. Прическа из крутых локонов также характерна для русской иконографии. Достаточно вспомнить знаменитую скульптуру Георгия Победоносца, выполненную В. Д. Ермолиным (1464 г.) [1, с. 217, 203]. Прототипом медальону с кентавром-сфинксом могли послужить какие-то восточные или византийские образцы, ставшие особенно популярными после падения Византии и смещения центра православия в Москву.

Представленная чаша знаменует собой переход на новый уровень взаимоотношений обских угров (хантов и манси) после их вхождения в состав России. С XV–XVII вв. поток русских вещей усиливается, а в XVIII – начале XX вв. русская металлопластика полностью удовлетворяет запросы местного населения.

### Литература

1. Вагнер Г. К. Развитие пластического образа в русском искусстве XIV–XV вв. – М.: Искусство, 1980. – 266 с.
2. Восточный художественный металл из Среднего Приобья: Новые находки: каталог времен. выставки к 70-летию отдела Востока. – Л., 1991. – 28 с.
3. Гольдберг Т., Мишуков Ф., Платонова Н., Плотникова-Лосева М. Русское золотое и серебряное дело XV–XX вв. – М., 1967. – 106 с.
4. Государственная Оружейная палата. – М., 1988. – 431 с.
5. Даркевич В. П. Светское искусство Византии. – М., 1975. – 350 с.
6. Даркевич В. П., Монгайт А. Л. Клад из Старой Рязани. – М.: Наука, 1978. – 38 с.
7. Древний Новгород: Прикладное искусство и археология. – М.: Искусство, 1985. – 168 с.
8. Запорожченко А. В., Черемисин Д. В. Мифологический сюжет на сосуде из Надь Сент-Миклош // Семантика древних образов. – Новосибирск, 1990. – С. 131–151.
9. Измайлов И. Л. Военно-дружинные связи Волжской Болгарии с Южной Русью в X–XI вв. // Пути из Булгара в Киев. – Казань, 1992. – С. 102–113.
10. Килиевич С. Р. Детинец Киева IX – первой половины XIII вв. – Киев: Наукова думка, 1982. – 176 с.
11. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. – М.; Л., 1954. – 165 с.
12. Макарова Т. И. Черневое дело Древней Руси. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
13. Морозов В. М., Пархимович С. Г. Городище Перегребное (к вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в начале II тысячелетия н. э.) // Западная Сибирь в древности и Средневековье. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. – С. 89–99.
14. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М., 1988. – 783 с.
15. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 195 с.
16. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. – М.: Наука, 1987. – 510 с.
17. Худяков Ю. С., Хаславская Л. М. Иранские мотивы в средневековой тюревтике Южной Сибири // Семантика древних образов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 118–125.

УДК 78(470.343),371.004,004

*О. М. Герасимов, Р. И. Чузаев*

### ТРАДИЦИОННАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА МАРИ В МУЛЬТИМЕДИЙНОМ ПРОЕКТЕ

В статье рассматриваются возможности использования мультимедийных средств в преподавании предметов музыкально-эстетического цикла в общеобразовательных школах. Раскрыто содержание электронного пособия по изучению традиционной и профессиональной музыкальной культуры народа мари и приемы работы с ним.

**Ключевые слова:** воспитание, образование, мультимедиа, конвергенция, мари́йская музыка, мари́йские народные музыкальные инструменты, композиторы, Республика Мари́й Эл.

*O. M. Gerasimov R. I. Chuzaev*

### TRADITIONAL AND PROFESSIONAL MUSICAL CULTURE OF THE MARI IN THE MULTIMEDIA PROJECT

In the article, opportunities of use of multimedia means in teaching subjects of a musical-aesthetic cycle in comprehensive schools are considered. The content of the electronic manual for study of traditional and professional musical culture of the Mari and working methods with it is opened.

**Keywords:** education, multimedia, convergence, Mari music, Mari folk musical instruments, composers, Republic Mary El.

Воспитание детей – задача извечная и древняя как само человечество, существовавшая и осуществлявшаяся независимо от официальных школьных систем. В этом сложном процессе музыкальное, эстетическое воспитание всегда было одним из важнейших составляющих. С появлением школьной системы образования и воспитания этот процесс стал более целенаправленным, действенным и результативным. Появление специальных учебных программ и пособий способствовало доведению до учителей школ, преподавателей многих учебных заведений передовых методов и систем образования и воспитания. Развитие же современных средств коммуникации, достижения в области радио- и видеотехники привели к появлению в системе школьного преподавания таких современных средств, как мультимедийные.

Мультимедийные составляющие в работе преподавателей различного звена (школьного, среднего и высшего) становятся уже вполне обыденным явлением. Их применение при проведении занятий почти всех без исключения дисциплин значительно оптимизировало весь процесс передачи знаний и умений от педагога к учащимся.

Наглядность в обучении – завоевание еще середины прошлого столетия – ныне принимает более «продвинутые» формы и методы преподавания. И в первую очередь в этой иерархии нововведений ведущее положение занимает мультимедиа.<sup>13</sup>

Позволим себе дать краткий экскурс в историю этого термина и небольшой анализ этого явления.

«Мультимедиа» – сложное слово, состоящее из двух простых: «мульти» – много

<sup>13</sup> Мультимедиа (англ. *multimedia* от лат. *multum* – много и *media, medium* – средоточие, средства) – электронный носитель информации, включающий несколько ее видов (текст, изображение, анимация и пр.) [1].

и «медиа» – носитель, среда, то есть термин «мультимедиа» можно перевести как «множество носителей». Таким образом, мультимедиа подразумевает множество различных способов хранения и представления информации (звука, графики, анимации и т. д.).

Мультимедиа находит свое применение в различных областях, включая рекламу, искусство, образование, индустрию развлечений, технику, медицину, математику, бизнес, научные исследования и т. д. Однако, как нам представляется, мультимедиа, при всей ее «всеобщей», глобальной востребованности, все-таки более успешно применима именно в преподавании музыкальных дисциплин (или дисциплин цикла «искусство»), где «поле» ее применения просто безгранично.

Средства «мультимедиа» воздействуют сразу на несколько органов человеческих чувств и представляют информацию в разных формах: визуальной, вербальной и аудиальной, что создает более глубокое эмоциональное воздействие. Возможность влияния на эмоциональную сферу человеческой психики является важным фактором при обучении, так как способствует более эффективному усвоению знаний. Мультимедиа – это своеобразная конвергенция<sup>14</sup> многих видов воздействия на человека, то есть идея медиа-конвергенции становится одним из важнейших факторов в сфере образования, особенно в сфере высшего образования.

Теория мультимедийного обучения – это теория, постулирующая, что оптимальное обучение происходит только в том случае, когда вербальный и визуальный материал представлены синхронно.

Исходя из таких поистине необъятных возможностей мультимедийной системы, стремясь облегчить труд преподавателей

<sup>14</sup> Конвергенция (англ. *converge* – сводить в одну точку, сводить воедино) – многоцелевое применение чего-либо [1].

предметов цикла «искусство» (прежде всего – музыкального направления), помочь им более доступно и результативно донести до учащихся общеобразовательных школ содержание предметов «Музыка» и «История и культура народов Марий Эл», было разработано электронное пособие «Марий сем» («Марийская музыка»).

Содержательной базой этого пособия послужил сборник очерков «Беседы о композиторах» [3], адресованный преподавателям школ Республики Марий Эл и регионов компактного проживания мари, ведущим вышеуказанные дисциплины.

Создание данного электронного пособия обусловлено еще и тем, что организация изучения регионального историко-культурного и музыкально-эстетического материала в образовательных учреждениях как общего и профессионального образования, так и дополнительного образования детей, сопряжена с рядом проблем. Во-первых, серьезную проблему представляет выбор содержательного материала. Несмотря на достаточно четкие установки программы учебного курса, каждому преподавателю в зависимости от разных обстоятельств – расположения образовательного учреждения в том или ином муниципалитете, особенностей образовательной среды и др. – приходится определять свои содержательные приоритеты. Во-вторых, учебно-методическое обеспечение региональных дисциплин (дисциплин вариативной части учебного плана) в силу финансовой и/или иной обусловленности значительно уступает обеспечению федеральных дисциплин (дисциплин базовой части учебного плана). В третьих, демографическая ситуация в малых городах и особенно в сельских поселениях практически исключает возможность специализации учителей лишь на региональных дисциплинах. «Многопрофильность» учителя, как правило, негативно сказывается на степени владения педагогом

научными знаниями и специальными методиками. В-четвертых, освоение материала по развитию искусств без мультимедийного восприятия не может обеспечить желаемого эффекта.

Марийское музыкальное искусство как объект изучения школьниками и студентами представляет в нашем понимании единство нескольких относительно самостоятельных блоков, которые и составили основные разделы электронного пособия.

#### ***Развитие марийской музыки***

Этот раздел представлен историческим экскурсом доцента кафедры культуры и искусств Ю. Цыкиной «Марийская профессиональная музыка: истоки и развитие», отразившим связь современной марийской профессиональной музыки с тысячелетней музыкально-песенной традицией народа мари. За несколько десятилетий марийская музыка прошла путь от сбора и обработки песенного фольклора (В. Васильев, И. Палантай) до произведений оперного и балетного жанра (Э. Сапаев, И. Молотов, Э. Архипова, А. Луппов, А. Яшмолкин).

#### ***Народные музыкальные инструменты***

Рабочее меню раздела оформлено в виде собранного в единую коллекцию набора традиционных марийских народных музыкальных инструментов на фоне изображения карты Республики Марий Эл в окружении соседних республик и областей. Тўмыр (барабан), шўвыр (волынка), кўсле (гусли), марла гармонь (марийская гармоника), конг-конг (музыкальный лук), умша ковж (варган), тётрет пуч (сигнальная труба), эфи (инструмент типа ленточного язычка), шун шўшпык (глиняный свисток), сўрем пуч (урожайная труба), ўдыр пуч (девичья труба), шиалтыш (дудка), тўкө (рог) при «клике» мышкой встречаются посетителя на своей страничке, где можно увидеть изображение крупным планом, небольшую текстовую информацию и услышать их звучание.

**Композиторы**

Данный раздел – информационно самый объемный. На рабочем меню раздела вокруг композиции из рояля, клавира и здания Национального театра драмы им. М. Шкетана собраны портреты тридцати шести марийских композиторов и музыковедов. При наведении на портрет стрелки открывается персональная «гостевая» страница композитора (композитора-профессионала, композитора-любителя, музыковеда) со своей навигацией. На «гостевой» мы видим портрет с перечислением основным заслуг и званий, краткую биографию, а также рабочие кнопки «*Фотогалерея*», «*Основные произведения*» и «*Литература*». При нажатии на «*Фотогалерея*» открываются взору фотографии из фондов музея Марийского республиканского колледжа культуры и искусств им. И. С. Палантая и из личных фондов композиторов. «*Основные произведения*» открывают список произведений данного автора и, что мы считаем самым главным, фрагменты записей двух-четырёх известных произведений из фондов Филиала ГТРК «Марий Эл». «*Литература*» открывает перечень публикаций, посвященных жизни и деятельности композитора или музыковеда.

**Тесты**

Рефлексия содержания учебного материала осуществляется в ходе решения десяти тестов. Решать тесты можно в произвольной последовательности, а вот внутри теста пять заданий появляются в запрограммированной последовательности. Прочитав задание, ученик (студент) выбирает один из четырех предложенных вариантов ответа, после чего в специальном ответе высвечивает «Верно» или «Неверно». Затем автоматически появляется следующее задание... После реше-

ния всех пяти заданий теста появляется общая оценка за тест, например, «Оценка – 2. Знания крайне неудовлетворительные».

Эстетическое оформление учебного пособия не менее важно, чем его содержание и методический аппарат. Оно может быть притягательным, «родным», воспитывающим эстетический вкус и патриотические чувства. Словом, оформление пособия – это, своего рода, предварительный этап подготовки к учебному процессу.

Оформление мультимедийного пособия обладает еще большими возможностями. Яркость и динамичность изображений, музыкальное оформление и звуковые эффекты, удобная навигация представляются выигрышными в сравнении с традиционными учебниками (мы ни в коей мере не оспариваем фундаментальность традиционных учебников и пособий на бумажных носителях).

При создании электронного пособия «Марий сем» удачно подобраны цветовая гамма, картинная галерея, фономатериалы. Деревья, символизирующие среду обитания и хозяйственный уклад народа, орнамент вышивки, символизирующий его мифологические представления, и мелодии, ставшие практически народными, призваны отражать ментальность народа мари.

Проект, созданный творческим коллективом в составе доцента Р. И. Чузаева и профессора О. М. Герасимова (факультет культуры и искусств Марийского государственного университета), руководителя УМЦИТМ В. Э. Цвирко (школа № 30 г. Йошкар-Ола) и звукорежиссера Филиала ГТРК «Марий Эл» О. С. Крылова, удостоен Гранта Президента Республики Марий Эл.

**Литература**

1. Большой энциклопедический словарь. – Минск: ИООО «Современное слово», 2005. – 720 с.
2. Беседы о композиторах / сост. О. Герасимов. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд., 2006.

УДК 7803+782/785

*В. Д. Булгаков*

## ХОРОВАЯ МУЗЫКА ТАТАРСКИХ КОМПОЗИТОРОВ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, ЖАНРОВЫЙ ОБЗОР, ПРОБЛЕМЫ РОСТА

Статья посвящена развитию хоровой музыки в республике, где предпочтение было отдано песне, в том числе и хоровой, что соответствовало национальным традициям и ментальности татарского народа.

**Ключевые слова:** татарские композиторы, хоровая музыка, этапы развития, ментальность, песня, национальные традиции, жанры, обработки, хоровое письмо, проблемы.

*V. D. Bulgakov*

## CHORAL MUSIC OF TATAR COMPOSERS: STAGES OF DEVELOPMENT, OVERVIEW OF THE GENRE, PROBLEMS OF GROWTH

The article is devoted to development of choral music in the republic. The preference is given to the song, including the choral. This feature is consistent with national traditions and mentality of the Tatar people.

**Keywords:** Tatar composers, choral music, stages of development, mentality, song, national traditions, genres, processing, choral score, problems.

Хоровая музыка татарских композиторов прошла тот же исторический путь развития, что и советская музыкальная культура, связанная с практикой социалистического строительства в стране. Татарские композиторы смогли создать базу для дальнейшего развития хоровой музыки, которая отличается национальным своеобразием и ментальностью.

Одна из особенностей становления хоровой музыки татарских композиторов состоит в том, что она не имела в прошлом хоровых традиций. В музыкальной культуре татарского народа песня занимала особое место. Любовь к ней на протяжении веков народ сохранил до настоящего времени. Сольные традиции пения татарского народа, ее богатый мелодический потенциал дал возможность, после Октябрьского переворота 1917 г., обогатить ее за счет хорового звучания. Таким образом, с песенного творчества татарского народа непосредственно связано начало развития хоровой музыки в Татарстане.

В 1920–30-е гг. у истоков становления профессиональной музыки, в том числе и хоровой, стоял основатель татарской музыкаль-

ной культуры Салих Сайдашев (1900–1954). Он создал свой оригинальный музыкальный стиль, в котором сочетались народные песенные городские традиции (прежде сего казанских татар) с формами и жанрами европейской музыкальной культуры.

Руководя музыкальной частью в Татарском драматическом театре в 1920–30-е гг., композитор органично вводит в спектакль как художественный элемент хоровое звучание в виде хоровой песни (сольный запев и хоровой припев, диалог женских и мужских голосов) в пьесах Карима Тинчурина «Родина» («Соловей», «Алые цветы»), «Голубая шаль», хоровые песни гражданского звучания в пьесе Аделя Кутуя «Сизый голубь» («Марш комсомола»), Габдрахмана Минского «Шлем» («Песня красноармейцев»). Как писала музыковед Н. Шумская: «Именно театр стал колыбелью татарской хоровой песни» [2]. Песни С. Сайдашева, родившиеся в стенах татарского драматического театра, быстро распространялись по республике и жили самостоятельной жизнью.

Известно, что народная песня является творческой лабораторией формирования

композиторского стиля, индивидуального подчерка. Это относится и к татарским композиторам, стоящих у истоков формирования профессионализма музыкальной культуры Татарстана.

Первые творческие опыты композиторов Татарстана (С. Габяши, В. Виноградов, С. Сайдашев) были связаны с изучением, освоением и обработками народных песен. «Если через обработки татарских народных песен для голоса [...] прошли почти все татарские композиторы, то обработки народных песен для хора делали среди них лишь единицы», – писала Р. А. Исхакова-Вамба в книге «Фольклор и композитор» [9].

Создание классических образцов татарских народных песен для хора «а капелла» А. Ключаревым («Кара урман», «Салкын чишмэ», «Эллуки», «Агыдель») и М. Музафаровым («Сибэлэ чэчэк», «Зэнгэр шэл», «Зилэйлук», «Мэрфуга») имели принципиальное значение. Как писал Я. Гиршман: «Они показывали, что и в этой новой для татарской музыки области утверждаются классические принципы многоголосного письма» [1]. В обработках для хора «а капелла» композиторы оттачивали свое мастерство хорового голосоведения, а также служили трамплином к созданию более крупных вокально-инструментальных произведений.

В 1940–50-е годы наблюдается подъем хоровой культуры в Татарстане в целом. Хоровые коллективы, ансамбли песни и танца возникали буквально везде: на фабриках и заводах, в сельских клубах и Домах культуры, что стимулировало композиторов к созданию новых песен.

Творческие успехи татарской авторской песни, в том числе и хоровой, в данный период связаны с композиторами-песенниками А. Ключаревым, М. Музафаровым, З. Хабибуллиным, Д. Файзи. Композиторов привлекало песенное творчество, один из самых доступных видов музыкального искусства,

тесно соприкасающийся с богатой народно-песенной культурой. Композиторы получили возможность в более доступной форме для татарского народа – песне – выразить наиболее важные стороны жизни, откликнуться на важные вопросы.

Нет сомнения, что на развитие татарской авторской хоровой песни повлияли песенные традиции русского народа, учеба композиторов-песенников в Московской консерватории, а также советская массовая песня, которая повсеместно звучала в стране. Следует отметить наиболее известные хоровые песни А. Ключарева («Татарстан – родина моя», «Волжские волны», «Весенняя песня», «Новая Казань», «Мулланур Вахитов» и др.), З. Хабибуллина («Извилистый ручеек», «Бавлинцы», «Хатынь» и др.), Н. Жиганова («Народу русскому привет» и др.), А. Бакирова («Молодежная» и др.), С. Сайдашева («Песня о Советской армии» и др.), М. Музафарова («Песня нефтяников» и др.), Д. Файзи («Комсомолка Гульсара» и др.).

Разнообразная тематика татарской хоровой песни способствовала ее популярности среди большого количества хоровых самодеятельных коллективов. Нужно подчеркнуть, что именно песни народные и авторские, в том числе и хоровые, составили основу репертуара хоровых коллективов художественной самодеятельности Татарстана, а также Государственного ансамбля песни и танца республики.

Расцвет советской массовой хоровой песни в данный период послужил мостом для создания татарскими композиторами крупных хоровых инструментальных произведений. К ним относится хоровая кантата, которая отвечала идеологическим воззрениям того времени своим пафосом, в связи с чем активно сочинялась татарскими композиторами М. Латыповым, М. Юдиным, Р. Яхиным, М. Музафаровым, И. Шамсутдиновым и др. Кантаты, как и песни, под-

питывали творческое начало композиторов республики. Нужно признать, что хоровая партитура многих кантат в приемах голосоведения, тембрах, красок, мелодического начала, владения формой, симфонического развития была бедна. Это отмечала и музыковед Р. А. Исхакова-Вамба в своей статье «Татарская кантата и оратория» [7]. К тому же, хоровые кантаты были исполнены учебными хорами только однажды, так как не могли заменить стабильный профессиональный хоровой коллектив, которого, к тому времени, не было в Татарии. Тем не менее, это был первый шаг в освоении нового для композиторов республики жанра кантаты и представлял собой положительный исторический и творческий опыт для всей музыкальной культуры Татарстана.

Что касается оперно-хорового жанра, то его развитие было связано с рождением оперного искусства в республике в 1930-е годы. Велико было внимание Союза композиторов Татарии и администрации республики на рост этого сложного жанра. За период с 1925 по 1981 гг. было создано 20 опер. Особенно плодотворно в оперном жанре работал Н. Жиганов. В своих героико-исторических операх «Алтынчэч» (1941), «Туляк и Суслу» (1945), «Джалиль» (1957) он отталкивался от традиций русской оперно-хоровой классики, где особое внимание уделялось раскрытию образа народа. Нужно сказать, что оперно-хоровой жанр в республике не получил широкого распространения в связи с мало укомплектованными любительскими хорами, отсутствием профессиональной академической капеллы и симфонического оркестра. К тому же, как отмечала корреспондент М. Черкашина в статье «Проблемы Казанского оперного»: «мала хоровая группа в театре [...], мало профессионален хор» [4].

*Период 1960–70-х гг.* характеризуется постановкой проблем, накопившихся в хоровой музыке татарских композиторов. Этому спо-

собствовал юбилейный пленум Союза композиторов Татарии, состоявшийся в Казани 27 октября – 1 ноября 1964 г. В концертах Пленума прозвучала вокально-симфоническая поэма на стихи М. Джалиля «Соловей и родник» М. Яруллина и хоровая поэма Ф. Ахметова «Песня родника» на стихи М. Джалиля. При обсуждении итогов пленума композиторы указали на неудовлетворительность данных произведений («не достает внутренней конфликтности, контрастности, активного развития»), а также слабое исполнение учебным хором консерватории (рук. С. А. Казачков, хормейстер А. Х. Абдуллин) этих сочинений, плохим произношением татарского языка в пении. Художественный руководитель Ансамбля песни и танца Ж. К. Айдаров подчеркнул, что «молодые композиторы плохо знают хоровое письмо. Не учитывают возможности человеческого голоса. Я бы посоветовал им изучить хоровое наследие, как Запада, так и русских классиков» [10]. Серьезное обвинение композиторов в незнании хорового письма послужило сигналом к дискуссии, где был поставлен вопрос об освоении хоровой музыки композиторами республики. Поднимались такие вопросы, как нехватка хорового репертуара для функционирования коллективов, отсутствие достаточного количества самостоятельных академических хоров, отсутствие у композиторов важнейшего, ведущего жанра хорового письма «а капелла», отсутствие профессионального академического хора и симфонического оркестра в Татарии. Освоение хорового письма композиторами, а также многоголосия в целом – это одна из кардинальных проблем общего роста татарской профессиональной музыкальной культуры, – подчеркнули в заключение дискуссии участники пленума.

Нужно признать, что все, что было написано для хора татарскими композиторами, было плохо освоено исполнителями. «Мы так рьяно упрекаем наших композито-

ров в сложности и неудобноисполняемости письма, что выработали у них своеобразную «хоробоязнь», – писал профессор С. А. Казачков [3]. Специфика учебных хоров, которые исполняли большинство хоровых сочинений композиторов (проблемы малого состава, качество голосов, интонирования, трудоемкость репетиций), мешала систематическому обновлению хорового репертуара и быстрому его освоению.

Накопившиеся проблемы хоровой музыки нельзя было решить в одночасье. Тем не менее организация симфонического оркестра в 1967 г. явилась мощным стимулом активизации творчества татарских композиторов, в том числе и в хоровой музыке крупной формы. Ораториальный жанр обогатился двумя произведениями: М. Яруллина «Человек» (1970) и Б. Мулюкова «Казань» (1972). По приемам хорового письма и гармонического языка оратории были далеки от совершенства, – отмечала музыковед Р. А. Исхакова-Вамба [7], подтвердив тезис о том, что проблема освоения хорового письма оставалась актуальной для татарских композиторов.

Значительный интерес к хоровой музыке проявил Ш. Шарифуллин. Создав «Деревенские напевы» и хоровую сюиту на темы трудовых песен татар-кряшен «Желтые соловьи», Ш. Шарифуллин продолжил дело композиторов-фольклористов старшего поколения А. Ключарева, М. Музафарова. Нужно сказать, что Ш. Шарифуллин хорошо владел голосоведением при написании хоровых сочинений.

В 1980–90-е годы наметилось дальнейшее развитие хоровой музыки татарских композиторов. Ее характерными чертами являлись:

– международные фестивали современной музыки, регулярно проводимые в Казани (1992, 1993, 1996), где звучала хоровая музыка татарских композиторов;

– пополнение ораториального жанра за счет официальных дат, юбилеев композиторов и видных деятелей культуры (Оратория Б. Мулюкова «Тукай» (1985), «Века и минуты» (1988), Оратория-балет Ш. Шарифуллина «Песнь о цветке» (1987), Р. Зарипова «В Объятиях природы» (1989);

– расширение художественно-тематического и жанрового диапазона татарской хоровой музыки за счет радикального обновления полифонического письма и проработанности хорового голосоведения (Ш. Шарифуллин «Була бер кон», М. Шамсутдинова «Бэйрэм буген», Р. Калимуллин «Эльвидаг»);

– повышенное внимание к национальной культуре и изучение композиторами древних архаических пластов народного эпоса, баитов, мунаджатов, книжных распевов (хоровой концерт Ш. Шарифуллина «Мунаджат», духовный концерт М. Шамсутдиновой «Дети Адама» на тексты из Корана и торы, хоровая поэма Р. Калимуллина «Казанни сагынганда»). Как писал музыковед В. Р. Дулат-Алеев: «Неслучаен большой успех именно национальных композиторов, в произведениях которых читаются в первую очередь символические формы ТНК (текст национальной культуры), а не авторская индивидуальность» [6].

Таким образом, не имея в прошлом хоровых традиций, хоровая музыка татарских композиторов за 80 лет своего развития прошла путь от сочинения авторской хоровой песни и классических обработок татарских народных песен для хора «а капелла», до крупных вокально-инструментальных жанров (кантата, оратория, концерт, поэма, сюита). Удельный вес хоровой музыки татарских композиторов был невелик. При всем многообразии освоенных хоровых жанров татарские композиторы отдавали предпочтение песне, в том числе и хоровой, что соответствовало национальным традициям и ментальности татарского народа.

### Литература

1. Гиршман Я. М. Пути развития татарской советской музыки // Музыкальная культура Советской Татарии. – Казань, 1959. – С. 12.
2. Шумская Н. Александр Ключарев. – М., 1962. – С. 17.
3. Казачков С. Самое главное // Советская музыка. – 1963. – № 9. – С. 34.
4. Черкашина М. Проблемы Казанского оперного // Советская музыка. – 1968. – № 8. – С. 54.
5. Сайдашева З. Татарская советская песня: Исследования. – Казань, 1984. – 216 с.
6. Дулат-Алеев В. Р. Текст национальной культуры. Новоевропейская традиция в татарской музыке / Казанская гос. консерватория. – Казань, 1999. – С. 228.
7. Исакова-Вамба Р. А. Татарская кантата и оратория // Музыка и педагогика: сб. ст., посвященный 125-летию КГПУ и 40-летию музыкального факультета / Казанский гос. пед. ун-т. – Казань, 2000. – С. 110–118.
8. Заппарова А. И. Жанры татарской хоровой музыки // Музыка и педагогика: сб. ст., посвященный 125-летию КГПУ и 40-летию музыкального факультета / Казанский гос. пед. ун-т. – Казань, 2000. – С. 105–110.
9. Исакова-Вамба Р. А. Фольклор и композитор. – Казань, 2006. – С. 44.
10. ЦГА РТ, ф. 7057, оп. 2, арх. – № 53, л. 167.

УДК 792.2

*М. Г. Арсланов*

### ПОИСКИ РЕЖИССУРЫ ТАТАРСКОГО ТЕАТРА В 1957–1990 ГГ.

Исследование жизни и деятельности современника, определение характера и личных качеств героя нового времени явилось одним из наиболее актуальных направлений поисков татарской режиссуры в 1956–1990-х гг. В статье анализируются проблемы художественного воплощения образа человека новой формации, постижения его социальной и нравственной сущности.

**Ключевых слова:** татарский театр, режиссерское искусство, драматургия, дискуссии, образ человека новой формации.

*M. G. Arslanov*

### SEARCHES OF DIRECTION OF THE TATAR THEATER IN 1957–1990'S

Research of life and activity of the contemporary, definition of character and personal qualities of the hero of new time was one of the most important trends of searches of the Tatar direction in 1957–1990's. This article analyzes the problem of artistic expression of an image of the person of new formation, comprehension of his social and moral essence.

**Keywords:** The Tatar Theater, scenic art, drama, debate, image of the person of new formation.

Вторая половина XX столетия характеризуется огромными судьбоносными изменениями в политической, экономической, социальной жизни страны. Являясь учреждением идеологического направления, театр также был вовлечен в общий процесс перемен. Как всегда, он должен был чутко реаги-

ровать на все без исключения, события, ситуации общественного бытия, окружающей действительности. Режиссерское искусство, по своей природе обязанное возглавить творческий процесс и придать поступательному движению сценической культуры необратимый импульс, решало ряд кардинальных,

основополагающих проблем. Их выдвигал интенсивный процесс обновления, начавшийся после исторических событий середины 1950-х гг., в результате которого народу было возвращено творческое наследие репрессированных художников, плоды поисков режиссуры 1920–30-ых гг.; были восстановлены в правах достижения театра условно-метафорической образности; стали возможными поиски в области формотворчества; начались искания новых путей развития театрального искусства в целом и режиссуры в частности. В спорах о новой драматургии, актерском искусстве, режиссуре были обсуждены проблемы отношения к системе К. С. Станиславского, к традициям, творчеству мастеров режиссуры предшествующего периода. Известный сторонник В. Э. Мейерхольда В. Бебутов в журнале «Театр» прямо изложил витавшую в воздухе мысль: «Пора, наконец, перестать присваивать бранную кличку формализма тем мастерам сцены и театра, которые идут своим путем, обогащая своим опытом и исканиями искусство многонационального советского театра». В 1956–1957 и 1960–1961 гг. на страницах ведущего театрального журнала «Театр» прошли дискуссии «О творческом своеобразии художественной индивидуальности театральных коллективов», «Режиссура и современность», «Актерское искусство сегодня». В ходе этих дискуссий определились многие проблемы теории и практики театрального искусства, высказывались различные, порой полярно противоположные мнения о путях дальнейшего развития сценической культуры.

Дискуссии 1956–1957, 1959–1961 гг., в определенной степени возродившие традиционное противостояние между «мхатовцами» и «мейерхольдовцами», можно считать прямым проявлением процесса обновления. Необходимо сразу отметить, однако, что подобные споры между деятелями

татарской сцены никогда не носили ожесточенного характера и не привели к резкому размежеванию на «военные лагеря». В 1957–1990-х гг. татарский театр эти колебания в сторону «условности» и «достоверности» воспринимал очень спокойно, как естественное, закономерное, неизбежное условие обновления. Это объясняется отчасти тем, что в эти годы в театрах Татарстана работали в основном режиссеры одной школы. Они воспринимали «вздыбленную» или «свободно текущую» сценическую жизнь не как позицию сражения, борьбы, а как проблему, касающуюся внешней формы постановок. Именно поэтому в тот период широко вошедшие в татарский театр средства выразительности условно-метафорической образности встречаются ими не как чуждое традициям явление, а как возможность обновления, обогащения языка режиссуры татарского театра.

Татарские режиссеры сравнительно быстро поняли, что художественную гармонию спектаклей должны составлять органическое соединение психологического реализма, точное, достоверное существование актера в образе и четкая метафорическая форма, естественно вытекающая из сути драматургического материала и найденная в тесном сотрудничестве со сценографом. В своей каждодневной деятельности они воедино соединяли достижения мирового театра, русской режиссерской школы и традиции, заложенные основоположниками национальной сценической культуры.

Особо важным идейно-тематическим направлением поисков татарской режиссуры в 1956–1990-х гг. явились исследования жизни и деятельности современного человека, определение характера и личных качеств героя нового времени, постоянная устремленность к острейшим проблемам дня. Менялось время, менялись герои, животрепещущие проблемы современности. Режиссерское

искусство каждый раз должно было заново выработать критерии оценки и выбора, найти, определить и вывести на сцену лучшего из лучших, параллельно развенчивая все то, что мешало движению общества вперед.

Справедливости ради, необходимо отметить, что национальная режиссура не всегда улавливала самые острые тенденции времени, не всегда выражала главные процессы, происходившие в глубине общественной жизни – на то имелись свои серьезнейшие причины. Но свое слово о современности и современниках она стремилась сказать убедительно и весомо. Каждый раз заново раскрывая обусловленность поступков человека со сложившимися социальными, политическими и экономическими отношениями, татарские режиссеры ставили своих героев перед нравственным выбором и, вновь и вновь проверяя их все новыми средствами испытания, утверждали мысль о самоценности человека и человеческой жизни, воспитывали у зрителя активное отношение к действительности.

Таким образом, основные усилия татарских режиссеров всегда были направлены на исследование центральной проблемы театрального искусства – проблемы художественного воплощения образа человека новой формации, постижения его социальной и нравственной сущности. При этом национальные режиссеры пытались подойти к проблеме с более широкой историко-философской меркой. Стремясь как можно глубже постичь современника, постановщики старались выявить его духовный потенциал как в напряженнейших неординарных поворотах истории, так и в рабочих буднях. Осмысливая новый тип современного человека, режиссеры спектаклей активно включали его в живые, динамичные связи со временем, стремясь придать своему художественному замыслу историческую масштабность и философскую глубину.

В начале 1960-х гг., в результате активной, плодотворной работы таких режиссеров, как Ш. Сарымсаков, Г. Юсупов, Х. Уразиков, Р. Тумашев, в драматургию пришли молодые талантливые авторы Х. Вахит, А. Гилязов, И. Юзеев, Ш. Хусаинов, Т. Миннуллин. Естественно, их волновали проблемы современности, герои дня, жизнь и деятельность современного человека. Судьба каждого из этих авторов в искусстве сложилась по-разному. Как известно, судьбу драматурга в театре определяют сложившиеся взаимоотношения с режиссурой. Насколько данный драматург и привнесенный им в произведениях мир интересен тому или иному режиссеру? Удастся ли им нащупать общие точки соприкосновения в искусстве? Как они преодолеют проблему совместимости характеров двух столь разных творческих индивидуальностей? Ответы на эти вопросы во многих случаях характеризуют атмосферу и плодотворность их совместной деятельности. Сложившиеся в исследуемый период творческие содружества Х. Вахита и Р. Бикчентаева, Т. Миннуллина и М. Салимжанова во многом определили пути дальнейшего развития татарского сценического искусства. Достаточно плодотворными оказывались не столь длительные творческие союзы Г. Юсупова и А. Гилязова, П. Исанбета и Р. Батуллы, Х. Уразикова и Ш. Хусаинова. В первую очередь объектом исследований этих творческих содружеств стало формирование характера, нравственные критерии вступающего в жизнь нового поколения, судьбы и проблемы молодых героев, их первые удачи и неизбежные ошибки, чувства любви и ненависти, радости и огорчения. В этом отношении знаковыми стали такие спектакли, как «Первая любовь», «Добро пожаловать», «Если улыбнется счастье» Х. Вахита и Р. Бикчентаева, «Осенние ветры», «Босоногая девушка» А. Гилязова и Г. Юсупова, «День рождения Миляуши», «Илгизар+Вера» Т. Миннул-

лина и М. Салимжанова, «Втроем вышли в путь», «Прости меня, мама!» Р. Батуллы и П. Исанбета, «Зубайда – дитя человеческое» Ш. Хусаинова и Х. Уразикова и другие. В этих произведениях режиссеров привлекала возможность говорить о таких серьезных вещах, как жизненный идеал, целеустремленность и бескомпромиссность в поступательном движении вперед, в труде, в любви. Режиссеры, стремясь как можно глубже раскрыть внутренний мир молодых героев, вместе с тем хотели заставить зрителей задуматься, поразмышлять о себе, о своей жизни и деятельности. Именно стремлением как можно глубже проникнуть в тайны человеческой души, в самые глубинные пласты психологии личности татарские мастера постановочного искусства добивались наибольших успехов в своем творчестве. Вышеперечисленные спектакли – прекрасный тому пример.

Однако тема вступающих в жизнь молодых героев никак не исчерпала интерес татарских режиссеров в области решения проблем современности. Наряду с вышеозначенным направлением в театрах республики ведутся серьезные поиски тем масштабных, большого общественного значения. В творческой практике Театра им. Г. Камала в этот период спектаклей, затрагивающих масштабные социальные проблемы, можно найти достаточно много. «Братья Тагировы» по пьесе признанного прозаика, мастера слова, изредка обращающегося к жанру драматургии Ф. Хусни, является одним из спектаклей, на высоком идейно-художественном уровне исследующих последствия культа личности в тесной связи с судьбами и характерами современных героев. Новаторская природа данной постановки режиссера Ш. Сарымсакова определяется поэтому совершенно новой, до этого остававшейся белым пятном, проблематикой произведения. Человек и общество, личность и государственная политика, чиновничье-бюрократическая система тотальной слежки и судьба индивидуума – в расширительном плане

именно так можно определить проблематику данного смелого, во многом новаторского спектакля Ш. Сарымсакова и Ф. Хусни.

Огромной областью поисков татарской режиссуры в 1957–1990 гг. стали спектакли о морально-этических качествах современного человека. Теперь уже повзрослевший, твердо стоящий на земле герой исследовался режиссером-постановщиком в тесной связи с семейными узами и с производственной деятельностью. Каковы его нравственные ориентиры и критерии ценности? Чем руководствуется он в своих поступках, делах и в отношениях с близкими людьми? В каких-то параметрах новым ответом на эти вопросы стали «Приехала мама» Ш. Хусаинова и М. Салимжанова «Суд совести» и «Сквозь поражение» Д. Валеева, поставленные М. Салимжановым и П. Исанбетом, «Мужчины», «Дружеский разговор» Т. Миннуллина и М. Салимжанова, «Под знаком Марса» Р. Хамидуллина и Р. Хазиахметова, «Жених и невеста» М. Байджиева и Д. Сиразиева и другие. В данных постановках режиссеров республики нравственная сущность современного человека раскрылась в органической связи, синтезе морально-этической проблематики и так называемой производственной темы. По каким нравственным критериям должен жить современный человек? Что отвергать и какие этические каноны, нормы он должен отстаивать? Что для него самое главное в жизни? Эти и другие морально-этические вопросы ставились и рассматривались во всех вышеперечисленных работах театров республики. Стремление к аналитичности, к углубленному психологизму, к философскому осмыслению поступков, характеров героев также отчетливо выразилось в упомянутых выше спектаклях.

В серьезном разговоре театров республики о современности и современниках было выявлено, что коллективный портрет положительного героя, носителя эстетического идеала времени, не может быть полным без

образов всех без исключения возрастных категорий. Красноречивое тому подтверждение – спектакль Театра имени Г. Камала «Альмандар из деревни Альдермыш», поставленный М. Салимжановым по пьесе Т. Миннуллина. Необычная притчевая основа драматического материала позволила режиссеру создать многообразный, необычный спектакль, где органично переплелись сочные бытовые и обобщенно условные пласты образности. Синтез языка выразительных средств условно метафорического театра и театра прямых жизненных соответствий, соединение реального и фантастического, конкретного и обобщенно-философского помогли режиссеру и актеру Ш. Биктимерову создать бессмертный образ современника – девяностооднолетнего старика Альмандара и поднять спектакль на уровень подлинного ху-

дожественного открытия. Продолжая и развивая в новых исторических условиях традиции, («Зулейха» Г. Исхаки и Г. Кариева, «Две мысли» Г. Кулахметова и К. Тинчурина), он обогатил национальное режиссерское искусство совершенно новой эстетикой. В дальнейшем поиски татарского театра в данном направлении были продолжены в спектаклях «Домовой» М. Гилязова и «Свет очей моих» Т. Миннуллина, «Дети рая» М. Маликовой, «Русалочка – любовь моя», «Летающая тарелка» – режиссерами Ф. Бикчентаевым, И. Хайруллинным и М. Салимжановым. Они интересны стремлением расширить привычные рамки традиционной эстетики бытового психологического театра и попыткой добиться качественно новых, неповторимых сплавов условно-метафорической и жизненно-достоверной образностей.

#### Литература

1. Рыбаков Ю. Г. А. Товстоногов: Проблемы режиссуры. – Л.: Искусство, 1977. – 143 с., ил.
2. Рыжова В. Ф. Время. Герой. Артист. – М.: Знание, 1979. – 126 с.
3. Свободин А. Театральная площадь. – М.: Искусство, 1981. – 335 с., ил.
4. Смелянский Анатолий. Наши собеседники. – М.: Искусство, 1981. – 367 с., ил.
5. Смирнов-Несвицкий Ю. О многообразии сценического решения. – М.: Искусство, 1964. – 103 с.
6. Советское актерское искусство, 50–70 годы. – М.: Искусство, 1982. – 302 с., ил.
7. Станиславский К. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Искусство, 1954–1961.
8. Товстоногов Г. А. Зеркало сцены. – Л.: Искусство, 1980. – Кн. 1: О профессии режиссера. – 303 с., ил.
9. Юзовский Ю. О театре и драме: в 2 т. Статьи, Очерки, фельетоны. – М.: Искусство, 1982. – Т. 1. – 478 с.

УДК 781

*Г. А. Демешко*

### О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ПОЗИТИВАХ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В ИСКУССТВЕ XX В.

В основе статьи – проблема поиска адекватной XX в. концепции музыкального времени. Отмечается, что «дискуссия» с новоевропейской системой ритмики пока не увенчалась ее весомой альтернативой. И напротив: *неклассическая* трактовка функциональной диалектики метра и ритма вскрыла новые резервы прежней ритмической системы, позволила выстраивать оригинальную «гравитационную драматургию» произведения.

**Ключевые слова:** ритм, метр, такт, акцентность, тактометрическая система, новоевропейская ритмика, ритмические формы, «гравитационная драматургия».

G. A. Demeshko

## ON SOME PREREQUISITES AND POSITIVES OF THE NEW CONCEPT OF THE MUSICAL TIME IN THE ART OF THE 20TH CENTURY

The search for a concept of the musical time that could be adequate to the 20th century underlies the article. It has been pointed out that the argument with the Neo-European rhythmical system has not, as yet, resulted in any appreciable alternative. On the contrary, the neoclassical treatment of the functional dialectics of metre and rhythm revealed some new reserves of the former rhythmical system and made it possible to form original gravitation dramatic qualities of a musical composition.

**Keywords:** rhythm, metre, measure, accentuation, a measure-metric system, the Neo-European rhythmic, rhythmic forms, gravitational dramatic qualities.

XX в. вошел в историю музыки как период интенсивных поисков и новых предпочтений в сфере звучания, трактовки пространства-времени, базовых для формообразования технико-выразительных средств. Заметная роль в системе этих предпочтений отводится артикуляции, звукотембру и особенно *ритму*. Весьма точно определяет эту роль С. Губайдулина, рисуя метафорический образ «нового дерева» современной музыки. Его корнями, по мнению автора, впервые становится ритм, стволom – гармония, а листьями – мелодия<sup>15</sup>.

Разумеется, ритм и ранее пронизывал собой все отношения в музыке. Он распространялся на микро- и макроуровни музыкальной формы, регулировал не только соотношение музыкальных длительностей и акцентов, но выполнял свою общережиссерскую роль в процессе формообразования в целом<sup>16</sup>.

<sup>15</sup> Согласно губайдулинскому видению истории музыки, которое она подробно излагает в фильме «Огонь и роза», корнями первого дерева (линейный период – до XVII в.) является мелодия, а второго дерева (гомофонный период XVII–XIX вв.) – гармония [8].

<sup>16</sup> Как «совокупность всех временных координаций», подчеркивает В.Холопова, ритм может включать в себя все соотношения временного параметра; О. Мессиа́н говорит о «гармонии, которая движется... и это есть ритм, всеобщий динамический закон, наложенный на время, всеобщую энергетическую субстанцию» [6, с. 26].

Так в чем же его особая, новая, «коренная» (С. Губайдулина) роль в музыкальных опусах XX в.? И почему такие категории, как «время», «хронос», «ритм», по общепризнанному мнению, становятся «...едва ли не главной художественной проблемой нового цикла музыкальной истории, потеснив все остальные...»? [9, с. 71].

Ответ на эти вопросы следует искать, по крайней мере, в двух направлениях.

*Первое* из них обусловлено *общекультурными* процессами XX в. Они вскрывают связь нового ритмического мышления с предпосылками, лежащими в области философии, физики, психологии и повлиявшими на музыку как *звуквременной* вид искусства. Результатом такого воздействия становится особый *стиль художественного высказывания, дистанцированный от «слишком человеческого»*, а важнейшим способом его музыкальной артикуляции – новая организация звукового континуума.

Не случайно такие категории, как «время», «хронос», «ритм» в произведениях крупнейших мастеров XX в. как бы заново исследуются, пересоздаются, наделяются особым символическим смыслом. Повышенный интерес к ним запечатлен в названиях ряда опусов второй половины столетия. Среди них:

а В. Бобровский окончательно резюмирует: «...включение любого выразительного средства в ритмическое движение превращает его в формирующее средство» [5, с. 79].

«В начале был ритм» и «Фигуры времени» С. Губайдулиной; «Время терпеть» для оркестра и «Всему свое время» для фортепиано Ш. Каллоша; «Хронохромия» и «Взгляд времени» из цикла «20 взглядов младенца Иисуса» О. Мессиана; «Эхо времени и реки» для оркестра и «Zeitgeist» для двух фортепиано Д. Крамба, «Измерения времени и тишины» К. Пендерецкого и «Время разрушать, время строить» Л. Даллапиккола и т. д. Изменившееся отношение к этой важнейшей категории сквозит и в высказываниях самих композиторов («В новой музыке главным ... является время, а не материал» – Б. Шеффер; сегодня «...самым значительным событием является тотальная переработка музыкального переживания времени» – Э. Кшенек и т. д.).

Новые временные параметры музыки по-разному проявляют себя в произведениях западных и отечественных художников, в авангардных направлениях и постмодерне, минимализме и новой сакральной музыке. По-видимому, крайним проявлением подобных новаций становится выход в «чистое» пространство и время (эксперименты Казимира Малевича в живописи, Джона Кейджа – в музыке<sup>17</sup>).

**Второе** направление связано с *имманентно-музыкальными процессами*, следствием которых становится радикальное изменение позиции ритма в иерархической шкале языковых средств XX в.<sup>18</sup> Здесь он впервые эмансипируется, становится не просто «регулятором» или «режиссером» разветвляющегося во времени композиционного

<sup>17</sup> Доведенный до парадоксальности, опыт этих художников вряд ли предполагает свое повторное воспроизведение в искусстве.

<sup>18</sup> Ряд исследователей связывает выдвижение ритма на авансцену современного формообразования с высвобождением диссонанса и кризисом мелодики, исчерпанием тональной системы и ослаблением гармонического «пульса», приведших к высвобождению ритма, его индивидуализации и насыщению новой «энергетикой».

действия, но и *главным*, а порой и *единственным* «персонажем» этого действия.

Доминирование ритмического начала над другими элементами находит яркое выражение в бурном росте ударной группы оркестра, уравнивании ее в правах с тремя остальными. Логическим пределом этой тенденции становится новая и специфическая для профессионального искусства область творчества. Это – музыка для одних ударных, представленная внушительным корпусом современных опусов. Назовем лишь некоторые из них: С. Прокофьев «Египетские ночи», ч. 3 – «Тревога»; Л. Ноно «Полифоника-Монодия-Ритмика», ч. 3; С. Губайдулина «В начале был ритм» для семи исполнителей на ударных инструментах; В. Артемов «Тотем» – соната для шести исполнителей; Э. Варез «Ионизация»; Л. Альберт «Японские барабаны» и т. д.

Взросшая роль ритма сказалась на появлении в XX в. целого класса самостоятельных **ритмических форм**, пока не получивших какой-либо единой систематизации<sup>19</sup>. Назовем основные и неотъемлемые, на наш взгляд, параметры такого рода форм:

- 1) ритм как основа формообразования;
- 2) демонстрация новых концепций времени (новое ритмическое мышление);
- 3) эксперименты в сфере ритмического структурирования музыкального времени (новая морфология ритма);
- 4) «дискуссия» с новоевропейской системой ритмической организации: ее *новое прочтение (переинтонирование)* или *отрицание*.

В любом из этих решений перед нами – модернизация количественных характеристик европейских ритмических систем или *перенесение* качественных, функциональных свойств акцентно-тактовой системы в необычные для нее структурные условия; *смешение, взаимодействие* европейской ритми-

<sup>19</sup> Скромный и фрагментарный опыт их систематизации встречается у Ю. и В. Холоповых, некоторых др. авторов.

ки с иными принципами структурирования музыкального времени или *конструирование* новых, математически просчитанных моделей ритмической организации.

Новые, значительно расширившиеся в XX в. координаты музыкального времени позволяют В. Ценовой рассматривать его в трех плоскостях: а) *моновремени* – как времени одного (горизонталь) измерения; б) *поливремени* (горизонтальное и вертикальное его измерение); в) *мультивремени* (присоединение к двум указанным параметрам *глубины* как еще одного измерения). Многообразие же конкретных трактовок музыкального времени делает возможным применение к нему столь необычных эпитетов, как: «сжатое, расширенное, ставшее, вертикальное, горизонтальное, многослойное, шарообразное, пульсирующее, аморфное, гладкое, многонаправленное, виртуальное (время. – Г. Д.), момент-время ...» [9, с. 72].

Судьбы современной ритмики, как уже отмечалось выше, восходят к предпосылкам, лежащим в сфере психологии и физиологии восприятия. Именно ритм становится в XX в. самым мощным и сильнодействующим транслятором качественно новых моделей музыкального времени – моделей, как правило, чуждых новоевропейским стандартам, но вполне адекватных мифологизирующим тенденциям новейшей культуры.

Так, первой сшибкой в сторону нового времяощущения, на наш взгляд, становится сначала «рваный» *регтаймовый* ритм (или букв.: *rag* отрывок + *time* время, темп, такт), а затем – и *джазовый свинг*. Привнесенный ими энергетический заряд негритянской ритмики помог нащупать столь актуальный для XX столетия стиль, основанный на «биении» асинхронных ритмических линий, направить академическую музыку в русло деевропейзации. Вслед за этим происходит ее смыкание с латино- и южноамериканской, индийской (О. Мессиа́н) и азиатской (Дж. Кейдж) народной музыкой. Определенное влияние на новую концепцию художественного вре-

мени оказали: урбанизация общественного бытия и «деловые» ритмы индустриального города, деревенский «фолк», молодежная контркультура и т. д.

У истоков революционных процессов в сфере профессиональной музыки стоит культовая по своей значимости фигура Игоря Стравинского. Г. Рождественский как-то заметил, что в его «...жилах ... вместе с кровью течет ритм». Обратившись к особой, ритуально-языческой образности, композитор уже в начале века задал мощный толчок к раскрепощению стихии ритма, бросил дерзкий вызов классическим представлениям о его роли в процессе формообразования.

Впоследствии творчество Стравинского будут изучать и соизмерять с ним собственные ритмические находки О. Мессиа́н, П. Булез, К. Штокгаузен, другие маститые западные композиторы. А поначалу воздействие его музыки на европейское ухо было подобно эффекту неожиданно разорвавшейся бомбы. Т. Адорно называет его «ритмическим шоком...», под которым «...кроется то, в чем обвиняли Венскую атональную школу, – произвол» [1, с. 251].

Отметим одно важное обстоятельство в сфере ритмических поисков и обретений XX в. – способность лучших опусов, во-первых, увязать как угодно дерзкий ритмический эксперимент с эстетическим результатом, а во-вторых – за «технологическими» аспектами той или иной ритмической системы не утратить ощущения внутреннего «интонационного дыхания» музыки.

Постулат: **музыка есть интонируемый смысл** и сегодня остается базовым для ряда современных (прежде всего – отечественных) музыкантов, активно обновляющих сферу ритмического мышления<sup>20</sup>. Практика

<sup>20</sup> Заметим, что такие категории, как «интонация», музыкальная «форма-процесс», «интонационное мышление»... зарубежной наукой вообще не обсуждаются и в каком-то смысле чужды ее ментальности.

показывает, что только *интонационная природа слышания делает жизнеспособным любой ритмический эксперимент*. И если чуткая интуиция и знание законов строения интонации, как правило, гарантирует успех, то ориентация на иную, *конструктивно-звуковую природу упорядочивания музыкальных процессов* нередко приводит художника к противоречию с логическими принципами интонационной организации.

Если сам факт лидирующей роли ритма в формировании новой концепции музыкального мышления в XX в. практически общепризнан, то ни обобщающей теории «нового ритма», ни – тем более – методологии анализа новых ритмических явлений пока не существует. Можно говорить лишь об отдельных интересных и порой достаточно точных «попаданиях» некоторых авторов относительно феномена современной ритмики.

Так, в первой главе («Ритм») своего трактата «Введение в композицию» польский композитор Б. Шеффер, стремясь обобщить опыт временной организации в музыке 1950–60-х гг., указывает на ритм как главный презентант «изменчивости» современной композиции. Он же предпринимает попытку систематизировать важнейшие технические приемы, лежащие в области ритма и метра и соотносимые Шеффером с нерегулярностью, асимметричностью, иррациональностью ритмики.

В ряде работ отечественных авторов (Ю. и В. Холоповых, В. Ценовой, Т. Цареградской, Л. Александровой и др.), как правило, не просто описываются некоторые новые техники и ритмические системы, но и отмечается магистральное направление таких поисков в области ритмического языка: *стремление к нарушению равномерности, ритмической регулярности, принципов периодичности и симметрии*.

Объем и жанр отдельной статьи не позволяет дать исчерпывающую картину разнопланово протекающих ныне процессов в области

современной ритмики, а тем паче – подвести под них некий «общий знаменатель». Наша задача ограничивается, во-первых, постановкой некоторых базовых проблем, связанных с *новой концепцией музыкального времени* и, безусловно, заслуживающих самостоятельного исследования. А во-вторых, – попыткой автора выяснить отношение между скрытыми функциональными возможностями новоевропейской ритмической системы и некоторыми ритмическими новациями XX в.

Итак, что касается общей проблематики ритма, то она включает в себя несколько базовых аспектов.

1. Ритм как фактор формообразования в музыке XX в., несмотря на все разнообразие проявлений, репрезентирует художественную модель, *альтернативную широко понимаемому классическому искусству*. В основе последнего, как известно, сложилась своя философско-художественная картина мира и соответствующая ей концепция пространства-времени, свой тип «событийности» и круг формо- и жанрообразующих принципов, наконец, – своя культура эмоции, рассчитанная на особый тип слушателя-субъекта.

2. Формирование новой концепции музыкального времени вызвано иными, *аклассическими тенденциями* в искусстве, едиными для художественного мышления XX столетия в целом. Это обусловило смещение акцента с жанров, обобщивших опыт личностного переживания, на новые жанрово-композиционные модели, опирающиеся на коллективный и культурный опыт, культивирующие иной тип эмоции и обращенные к иначе рефлектирующему типу слушателя.

3. Вместе с тем прощание с новоевропейской ритмической системой следует признать преждевременным, ибо ее принципы продолжают по-новому «транслироваться» в наиболее значительных направлениях музыкального искусства XX века. Какковы эти неисчерпанные возможности новоевро-

пейской модели ритмического мышления, востребованные современным искусством? Назовем важнейшие из них:

1. Акцентно-тактовая система предстает как исторически первый чисто музыкальный механизм порождения конфликтов в самой ритмической ткани за счет периодического несовпадения между метрическими («гравитационными») и ритмическими акцентами, что способствует образованию временных диссонансов.

2. Чередование ритмических консонансов и диссонансов впервые позволяет «конструировать» сложно организованное, перманентно *пульсирующее музыкальное время*, которое П. Булез называет «рифленным» и противопоставляет «аморфному» времени, характеризующемуся отсутствием пульсации.

3. Именно «рифленное» время рассчитано на соучастное, креативное прочтение (исполнительское или ментальное) музыкального текста, связанное с необходимостью мысленно воспроизводить метрически сильную долю<sup>21</sup>.

4. Организованная по «арсисно-тесисно-му»<sup>22</sup> принципу ритмическая система, объединяя в себе количественный и качественный параметры, отличается и функционально, и структурно от иных (попевочно-фольклорных и квантитативных) метрических систем.

5. Основная единица этой системы – такт – становится «объемной» величиной, являющейся некой первичной иерархией весовых зависимостей (тяжелых и легких долей, звучащих и неслышимых акцентов), а в масштабах композиции – единицей «функционального счета» более протяженных импульсов энергии.

<sup>21</sup> В отличие от инерционного или ритмически-пространственного слышания иначе организованных текстов (например, слух скользящий, не задерживаясь ни на чем, кроме клаузул, при звучащих средневековых мотетах и т. п.).

<sup>22</sup> Арсис (от греч. *arsis* – подъем) и тесис (греч. *thesis* – спад, опускание).

Внутренняя мобильность новоевропейской модели ритмического мышления объясняет и то обстоятельство, что разрыв с нею в XX в. оказался крайне болезненным и непростым. Ведь не секрет, что напряженная дискуссия, «борьба» с тактом, стремление превозмочь новоевропейскую тактометрическую систему обернулись невозможностью полностью уйти от нее или, во всяком случае, противопоставить ей нечто равнозначное по степени универсальности<sup>23</sup>.

Не случайно среди систем ритмической организации XX в. немало направлений, так или иначе контактирующих с новоевропейской моделью. В их основе – диалог с акцентно-тактовой метрикой и ее новое «обживание», в том числе посредством своеобразной инверсии функций метра и ритма.

Активное поведение метра заявляет о себе переменностью, двузначностью или многозначностью; метрическим сжатием, уплотнением или расширением; квантитативным «выпрямлением» или функционированием в режиме остановки времени («пустые» такты) и т. д. Все это превращает его из стабилизирующего фактора в динамизирующий, экспрессивный, конфликтный, порождающий эффекты упругого энергетического тока. В то же время звучащий план (ритмика), напротив, нередко лишается интонационной рельефности, предельно упрощается, – вплоть до бесконечного скандирования одной-единственной длительности и т. д.

Б. Шеффер также считает метр слишком важной категорией, чтобы от нее отказаться: «Аметричность, хотя и обновляет понятие

<sup>23</sup> Все это наводит на мысль о том, что, по видимому, в эпоху Нового времени была найдена некая *базовая основа такого языка*, позволяющая ему функционировать далеко за пределами породившей его культуры. О «подлинной уникальности», «неслыханности», «исключительности структуры» новоевропейского ритмического языка говорит в частности М. Аркадьев (см. [2–4]).

времени, но при этом губит динамические возможности музыки. Однако наличие метра как такового недостаточно, *нужна игра с метрами* (то есть неравномерность. – Г. Д.)» [10, с. 19]. Являясь типичным проявлением *неклассичности* ритмического мышления XX в., она не только не снимает, но нередко и обостряет ощущение метрической пульсации, хотя и переводит его в режим скрытого иррационального счета. Удивительно и то, что гравитационные тяготения сохраняют силу за пределами ладо-гармонических отношений, а то и вне фиксированной звуковысности в целом (музыка для одних ударных).

Все это делает, на наш взгляд, не вполне удовлетворительным привычное толкование метра как «равномерной (курсив мой. – Г. Д.) периодичности в соотношении сильных и слабых долей» [7, с. 78]<sup>24</sup>, ибо ведет к отождествлению метрической пульсации с «хронометрическим» временем<sup>25</sup> как ориентиром (или, по Булезу, – с «маяком»). Точно так же трудно согласиться с однозначной трактовкой ритма как «фигуры» (рельефа), а метра – как «фона»<sup>26</sup> применительно к ряду современных опусов.

Что же существеннее в ситуации непрерывных вариантных перемещений звуковых образований относительно тактовой сетки: ритм или метр? Фон или рельеф? Аудиальное или визуальное (по партитуре) восприятие музыки? Очевидно, и то и другое,

<sup>24</sup> Аналогичное понимание метра дается многими другими учеными и композиторами: например, Коуэлл толкует метр как «результат регулярности ритмических акцентов»; Штокгаузен считает, что «музыка представляет упорядоченные во времени пропорции» и т. д.

<sup>25</sup> Г. Нейгауз как-то точно заметил, что метроном не только аритмичен, но и «аметричен».

<sup>26</sup> С такого рода демаркацией встречаемся практически в каждом учебнике. Ссылаясь на психологическую двуплановость восприятия, об этом же говорит А. Уинолд в своей обширной статье по ритму в сборнике Г. Уиттлиха [11].

а вернее – их суммарный эффект. Точно так же далеко не фоновое по сути значение переменного метра. Позволяя растягивать и сжимать временные границы тематического мотива, этот прием рождает особую, удивительно гибкую пульсацию.

Вообще, тонко нюансированная партитура пульсационных ритмов, по-видимому, и возможна лишь в ситуации неполной предсказуемости и переменности, в сокрытии и артикуляции акцентности, в неявном характере взаимодействия «звучащего» и «незвучащего» пластов музыки. Разные типы пульсационности могут взаимодействовать в контексте одного произведения и составлять его оригинальную «гравитационную драматургию».

Складываются и некие традиции в использовании такого рода приемов в XX в.: прием накопления маловесомых тактовых формул в зоне неустойчивости (Стравинский), формирование плотных гравитационных полей в кульминационных разделах (Стравинский, Живкович, Раскатов...), включение приемов метрического «крещендо» (увеличение долей) или «диминуции» (изъятие в каждом последующем такте по одной счетной доле с соответствующим возрастанием удельного веса тактов – В. Артемов. «Тотем», с ц. 200: 8/8, 7/8, 6/8, .... 1/8) и т. д.

Такт в ряде современных опусов – это элемент непрерывного и живого временного потока, несущего на себе звуковую конструкцию и тесно взаимодействующего с ней. Как и доля, он независим от звукового наполнения<sup>27</sup>, континуален и не хронометричен по природе. Кроме того, все моменты метрических «сбоев» и «провалов» необычайно содержательны, выразительны,

<sup>27</sup> Нередко в современной партитуре проставляется «пустой» такт (когда отсутствуют даже паузы), снабженный ремаркой *ad libitum* или же включается более крупное незвучащее образование (например, *Cadenza visuale*) и т. д.

напряженны, весомы. Поэтому предложенные М. Аркадьевым понятия «гравитационная ритмика» (для обозначения звучащего пласта музыки) и «гравитационный хронотоп» (для обозначения метра) применительно к новым способам функционирования акцентно-тактовой ритмики в XX в. представляются вполне работающими и куда более точными по сравнению с традиционными.

Следует отметить, что в целом поиск новых систем ритмической организации в XX в. ведется в самых различных, в том

числе – крайне радикальных направлениях по отношению к новоевропейской ритмике. Однако контакты музыки XX–XI вв. с ритмическими традициями прошлого, на наш взгляд, еще далеко не исчерпаны. Наряду с неклассической трактовкой тональности, тематизма, формообразующих принципов прошлого они очерчивают *инновационную ветвь концепции новоевропейской метро-ритмики* и тем самым открывают путь к пониманию и объяснению целого ряда «метрических эксцессов» в музыке XX в.

### Литература

1. Адорно Т. Философия новой музыки. – М.: Логос, 2001.
2. Аркадьев М. А. Креативное время, «археписьмо» и опыт Ничто. – М.: Логос, 1994. – № 6.
3. Аркадьев М. А. Фундаментальные проблемы теории ритма и динамика «незвучащих» структур в музыке А. Веберна и Гуссерль // Музыкальная академия – 2001. – № 1.
4. Аркадьев М. А. Хроноартикуляционные структуры новоевропейской музыки и фундаментальные проблемы ритма: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. – М., 2003.
5. Бобровский В. Функциональные основы музыкальной формы. – М.: Музыка, 1978.
6. Мессиан О. Трактат о ритме, цвете и орнитологии (фрагменты) / перевод Т. Цареградской // Цареградская Т. Время и ритм в творчестве Оливье Мессиана. – М., 2002. – Гл. 2: Ритм.
7. Милка А. Теоретические основы функциональности в музыке. – Л.: Музыка, 1982.
8. Портрет Софии Губайдулиной. Второй телефильм серии «Современная русская музыка». BBC TV / Союзкиносервис, 1989.
9. Ценова В. Музыкальное время. Ритм // Теория современной композиции / под общ. ред. В. С. Ценовой. – М.: Музыка, 2007. – Гл. V.
10. Шеффер Б. Введение в композицию. – Краков, 1976.
11. Aspects of XX th century music. Prentice-Hall, 1975.

УДК 7

С. Н. Федин

## СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЗВУЧАНИЯ МУЗЫКАЛЬНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются фундаментальные эмоции, перцептивные признаки эмоционального содержания музыкального произведения. Описываются характеристики художественного звучания музыкального произведения, анализируется их связь, с объективными элементами музыкального языка.

**Ключевые слова:** структура художественного звучания, музыкальное произведение, эмоции, перцептивные качества, интервалы, натуральный строй, равномерно-темперированный, эстетическая ценность, единица музыкального языка.

*S. N. Fedin*

## STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF ARTISTIC SOUND OF MUSIC

The article deals with fundamental emotions and perceptual signs of emotional content of music. Describes the characteristics of artistic sound of a musical work is analyzed in connection with the objective elements of musical language.

**Keywords:** structure of artistic sound, music, feelings, emotions, perceptual quality, spacing, natural order, evenly tempered, aesthetic value, a unit of the musical language.

Музыкальное произведение, представлено ли оно в качестве нотного текста или реального звучания исполнительского варианта, или чувственного образа слушателя, состоящего из последовательности настроений, – все это составляющие музыкального языка. Любой язык возникает и развивается в том случае, если явления, обозначенные его структурными единицами, объективны, адекватно воспринимаются индивидами, использующими его для общения. Различные элементы музыкального языка приобрели специализированный характер в процессе функционирования музыкального искусства, поэтому чувства, эмоции, настроения, передаваемые музыкальными произведениями, можно отнести к единицами музыкального языка, как и нотные знаки, музыкальные звуки во всей их структурной сложности, элементы музыкальной формы. Для слушателя важно эмоциональное содержание высокого эстетического уровня, передаваемое через звучание, ему не надо проводить гармонический анализ произведения, анализ строения формы. Он наслаждается художественным уровнем звучания, вместе с композитором и исполнителем переживает и осознает эмоциональное содержание произведения. По утверждению ряда психологов, реакция индивида на происходящее (в том числе и музыку) субъективна, но есть ряд качеств, которые позволяют отнести эмоции к объективному фактору. Если

учесть, что информация об эмоциональном содержании, закодированная в музыкальном произведении, – объективное явление, то это открывает возможность применения количественных методов и методов статистического анализа в изучении данного феномена. В ходе научных исследований, объективные факторы, к которым относятся акустические составляющие музыкального языка, можно сопоставлять с качественными характеристиками эмоционального содержания произведения и их символами лишь при условии, что последние относятся к объективным факторам.

Если признать, что эстетическим является собственно эмоция, без дополнительных условий, определяющих ее художественный уровень, то музыкальное качество (средство выразительности, единица музыкального языка), передающее в музыке эстетическое, тождественно качеству, передающему настроения, чувства, эмоции. Если признать, что эстетическое – иное, нежели эмоции, чувства, переживания (называемых также «характером музыкального произведения»), то музыкальное качество, передающее в музыке эстетическое, не тождественно качеству (средству выразительности, единице музыкального языка), передающему настроения, чувства, эмоции. В связи с этой гипотезой необходимо ответить на вопросы:

а) можно ли опираться на результаты исследований фундаментальных эмоций и

переносить выводы, сделанные в области психологии, на чувства, настроения, эмоции, используемые в музыке?

б) относятся ли фундаментальные эмоции, лежащие в основе чувств, настроений используемых в музыкальном языке к объективным факторам, которые не менялись на протяжении периода с VI–V вв. до н. э. до XXI в. нашей эры?

в) какое качество музыкального языка менялось в указанный период, и, следовательно, не являлось носителем эмоционального содержания?

г) какое качество музыкального языка является носителем эстетического?

Подход к ответу на первый вопрос можно найти в работе психолога В. Г. Ражникова «Исследование музыкального исполнительского образа». Проанализировав работы психолога Б. М. Теплова и пианиста, педагога С. Е. Фейнберга, он сделал следующие выводы: «С нашей точки зрения, музыкальный исполнительский образ основан не на рядоположенных чувственной основе и логике (обусловленности), но на закономерности самого чувственного переживания музыки. Иначе говоря, все чувственные впечатления, возникающие у музыканта в процессе исполнения произведения, тогда составляют художественный музыкальный образ, когда они связаны между собой определенной закономерностью (логикой)» [1, с. 72].

Для нас важно, что В. Г. Ражников подтверждает мысль, высказанную Аристотелем и поддержанную современными психологами (в частности Б. М. Тепловым) [2], что содержанием музыки являются чувства, эмоции, настроения, определяемые В. Г. Ражниковым как чувственное переживание музыки, подчиняющееся определенной закономерности. Наиболее полный ответ на то, что

понимают под фундаментальными эмоциями психологи, мы получим в исследованиях К. Е. Изарда [3].

К. Е. Изард считает, что: «Целостное определение эмоции должно принимать во внимание три аспекта или компонента, характеризующие это явление: а) переживаемое или осознаваемое ощущение эмоции; б) процессы, происходящие в нервной, эндокринной, дыхательной, пищеварительной и других системах организма; в) поддающиеся наблюдению выразительные комплексы эмоций, в частности те, которые отражаются на лице» [3, с. 16]. Таким образом, все компоненты, определяющие фундаментальные эмоции, совпадают по определению с процессами, происходящими у композитора, исполнителя, теоретика-критика, слушателя при восприятии музыкального материала. Это дает нам право сопоставлять качественные признаки содержания музыки (иногда они обозначаются как характер музыки) с фундаментальными эмоциями и распространять на первые некоторые свойства последних.

Опубликованный в 2004 г. словарь насчитывал 536 признаков характера звучания [4].

На вопрос, являются ли фундаментальные эмоции объективным фактором, К. Е. Изард дает однозначный ответ: «Ранние работы Дарвина (Darwin, 1872, 1877) и более современные исследования (Ekman et al., 1972 Izard, 1971) показали, что эмоции, которые будут представлены в этой книге как фундаментальные, имеют одни и те же выражения и эмпирические характеристики в весьма различных обществах, на всех континентах земного шара. Данные, приведенные в таблице 1, могут служить доказательством того, что фундаментальные эмоции обеспечиваются врожденными нейронными программами.

Таблица 1

**Словарь перцептивных признаков характера звучания  
(Словарь, созданный В. Г. Ражниковым  
по разработанной им методике, опубликован в 1978 г.) [1]**

1 радостно весело празднично приподнято звонко звучно блестяще бодро игриво бойко легко проворно полетно	2 торжественно величественно триумфально победно грандиозно ликующе восторженно пышно важно помпезно бравурно	3 энергично мужественно решительно воинственно смело сильно крепко твердо упруго упорно гордо властно уверенно неотступно непоколебимо настойчиво	4 страстно порывисто горячо пылко бурно кипуче пламенно стремительно нетерпеливо лихорадочно экзальгированно	5 возбужденно взволнованно обеспокоенно тревожно смятенно	6 раздраженно резко грубо гневно яростно бешено жестоко иступленно неистово свирепо дьявольски
7 поэтично возвышенно мечтательно одухотворенно сердечно задушевно интимно трепетно	8 нежно ласково чутко любовно деликатно мягко слабо набожно благоговейно благородно трогательно приветливо	9 спокойно безмятежно умиротворенно размеренно добродушно просто безыскусно смиренно размягчено наивно непринужденно чисто светло	10 робко застенчиво боязливо растерянно смущенно болезненно устало изнемогая расслабленно растерянно болезненно осторожно	11 завуалированно пасмурно сумрачно скрытно гулко глухо приглушенно	12 задумчиво элегично грустно печально жалобно горестно тоскливо скорбно меланхолично хмуро угрюмо мрачно трагично драматично
13 элегантно изящно галантно утонченно грациозно жеманно манерно тонко изощренно капризно	14 шутливо насмешливо иронически надменно шутовски гротескно саркастически забавно шаржированно	15 таинственно вкрадчиво прихотливо странно причудливо фантастически загадочно	16 масштабно широко размашисто наполнено объемно пространно	17 тяжело грузно громоздко массивно монументально	

Таблица 2

**Процент испытуемых, одинаково оценивающих эмоциональные категории выражений лиц на фотографиях**

	Американцы	Англичане	Немцы	Шведы	Французы	Швейцарцы	Греки	Японцы (Токио)	Мексиканцы	Бразильцы	Чилийцы	Аргентинцы
N -	89	62	158	41	67	36	50	60	616	82	90	168
Интерес-возбуждение	84,5	79,2	82,0	83,0	77,5	77,2		71,2				
Удовольствие-радость	96,8	96,2	98,2	96,5	94,5	97,0	93,5	93,8	97	97	90	94
Удивление	90,5	81,0	85,5	81,0	84,2	85,5	80,2	79,2	54	82	88	93
Горе-страдание	74,0	74,5	67,2	71,5	70,5	70,0	54,5	66,8	61	83	90	85
Отвращение-омерзение	83,2	84,5	73,0	88,0	78,5	78,2	87,5	55,8	61	86	85	79
Гнев-ярость	89,2	81,5	83,5	82,2	91,5	91,8	80,0	56,8	86	82	76	72
Стыд-унижение	73,2	59,5	71,8	76,2	77,2	70,0	71,0	41,2				
Страх-ужас	76,0	67,0	84,0	88,8	83,5	67,5	67,8	58,2	71	77	78	68
Сhtlybt	83,4	77,9	80,6	83,4	82,2	79,6	75,1	65,4				

А) Данные Изард (Izard), 1971.

Б) Данные о мексиканцах получены Дики и Ноуером (Dickey и Knowler), 1941.

В) Данные о бразильцах, чилийцах и аргентинцах получены Экманом и Фриезеном (Ekman, Friesen, 1972), данные о японцах по тем же самым шести эмоциям, которые они изучали в Южной Америке, показали до некоторой степени более высокие проценты совпадения, чем те, которые получил Изард» [3, с. 19].

Следовательно, фундаментальные эмоции и производные от них перцептивные качества (см. табл. 3) действительны для людей других эпох, например, для Древней Греции, эпохи Возрождения и т. д. Проанализировав состояние музыкального языка и средств его выразительности в разные временные отрезки, мы выявим, какие элементы музыкального языка подвергались изменениям, а какие нет. Если учесть, что фундаменталь-

ные эмоции не изменялись на протяжении исследуемого времени, то элементы музыкального языка, не подвергавшиеся существенным изменениям в процессе эволюции музыкального языка, являются носителями перцептивных качеств музыкального произведения. Те качества, которые подверглись изменениям, несут иную функцию.

Таблица 3

Фундаментальные эмоции	Перцептивные признаки содержания музыкальных произведений
Интерес-возбуждение	Возбужденно
Удовольствие-радость	Радостно, весело
Удивление	Таинственно, загадочно
Горе-страдание	Горестно, скорбно
Отвращение-омерзение	—
Гнев-ярость	Гневно, яростно
Стыд-унижение	Смущенно, болезненно, растерянно
Страх-ужас	Тревожно, смятенно

Первые звукоряды в Греции были построены на основе квинтовых и октавных ходов, для получения интервалов октава и квинта, достаточно было изменить длину струны (октава –  $1/2$  длины струны; кварта –  $3/4$  и квинта –  $2/3$ ). В. Г. Порвенков пишет: «Древнейший звукоряд, положенный, по преданию, в основу настройки арфы Орфея, выглядел следующим образом, если за отправную точку взять ноту «до».

1     $3/4$      $2/3$     2  
До   фа   соль   до1

Пользуясь основными интервалами – квинтой и октавой, можно расширить полученный звукоряд. Если от тона звукоряда (соль) с интервальным отношением  $2/3$  сделать ход на квинту вверх, а от тона  $3/4$  – ход на квинту вниз, то после переноса обоих новых тонов в пределы октавы получим:

1     $8/9$      $3/4$      $2/3$      $9/16$     2  
До   ре   фа   соль   си-бемоль   до1 (2)

В звукоряде (2) представлены интервалы прима, секунда, кварта, квинта, малая септима, октава. Последующие ходы по квинтам дают возможность получить большую терцию и большую сексту. Этот строй был известен философам школы Пифагора (V–VI вв. до н. э.) и был целиком построен по квинтовым ходам. Недостатком Пифагорова строя являлось неблагозвучие терции, которая имела слишком большое число биений и не была пригодна для полифонической музыки. Поэтому в XVI в. в Италии был предложен чистый или натуральный строй, основу которого составляли, наряду с чистыми октавами, квинтами и квартами, также и чистые большие терции. В натуральном строе диатоническая мажорная гамма имеет такие интервальные коэффициенты:

До, ре, ми, фа, соль, ля, си, до1

1,  $8/9$ ,  $4/5$ ,  $3/4$ ,  $2/3$ ,  $3/5$ ,  $8/15$ , 2; и диатоническая минорная гамма:

До ре ми-бемоль фа соль ля-бемоль си-бемоль до1  
1  $8/9$   $5/6$   $3/4$   $2/3$   $5/8$   $5/9$  2

Натуральный строй, как пифагоров, не замкнут, так как не имеет энгармонически равных звуков. В этом строе, например, до бемоль не совпадает с си. Если строить звукоряды от каждой новой ноты в соответствии с приведенными выше коэффициентами для мажорной и минорной гаммы, то каждый раз будем получать иные частоты для тонов. Это делает невозможным модуляции из одной тональности в другую и затрудняет создание музыкальных инструментов с фиксированной частотой звуков» [4, с. 7]. Таким образом, произведения XIV–XV вв., исполняемые современными музыкантами в равномерно-темперированном строе, не могут вызвать сопереживание эмоциональным и эстетическим содержанием, так как, согласно утверждению психологов, в XIV–XV вв. функционировали те же фундаментальные эмоции, что и в XX–XXI вв., а музыкальный строй и частотные характеристики были иными. Следует подчеркнуть, что этот вывод возможен при условии того, что характер музыки передавался высотой звука. Дальнейшее развитие музыкальной формы, жанров, стилей было возможно при наличии строя позволяющего модуляции в различные тональности. Равномерно – темперированный строй появился в Европе в XVII в. Его основой служило 12 одинаковых по интервальному коэффициенту малых секунд. Но и это не решает проблему адекватного восприятия современными музыкантами и слушателями музыкального материала, созданного в период с XVII по XIX вв., так как для эталонной ноты устанавливались в различное время различные частоты – от 370 до 576 Гц. [4]. В настоящее время существует три стандарта, принятых в мире.

О том, что высота звука не связана с характером музыки, говорит стремление играть чистыми квинтами, квартами, терциями на тех инструментах, на которых это возможно. Все современные инструменты в европейской музыке настраиваются в натуральном или чи-

стом строе и в равномерно-темперированном. Укажем, что в чистом строе настраиваются такие инструменты, как скрипка, арфа, некоторые виды гармоник; в равномерно-темперированном строе – клавишные, язычковые инструменты. Основа чистого строя – чистое без биений звучание квинт, кварт, терций, поэтому наименьший интервал – полутон в чистом строе в зависимости от его положения в октаве имеет разную величину. В равномерно-темперированном строе все полутоны равны. Вследствие этого все интервалы, кроме унисона и октавы, в темперированном строе настраиваются с биениями [5].

Табл. 4 и 5 взяты из книги В. Г. Порвенкова «Настройка музыкальных инструментов» [5].

В табл. 4 сравниваются интервальные коэффициенты для получения частот звуков чистого и равномерно-темперированного строя, построением интервалов от ноты «до». Величина интервалов дана также в центах. Напомним: «Цент – единица измерения интервалов в музыке. Один полутон равен 100 центам. Цент – логарифмическая единица, его величина, выраженная в единицах частоты – герцах, увеличивается от нижних частот к верхним» [5].

Таблица 4

Ноты	Чистый строй		Темперированный строй		Ошибки %
	Соотношение частот	Интервал, цент	Соотношение, частот	Интервал, цент	
До	1,00000	0	1,00000	0	0
До-диез	1,04166	70			
)		)	1,05916	100	1,7
Ре-бемоль	1,08000	112			
Ре	1,12500	204	1,12246	200	0,25
Ре-диез	1,17187	274			
)		)	1,18921	300	1,47
Ми-бемоль	1,20000	316			
Ми	1,25000	386			
)		)	1,25992	400	1,47
Фа-бемоль	1,28000	427			
Ми-диез	1,30208	455			
)		)	1,33484	500	0,11
Фа	1,33333	498			
Фа-диез	1,38889	568			
)		)	1,41421	600	1,79
Соль-бемоль	1,44000	631			
Соль	1,50000	702	1,49831	700	0,12
Соль-диез	1,56250	773			
)		)	1,58740	800	1,59
Ля-бемоль	1,60000	815			
Ля	1,66667	883	1,68179	900	0,91
Ля-диез	1,73611	954			
)		)	1,78180	1000	2,63
Си-бемоль	1,80000	1016			
Си	1,87500	1088			
)		)	1,88775	1100	0,7
До-бемоль	1,92000	1129			
Си-диез	1,95313	1159			
)		)	2,00000	1200	0,0
До1	2,00000	1200			

Таблица 5

Название ноты	Равномерно-темперированный строй		Чистый строй До1 = 261,62Гц
	Ля1 = 440Гц	Ля1 = 435 Гц	
Малая октава			
Соль-диез	207,65	205, 292	-
Ля	220,00	217, 50	-
Ля-диез	233,08	230, 43	-
Си	246,94	241, 13	-
1-я октава			
До	261,62	258, 65	261, 62
До-диез	277,18	274, 03	-
Ре	293,66	290, 33	294, 32
Ре-диез	311,13	307, 59	313, 95
Ми	329,63	325, 88	327, 02
Фа	349,23	345, 26	348, 82
Фа-диез	369,99	365, 79	-
Соль	391,99	387, 54	392, 43
Соль-диез	415,30	410, 59	418, 60
Ля	440,00	435, 00	436, 03
Ля-диез	466,16	460, 87	465, 17
си	493,88	488, 27	490, 54
2-ая октава			
До	523,25	517, 31	523, 20
До-диез	554,36	548, 06	-
Ре	587,33	580, 65	-

Даже если принять во внимание теорию Гарбузова о зонной природе высотного слуха [6], то и в этом случае из музыкальной культуры следует исключить произведения для дуэтов, трио, квартетов камерных оркестров, состоящих из струнных, духовых с нефиксируемым строем и клавишных – с фиксированным строем. Это следует из того, что разброс в колебаниях достигает (исходя из данных таблиц) 30 центов, а человек фиксирует расхождение звуков в один цент. При таких расхождениях все эмоциональное содержание должно переходить из областей лирического и трагического в область комического. Слушать исполнение на инструментах, настроенных в разных системах, невозможно. Этот вывод получает дополнительные подтверждения при анализе основ настройки музыкальных инструментов, предложенном ниже.

Настройка инструментов выполняется посредством слухового контроля биений. Биения – это периодическая пульсация интенсивности (громкости) звука, чередующиеся усиления и ослабление звука, возникающие тогда, когда частоты двух одновременно звучащих тонов близки [4].

«А что мы услышим, когда одну струну будем настраивать по другой в унисон? Здесь уже становятся заметными биения, как между первыми гармониками, так и между вторыми и третьими. Сравним, например, гармонические ряды для струн, первые гармоники которых не совсем точно настроены:

440	880	1320	1760
439	878	1317	1756

Нетрудно подсчитать биения между соответствующими парами гармоник, они равны 1, 2, 3, 4 биений в секунду. Следовательно,

одновременно должно быть слышно несколько видов биений. Внимательное вслушивание в слегка расстроенный строй хор струн или язычков подтверждает данный вывод. Обычно хорошо слышны два-три вида биений, различающихся между собой как по силе, так и по числу. Добавление к двум струнам третьей (в унисон) изменяет картину биений, они становятся как бы “размазанными”, нечеткими; звучание трехструнного хора, таким образом, может замаскировать ошибки настройки» [5, с. 13].

Основываясь на вышесказанном, мы приходим к выводу, что от высоты музыкального звука и строя звукоряда передача эмоционального содержания музыкального произведения не зависит. Несмотря на парадоксальность данного утверждения, при более внимательном рассмотрении, оно не противоречит здравому смыслу.

Явлением, которое необходимо как минимум осознать, является музыкальный звук. Зачем он нужен, для чего существуют в культуре человечества такие явления, как высота, регистр и тембр, ведь передавать эмоциональный образ, характер можно с помощью шумовых звуков, что намного проще. Следовательно, эти качества выполняют функцию, которую могут реализовать только они. Прежде чем выяснять эту функцию, необходимо разобраться, что представляют собой высота, регистр, тембр и громкость звука в понимании музыкантов.

Самая низкая по высоте нота на рояле, которую человек с трудом воспринимает, – обычно соль субконтроктавы. Ниже ноты соль субконтроктавы человек воспринимает только биения. Следовательно, все ноты, расположенные далее на клавиатуре, вплоть до соль контроктавы, будут более высокими. Нота соль контроктавы, с точки зрения высоты звука, ничем не отличается от ноты соль субконтроктавы, ноты соль 1 октавы, ноты соль 4 октавы. Однако каждый музыкант зна-

ет, что соль субконтроктавы самая низкая, а соль 4 октавы самая высокая. Следовательно, они ориентируются по регистру, а не по высоте звука. Необходимо отметить, что по тембру, например, на фортепиано, они совпадают, хотя количество обертонов изменяется по мере повышения октав. Меняется регистр звука, но не меняется высота, следовательно, регистр звука определяет характер звучания. Нота соль субконтроктавы и контроктавы звучит зловеще, сумрачно, а нота соль 4-й и 5-й октав звучат весело, как колокольчики или ручейки.

На характер звучания влияет громкость звука. В зависимости от силы звука соль большой октавы может звучать и ласково, и жестко. При этом высота, регистр, тембр не меняются, меняется только сила звука. Такой небольшой анализ говорит о том, что сила звука, регистр и тембр влияют на процесс передачи характера звучания, а высота звука нет. Можем посмотреть на взаимодействия перечисленных качеств с иного ракурса. Высота звука не зависит от тембра, регистра, громкостной динамики. В свою очередь тембр, регистр, громкостная динамика не зависят от высоты звука, а вот интервалы, аккорды и опирающиеся на них учения о мелодии и гармонии (в том виде, в каком они сложились к XXI в.), не могут существовать вне равномерно-темперированного строя. Эволюция музыкального искусства представляет собой непрерывный отбор форм, жанров, стилей на основе художественных норм. В процессе формообразования трудно переоценить значение мелодии и гармонии, а следовательно, значение звуковысотного строя, интервалов и аккордов. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что звуковысотный равномерно-темперированный строй является тем качеством, которое обуславливает логику музыкальной формы. Следовательно, подтвердилось предположе-

ние об уникальности функции, возложенной на высоту звука, отличной от функции, возложенной на громкостную динамику, регистр, тембр. Если различны функции, то различны и психологические механизмы, лежащие в основе процесса обработки музыкального звука.

Таким образом, проведенный нами анализ связей эмоционального содержания музыкального произведения, уровня эстетической ценности с элементами музыкального языка показал, что структура художественного звучания музыкального произведения состоит

из степени яркости эмоционального содержания музыкального произведения и эстетического совершенства музыкальной формы. При этом закономерность структурирования эмоционального содержания музыкального произведения определяет эстетические нормы, выработанные в процессе развития музыкального искусства. Эмоциональная характеристика и эстетическая характеристика музыкального произведения опираются на различные объективные элементы музыкального языка: первая – на громкость, регистр, тембр; вторая – на высоту звука.

### Литература

1. Ражников В. Г. Исследование музыкального исполнительского образа // Вопросы психологии. – 1978. – № 2.
2. Теплов В. М. Психология музыкальных способностей / ред. Н. В. Ветрова. – М.: Наука, 2003.
3. Изард К. Э. Эмоции человека / пер. с англ.: гл. 1–7, 16 – Д. В. Ольшанский, гл. 8–15 – С. В. Квасовец, – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1980.
4. Ражников В. Г. Диалоги о музыкальной педагогике. – М.: Классика-XXI, 2004.
5. Порвенков В. Г. Настройка музыкальных инструментов. – М.: Легкая индустрия, 1977.
6. Гарбузов Н. А. Зонная природа звуковысотного слуха // Н. А. Гарбузов – музыкант, исследователь, педагог: сб. ст. / сост. О. Сахалтуев, О. Соколова. – М.: Музыка, 1980.

УДК 7

*А. М. Князев*

## ДЕТЕРМИНАЦИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ МУЗЫКАНТА В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В данной статье рассматривается эволюция детерминации, взаимодействие и взаимосвязь составляющих исполнительской культуры музыканта в высшей школе.

**Ключевые слова:** детерминация, причина, обусловленность, каузальность, методология, категории, концепция, музыкальная знаковость, актуализация.

*А. М. Knyazev*

## DETERMINATION AND ITS ROLE IN THE PERFORMING CULTURE OF MUSICIAN IN HIGHER EDUCATION

This article discusses the evolution of determination, cooperation, and interconnection of components of musicians' performing culture in higher education.

**Keywords:** determination, cause, conditionality, causality, methodology, category, concept, musical signification, actualization.

Термин **детерминация** (от лат. *determinatio* – ограничение, определение) был впервые введен в научный оборот в области биологии немецким ученым К. Гайдером в 1900 г. Используется для обозначения ситуации, когда одно свойство, событие, явление оказывает определяющее влияние на другое свойство, событие, явление.

Безотносительно к биологии понятие «детерминация» используется в работах по философским проблемам теории вероятностей (А. С. Кравец), по методам анализа данных (В. А. Устинов, А. Ф. Феллингер). Понятие «детерминация» является ключевым в *анализе детерминационном*, где оно приобретает точный формальный смысл [13, с. 117].

Значение детерминизма как существенного компонента научного миропонимания, эффективного методологического принципа исследования делает особенно актуальным анализ категориального аппарата учения о детерминизме. В связи с этим обращает на себя внимание факт многозначности самого термина «детерминизм» и других связанных с ним терминов.

Нельзя не видеть, что в детерминизме, пожалуй, как ни в каком другом философском учении, немало сложностей обусловлено «разнотченностями» в терминологии. Это относится и к самому понятию детерминизма, и к понятию причинности, составляющему важный элемент категориального аппарата философской теории детерминизма. Американский историк науки Т. Кун справедливо полагает, что, «анализируя понятие причины, историк и философ должен более чем обычно учитывать нюансы языка и употребления данного понятия» [9, с. 8].

Вопросы терминологии в науке иногда могут показаться несущественными, второстепенными, но это совсем не так, тем более, если речь идет о формировании теории. Без

точного и однозначного языка, будь то язык науки или язык обыденной речи, невозможно никакое знание, в том числе и философское. Один из основоположников физики XX в., Н. Бор, неоднократно подчеркивал важность «однозначного применения» понятий, необходимую «для объективного описания однозначности определений», отмечая трудности познания, возникающие «из-за того, что словам иногда придается различный смысл» [3, с. 35, 96, 147]. Характерно, что известная эволюция взглядов Бора на применимость принципа причинности в атомной физике (от негативного отношения к позитивному) связана, как отмечает и В. А. Фок, с вопросами уточнения терминологии [16, с. 8].

Однозначность понятия – неперемное условие адекватности и эффективности научного языка. Особенно это относится к категориям – наиболее общим, фундаментальным понятиям. То или иное определение категории, к тому же, имеет значение для методологических возможностей категории, для установления принципов познания. Принципом выступает та или иная категория, закон либо учение в целом в определенной ситуации, используемые в методологической функции в качестве исходного положения для проведения исследований [5, с. 48]. Определение категории детерминизма существенно и для уяснения того, что понимается в науке под принципом детерминизма. При этом следует учитывать эволюцию понятий детерминизма, на которую важнейшее влияние оказывал и продолжает оказывать прогресс естествознания.

Понятие детерминизма прошло определенный путь развития, в ходе которого менялось его содержание и значение. Это естественно: изменяются не только вещи окружающей материальной действительности, но и понятия. Встречающиеся в на-

стоящее время разные значения термина «детерминизм» связаны с этапами его развития. Кроме того, данный термин употребляется в естествознании в значении, не совпадающем с пониманием детерминизма как философской категории. Мы не собираемся подробно проследить эволюцию идеи детерминизма в философии и науке, а хотим обратить лишь внимание на ее характерные особенности [6, с. 35].

Сама идея детерминации существует издавна и была представлена широко уже в античной философии и науке, поэтому мы можем ретроспективно называть детерминизмом древние концепции, хотя термин «детерминизм» более позднего происхождения. В средневековой логике под детерминацией понимался вид логического определения понятия: добавление признаков к родовому понятию для образования более ограниченно-го по объему видового понятия. Логическая операция образования менее общих понятий из более общих путем прибавления к последним некоторых признаков и в современной логике носит название детерминации (ограничения). Она противостоит обратной операции образования более общих понятий из менее общих – генерализации (обобщения).

С XVII в. понятие детерминизма употреблялось в общефилософском смысле для характеристики действительности. Причем, в течение довольно длительного времени оно использовалось в области этики и означало определенность морального выбора, обусловленность внешними обстоятельствами воли человека и его поведения. Понятие это связывалось с причинностью и противопоставлялось «свободе воли». Позднее стали говорить и о детерминизме природы, и данное понятие стало широко употребляться в физике, биологии и других частных науках. Детерминизм перешел в естествознание из философии, как отмечал Ф. Энгельс [11, с. 533].

Однако закрепление за понятием детерминизма всеобщего значения, распространение его на все явления окружающего мира произошло сравнительно недавно. Долгое время сфера этики оставалась главным, если не единственным, полем приложения понятия детерминизма. Этот факт, кстати говоря, является одним из аргументов в пользу того, что понятия детерминизма и причинности (каузальности) отнюдь не тождественны, о чем мы ниже будем говорить подробнее. Понятие причинности даже тогда, когда его использовали в этике, наряду с понятием детерминизма, применялось в науках о природе, независимо от последнего понятия. Лишь позднее стали отождествляться эти два понятия. И сейчас в западной философии категория детерминизма довольно часто применяется именно в этике, и традиционно «парной» для детерминизма категорией (в качестве его антипода) выступает категория свободы воли.

Таким образом термин «детерминизм» пришел в физику. При этом в содержание рассматриваемой категории вошло учение о причинности, которое существовало в философии. Причинность – значительно более раннее понятие, чем детерминизм. Издавна ответы на вопросы об обусловливаемости, определяемости вещей, событий, поступков сводились к выяснению (реальному или мнимому) причин происходящего. По словам В. И. Ленина, «тысячелетия прошли с тех пор, как зародилась идея «связи всего», «цепи причин». Сравнение того, как в истории человеческой мысли понимались эти причины, дало бы теорию познания бесспорно доказательную» [10, с. 311].

На протяжении многих веков господствовало мнение, что выяснение обусловленности вещи либо события – значит действительности, – которые содержались в мифах, было связано с установлением причин,

с указанием на генезис этиологической (от греческого *aitia* – причина) функции мифа [8, с. 39–40].

В философии Аристотеля, энциклопедическом учении античности, были выделены четыре вида причин, которые характерны для всего средневекового знания. Это «материальная причина» – материя, «формальная причина» – форма, «действующая причина» – то, что производит внешнее действие, и «конечная причина», под которой имелась в виду цель. Судьба каждого из четырех видов причин сложилась в истории науки и философии по-разному. Развивающееся естествознание Нового времени (XVI–XVII вв.), **стремясь к научному, опирающемуся на опыт, а не к вербальному, чисто словесному объяснению зависимости вещей и событий, приняло и включило в методологию науки лишь действующую причину.** Только последнюю оказалось возможным эмпирически обнаружить, исследовать, использовать знания о ней в практической деятельности.

Формальную и конечную причины Аристотель и особенно его средневековые истолкователи – схоласты понимали идеалистически, а материю сводили лишь к пассивному субстрату вещей. Это определило уменьшение видов причин в естествознании и философских учениях Нового времени, представители которого занимали антисхоластические позиции.

Основоположник английского материализма Ф. Бэкон, отводя важное место познанию причин, признавал материю, форму, действующую и конечную причины, то есть аристотелевскую классификацию. Однако он не считал возможным применять все эти понятия для характеристики природы, резко выступая против теологического рассмотрения явлений природы, с точки зрения конечных причин (греч. *teleos* – достигший цели). Исследование конечных причин, по мне-

нию Бэкона, бесполезно. Как пишет Гегель, «этот взгляд противодействовал бессмысленному суевию» [4, с. 533].

«Конечная причина» и «действующая причина» Аристотеля породили два враждующих направления в объяснении зависимости хода событий. В современном понимании причина – это только действующая причина, в связи с чем само терминологическое обозначение причины «действующей» оказывается излишним. На это обращал внимание Ф. Энгельс, заметивший, что у причин «не прибавляется решительно никакого нового определения, а лишь вносящий путаницу элемент в том случае, если мы их называем действующими причинами. Причина, которая действует, не есть вовсе причина [12, с. 569–570].

Обобщенное понимание детерминизма выявляет родство идей взаимосвязи. Детерминизм – как философское учение о зависимости вещей, событий, процессов от тех факторов, которыми они определены в своем существовании и измерении, которые ответственны за характеризующие их признаки.

Детерминизм выступает в рамках одной из глубоких концепций диалектики – концепции взаимосвязи всего сущего, имеющей важное методологическое значение. Заявляя в одном из писем (1919 г.) о своем несогласии с пессимистической оценкой познания, А. Эйнштейн писал: «Способность ясно видеть взаимосвязи принадлежит к самым прекрасным ощущениям в жизни» [17, с. 11].

Детерминизм связан с положением о всеобщей взаимосвязи вещей, но не тождествен ему: он выражает активную сторону взаимосвязи. Ближе всего понятие детерминизма стоит к понятию взаимодействия, которое характеризует механизм взаимосвязи. Однако это различные понятия: взаимодействие вещей и событий составляет основу их детерминации, а последняя – одну из сторон взаи-

модействия. Причем при анализе действия детерминации всегда выявляются действующие в определенном направлении факторы. В этом смысле детерминизм выступает как характеристика связей направленного взаимодействия [13, с. 52].

На современном этапе развития познания можно отметить дальнейшую эволюцию понятия детерминизма, идущую в направлении его большего обобщения. Выявление того, что называется статистической детерминацией, есть фактически установление не нового вида или типа детерминации, а нового способа ее осуществления, новой формы реализации. Вид детерминации остался тем же самым (причинность), но было выявлено, что причинение может существовать в форме как динамических (однозначных), так и статистических законов. В настоящее время становится вопрос не только об обогащении нашего знания о различных способах детерминации (к которым добавляется, в частности, различие физического и информационного способов детерминации), но и о выявлении разных видов и типов детерминизма. Это позволяет говорить о втором этапе развития учения о детерминизме в течение жизни одного поколения.

Детерминизм культурный – концепция, согласно которой (1) явления духовной культуры играют определенную роль в развитии общества; (2) культура рассматривается как относительно автономное образование, независимо от других сфер жизни. Детерминизм культурный характеризуется, как правило, чрезмерно широким толкованием понятия культуры, под которой обычно понимается «совокупность общеразделяемых символов и значений», включающая в содержание фундаментальные общественные идеи и ценности, обычаи и традиции и т. п. [13, с. 118].

В культуре может фиксироваться способ жизнедеятельности отдельного индивида

(личная культура), социальные группы (например, культура класса) или всего общества в целом.

Основным требованием педагогики высшей школы на современном этапе является ориентация на образ культуры как среды, «растящей и питающей» личность, как диалога и взаимопорождения прошлых, настоящих и будущих культур, то есть – на культуросообразность образования. Данное требование актуально и для системы высшего образования педагога-музыканта, исполнителя. Именно культурообразованность образования должна помочь будущему музыканту-исполнителю избежать узко понимаемого профессионализма.

Процесс подготовки на музыкально-педагогических факультетах вузов отличается, как известно, сложностью и многосоставностью. Вместе с тем, несмотря на это, в ней имеется область, содержание которой позволяет наиболее полно реализовать идею культурообразности образования в процессе профессиональной подготовки будущего педагога-музыканта, исполнителя. Это область историко-теоретической, музыковедческой подготовки, «педагогического музыкознания». Именно курс историко-теоретической подготовки (в состав которого входят такие предметы, как «Музыкальная этнография», «История музыки», «Гармония», «Анализ музыкальных произведений», «Полифония» и ряд других) должен выполнять роль интегрирующего начала, давать целостные и в то же время дифференцированные представления о глубинных процессах развития музыкальной культуры как подсистемы художественной культуры, раскрывать проблемы исторической преемственности и поступательного обновления содержания музыкального искусства, его выразительных средств, жанров и форм. Иными словами, совокупность понятий, терминов, представ-

лений теоретического музыкознания служит той научной призмой, которая в условиях историко-теоретической подготовки в вузе преломляет мир музыкальной культуры.

В музыкальном воображении и композитора, и исполнителя, и слушателя одной из существенных составляющих является игра. Крупнейший исследователь роли игры в культуре Йохан Хейзинга в книге «Человек играющий» пишет: «Игра – это свободно избранное действие или деятельность, которые избираются в условных границах времени и пространства... Цель игры – в ней самой, она сопровождается чувством напряжения и радости и сознанием «инакости существования», отличного от «обыденной жизни».

Игра всегда опирается на следование жестким правилам, без которых она не может существовать. И в то же время в их рамках предполагается полная раскованность фантазии и свобода творческой самореализации. Соотнося игру и музыку, нетрудно заметить их сходство.

Музыка любого стиля и любого художника всегда опирается на определенный набор норм и правил, по которым наш слух определяет национальную, стилевую и авторскую принадлежность сочинения.

С другой стороны, само существование этих порой очень строгих и жестких правил и норм совершенно не стесняет композитора, не ограничивает его фантазии, о чем свидетельствует музыкальное творчество всех времен и народов. Сам Хейзинга был убежден, что «законы игры действуют вне норм разума, долга и истины» и «то же верно для музыки». Поэтому «в основе любой музыкальной деятельности лежит игра... Служит ли музыка развлечению и радости или стремится выразить высокую красоту, или имеет священное литургическое значение – она остается игрой».

Музыкальная игра обусловлена художественным образом.

Начальная стадия построения концепции художественно-образного содержания музыкальной пьесы предполагает, прежде всего, осознание исполнительских задач. Соответственно тому, что «прочитывает» музыкант в нотной записи, в его воображении зарождается звуковой образ. Полноценное художественное раскрытие образного содержания музыкального произведения является центральной проблемой исполнительского искусства. Музыкальное произведение (в отличие от итогового продукта таких видов искусства, как живопись, скульптура, литература) не является по своей природе самостоятельно функционирующим результатом художественного творчества. Оно вручает свою судьбу в руки музыканта-исполнителя и полностью подчиняется его прочтению, пониманию, художественному вкусу. Без исполнительского искусства музыка существовать не может.

Звучащий музыкальный образ является синтетическим продуктом деятельности воображения двух человеческих индивидуальностей – композитора и исполнителя. Созданная композитором музыка продолжает свое дальнейшее существование как бы самостоятельно. Поэтому так велика роль исполнителя в процессе интерпретации. Интерпретация раскрывает норму и может ее нарушать.

Интерпретация – это сложный процесс активизации человеческой психики, который, как любое проявление, отражающее субъективные качества личности, имеет неисчерпаемое количество вариантов реализации. «Это особый процесс, живой и многоликий, разнообразный по формам и способам своего существования; то он протекает в сфере сознания и прерывается, не найдя выхода в реальность; то обретает частично адекватные себе материальные формы, но так и не вы-

растает в законченное художественное целое; то складывается стремительно и почти одно-моментно, выливаясь в материальную плоть; то зреет медленно и трудно, многократно меняя свою структуру и сущность» [7, с. 98].

Творческий смысл музыкально-исполнительской деятельности подчеркивали многие выдающиеся музыканты. Вот что писал по этому поводу известный русский композитор и музыкальный критик А. Н. Серов: «Великая тайна великих исполнителей в том, что они исполняемое силою своего таланта освещают изнутри, просветляют, влагают туда целый мир из своей собственной души, оставаясь между тем в высшей степени объективными, и даже чем сильнее эта объективность, тем больше и новизны является каждый раз в осуществлении...данной музыки» [15, с. 132].

Носителем авторских намерений в этом акте ознакомления с музыкой служит нотная запись музыкального произведения, которая, являясь посредником между композитором и исполнителем, при помощи знаковой символики отражает объективное содержание авторского замысла и общее направление авторской логики развития художественного образа.

Следует отметить, что нотная страница доносит до исполнителя многие грани авторского замысла (например, форму, темп, метр, динамику, исполнительские указания, фразировку, артикуляционные указания и т. д., а часто и программное содержание пьесы, ее название). Однако все эти данные указывают лишь общее направление развития музыкального образа. Запись знаков агогики, динамики, артикуляции, а также темповых обозначений не отражает точного авторского понимания этих средств выразительности. Каждый элемент нотного текста может быть расшифрован разными исполнителями по-разному. Поэтому, читая нотную

запись, исполнитель всегда бывает поставлен перед выбором вариантов трактовки музыкального произведения.

Наверное, следует согласиться с тем, что нотная запись достаточно схематична и позволяет «установить лишь важнейшие черты музыкального произведения как системы. Непосредственно в нотном тексте точно закреплены лишь те стороны авторского замысла, которые материализованы в звуковысотных соотношениях» [7, с. 141]. Лишь детальное рассмотрение музыки, опора на богатый личностный слуховой опыт и теоретические знания помогут музыканту-исполнителю проникнуть «сквозь текст в подтекст», создать план «драматического сквозного действия» музыкального произведения.

Сложный процесс становления исполнительской концепции от момента ее зарождения в сознании в виде общего эмоционального ощущения музыки до ярко конкретных обобщенных образов актуализации произведения требует от музыканта-исполнителя активной поисковой деятельности, в ходе которой обязательно применяются и совершенствуются знания, обогащаются индивидуальные приемы и методы работы, углубляется способность к аналитической деятельности, открывающей пути к практическим находкам. Этот емкий и многоликий созидательный акт целиком и полностью является отражением творческих функциональных возможностей внутренне-слуховой сферы музыканта-исполнителя, базируется на ее активизации и, кроме способности к предвосхищению логической последовательности звучания, включает также такие чисто исполнительские компоненты, как инициативный подход к трактовке идейно-образного содержания музыкального произведения и умение оберегать свою исполнительскую концепцию от налета слуховых штампов.

Раскрывая музыкальный образ наиболее близкими его художественной и личностной индивидуальности выразительными средствами, музыкант-исполнитель в слуховом воображении строит свой собственный вариант прочтения музыкального произведения. «Замороженные» в нотной символике чувства, мысли и идеи композитора исполнитель сможет «растопить» лишь теплотой своего творческого воображения, опирающегося на активность слуха, музыкальный и жизненный опыт, специальные знания и общую культуру», отмечает Л. Баренбойм [2, с. 90].

Эмоциональный мир исполнителя, уровень его общей и музыкальной культуры, психологические особенности его личности, окружающая его жизнь, социальные условия, историческая и этническая почва, на которой он вырос, – все это вступает во взаимодействие с результатом его деятельности. Вся эта взаимосвязь и взаимодействие этих явлений обуславливается приемами интерпретации и детерминируется в исполнительскую культуру, а она в свою очередь отражает качественную сторону произведения исполненного музыкантом.

В общении с результатом подлинного творчества как с чем-то совершенно новым, сотворенным впервые в результате божественной игры свободного воображения, с уникальным объектом духа и мысли рождается сотворчество слушателя (в котором, может быть, с еще большей энергией расцветает воображение) с его верным спутником – фантазией.

Результат игры слушательского воображения по большей части известен. Он чаще всего выражается в традиционном выдумывании каких-либо сюжетов под аккомпанемент музыки. Другая форма слушательского фантазирования менее предметна. Она основана на воображении эмоционально-

интеллектуального воображения, которое стимулируется непосредственными слуховыми впечатлениями. С одной стороны, оно обусловлено всем жизненным и умственным опытом и в этом становится как бы частью духовного существования слушателя, присваивается им. А с другой – такое восприятие есть продукт свободной игры чистого воображения.

Как показывает практика, такое свободное фантазирование при наличии определенного опыта слушания музыки и некоторого запаса музыкальных впечатлений позволяет многое услышать и понять в сочинении, причем понимание это будет находиться, по крайней мере, внутри поля смысла, очерченного его автором.

Во время концертного выступления между музыкантом-исполнителем и слушателями открывается канал прямой и обратной связи. В этом смысле детерминизм выступает как характеристика связей направленного действия.

В настоящее время у студентов вуза появилась довольно большая возможность участия в концертных выступлениях как внутри вуза, так и за его пределами, а также в конкурсах исполнителей, что повышает и оттачивает их мастерство, исполнительскую культуру.

В современном обществе и в музыкальном образовании сложились довольно устойчивые стереотипы человека, профессионально работающего в сфере музыки. Учитывая эти установки, попытаемся создать модель студента музыкального вуза.

Среди параметров, выделяются такие, как мотивация в учебном процессе, направленность обучения на педагогическую и концертную деятельность, исполнительскую культуру, артистичность, коммуникативность, а также востребованность специалистов данной профессии по окончании вуза.

---

**Литература**

1. Аскин Я. Ф. Принципы в системе философского знания.– Саратов, 1972.
2. Баренбойм Л. А. Музыкальная педагогика и исполнительство. – Л., 1974.
3. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. – М., 1961. – С. 35, 96, 147.
4. Гегель. Соч. – М.; Л., 1935. – Т. XI. – С. 533.
5. Гуренко Е. Г. Проблемы художественной интерпретации // Философский анализ. – Новосибирск, 1982.
6. Иванов В. Г. Детерминизм в философии и физике. – Л., 1974.
7. Каузова А. Г. Николаева А. И. Теория и методика обучения игре на фортепиано. – М.: Владос, 2001. – 368 с.
8. Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. – М., 1972. – С. 39–40.
9. Kuhn. Les notions de causalite dans le developpements de la physique. – Les theories de la causalite. – Paris, 1971. – P. 8.
10. Ленин В. И. Полн. собр. соч. – Т. 29. – С. 311.
11. Маркс К. и Фридрих Э. Соч. – Т. 20. – С. 553.
12. Маркс К. и Фридрих Э. Соч. – Т. 20. – С. 569–570.
13. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. академика РАН Г. В. Осипова. – М., 1998. – 240 с.
14. Сейдулаев Р. С. Концепция причинности и ее функции в физике. – Новосибирск, 1973. – С. 52.
15. Серов А. Н. Воспоминания о Глинке // Избр. ст. – М.; Л., 1950. – Т. 1.
16. Фок В. А. Атомная физика и человеческое познание / Предисл. Н. Бор. – М., 1961. – С. 8.
17. Эйнштейновский сборник, 1971. – М., 1972. – С. 11.

# ПАНОРАМА

# PANORAMA

*Ю. А. Васильев*

## РЕЦЕНЗИЯ

**НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ В. В. ЧЕПУРИНОЙ «СЦЕНИЧЕСКАЯ РЕЧЬ:  
ОТ СЛОВА ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО К СЛОВУ-ПОСТУПКУ»  
(КЕМЕРОВО, 2012)**

*Y. A. Vasilyev*

## REVIEW

**ON THE TUTORIAL OF V. V. CHEPURINA “STAGE SPEECH:  
FROM SCRIPT WORD TO WORD-DEED”  
(KEMEROVO, 2012)**

Только на первый взгляд непосвященному человеку может показаться, что теоретические и практические вопросы преподавания сценической речи всесторонне обдуманы и тщательно изучены, что любой аспект становления речи будущего актера и режиссера скрупулезно проработан и оснащен методическими материалами. Отнюдь. Несмотря на бурный поток литературы по сценической речи последнего десятилетия остаются невысвеченными многие *творческие* темы. Чуть ли не вся имеющаяся в наличии литература, за редким исключением являет собой перепевы, пересказы, изложения весьма и весьма знакомого, известного, давно апробированного и, чаще всего, устаревшего, если не отжившего, всеми своими корнями связанного с механическими подходами к развитию техники и выразительности речи на сцене. Настоящий исследователь не замыкается на привычном, он не доверяет словам и книгам, рекомендациям и «откровениям» иных «знатоков» того, «как надо и что надо», предлагающих свои публикации в виде спасительного эликсира. Вдумчивый исследователь познает и пробует, анализирует и ищет,

опираясь, прежде всего, на свой собственный педагогический опыт, на свое видение театрального процесса и свое личное понимание целей и задач обучения человека искусства. Истинное творчество не всегда укладывается в рамки узаконений, правил и рекомендаций, «спущенных» свыше. Творчество тем и отличается, что оно основывается на знании и интуиции одновременно, что оно жаждет и не боится разведок и открытий. Честь и хвала театральному педагогу, если ему удастся проникать в глубинные области обучения, воспитания ученика, исследовать механизмы творчества с нетрадиционных точек зрения, вводить в практику театральной педагогики оригинальные технологии и методики. К таким педагогам я отнес бы В. В. Чепурину. Ее учебное пособие впервые в литературе по сценической речи затрагивает движение от слова драматургического к слову, звучащему со сцены, слову ролевому, театральному. И не просто затрагивает, а предлагает интересный, продуманный и удачно выстроенный свой путь перехода от речи письменной к речи, воздействующей на зрителя.

Научно-методическая работа В. В. Чепуриной (и я не ошибаюсь, давая такое определение рецензируемому учебному пособию) вызывает только положительные эмоции. Удачно очерченный в **Введении** круг вопросов, связанных с концентрацией внимания обучающегося на выразительных особенностях драматургического материала, с целью воспитания раскованного, ненасильственного, во многом импровизированного (можно считать, и этюдного) речевого поступка персонажа, искусно реализуется в трех главах (разделах) пособия. Значимость приобретает позиция автора, заявляющего на с. 5, что «драматургический текст не является прямым указанием актёру и режиссёру, но является полем для его сценической интерпретации». Эта установка позволяет В. В. Чепуриной в дальнейшем, при анализе драматургических произведений, чувствовать вариативность подхода к авторскому слову, приучает студента к поиску, к укрупнению, оживлению подтекста и отучает его от возведения текста в ранг ложной святости, от передачи содержания высказывания персонажа через текст. Слова в момент сценического произнесения являются, – согласно убеждению Чепуриной, – только знаком (способом) передачи информации в момент сценического общения. Исходя из этого, автор выстраивает композицию всего пособия – на мой взгляд, композицию любопытную и действенную, позволяющую обучающимся, не путаясь в научных терминах и понятиях, постигать и формировать навыки анализа и естественного присвоения драматургического текста.

В **Главе 1**, рассматривающей мотивационный диапазон роли, внятно формулируется мотивационный диапазон личности и грани его речевого, голосового, дикционного выражения. Хорошим подспорьем для обучающихся в актерских и режиссерских классах и для действующих актеров и режиссеров

явятся такие, удачно выбранные и хорошо разобранные автором аспекты раскрытия мотивационной сферы действующего лица, как самовысказывания и повторы в тексте роли. Повышенное внимание к авторскому слову, к таким, ныне «необязательным», «отправленным в отставку» элементам авторского стиля, как «драматургические ремарки», можно только приветствовать. В. В. Чепурина, классифицируя виды «драматургических ремарок», подсказывает читателю неизведанные пути погружения во внутренний мир героя и вхождения в полезный спектр выразительных средств. Вслед за серьезными теоретическими выкладками и подсказками по каждому из постулатов главы, она приводит литературные примеры – яркие, попадающие в цель, эмоционально и образно расшифровывающие, казалось бы, нелегкую научную материю. И тем самым полностью оправдывает свое кредо, высказанное в начале этой главы: «Рассмотрение структуры текста позволяет увидеть, что за словом скрыта внеязыковая действительность» (с. 9). Это кредо, с моей точки зрения, принципиально не только для автора, но и для современной театральной педагогики, включая педагогику сценической речи. Не обучать студента навыкам произнесения слов и фраз, а подталкивать его к познанию содержания текста и выражению этого содержания посредством вчувствования, вживания в роль.

Нахождение знаков «сценического человека» в драматургическом тексте, согласно позиции В. В. Чепуриной, – это один из естественных и действенных (умных и личностных) приемов проникновения в подтексты, в предлагаемые обстоятельства, в видения и знания пьесы и роли. Отсюда берет свое начало и композиционное появление **Главы 2**, анализирующей суть драматического конфликта и разъясняющей возможности проникновения в конфликт посредством

драматургического текста. В этой главе автор опять-таки искусно опирается на труды специалистов в области теории драмы, дает краткую, но вполне приемлемую классификацию драматургических конфликтов. Теоретическая (вводная) часть этой главы мне показалась удовлетворительной и полезной для обучающихся. Вопросы теории драмы в изложении В. В. Чепуриной выглядят ясно и призывно. Теоретический материал подготавливает будущего актера или режиссера к внимательному отношению к конфликту не на словах, а на практике. Определив, что типологическое выстраивание конфликта зависит и от творческого метода, и от жанровой принадлежности произведения, и от степени обострения, и прочих влияний, автор решительно разворачивает обсуждение этого вопроса в область сценического творчества: «Вместе с тем, такое понимание конфликтов недостаточно для того, чтобы выстроить борьбу на сценической площадке. Для того чтобы артист начал действовать, важно выявить расстановку сил в борьбе» (с. 61). И в дальнейшем автором предлагается разветвленная классификация драматургических конфликтов, подкрепленная в последней части главы богатым литературным материалом.

**Глава 3** – практическая – написана легко, даже, я сказал бы, весело, что повышает меру ее доступности для читателя-студента. В заглавии подглавки 3.1 («Речь актера в спектакле: присвоение мотивационной составляющей драматического персонажа») я бы посоветовал автору заменить *неуютное* слово «составляющая» (с. 90). Любопытным приемом можно посчитать описание способов речевого действия (последовательный волевой поступок, поступок, основанный на бессознательных желаниях и действиях, отказ от борьбы), сопровождаемых авторскими

изложениями сути происходящих событий в жизни драматического персонажа. Изложения эти написаны и логично и образно. Не менее привлекательный материал содержится в подглавке «Сценическое общение»: нельзя не порадоваться многочисленным примерам из истории и современного бытия драматического театра. Выход на «Подтекст», а затем и на «Сценическую речь как воплощение драматургического конфликта» оказывается для композиции книги вполне закономерным. И здесь положительную роль играют примеры, образцы, факты. Завершается Глава 3 хорошей кодой: определением и рассмотрением аспектов «Стиля сценической речи». Здесь соседствуют и современные исследования в этой области (например, изыскания А. В. Попова, работы Ю. М. Барбоя), и воззрения на стилистику сценической речи В. И. Немировича-Данченко, Л. А. Додина, К. С. Станиславского. Практические задания, замыкающие главу, мне показались и полезными и оригинальными.

Вглядываясь в «Библиографические ссылки» (почему-то в Содержании озаглавленные «Списком использованной литературы») и в «Список рекомендованной литературы», я еще и еще раз убеждаюсь в серьезных научно-методических намерениях В. В. Чепуриной, в ее умении видеть и чувствовать в современном педагогическом процессе главное и актуальное.

Учебное пособие В. В. Чепуриной «Сценическая речь: от слова драматургического к слову-поступку» явится при публикации очень полезным практическим и теоретическим подспорьем для процессов речевого воспитания актеров и режиссеров драматического театра и руководителей любительского театра. Рекомендую это пособие к изданию, я рад приветствовать В. В. Чепурину с еще одной ее творческой удачей.

# НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УНИВЕРСИТЕТА

## SCIENTIFIC LIFE OF THE UNIVERSITY

УДК 821.162

*А. В. Шунков*

### РОССИЯ – БОЛГАРИЯ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЛИТЕРАТУР

В статье представлен обзор вопросов и тем, поднятых в рамках видеоконференции, прошедшей в Кемеровском государственном университете культуры и искусств 21 мая 2012 г., в рамках которой состоялась дискуссия о романе болгарского писателя Николы Инджова «По следам норвежца».

**Ключевые слова:** болгарская литература, межкультурные коммуникации, диалог культур.

*A. V. Shunkov*

### RUSSIA – BULGARIA: DIALOGUE OF THE CULTURES AND LITERATURES

This article offers an overview of issues and topics discussed in the video conference, which was held in Kemerovo State University of Culture and Arts on May 21, 2012, during this conference a discussion of the novel written by Bulgarian author Nikola Indzhov “Following a Norwegian” was also realized.

**Keywords:** Bulgarian literature, intercultural communication, dialogue of the cultures.

Болгария и Россия – две страны, которые на протяжении тысячелетней истории связаны друг с другом культурно-историческими событиями, в основе которых лежит просветительская деятельность святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, создателей славянского алфавита.

Насколько важно для обоих дружественных и родственных народов в условиях мировых процессов глобализации сохранение национальных культурных традиций, говорят последние события: визит в Болгарию с 27 по 29 апреля 2012 г. по приглашению Святейшего Патриарха Болгарского Максима и Священного синода Болгарской православной церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Результаты визита Патриарха Московского и всея Руси Кирилла высоко были оценены Президентом России В. В. Путиным и Премьер-министром Болгарии Бойко Борисовым в рамках телефонного разговора, состоявшегося 23 мая

2012 г., о чем сообщила пресс-служба Президента РФ на его официальном сайте [1]. На сегодняшний день, по словам спикера Российской Федерации В. И. Матвиенко [2], между Россией и Болгарией заключено более 80 межправительственных и межведомственных соглашений, которые позволяют двум странам определять пути сотрудничества в области образования, науки, культуры.

ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» в 2011 г. получил уникальную возможность первой публикации на русском языке в своем периодическом литературно-художественном журнале «Университет культуры» [3] романа известного болгарского писателя Николы Инджова<sup>28</sup> «По следам норвежца»,

<sup>28</sup> Никола Инджов [Электронный ресурс]. – URL: <http://literaturesviat.com/?p=5236> (дата обращения: 25.05.2012). Никола Инджов (1935, г. Бургас, Болгария) – поэт, беллетрист, публицист, переводчик поэзии с испанского, португальского,

вышедшего в Болгарии в 2009 г. тиражом 2000 экземпляров.

Роман «По следам норвежца», имея высокие оценки литературной критики в Болгарии, остается пока еще неизвестным для иноязычной читательской аудитории, равно как нет за пределами Болгарии и статей литературоведческого характера, посвященных изучению художественной природы романа. Хотя сам роман заслуживает того, чтобы быть представленным в широком европейском и российском литературном пространстве.

Роман обращается к осмыслению трагедии современности – потери человеком своей родины, утраты нацией своей идентичности, перерождения, растворения и как следствие умирания национальных культур под воздействием глобальных процессов, в результате чего в мире появляется новая «человеческая популяция нечеловеческого времени». Именно такое определение дает герой романа Абрашевец (Найден Найденов) поколению людей, появившихся на свет в Европе в результате реализации нацистского проекта «Lebensborn» («Источник жизни») в период 1935–1945 гг. Здесь стоит коротко пояснить суть данного проекта, инициированного в свое время в фашистской Германии рейхсфюрером СС Генрихом Гимлером. Организация, заботясь о чистоте арийской расы, должна была произвести на свет новое поколение людей, рожденных от отцов арийского происхождения и здоровых, «чистых» матерей с завоеванных территорий Третьим рейхом (Польша, Норвегия, Югославия, Чехословакия, Белоруссия, Украина), кто соответствовал антропологическим параметрам арийки и мог рожать на свет детей для обновления расы. В результате осуществления данной программы примерно 250 тысяч детей насильственно было вывезено с оккупированных территорий и отда-

русского и сербского языков, лауреат многих литературных национальных премий Болгарии, кавалер ордена «Кирилл и Мефодий» – озерелье за особые заслуги в развитии болгарской культуры.

но на воспитание в немецкие семьи с одной единственной целью – воспитать истинного арийца в новой религии, верного рейху. Свыше 8 тысяч детей в Германии и 12 тысяч младенцев в Норвегии было рождено на свет, которые после окончания Второй мировой войны в ряде случаев оказались в эпицентре социального презрения, унижения, дискриминации со стороны своих соотечественников. *«Вторая мировая война велась за жизненное пространство для арийской немецкой нации. Новая цель обуславливала и новый мировой порядок. ... Но судьба европейских народов не зависела от исхода военных столкновений. ... Более могучей, дальнбойной и нацеленной в будущее была нацистская идея, предназначенная не уничтожать, а создавать людей. ... Словно истинным предназначением танковых армий маршалов Гудериана и Роммеля, воздушного флота маршала Паулюса было заглушить первый плач приблизительно четырехсот тысяч необыкновенных детей, рожденных между 1939 и 1945 годами»* [3, с. 16]. Именно этот исторический факт лег в основу сюжета романа «По следам норвежца», обсуждение которого состоялось в рамках видеоконференции с автором романа Nikolay Indzhevym 21 мая 2012 г. в Кемеровском государственном университете культуры и искусств.

В видеоконференции, проходившей в преддверии праздника Дня славянской письменности и культуры, приняли участие преподаватели кафедры литературы и русского языка, кафедры иностранных языков, аспиранты и сотрудники КемГУКИ, а также иерей Роман Закиров, руководитель отдела культуры Кемеровской и Новокузнецкой епархии, представители научной и творческой общности г. Кемерово: И. А. Куралов, член Союза писателей России, заместитель председателя Союза писателей Кузбасса, лауреат премии им. В. Д. Федорова; Э. М. Афанасьева, заведующая кафедрой фольклора и рус-

ской литературы КемГУ, канд. филол. наук, доцент; Е. В. Евпак, заведующий кафедрой теории языка и славяно-русского языкознания КемГУ, канд. филол. наук, доцент и др.

В рамках встречи прозвучало видеоприветствие Преосвященнейшего Аристарха, епископа Кемеровского и Новокузнецкого, в котором владыка особо подчеркнул значение литературного творчества в деле формирования культурного единства славянских народов, пожелал Николе Инджову, участникам и гостям встречи «помощи Божией в творческих дерзаниях, а видеоконференции – достойных целей, сохранения исконных духовных и нравственных ценностей, конструктивных дискуссий и плодотворной работы». Владыка Аристарх также выразил надежду, что мероприятие послужит основой укрепления мира и согласия между братскими славянскими народами, поможет осознать важность проблемы сохранения в современном мире национальных культурных традиций. «Значение литературного творчества в деле формирования культурного единства славянских народов трудно переоценить. Поэтому роль художника слова, создающего яркие литературные образы, формирующие ментальность каждого человека и всего общества в целом, никогда не потеряет своей значимости», – отметил в своем выступлении владыка Аристарх.

Во время видеоконференции ее участники обсудили ряд вопросов, связанных как с читательским восприятием, интерпретацией и оценкой романа в Болгарии, историей его создания, особенностями перевода романа на русский язык, так и вопросов, имеющих общенациональный, общечеловеческий характер. Никола Инджов, рассказывая о романе, обратил особое внимание на ту роль, которую должен играть, по его мнению, писатель в современном мире, – его миссия заключается в воспитании чувства уважительного отношения к национальным традициям,

к своим национальным корням. Эта же мысль, высказанная Николой Инджовым, звучит и в обращении к читателям, которым открывается русский вариант романа, опубликованный в журнале «Университет культуры» [3]. «Сегодня перед писателями возникает новая по качеству задача – как литературе спастись от глобализма. Иначе говоря, как в глобализованном мире Пушкину остаться русским, Рабле – французом, Сервантесу – испанцем, Гете – немцем, Диккенсу – англичанином, Данте – итальянцем... Подход, когда к литературе применяется политический инструментарий, является глобалистичным, также глобалистичны и утверждения некоторых «передовиков», что отказ от письменности, которую мы, болгары, дали славянам, облегчил бы доступ болгарской книге в Европу. Единое болгарское литературное пространство есть часть мировой славянской цивилизации и главное силовое поле болгарских гениев» [3, с. 5].

Стоит отметить также, что в Болгарии Никола Инджов известен еще и как активный общественный деятель, отстаивающий идею сохранения многовековой традиции дружбы народов Болгарии и России. В своем выступлении автор романа привел примеры из современной истории Болгарии, которые, к сожалению, говорят о попытках предать забвению прошлое нации. В интернет-ресурсах (журнал «Литературен свят») большой резонанс получила статья писателя «Тъй рече Достоевски» [4] («Так говорил Достоевский»), поводом для написания которой послужил факт осквернения в середине июня 2011 г. памятника Советской армии в Софии. «Сценаристу осквернения памятника необходимо создать миф о военной и политической оккупации Болгарии, чтобы оторвать нашу страну от России. Ему не нужна литература, ему нужна агитация и пропаганда, он хочет поставить своих подручных в предназначенной им роли детей, которые пожирают

революцию отцов». Именно эта проблема – забвение национальной истории, погребение под «золотой времени» культурной памяти, обозначившая себя в современной истории Болгарии, в том числе и России, – получила свое художественное осмысление в романе писателя.

Состоявшаяся встреча автора романа Николы Инджова с представителями научной, творческой общественности Кемеровского государственного университета культуры и искусств и г. Кемерово не осталась незамеченной средствами массовой информации России и Болгарии. Так, в крупном болгарском издании «Дума», одном из 19 центральных изданий Болгарии [5], от 23 мая 2012 г. вышла статья «Роман на Никола Инджов излезе на руски език» («Роман Николы Инджова вышел на русском языке»), в которой отмечается важность слова как средства накопления духовного опыта и сохранения традиций в просвещении и образовании («словото като средство за натрупване на духовен опит и съхраняване на традициите в просвещението и образованието»).

Внимание к прошедшей видеоконференции было проявлено и со стороны российских СМИ: официальный сайт Министерства культуры Российской Федерации разместил пресс-релиз о состоявшейся конференции [6], на областном радио «Кузбасс» 24 мая 2012 г., в День славянской письменности и культуры, вышла авторская радиопередача Э. М. Афанасьевой, заведующей кафедрой русской литературы и фольклора Кемеровского государственного университета, из цикла «Невыразимое», посвященная роману Н. Инджова «По следам норвежца».

Подводя итог, позволим себе высказать надежду, что прошедшая видеоконференция с болгарским писателем Николой Инджовым послужит началом установления отношений Кемеровского государственного университета культуры и искусств с университетами и учреждениями культуры Болгарии в рамках проведения ряда образовательных и научных проектов: «Информационная культура личности» [7], «Диалог культур» [8], «Русский язык в пространстве межкультурных коммуникаций» [9] и др.

### Литература

1. Телефонный разговор с Премьер-министром Болгарии Бойко Борисовым [Электронный ресурс]. – URL: <http://президент.рф/новости/15412> (дата обращения: 23.05.2012).
2. Учись, студент! Валентина Матвиенко предложила Болгарии единое интеллектуальное пространство // Российская газета, 25.05.2012. № 5791(118) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rg.ru/2012/05/25/bolgariya.html> (дата обращения: 25.05.2012).
3. Никола Инджов. По следам норвежца / пер. Л. Писаревой // Университет культуры: Литературно-художественный журнал. – 2011. – № 1–2. – С. 6–58. Электронная версия романа представлена на сайте журнала «Литературен свят». Брой 10, юни 2009. – URL: <http://literaturesviat.com/?p=12290> (дата обращения: 25.05.2012).
4. Тъй рече Достоевски [Электронный ресурс]. – URL: [%C2](http://literaturesviat.com/?p=40908) (дата обращения: 26.05.2012).
5. Роман на Никола Инджов излезе на руски език [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.duma.bg/duma/node/32575> (дата обращения: 23.05.2012).
6. Видеоконференция с болгарским писателем [Электронный ресурс]. – URL: <http://mkrf.ru/news/regions/siberian/detail.php?id=231806> (дата обращения: 22.06.2012).
7. Гендина Н. И. Десятилетие работы НИИ информационных технологий социальной сферы в Программе ЮНЕСКО «Информация для всех»: вопросы и ответы, события и люди, итоги и перспективы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2010. – № 12. – С. 150–171.

8. Кудрина Е. Л. Диалог культур: влияние на культурную политику в современных условиях // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 17/1. – С. 33–42.
9. Шунков А. В. Проект «Русский язык в пространстве межкультурных коммуникаций» и его реализация в КемГУКИ // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 15. – С. 36–41.

УДК 008

*Л. Ю. Егле, А. А. Насонов*

## **I (XLII) ВСЕРОССИЙСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО: ПОИСКИ И ОТКРЫТИЯ»**

В статье подводятся итоги I (XLII) Всероссийской студенческой научно-практической конференции «Культура и искусство: поиски и открытия»: описываются основные мероприятия конференции, анализируются результаты работы секций и определяются перспективы дальнейшего развития студенческой науки в КемГУКИ.

**Ключевые слова:** студенческая научно-практическая конференция, ФБГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств», студенческая наука.

*L. Y. Egle, A. A. Nasonov*

## **I (XLII) ALL-RUSSIAN STUDENTS' SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "CULTURE AND ARTS: RESEARCH AND DISCOVERIES"**

The article summarizes I(XLII) All-Russian students' scientific and practical conference "Culture and Arts: Research and Discoveries," describes the main events of the conference, analyzes results of the sections' work, defines perspectives of students' science development in the KemUCA.

**Keywords:** students' scientific and practical conference, Kemerovo State University of Culture and Arts, students' science.

27 апреля 2012 года в Кемеровском государственном университете культуры и искусств прошла I (XLII) Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия», посвященная 1150-летию зарождения российской государственности.

Обзор студенческих научных мероприятий, проходивших в университете, был представлен в ряде предшествующих номеров «Вестника КемГУКИ» [1, 2, 3].

В этом году конференция впервые прошла в статусе всероссийской: в ней приняли участие студенты из Центрального, Приволжского, Уральского, Сибирского федеральных

округов Российской Федерации. Этот статус конференции был дополнен международным участием: свои доклады предоставили студенты Польши, Украины и Китайской Народной Республики. Среди вузов-участников были как профильные вузы Министерства культуры РФ (Алтайская государственная академия культуры и искусств, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Орловский государственный институт искусств и культуры, Самарская государственная академия культуры и искусств, Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий, Челябинская государственная академия

культуры и искусств), так и классические (Алтайский государственный университет, Горно-Алтайский государственный университет, Томский государственный университет, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова) и педагогические университеты (Новосибирский государственный педагогический университет и другие). Также активное участие в конференции приняли студенты вузов Кузбасса: Кемеровского государственного университета, Кузбасского государственного технического университета, Кузбасской государственной педагогической академии, Кемеровского института (филиала) Российского государственного торгово-экономического университета. Очное участие в конференции приняли студенты городов Кемерово, Новосибирска, Абакана, Барнаула, Новокузнецка, Анжеро-Судженска. В ходе работы конференции было заслушано более 200 докладов, посвященных актуальным проблемам исследования культуры и искусства.

На церемонии открытия конференции с приветственным словом к присутствующим обратилась ректор КемГУКИ, доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ Е. Л. Кудрина. Важность достижения высоких результатов в научной работе, необходимых для развития региональной культуры, была отмечена в обращении, ведущего консультанта Департамента образования и науки Кемеровской области, кандидата физико-математических наук Н. М. Яковлевой. Плодотворной работы и научных открытий пожелал всем участникам конференции проректор по научной и инновационной деятельности КемГУКИ, кандидат филологических наук, доцент А. В. Шунков.

В церемонии открытия конференции приняли участие творческие коллективы студентов: ансамбль национальных хореографических миниатюр «Тывалтай» КемГУКИ (художественный руководитель – кандидат культурологии, доцент Н. В. Петроченко), ансамбль русского танца «Молодой Кузбасс» КемГУКИ (художественный руководитель –

доцент И. В. Перескоков), фольклорный коллектив «Русская сказка» Кузбасской государственной педагогической академии (г. Новокузнецк) (руководитель – кандидат филологических наук, доцент, ведущий специалист Центра языка и культур народов Сибири КузГПА В. В. Трубицына), ансамбль народной музыки «Скоморохи» КемГУКИ (художественный руководитель – доцент, заслуженный артист России А. В. Соловьев).

В рамках конференции было организовано заседание 14 секций по основным направлениям научно-исследовательской деятельности университета: «Исследование и разработка информационно-коммуникационных технологий как основа информатизации общества» (руководитель – заведующая кафедрой технологии автоматизированной обработки информации, кандидат педагогических наук, доцент И. Л. Скипор); «Информационные, образовательные и социокультурные технологии в библиотечно-информационной деятельности» (руководитель – заведующая кафедрой технологии документальных коммуникаций, кандидат педагогических наук, доцент Л. Г. Тараненко); «Культурология: синтез наук» (руководитель – заведующая кафедрой культурологии, кандидат культурологии, старший преподаватель А. С. Двуреченская); «Историко-культурное наследие и современное общество» (руководитель – заведующий кафедрой музейного дела, доктор культурологии, профессор А. М. Кулемзин); «Народная художественная культура: актуальные проблемы теоретических и прикладных исследований» (руководитель – заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры, доктор культурологии, профессор Н. Д. Ултургашева); «Современные проблемы развития искусства» (руководитель – заведующая кафедрой теории и истории искусства, кандидат искусствоведения, доцент И. Г. Умнова); «Сценическое искусство в современных условиях: проблемы и поиски решения» (руководитель – директор института театра,

доктор культурологии, профессор Н. Л. Прокопова); «Актуальные проблемы теории и практики психолого-педагогических исследований» (руководитель – заведующая кафедрой педагогики и психологии, кандидат философских наук, доцент Н. Н. Григоренко); «Современные проблемы научных исследований социально-педагогической деятельности в условиях региона» (руководитель – заведующая кафедрой социальной педагогики, кандидат педагогических наук, доцент Л. И. Лазарева); «Художественный текст в пространстве межкультурных коммуникаций» (руководитель – проректор по научной и инновационной деятельности, кандидат филологических наук, доцент А. В. Шунков); «Экономические проблемы социально-культурной сферы» (руководитель – заведующая кафедрой экономики социальной сферы, кандидат экономических наук, доцент Н. М. Трусова), «Актуальные проблемы научных исследований теории и практики социально-культурной деятельности» (руководитель – заведующая кафедрой социально-культурной деятельности, кандидат педагогических наук, доцент Н. С. Коргожа); «Проблемы и перспективы современного менеджмента» (руководитель – заведующая управления социальной сферы, кандидат педагогических наук, доцент Е. А. Малкина). Впервые работа секции «Концептуальные и художественные аспекты визуальных искусств» проходила по трем направлениям: дизайн и прикладные искусства (руководитель – заведующий кафедрой дизайна, профессор Г. С. Елисеенков), современная реклама (руководитель – старший преподаватель Н. С. Куркова), кино-, фотовидеотворчество (руководитель – заведующая кафедрой фотовидеотворчества, кандидат философских наук, доцент Е. Ю. Светлакова).

Как и в прошлые годы соруководителями секций являлись наиболее активные и заинтересованные в достижении реальных результатов студенты специальностей и направлений подготовки, обучающиеся в КемГУКИ. Это стало доброй традицией конференции, поскольку такая форма работы позволяет сочетать исследовательский опыт научных руководителей и новые нестандартные подходы к решению значимых проблем молодых ученых, способствует в процессе совместной работы рассмотрению с различных ракурсов и точек зрения многосложных тем.

Секционные заседания конференции предварил круглый стол «Социально-гуманитарные аспекты функционирования русского языка в молодежной среде», организованный профессорско-преподавательским составом социально-гуманитарного института КемГУКИ в рамках городской социокультурной акции «Чистому городу – Чистое слово». В ходе конференции прошла презентация проектов профессионального творческого конкурса студентов «Кафедра ТАОИ: perfectum futurum», выставка студенческих работ «СтудАрт» института визуальных искусств КемГУКИ, «Пещерная живопись палеолита» и «Сердце расширено влево» музея КемГУКИ, XII выставка-конкурса студенческих работ по истории костюма.

На закрытии конференции лучшие доклады были отмечены дипломами и благодарственными письмами, а также было принято решение о включении наиболее значимых работ в сборник научных статей.

I (XLII) Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия» вызвала интерес в научно-творческой молодежной среде России. Это обстоятельство вселяет уверенность, что студенческая наука в КемГУКИ продолжит свое динамичное и плодотворное развитие.

### Литература

1. Егле Л. Ю. Диалог культур // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 17-1. – С. 214–217.

2. Насонов А. А. XIII Иоанновские образовательные чтения в Кемеровском государственном университете культуры и искусств // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2011. – № 17–2. – С. 248–249.
3. Егле Л. Ю. Межрегиональная научно-практическая студенческая конференция «Культура и искусство: поиски и открытия» // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств: журнал теоретических и прикладных исследований. – 2010. – №10. – С. 157–159.

УДК 7

*И. Г. Умнова*

## ИСТОРИКО-ГЕРОИЧЕСКОЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ РАКУРСЕ

### *Межрегиональный круглый стол «Историко-героическое в отечественной музыкальной культуре» в Кемеровском государственном университете культуры и искусств*

В статье обзорно представлена работа участников Межрегионального круглого стола, обсуждавших вопросы значимости исторического наследия и героической образности для воспитания патриотизма у молодых музыкантов.

**Ключевые слова:** история, духовный опыт, национальные символы, патриотическое воспитание, музыкальное искусство.

*I. G. Umnova*

## HISTORICAL PERSPECTIVE RESEARCH HEROIC IN

### *Inter-regional round table on “History and the Heroic in the national musical culture” in the Kemerovo State University of Culture and Arts*

The article's survey presents work of the participants of inter-regional roundtable discussing the issues of heritage significance and the heroic imagery of patriotism for the education of young musicians.

**Keywords:** history, spiritual experiences, national symbols, patriotic education, musical arts.

Необходимость возрождения вечных нравственных ориентиров в сложной культурной среде России очевидна. Прошли годы безвременья, и проблема сохранения духовного опыта, накопленного нашими соотечественниками, задача патриотического воспитания средствами музыкального искусства нуждаются в корректировке. Их решение необходимо и для разработки современной концепции подготовки профессионального музыканта. Предметом гордости любого народа всегда являются великие исторические события, а 2012 г. отмечен несколькими важнейшими датами Российской истории:

1150-летие зарождения российской государственности; 770-летие легендарной победы русских воинов во главе с Александром Невским на Чудском озере; 400-летие освобождения Москвы народным ополчением под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского; 200-летие победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 г. Возможно, есть некая преопределенность в том, что в День славянской письменности и культуры, в общий для государства и православной церкви праздник, который ежегодно отмечается 24 мая, на базе ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культу-

ры и искусств» в рамках Второго открытого международного Пасхального фестиваля музыкальной культуры «Хоровое Вече Сибири» по инициативе кафедры теории и истории искусств института музыки состоялся Межрегиональный круглый стол «Историко-героическое в отечественной музыкальной культуре».

В работе круглого стола приняли очное и заочное участие более 60-ти человек: представители администрации КемГУКИ, ведущие ученые-искусствоведы из вузов Астаны (Казахстан) и Екатеринбурга, Новосибирска и Красноярска, преподаватели и студенты института музыки, директора и преподаватели школ искусств, представители общественности. Межрегиональный круглый стол был организован в целях обмена мнениями философов и культурологов, педагогов и искусствоведов, филологов и богословов по проблемам воспитания духовности и патриотизма у талантливых молодых людей. Заглавным оказался вопрос о содержательном аспекте педагогических ресурсов, способных обеспечить повышение уровня мотивации у будущих профессиональных музыкантов к постижению духовных ценностей музыкальной культуры России и региона. Общий интерес привлекло обсуждение тезиса о том, что не только многовековые традиции или современная социокультурная среда влияют на личность музыканта, но и творчество композиторов-современников, композиторов, живущих в различных регионах Сибири.

В адрес участников круглого стола прозвучали приветственные слова заместителя губернатора Кемеровской области по вопросам образования, культуры и спорта, доктора исторических наук, профессора В. А. Волчека; Преосвященнейшего Аристарха, управляющего Кемеровской и Новокузнецкой епархией РПЦ; ректора КемГУКИ, доктора педагогических наук, профессора Е. Л. Кудриной; проректора по научной и инновационной деятельности КемГУКИ, кандидата филологических наук, доцента А. В. Шункова. В рамках

протокола Круглого стола состоялась встреча проректора по научной и инновационной деятельности КемГУКИ А. В. Шункова и проректора по научной и творческой работе Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки, кандидата искусствоведения, доцента кафедры истории музыки О. А. Светловой. Обсуждались вопросы дальнейшего сотрудничества, совместной разработки новых эффективных моделей и механизмов научно-исследовательской деятельности, направленных на развитие региональной концепции профессионального музыкального образования.

Участниками Межрегионального круглого стола обсуждались следующие проблемы:

- национальные исторические и культурные символы России;
- национальные проекты и идеи в музыкальном искусстве;
- значение народных традиций и культурного наследия для историко-героической образности музыкальных произведений;
- традиции и новации в воплощении историко-героического содержания в отечественной музыкальной культуре;
- историко-героическая образность в творчестве отечественных композиторов;
- духовно-нравственные проблемы музыкального воспитания и образования.
- историко-героическое содержание отечественных музыкальных произведений в условиях глобализации и социальной модернизации.

В открывшем работу круглого стола докладе кандидата педагогических наук, доцента кафедры теории и истории искусств КемГУКИ **О. В. Сокол** «Музыкальные символы России» анализировались русская народная песня и колокольные звоны в качестве своеобразных отечественных музыкальных символов. Докладчик предложил провести соподчинение понятий «символ» и «знак», указала на красоту, оригинальность, художественную ценность рассматриваемых явлений, их взаимосвязь с русским национальным

характером и менталитетом. Свое понимание проблематики круглого стола старший преподаватель кафедры оркестрового инструментального исполнительства КемГУКИ **Н. Г. Протасова** интерпретировала как **«Взгляд на историко-героическое в отечественной музыке последней трети XX – начала XXI веков»**. Педагогом был обозначен круг произведений, связанных с исторической и героической образностью. **Т. И. Мороз**, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории искусств КемГУКИ, в выступлении на тему **«Метафизика сердца» в русской музыкальной культуре** размышляла о глубинных духовно-нравственных пластах, заложенных в музыкальном искусстве.

Доклад доктора искусствоведения, доцента Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки **С. Г. Тосина**, посвященный теме **«Звоничный инструментарий на современном этапе развития русской колокольно-звонной традиции»**, был направлен на рассмотрение одного из основных музыкально-инструментоведческих вопросов campanологии, связанного с количественным и качественным составом современных звоничных подборов. Была предложена их типизация, а также выделен главный принцип формирования колокольного арсенала ныне действующих звонниц. Автор доклада представил материалы, собранные им в течение последних 15 лет полевых исследований в различных регионах России, включая Сибирь и Дальний Восток. В докладе кандидата искусствоведения, преподавателя Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки **А. П. Недоспасовой** **«Как царь Петр «швецкими габоями» под Полтавой взятymi Отечеству пользу учинил»** сообщалось о полковых музыкантах армии Карла XII, их судьбах после событий Полтавской битвы 1709 г. Проанализированные сохранившиеся материалы о профессиональной деятельности пленни-

ков-оркестрантов зафиксировали представления о бытовании инструментальной музыки в России в петровскую эпоху, прояснили обстоятельства интенсивного развития инструментального музицирования в Тобольске в XVIII столетии.

Проблемы, связанные с выпавшим в XX в. на долю русской художественной интеллигенции уникальным жизненным опытом, освещались в докладе доктора искусствоведения, профессора Уральской государственной консерватории **Б. Б. Бородина**. **«Потерянный рай: образ России в русской зарубежной культуре»** – заявленный ракурс в ретроспективе охарактеризовал тот драматичный период, когда уделом одних стал «горький хлеб изгнания», а участью других – противодействие жесточайшему идеологическому прессу или нравственная деградация и физическое уничтожение. Не менее конфликтным страницам отечественной истории был посвящен доклад кандидата искусствоведения, доцента кафедры истории музыки Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки **О. А. Светловой** **«Историко-героическое содержание жизни и службы старообрядческому святому (на примере текстов святителю Павлу Коломенскому)»**. Научную характеристику получило особое отражение времени в жизни и каноне старообрядческому святителю Павлу Коломенскому, где на анфиладном выстраивании различных пространственно-временных координат образовался агиографический хронотоп. Агиографическими текстами описаны реальные эпизоды жизни, деяний, чудес святого, события, происходившие в конкретный временной промежуток.

**О. В. Гусева**, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории искусств КемГУКИ в докладе **«Историко-патриотическая тема в концертной жизни Кузбасса»** сообщила о наиболее часто исполняемых музыкальными коллективами города Кемерово произведениях, отличающихся историко-

патриотической темой. Среди них шедевры – «Торжественная увертюра 1812 год» П. И. Чайковского, кантата С. С. Прокофьева «Александр Невский, Седьмая симфония Д. Д. Шостаковича, а также сочинение современного кемеровского композитора В. В. Шергова «Тяжинские фрески».

Проблема художественного воплощения исторических идей и героической образности получила развитие в ряде докладов участников из разных регионов. Так, в докладе **«Трагические страницы истории России в хоровой музыке Р. Щедрина»** внимание кандидата искусствоведения, заведующей кафедрой оркестрового инструментального исполнительства **О. В. Синельниковой** было сконцентрировано не только на обзоре драматичных страниц отечественной истории, получившей отражение в разных жанрах у маститого композитора современности. Фрагменты жизни родных и близких, испытывавших сложности переломных моментов, повлияли на творчество музыканта. Органичность синтеза исторически устоявшегося и нового, несущего в себе авторски-субъективное содержание, рассматривалось в докладе кандидата искусствоведения, доцента, заведующей кафедрой теории и истории искусств КемГУКИ **И. Г. Умновой «Путь к “Русскому Ренессансу” Сергея Слонимского»**. Отмечалось, что содержание произведений крупнейшего композитора современности заставляет соотечественников задуматься над тем, как соотносить жизнь и деяния героев прошлого с собственным опытом.

Тема доклада **«Духовно-нравственная проблематика творчества Георгия Иванова в свете развития отечественной музыкальной культуры 1970–1990 гг.»** кандидата искусствоведения, доцента Новосибирской государственной консерватории **А. С. Молчанова** позволила охарактеризовать особенности творчества самобытного сибирского музыканта, а также проанализировать общественную социокультурную обстановку того

времени. Внимание доктора искусствоведения, профессора, заведующей кафедрой истории музыки Красноярской государственной академии музыки и театра **Л. В. Гавриловой** в докладе **«Историко-героическая тема в творчестве композитора Владимира Примака»** было сосредоточено на музыкальных сочинениях молодого композитора, написанных в 2010-м и 2012-м гг., исполнение которых на сцене Красноярской краевой филармонии имело широкий общественный резонанс. История создания, идея и особенности ее драматургического, композиционного воплощения в хоровом произведении получили характеристику в докладе преподавателя кафедры теории и истории искусств КемГУКИ **Н. В. Медведевой «Патриотическая образность кантаты “У обелиска” С. Б. Толстокулакова»**. Примечательно, что автор сочинения – композитор из города Новокузнецка С. Б. Толстокулаков – присутствовал среди участников круглого стола. А в исполнении многочастного произведения принимал участие и хор «Академия» института музыки Кемеровского государственного университета культуры и искусств.

Подготовленное кандидатом искусствоведения, профессором кафедры струнных инструментов Казахского национального университета искусств (Астана, Казахстан) **Д. Ж. Жумабековой** сообщение **«Историко-героические образы скрипичного творчества Капана Мусина»** акцентировало внимание на творчестве одного из основоположников казахской профессиональной музыки. Ученый обратил внимание на тот факт, что в раскрытии художественно-образного содержания скрипичных произведений К. Мусина, созданных в 40-е годы прошлого века, большая роль принадлежит известным исполнителям Казахстана.

Сибирские национальные композиторские школы, развивающиеся с конца 1930-х гг. XX столетия до настоящего времени, были охарактеризованы в докладе кандидата искусствоведения, доцента Ново-

сибирской государственной консерватории **Л. Л. Пыльневой «Национальные бурятские, тувинские и якутские героические образы в творчестве композиторов»**. Музыковед рассмотрела процесс формирования системы профессионального музыкального языка в бурятской, тувинской, якутской культурах.

Новый ракурс в обсуждении вопросов круглого стола задал доклад кандидата искусствоведения, доцента, заведующей кафедрой музыкального образования и просвещения Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки **Л. П. Робустовой «Музыкальное искусство и педагогика на перекрестке культуротворческих и нравственно-этических проблем: история и современность»**. Музыкальное искусство и педагогика были охарактеризованы как явления культуротворческого и нравственно-этического смысла, был определен статус их существования в контексте современной отечественной истории. Вопросам патриотического воспитания был посвящен доклад-презентация педагога дополнительного образования МБОУ ДОД «Центр детского творчества» г. Междуреченска Кемеровской области **Е. В. Медведевой «Профильная смена “Великой Победе посвящаем наше творчество” как средство духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения (из опыта вокальной студии «Касталия»)**. Информация о креативных формах воспитания патриотического чувства у талантливых детей была проиллюстрирована большим числом оригинальных фотографий и содержала мнения и высказывания детей.

В резолюции, принятой участниками Межрегионального круглого стола, подчеркивалась важность системы духовно-нравственного воспитания средствами музыкального искусства, а также необходимость корректировки и выработки современной концепции подготовки профессионального музыканта. Важным пунктом стало общее

решение совершенствовать музыкальное образование в Сибирском Федеральном округе. В этой связи необходимыми стали следующие положения резолюции:

1) актуализировать разработку теоретико-методологических основ патриотического воспитания будущих профессиональных музыкантов;

2) активизировать совместный поиск, разработку новых эффективных моделей и механизмов сотrudничества учреждений музыкального образования различных ведомств, направленных на развитие региональной концепции многоуровневого музыкального образования в Сибири;

3) проводить раз в четыре года Круглый стол, в работе которого преподаватели обсуждали бы содержательные аспекты, а также инновационные формы и методы регионального музыкального образования;

4) в целях сохранения и развития духовно-нравственных ценностей, присущих российской многонациональной культуре, осуществлять разработку и реализацию концертно-просветительских программ по освоению творчества современных композиторов, работающих в регионах;

5) направить обращение в адрес руководителей административных и образовательных систем с предложениями по оптимизации научных исследований творчества региональных музыкантов.

В рамках протокола круглого стола состоялась встреча проректора по научной и инновационной деятельности КемГУКИ А. В. Шункова и проректора по научной и творческой работе Новосибирской государственной консерватории О. А. Светловой. Обсуждались вопросы дальнейшего сотrudничества, совместной разработки новых эффективных моделей и механизмов научно-исследовательской деятельности, направленных на развитие региональной концепции профессионального музыкального образования.

УДК 008

*Е. В. Веселовская, А. С. Двуреченская, И. А. Сечина***ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ФОЛЬКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ  
НАРОДОВ СИБИРИ**

В статье освещается работа Межрегиональной научно-практической конференции «Традиционная культура и фольклорное наследие народов Сибири».

**Ключевые слова:** традиционная культура, современное состояние фольклора, коренные этносы.

*Е. V. Veselovskaya, A. S. Dvurechenskaya, I. A. Sechina***TRADITIONAL CULTURE AND FOLKLORE HERITAGE  
OF SIBERIAN PEOPLE**

The article highlights the work of inter-regional scientific-practical conference “Traditional culture and folklore heritage of the peoples of Siberia”.

**Keywords:** traditional culture, modern state Folklore, indigenous ethnic groups.

17–18 мая 2012 г. в Кемеровском государственном университете культуры и искусства коллективом НИИ прикладной культурологии была организована и проведена Межрегиональная научно-практическая конференция «Традиционная культура и фольклорное наследие народов Сибири».

Цель работы конференции – обсуждение теоретических и практических вопросов современного состояния традиционного фольклора и разработка предложений, способствующих его сохранению, поддержке и развитию.

В работе научно-практической конференции приняли участие ученые и специалисты сферы культуры и искусства, представители Кемеровского государственного университета культуры и искусств, Новокузнецкой городской общественной организации «Шория» (г. Новокузнецк), Института саяно-алтайской тюркологии и восточных языков им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан), Алтайского государственного университета (г. Барнаул), ФГБОУ «Кемеровский государственный сельскохозяйственный институт»,

БОУ СПО «Горно-Алтайский педагогический колледж», ФГБОУ ВПО «Кемеровский государственный университет», КГБОУ ДОД «Алтайский краевой дворец творчества детей и молодежи» (г. Барнаул), Красноярского краевого колледжа культуры и искусств (г. Минусинск), Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (г. Абакан), Центра развития творчества детей и юношества Заводского р-на г. Кемерово, Хакасского филиала Российского фонда культуры (г. Абакан), Киргизско-российско-славянского университета (Республика Кыргызстан, г. Бишкек), Бековского СДК (с. Беково, Беловский р-н), Тувинского государственного университета (г. Кызыл), МБОУДОД Детская музыкальная школа № 43 (г. Кемерово), Есинской СОШ Аскизского р-на (Республика Хакасия), ГАОУ ДОД КО «Областной центр дополнительного образования детей» (г. Кемерово), ГОУ НПО Губернаторское профессиональное училище народных промыслов, ГОУ ДПО (ПК) «Кузбасский региональный институт повышения квалификации и переподготовки работников образования» (г. Кемерово).

во), В-Биджинской школы Усть-Абаканского района (Республика Хакасия), ГОУ СПО «Кемеровский педагогический колледж».

С приветственным словом к участникам конференции обратились проректор по научной и инновационной деятельности КемГУКИ, кандидат филологических наук, доцент **Шунков Александр Викторович**; директор НИИ прикладной культурологии, доктор философских наук, доцент **Гук Алексей Александрович**; доктор политических наук **Шадыханов Эмиль Токтосунович** (республика Кыргызстан, г. Бишкек); девятикратный чемпион Мира среди профессионалов Всемирного боксерского совета, заслуженный мастер спорта СССР **Арбачаков Юрий Яковлевич**; председатель Новокузнецкой городской общественной организации «Шория» **Печенина Надежда Михайловна**; доцент института саяно-алтайской тюркологии и восточных языков им. Н. Ф. Катанова, кандидат педагогических наук **Ултургашева Ольга Гавриловна**. В обращениях почетных гостей прозвучали поздравления участников конференции и пожелания успешной работы, а также были обозначены задачи проводимого научного форума.

В соответствии с заявленной проблематикой научно-практической конференции строилась работа трех секций: «Теоретические проблемы традиционной культуры» (руководитель – директор НИИ прикладной культурологии, д. ф. н., доцент А. А. Гук); «Традиционная культура народов Сибири» (руководитель – зав. отделом традиционной народной культуры НИИ прикладной культурологии, доктор культурологии, профессор Н. Д. Ултургашева); «Фольклорное наследие Сибири» (руководитель – заведующая кафедрой народного хорового пения КемГУКИ, кандидат культурологии, доцент Т. А. Котлярова). Широко обсуждались методологические проблемы изучения и сохранения

традиционной культуры, а также фольклорного наследия как русского, так и коренных народов.

На секции «Теоретические проблемы традиционной культуры» были представлены доклады, связанные с современным бытованием культурных традиций. Тематика докладов носила разносторонний характер. Среди обсуждаемых проблем: основные тенденции развития традиционной культуры Кыргызстана; традиции в захоронениях воинов эпохи средневековья Кузнецкой котловины (по данным археологии); историко-этнографические особенности формирования населения Кемеровской области; роль института семьи в передаче традиционных форм культуры у коренных народов Сибири; нормативные аспекты культуры жизнеобеспечения в системе фольклорных традиций коренных малочисленных этносов Южной Сибири; этнокультурная направленность системы дополнительного образования в воспитании и развитии одаренного ребенка; влияние православия на духовную культуру народов Сибири; взаимосвязь и взаимовлияние традиционной и медийной культуры; отечественное краеведение как традиция российской культуры.

Докладчики секции «Традиционная культура народов Сибири» отмечали, что в настоящее время представители различных этнических групп вышли на новый уровень осознания специфики собственной культуры, и это влечет за собой необходимость обращения к традиционным этническим ценностям, проблемам их фиксации, сохранения и трансляции. По оценкам специалистов, сложившаяся система этнохудожественного образования, обладающая национальной спецификой, стабильно функционирует. Обсуждался широкий круг проблем: духовно-нравственные ценности русской традиционной культуры как основа содержания этнохудожественного образования детей; элементы традиционно-

го костюма XVII в. в одежде старообрядцев Сибири; традиции русского народного костюма в современном моделировании одежды; сохранение и развитие традиций в хакасском костюме; анализ традиционной культуры телеутов; освещение в периодической печати Кемеровской области региональных процессов национального возрождения телеутов; взаимодействие игровой поэзии и магических форм в этнической культуре алтайцев; роль устного народного творчества в формировании поликультурной личности; просветительская деятельность Н. Ф. Катанова и современность; цветовая и числовая символика в традиционной культуре тувинцев; современное состояние традиционной культуры телеутов; тенденции развития современной культуры тувинцев-тоджинцев. В выступлениях докладчиков звучала мысль о необходимости терпимого и уважительного отношения к любым формам культуры иных народов, что является гарантом стабильности и толерантности в обществе, обеспечивающим непрерывный процесс сосуществования в многонациональной России народов и народностей, как в настоящем, так и в будущем.

На секции «Фольклорное наследие Сибири» поднимались проблемы изучения и сохранения фольклорного наследия русских переселенцев Сибири. Среди обсуждаемых вопросов: собрание и изучение музыкального фольклора Кемеровской области; использование традиционных форм фольклора Сибири в работе с детским коллективом; использование фольклора Сибири как средства сохранения традиций региона в содержании дополнительных образовательных программ ОУ ДОД; вклад исследователей тувинского фольклора в развитие духовной культуры народа; русская народная песня Кемеровской области в обработке собирателей фольклора; белорусский рушник переселенцев Сибири как один из аспектов народной культуры; использование традиционных инструментов в учебном и творческом процессе твор-

ческих школ; некоторые вопросы методики собирания музыкально-поэтического фольклора Кемеровской области; духовные стихи в контексте современной культуры Западной Сибири; сохранение традиций православно-церковного пения в культуре старообрядцев; обращение к танцевальным фольклорным традициям в образовательно-воспитательном процессе.

В ходе работы научно-практической конференции были выработаны предложения по сохранению традиционного фольклора и развитию этнических культур. В частности, была отмечена необходимость интеграции усилий ведущих научных центров и учреждений образования региона по сохранению фольклорных традиций; прозвучало предложение о создании института искусств и культуры коренных народов Сибири; поднимался вопрос о создании Юрты, которая бы стала центром исследования и трансляции культурного наследия коренных народов Сибири, а также говорилось о проведении масштабной работы по систематизации и изданию накопленного фольклорного материала.

Тематика конференции получила отражение в экспозициях и выставках:

- «Традиционный костюм в культуре Сибири» (**выставка музея истории костюма при Кемеровском государственном университете культуры и искусств**);
- выставка литературы и мультимедийной продукции **научной библиотеки Кемеровского государственного университета культуры и искусств**.

Ярким завершением первого дня работы конференции стал концерт ансамбля коренных тюркоязычных народов Сибири «Алтын Ай» (руководитель – Н. Д. Ултургашева, доктор культурологии, профессор, зав. отделом традиционной народной культуры НИИ прикладной культурологии).

В рамках работы научно-практической конференции 18 мая 2012 г. состоялся круглый стол «Развитие культуры, искусства и

художественного образования в Сибирском федеральном округе: современный опыт и формы его распространения». Вопросы, предложенные для обсуждения, охватили следующие проблемные теоретико-практические направления:

- сохранение памятников культуры и искусства, формирование системы историко-культурных заповедников и достопримечательных мест;

- подготовка специалистов в области культуры, искусства и художественного образования на основе современных образовательных технологий;

- этнокультурное образование в социокультурном пространстве Сибирского региона;

- внедрение образовательных и досуговых программ по культуре и искусству в образовательных и социальных учреждениях.

В дискуссиях приняли участие научные сотрудники НИИ прикладной культурологии КемГУКИ, представители Областного краеведческого музея, Областного учебно-методического центра подготовки работников культуры и искусств, Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования, Кемеровской школы фотографии Чештановой, Новокузнецкой городской общественной организации «Шория», Ассоциации телеутского народа и гости конференции. По итогам круглого стола участники и гости высказали следующие предложения:

- проводить круглый стол по данной проблематике ежегодно, с участием ученых, практиков, руководителей национальных центров и представителей власти;

- ходатайствовать о создании на базе КемГУКИ Института культуры и искусств коренных народов Сибири;

- содействовать исследованию и распространению информации о культуре коренных народов Кузбасса в научной среде.

Участниками круглого стола была отмечена необходимость популяризации изучения традиционной культуры и фольклорного наследия с целью приобщения широкого круга общественности к решению проблем сохранения культурного наследия народов Сибири.

Неформальным продолжением научной дискуссии стало посещение музея-заповедника «Томская писаница», в экспозициях которого представлена культура народов, ранее живших и ныне проживающих как непосредственно в Кемеровской области, так и на территории сопредельных ей регионов.

Научно-исследовательский институт прикладной культурологии Кемеровского государственного университета культуры и искусств готовит к изданию материалы конференции в виде сборника статей.

Информация о проведении данного мероприятия размещена на официальных сайтах Министерства культуры РФ (<http://mkrf.ru/news/regions/detail.php?id=231420>), Сибирского федерального университета (<http://research.sfu-kras.ru/node/7339>), Кемеровского государственного университета культуры и искусств (о конференции – [http://www.kemguki.ru/index.php?option=com\\_content&view=article&id=299:2012-05-18-03-52-46&catid=6:2009-09-23-06-39-06&Itemid=850](http://www.kemguki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=299:2012-05-18-03-52-46&catid=6:2009-09-23-06-39-06&Itemid=850); о проведении круглого стола [http://www.kemguki.ru/index.php?option=com\\_content&view=article&id=3012:2012-05-21-04-47-44&catid=6:2009-09-23-06-39-06&Itemid=850](http://www.kemguki.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=3012:2012-05-21-04-47-44&catid=6:2009-09-23-06-39-06&Itemid=850)), Кемеровского областного образовательного портала (<http://www.science42.ru/konferenczii.html>); Кемеровского городского молодежного портала (<http://studmedia.info/node/1420>), Информационно-развлекательного портала «Сибсоседи» (статья о конференции – <http://www.sibsosedi.ru/foto/?article=697>, фото – <http://www.sibsosedi.ru/foto/?show=697>).

УДК 069.01

*А. И. Юдина, А. М. Кулемзин, А. А. Насонов,  
Д. Д. Родионова, Е. А. Ковешникова, А. С. Тельманова*

## **ПЕРВЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОРУМ МУЗЕЙНЫХ РАБОТНИКОВ «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КУЗБАССА»**

В статье подводятся итоги Первого регионального форума музейных работников «Историко-культурное наследие Кузбасса». Авторы подчеркивают важность подобного рода мероприятий для социокультурного развития региона.

**Ключевые слова:** историко-культурное наследие, музееведение, выставочная деятельность, культурный туризм.

*A. I. Yudina, A. M. Kulemzin, A. A. Nasonov,  
D. D. Rodionova, E. A. Koveshnikova, A. S. Telmanova*

## **FIRST REGIONAL FORUM OF MUSEUM WORKERS “HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF KUZBASS”**

The article summarizes First Regional forum of museum workers “Historical and cultural heritage of Kuzbass”. The authors highlight this event for the socio-cultural development of the region.

**Keywords:** historical and cultural heritage, museology, exhibition activity, cultural tourism.

В рамках объявленного года Российской истории и в преддверии Международного дня музеев 16–19 мая 2012 г. в г. Кемерово был проведен Первый региональный форум музейных работников «Историко-культурное наследие Кузбасса».

Организаторами форума выступили: администрация Кемеровской области, администрация г. Кемерово, Межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение», ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» (далее – КемГУКИ), Кузбасская выставочная компания «Экспо-Сибирь» при поддержке Российского комитета Международного совета музеев (ИКОМ России), Кемеровского регионального отделения Русского географического общества.

Первый региональный форум музейных работников «Историко-культурное наследие Кузбасса» проходил в рамках Кузбасской международной недели активного отдыха – 2012. В его работе приняли участие специа-

листы из г. Кемерово и Кемеровской области, городов Санкт-Петербург, Томск, Омск, Новосибирск. Всего – более двухсот человек. В первую очередь форум был ориентирован на руководителей школьных музеев, которые приняли активное участие в нем.

В адрес участников форума поступили приветственные письма от заместителя губернатора Кемеровской области, доктора исторических наук, профессора В. А. Волчека, президента Российского национального комитета Международного совета музеев (ИКОМ России) В. И. Толстого, председателя Кемеровского регионального отделения Всероссийской общественной организации «Российское географическое общество», кандидата исторических наук В. В. Поддубикова. С приветственным словом к участникам форума обратилась ректор КемГУКИ, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры РФ Е. Л. Кудрина.

На пленарном заседании форума выступили заместитель главы города Кемерово

по социальным вопросам, кандидат экономических наук И. Ф. Федорова; ректор КемГУКИ Е. Л. Кудрина; доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки РФ А. И. Мартынов; заведующий кафедрой музейного дела КемГУКИ, доктор культурологии, профессор А. М. Кулемзин; начальник сектора туризма и специальных программ Государственного Эрмитажа О. Б. Архипова (г. Санкт-Петербург).



В выставочной панораме Кузбасской международной недели активного отдыха – 2012 КемГУКИ представляли три кафедры: музейного дела, экономики социальной сферы и декоративно-прикладного искусства, а также отдел профориентации и профадаптации учебно-методического управления.



В рамках второго дня форума прошла работа трех тематических секций. Докладчики секции «Роль информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) в музейной деятельности» под руководством доктора педагогических наук, профессора, директора НИИ информационных технологий социальной сферы КемГУКИ, заслуженного деятеля науки РФ Н. И. Гендиной отметили необходимость углубления информатизации музейной сети региона и разработки новых способов продвижения музейного продукта в электронной среде. В рамках работы секции ряд докладов вызвал оживленное обсуждение и отклик среди присутствующих. Заведующая сектором документационного обеспечения отдела менеджмента качества КемГУКИ О. В. Самаковская презентовала результаты исследования, имевшего целью получение данных о том, как музеи Кемеровской области представлены в интернет-пространстве, а также какие имеются проблемы в их продвижении в сети. В докладе руководителя отдела истории вуза музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (далее – КемГУ) Л. З. Боголеповой был представлен практический опыт работы по созданию автоматизированной системы учета музейных предметов. Кандидат философских наук, доцент кафедры музейного дела КемГУКИ Д. Д. Родионова резюмировала опыт подготовки КемГУКИ музейных специалистов по дисциплине «Информационные технологии и технические средства в работе музея» и представила перспективы совместной подготовки студентов кафедрами музейного дела и технологии автоматизированной обработки информации КемГУКИ бакалавров по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» в области ИКТ, применяемых в музейной деятельности.



По итогам работы секции были приняты следующие предложения и рекомендации: проведение в Кемеровской области специализированных семинаров по внедрению и использованию ИКТ в музеях; проведение регулярной подготовки и переподготовки персонала музеев в области ИКТ; модернизация и расширение парка компьютеров музеев, создание локальных сетей; подключение музеев к Интернету по выделенным каналам; развитие новых электронных услуг музеев; создание объединенного информационного ресурса музеев Кемеровской области.

Участники работы секции «Музей в современном обществе: традиции и инновации», которой руководил доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музейного дела КемГУКИ А. М. Кулемзин, обсудили актуальные вопросы музееведения. Особое внимание на секции было уделено современному музейному педагогическому опыту. Заведующая научно-экспозиционным отделом музея-заповедника «Томская писаница», старший научный сотрудник Е. А. Москвина охарактеризовала достижения своего учреждения в данной области и подчеркнула, что сегодня музейно-педагогические приемы продолжают развиваться, опираясь на достижения прошлых лет и используя новаторские методики. Примером этой тенденции стали занятия по созданию русской тряпичной куклы, о которых рассказала старший научный сотрудник отдела фондов музея С. В. Иванова. В продолжение темы директор музея

КемГУКИ, кандидат исторических наук, доцент Е. А. Ковешникова проанализировала достижения своего подразделения в этой области, отметив, что музейная педагогика является одним из главных направлений работы музея.

Директор музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, кандидат культурологии Н. А. Белоусова дала оценку роли вузовских музеев Кузбасса в социокультурном пространстве региона. Заведующая Музеем истории православия на земле Кузнецкой Кемеровской и Новокузнецкой епархии Русской православной церкви Л. С. Алексеева презентовала формы работы музея в области развития духовно-нравственного воспитания.



Докладчики и слушатели секции «Туризм и историко-культурное наследие» под руководством генерального директора туристического агентства «Кемеровское бюро путешествий», кандидата педагогических наук Н. Ф. Веретновой подчеркнули необходимость особого внимания к использованию туристического потенциала региона для сохранения и популяризации историко-культурного наследия, развития специальных образовательных программ.

Заместитель начальника управления культуры, спорта и молодежной политики администрации г. Кемерово, кандидат исторических наук Н. С. Бледнова рассказала о молодежных проектах, направленных на

сохранение и популяризацию историко-культурного наследия г. Кемерово. Главный специалист отдела культурного наследия Департамента по культуре Томской области П. Ю. Рачковский поделился опытом сохранения и трансляции историко-культурного наследия в традиционных сельских поселениях Томской области. Заведующая Музеем истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина Д. Д. Бушма и хранитель фондов этого музея Л. Х. Усепян представили в своем выступлении проекты сибирского архитектора А. Д. Крячкова для Кузнецкого региона, отметили значимость архитектурных памятников Сибири для включения их в туристские маршруты Томской, Новосибирской и Кемеровской областей. Директор туристического агентства «Кемеровское бюро путешествий» Н. Ф. Веретнова рассказала участникам форума о туристских маршрутах, реализующихся на территории Кузбасса, о возможности разработки и внедрения в практику новых направлений туристкой деятельности. Студент 3-го курса специальности «Музейное дело и охрана памятников» КемГУКИ Д. Ю. Ногтев определил роль национально-общественных организаций в области сохранения историко-культурного наследия народов Кузбасса. В своем выступлении он обозначил перспективы развития этнотуризма на территории Кемеровской области. Старший преподаватель кафедры музейного дела КемГУКИ А. С. Тельманова в своем докладе отметила значимость воспитания навыков культурного туризма у подрастающего поколения, уделив особое внимание роли школьных музеев в дальнейшем развитии туризма в Кузбассе.

Гости форума посетили два мастер-класса: «Атрибуция музейных предметов и их реконструкция» руководителя отдела этнографии музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, кандидата культурологии Т. И. Кимеевой и «Формирование социокультурного пространства музейными средствами», организованный сотрудниками музея-заповедника «Красная горка».

18 мая 2012 г. в Международный день музеев прошла Первая городская научно-практическая поисково-краеведческая конференция школьников в области историко-культурного наследия «Сибирия». Организаторами данного мероприятия стали управление образования администрации г. Кемерово и музей КемГУКИ. Учащиеся семи средних образовательных школ, гимназий и лицеев представили свои доклады профессорско-преподавательскому составу кафедры музейного дела КемГУКИ, руководителям школьных музеев, школьные учителя, студентам специальности «Музейное дело и охрана памятников» и направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» КемГУКИ.



Конференцию школьников открыла директор института социально-культурных технологий КемГУКИ, кандидат педагогических наук А. И. Юдина, пожелав участникам успешной работы и удачи, а также отметив, что будет рада видеть старшеклассников абитуриентами, а затем и студентами нашего вуза. В адрес участников конференции поступило приветственное письмо от директора Центра дополнительного образования детей им. В. В. Волошиной И. П. Чередовой.

Актуальные темы, обсуждаемые на секции «Краеведение и историко-культурное наследие», вызвали большой интерес и живое обсуждение, среди них доклады: «На-

родный губернатор», «Роль Капикуза и АИК «Кузбасс» в становлении и развитии города Кемерово», «Изучение города Кемерово на основе статистических данных на рубеже XX–XXI веков», «Мой район – Шалготарьян», «История жилища на земле Кузнецкой», «Мемориальные доски Центрального района города Кемерово» и другие.

В завершении конференции были проведены мастер-классы «Плетение кольчуги» и «Искусство фехтования мечом», которые вызвали неподдельный интерес. По ее итогам лучшие доклады были награждены дипломами и отмечены почетными грамотами.

В выступлениях участников форума особую озабоченность и тревогу вызвало имеющее место несоблюдение законодательства в деле сохранения исторического и культурного наследия, что было отражено в принятой резолюции форума:

«В целях совершенствования музейной и памятникоохранительной деятельности участники форума обращаются к Министру культуры РФ, главам администрации областей Западной Сибири, председателю Российского географического общества, председателю Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, а также к жителям Западной Сибири:

1. Музеи, памятники истории и культуры – это наше национальное, духовное и материальное достояние. Они являются подлинной предметной основой для формирования достоверных знаний о прошлом народов нашей страны, об их культуре и традициях. Музеи и памятники являются прочной опорой нашего духовного развития. Во многих регионах музеи и памятники стали источником дополнительных доходов для местных бюджетов. Сохранение нашего национального, культурного наследия является нравственным и конституционным долгом каждого гражданина России.

2. Мы обращаемся к Министерству РФ и главам администраций Западно-Сибирского

региона с предложением считать сохранение и использование исторического и природного наследия в качестве приоритетной задачи государственной культурной политики. Мы считаем, что разветвленная музейная сеть так называемых «ведомственных», то есть не государственных музеев давно нуждается в создании региональных и муниципальных центров методического руководства, так как они являются существенным культурным потенциалом страны.

3. Мы считаем, что ни один памятник федерального или муниципального значения не может быть передан в частную (корпоративную) собственность, снесен или реконструирован без согласования с государственными органами охраны памятников, Всероссийским обществом охраны памятников истории и культуры, без публичного обсуждения общественностью.

4. Музеи и памятники в силу особенностей исторического развития Сибири нуждаются в дополнительном внимании со стороны государства и местной власти».

По итогам форума ФГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет культуры и искусств» в лице ректора Е. Л. Кудриной был награжден золотой медалью за большой вклад в подготовку и проведение Кузбасской международной недели активного отдыха – 2012, организацию Первого регионального форума музейных работников «Историко-культурное наследие Кузбасса» и оформление масштабной экспозиции, высокохудожественные работы по декоративно-прикладному искусству, научно-методический и образовательный потенциал вуза.

В целом Первый региональный форум музейных работников «Историко-культурное наследие Кузбасса» стал запоминающимся событием в культурной и научной жизни не только города Кемерово, но и всего Западно-Сибирского региона.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

*Алексеева Лариса Сергеевна*, аспирант Кемеровского государственного университета культуры и искусств, заведующая Музеем истории православия на земле Кузнецкой, Православная религиозная организация Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви (г. Кемерово). E-mail: alekslora@rambler.ru

*Арсланов Мехаметгали Гилмегалиевич*, доктор искусствоведения, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Татарстан, заведующий отделом театра и музыки Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (г. Казань). E-mail: g.arslanov@yandex.ru

*Аскарова Виолетта Яковлевна*, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой библиотечно-информационной деятельности, Челябинская государственная академия культуры и искусств (г. Челябинск). E-mail: viovita@yandex.ru

*Булгаков Вячеслав Данилович*, доктор педагогических наук, профессор, заведующий отделением вокально-хорового творчества, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань). E-mail: info@kazguki.ru

*Васильев Юрий Андреевич*, кандидат искусствоведения, профессор кафедры сценической речи Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, заслуженный деятель искусств России (г. Санкт-Петербург). E-mail: juravasiljev@mail.ru

*Веселовская Елена Валерьевна*, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

## INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

*Alekseyeva Larisa Sergeevna*, post-graduate student of the Kemerovo State University of Culture and Arts, Head of the Museum of the History of Orthodoxy in the Land of Kuznetsk, the Orthodox Religious Organization Kemerovo and Novokuznetsk Diocese of the Russian Orthodox Church (Kemerovo). E-mail: alekslora@rambler.ru

*Arslanov Mehametgali Gilmegalievich*, Doctor of Arts, professor, corresponding member of Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Head of the Department of Theater and Music of the Institute of Language, Literature and Art G.Ibragimov Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan). E-mail: g.arslanov@yandex.ru

*Askarova Violetta Yakovlevna*, Doctor of Philologic Sciences, Professor, Chair of Library and information activities, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk). E-mail: viovita@yandex.ru

*Bulgakov Vyacheslav Danilovich*, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Vocal-Choral Department, Kazan State University of Culture and Arts (Kazan). E-mail: info@kazguki.ru

*Vasilyev Yury Andreyevich*, Candidate of Art, Professor of Chair of Elocution of Saint-Petersburg State Academy of Theatre Arts, Honored Artist of Russia (St. Petersburg). E-mail: juravasiljev@mail.ru

*Veselovskaya Elena Valerievna*, Candidate of Philologic Sciences, senior researcher at Research Institute for Applied Cultural Studies, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: veselovskayaev@yandex.ru

*Габдулхаков Валерьян Фаритович*, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и методики дошкольного образования, Казанский (приволжский) федеральный университет (г. Казань). E-mail: Pr\_Gabdulhakov@mail.ru

*Гендина Наталья Ивановна*, заслуженный деятель науки РФ, доктор педагогических наук, профессор, академик Международной академии наук высшей школы, директор НИИ информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nii@kemguki.ru

*Герасимов Олег Михайлович*, доктор искусствоведения, профессор кафедры культуры и искусств, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола). E-mail: olgermar@mail.ru

*Двуреченская Анастасия Сергеевна*, кандидат культурологии, старший преподаватель, заведующая кафедрой культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

*Демешко Галина Андреевна*, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории музыки Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки (г. Новосибирск). E-mail: demeshkoga@mail.ru

*Егле Людмила Юрьевна*, кандидат культурологии, доцент, начальник научного управления, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nir@kemguki.ru

*Елин Сергей Петрович*, аспирант, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: elin-2004@yandex.ru

*Елисеенков Геннадий Симонович*, заведующий кафедрой дизайна, профессор, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: eliseenkov46@mail.ru

*Gabdulkhakov Valerian Faritovich*, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of Pedagogy and Methods of Preschool Education, Kazan (Volga) Federal University (Kazan). E-mail: Pr\_Gabdulhakov@mail.ru

*Gendina Natalia Ivanovna*, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Academician of IAS HS, Director of the RSI of Information Technologies of Social Sphere of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nii@kemguki.ru

*Gerasimov Oleg Mikhailovich*, Doctor of Arts, Professor of Chair Department of Culture and Arts Mari State University (Yoshkar-Ola). E-mail: olgermar@mail.ru

*Dvurechenskaya Anastasia Sergeevna*, Candidate of Culturology, Senior Lecturer, Chair of Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: dvurechenskaya@mail.ru

*Demeshko Galina Andreyevna*, Doctor of Arts, Professor of Chair of Music Theory, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Academy) (Novosibirsk). E-mail: demeshkoga@mail.ru

*Egle Ludmila Yurievna*, Candidate of Culturology, Docent, Head of Scientific Department, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nir@kemguki.ru

*Elin Sergey Petrovich*, post-graduate student, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: elin-2004@yandex.ru

*Eliseyevkov Gennady Simonovich*, Chair of Design, Professor, Kemerovo State University of Culture and Art (Kemerovo). E-mail: eliseenkov46@mail.ru

*Еременко Владимир Иванович*, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности, Санкт-Петербургский университет культуры и искусств (г. Санкт-Петербург). E-mail: [ldvieremenko@yandex.ru](mailto:ldvieremenko@yandex.ru)

*Зиннуров Фоат Канафеевич*, кандидат психологических наук, доцент, Казанский юридический институт МВД РФ (г. Казань). E-mail: [KUItatarstan@mail.ru](mailto:KUItatarstan@mail.ru)

*Карпычев Михаил Георгиевич*, доктор искусствоведения, профессор, кафедра общего фортепиано, Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Новосибирск). E-mail: [omo@nokvd.ru](mailto:omo@nokvd.ru)

*Князев Анатолий Михайлович*, старший преподаватель кафедры народных инструментов, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: [vestnikkenguki@yandex.ru](mailto:vestnikkenguki@yandex.ru)

*Ковешникова Елена Анатольевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры музейного дела, директор Музея истории, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: [ezlena@mail.ru](mailto:ezlena@mail.ru)

*Кулемзин Анатолий Михайлович*, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: [kulemzin41@mail.ru](mailto:kulemzin41@mail.ru)

*Лесовиченко Андрей Михайлович*, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии и культурологии, Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск). E-mail: [lesovichenko50@mail.ru](mailto:lesovichenko50@mail.ru)

*Лехтина Лариса Петровна*, директор МБОУ «СОШ № 30 имени Н. Н. Колокольцова» (г. Калтан, поселок Малиновка). E-mail: [Lehtina\\_LP@bk.ru](mailto:Lehtina_LP@bk.ru)

*Максакова Екатерина Евгеньевна*, аспирант, ассистент кафедры стилистики и риторики, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: [e-maksakova@yandex.ru](mailto:e-maksakova@yandex.ru)

*Eremenko Vladimir Ivanovich*, Candidate of Philosophical Sciences, Docent, Chair of the socio-cultural activities, Saint-Petersburg University of Culture and Arts (St. Petersburg). E-mail: [ldvieremenko@yandex.ru](mailto:ldvieremenko@yandex.ru)

*Zinnurov Foat Kanafeyevich*, Candidate of Psychological Sciences, Docent of Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry (Kazan). E-mail: [KUItatarstan@mail.ru](mailto:KUItatarstan@mail.ru)

*Karpychev Michael Georgievich*, Doctor of Arts, Professor, Chair of General Piano, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Academy) (Novosibirsk). E-mail: [omo@nokvd.ru](mailto:omo@nokvd.ru)

*Knyazev Anatoly Mikhailovich*, Senior Lecturer of Chair of folk instruments, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: [vestnikkenguki@yandex.ru](mailto:vestnikkenguki@yandex.ru)

*Koveshnikova Elena Anatolievna*, Candidate of Historical Sciences, Docent of Chair of Museum Science, Director of the Museum of History, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: [ezlena@mail.ru](mailto:ezlena@mail.ru)

*Kulemzin Anatoly Mikhailovich*, Doctor of Culturology, Professor, Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: [kulemzin41@mail.ru](mailto:kulemzin41@mail.ru)

*Lesovichenko Andrei Mikhailovich*, Doctor of Culturology, Docent, Professor of Philosophy and Cultural Studies, Siberian State Transport University (Novosibirsk). E-mail: [lesovichenko50@mail.ru](mailto:lesovichenko50@mail.ru)

*Lekhtina Larisa Petrovna*, Director MBEI «N. N. Kolokoltsov School № 30» (Kaltan, Malinovka) E-mail: [Lehtina\\_LP@bk.ru](mailto:Lehtina_LP@bk.ru)

*Maksakova Ekaterina Evgenievna*, post-graduate student, Assistant of Chair of style and rhetoric of Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: [e-maksakova@yandex.ru](mailto:e-maksakova@yandex.ru)

*Межова Марина Вячеславовна*, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: mezhova75@mail.ru

*Миненко Артем Геннадьевич*, аспирант кафедры культурологии, социально-гуманитарный институт, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: antropolog-min@mail.ru

*Муртазина Лада Эдуардовна*, кандидат педагогических наук, доцент кафедры фортепиано, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань). E-mail: Oleg.Sherstyukov@ksu.ru

*Мустафин Альхас Амирович*, аспирант кафедры истории, философии и социальных наук Иркутского государственного лингвистического университета по специальности социальная философия (г. Ангарск-35). E-mail: alhas355@mail.ru

*Насонов Александр Александрович*, кандидат исторических наук, преподаватель, кафедра музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

*Новосельцев Николай Рзавич*, аспирант кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: Snoopy87@mail.ru

*Родионова Дарья Дмитриевна*, кандидат философских наук, доцент кафедры музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

*Садовая Полина Александровна*, аспирант, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург). E-mail: p.sadovaja@gmail.com

*Mezhova Marina Vyacheslavovna*, Candidate of Culturology, Docent, Chair of Foreign Languages, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: mezhova75@mail.ru

*Minenko Artem Gennadievich*, post-graduate student Culturology Chair, Socio-humanitarian Institute, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: antropolog-min@mail.ru

*Murtazina Lada Eduardovna*, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of piano, Kazan State University of Culture and Arts (Kazan). E-mail: Oleg.Sherstyukov@ksu.ru

*Mustafin Alhas Amirovich*, post-graduate student of Chair of History, Philosophy and Social Sciences, Irkutsk State Linguistic University, major on social philosophy (Angarsk-35). E-mail: alhas355@mail.ru

*Nasonov Aleksandr Aleksandrovich*, Candidate of Historical Sciences, Lecturer, Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nas-alex-alex@rambler.ru

*Novoseltsev Nikolai Rzavich*, post-graduate student of modern country's history, Faculty of History and International Relations, Kemerovo State University (Kemerovo). E-mail: Snoopy87@mail.ru

*Rodionova Daria Dmitrievna*, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: dasha.d.rodionova@yandex.ru

*Sadovaya Polina Aleksandrovna*, Postgraduate of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences (RAS) (St. Petersburg). E-mail: p.sadovaja@gmail.com

*Самаковская Олеся Валерьевна*, сотрудник Научно-исследовательского института информационных технологий социальной сферы Кемеровского государственного университета культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: Olesya\_20032003@mail.ru

*Светлова Ольга Александровна*, кандидат искусствоведения, доцент, проректор по научной и творческой работе, Новосибирская государственная консерватория (академия) имени М. И. Глинки (г. Новосибирск). E-mail: svetlolga@mail.ru

*Семенова Валентина Ивановна*, доктор культурологии, Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий, директор Института изобразительных искусств и музейных технологий (г. Тюмень). E-mail: valivsem8@mail.ru

*Сечина Инга Анатольевна*, кандидат философских наук, ученый секретарь, НИИ прикладной культурологии, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: ingasetchina@mail.ru

*Скипор Инна Леоновна*, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой технологии автоматизированной обработки информации, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: taoi@kemguki.ru

*Смирнов Ярослав Юрьевич*, заслуженный работник культуры РФ, кандидат педагогических наук, доцент кафедры народных инструментов Санкт-Петербургского университета культуры и искусств (г. Санкт-Петербург). E-mail: 12345os@mail.ru

*Соколова Татьяна Борисовна*, Муниципальное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования детей «Городской центр детского (юношеского) технического творчества» (г. Кемерово). E-mail: cok134@yandex.ru

*Тазетдинова Руфина Ринатовна*, кандидат философских наук, доцент кафедры режиссуры и актерского мастерства театрального факультета, Казанский государственный университет культуры и искусств (г. Казань). E-mail: Ruffina 7@yandex.ru

*Samakovskaya Olesya Valerievna*, associate of the Research Institute of Information Technologies in Social Sphere of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: Olesya\_20032003@mail.ru

*Svetlova Olga Alexandrovna*, Candidate of Arts, Docent, Vice Rector for Research and creative work, M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatoire (Academy) (Novosibirsk). E-mail: svetlolga@mail.ru

*Semyonova Valentina Ivanovna*, Doctor of Culturology, Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies, Director of the Institute of Museum of Fine Arts and Museum Technologies (Tyumen). E-mail: valivsem8@mail.ru

*Sechina Inga Anatolievna*, Candidate of Philosophical Sciences, Scientific Secretary, Institute of Applied Culturology, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: ingasetchina@mail.ru

*Skipor Inna Leonovna*, Candidate of Pedagogic Sciences, Docent, Chair of automated data processing technology of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: taoi@kemguki.ru

*Smirnov Yaroslav Yurievich*, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of Chair of folk instruments of St. Petersburg University of Culture and Arts (St. Petersburg). E-mail: 12345os@mail.ru

*Sokolova Tatiana Borisovna*, Municipal Budget Educational Institution of additional education for children, "Children's City Centre (Youth) Technical Creativity" (Kemerovo). E-mail: cok134@yandex.ru

*Tazetdinova Rufina Rinatovna*, Candidate of Philosophical Sciences, Docent of Chair of directing and acting of the Theater Faculty, Kazan State University of Culture and Arts (Kazan). E-mail: Ruffina 7@yandex.ru

*Тельманова Анастасия Сергеевна*, старший преподаватель, кафедра музейного дела, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: astel-75@mail.ru

*Умнова Ирина Геннадьевна*, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой теории и истории искусств, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: nir@kemguki.ru

*Федин Сергей Николаевич*, доцент кафедры народных инструментов, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: sergej.fedin@yangex.ru

*Филиппова Оксана Александровна*, старший преподаватель кафедры иностранных языков Сибирского филиала международного института экономики и права (г. Новокузнецк). E-mail: oksana0245@mail.ru

*Халяпина Людмила Петровна*, доктор педагогических наук, профессор, кафедра английской филологии № 1, факультет романо-германской филологии, Кемеровский государственный университет (г. Кемерово). E-mail: lhalapina@bk.ru

*Хлудеева Ирина Викторовна*, старший преподаватель кафедры высшей математики и методики обучения математике, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема (г. Биробиджан). E-mail: ikrinka\_vik@mail.ru

*Чанышева Гульнара Габдулхаковна*, доктор педагогических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права, Казанский юридический институт МВД РФ (г. Казань). E-mail: Pr\_Gabdulkhalkov@mail.ru

*Чеботарев Анатолий Михайлович*, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, декан факультета декоративно-прикладного творчества, заведующий кафедрой рекламы, Челябинская государственная академия культуры и искусств (г. Челябинск). E-mail: fdpt@chgaki.ru

*Telmanova Anastasia Sergeyevna*, Senior Lecturer, Chair of Museum Science, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: astel-75@mail.ru

*Umnova Irina Gennadiyevna*, Candidate of History of Art, Docent, Chair of theory and history of arts, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: nir@kemguki.ru

*Fedin Sergey Nikolayevich*, Docent of Chair of folk instruments, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: sergej.fedin@yangex.ru

*Filippova Oksana Aleksandrovna*, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages of the Siberian Branch of the International Institute of Economics and Law (Novokuznetsk). E-mail: oksana0245@mail.ru

*Khalyapina Lyudmila Petrovna*, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chair of English Philology № 1, Kemerovo State University, Faculty of Romance-Germanic Philology (Kemerovo). E-mail: lhalapina@bk.ru

*Khludeyeva Irina Victorovna*, Senior Lecturer of Chair of Higher Mathematics and methods of teaching mathematics, Sholem Aleichem Amur State University (Birobidzhan). E-mail: ikrinka\_vik@mail.ru

*Chanysheva Gulnara Gabdulkhakovna*, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Chair of Criminology and Law Enforcement, Kazan Law Institute of the Russian Interior Ministry (Kazan). E-mail: Pr\_Gabdulkhalkov@mail.ru

*Chebotaryov Anatoly Mikhailovich*, Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of Arts and Crafts Faculty, Chair of Advertising, Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts (Chelyabinsk). E-mail: fdpt@chgaki.ru

*Чузаев Родион Иванович*, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета культуры и искусств, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола). E-mail: fki@marsu.ru

*Шкалина Галина Евгеньевна*, доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культуры и искусств, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола). E-mail: galina\_shkalina@mail.ru

*Шунков Александр Викторович*, кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной и инновационной деятельности, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: alexandr\_shunkov@mail.ru

*Юдина Анна Ивановна*, кандидат педагогических наук, доцент, директор института социально-культурных технологий, Кемеровский государственный университет культуры и искусств (г. Кемерово). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

*Chuzayev Rodion Ivanovich*, Candidate of Historical Sciences, Docent, Dean of the Faculty of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola). E-mail: fki@marsu.ru

*Shkalina Galina Evgenievna*, Doctor of Culturology, Professor, Chair of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola). E-mail: galina\_shkalina@mail.ru

*Shunkov Aleksandr Victorovich*, Candidate of Philological Sciences, Docent, Vicerector for Research and Innovation Activity of Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: alexandr\_shunkov@mail.ru

*Yudina Anna Ivanovna*, Candidate of Pedagogical Sciences, Docent, Director of Institute of Socio-cultural Technologies, Kemerovo State University of Culture and Arts (Kemerovo). E-mail: yudinaannaivanovna@mail.ru

## **ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ «ВЕСТНИК КЕМГУКИ»**

### **1. Правила оформления статьи:**

- объем статей 6–12 страниц формата А 4;
- текст статьи должен быть тщательно вычитан и подписан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала; статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем;
- ссылки на цитируемую литературу приводятся в конце статьи в Литературе в алфавитном порядке, в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления;
- статья представляется в бумажном виде и на электронном носителе (по e-mail или на диске) в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному. При наборе статьи рекомендуется учитывать следующее: шрифт – Times New Roman, размер кегля – 12 пт, межстрочный интервал – одинарный, форматирование – по ширине; все поля – по 20 мм.

### **2. Сопроводительные документы к статье:**

- аспиранты КемГУКИ при предоставлении статьи должны в обязательном порядке приложить рецензию ведущего преподавателя, кандидата или доктора наук, соответствующего по профилю кафедры, как правило, научного руководителя, или выписку из протокола заседания кафедры;
- аспиранты сторонних организаций прилагают рецензию доктора или кандидата наук соответствующего профиля;
- кандидаты наук и докторанты предоставляют рецензии, написанные доктором наук соответствующего профиля;
- в рецензии обязательно должны быть указаны, кроме фамилии, имени, отчества (полностью), должность, ученая степень, ученое звание эксперта, его служебный адрес и телефон, а также дата написания рецензии. Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена печатью учреждения, где работает рецензент;
- сведения об авторе(ах) (в бумажном и электронном вариантах): фамилия, имя, отчество (полностью на русском и английском языках), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательства), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый адрес с индексом;
- название статьи, аннотация статьи (до 400 символов с пробелами) и ключевые слова (не более 10 слов) на русском и английском языках;
- указание раздела журнала, в котором должна быть размещена статья (перечень рубрик см. в п. 3);
- индексы УДК (Универсальная десятичная классификация).

### **3. Перечень основных разделов журнала:**

1. Педагогика.
2. Социально-культурная деятельность.
3. Искусствоведение.
4. Философия.
5. Филология.
6. Культурология.
7. Документальная информация.

Статья направляется в редакцию журнала по адресу: 650029, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17, КемГУКИ, отв. секретарю Кагакиной Елене Андреевне; e-mail: [vestnikkemguki@yandex.ru](mailto:vestnikkemguki@yandex.ru).

Редакционная коллегия правомочна отправлять статьи на дополнительное рецензирование.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие установленным требованиям или тематике журнала.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Статьи публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов.  
Отклоненные статьи авторам не возвращаются и не рецензируются.

Подписано к печати 26.06.2012.  
Формат 60x84<sup>1</sup>/<sub>8</sub>.  
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс».  
Заказ № 80.  
Уч.-изд. л. 21,2. Усл. печ. л. 27,5.  
Тираж 500 экз.

Отпечатано в издательстве Кемеровского  
государственного университета  
культуры и искусств:  
650029, г. Кемерово,  
ул. Ворошилова, 19. Тел. (3842)73-45-83.  
E-mail: izdat@kemguki.ru

Signed for print 26.06.2012.  
Format 60x84<sup>1</sup>/<sub>8</sub>.  
Offset paper. Font «Times».  
Order № 80.  
Author's sheets 21,2. Printer's sheets 27,5.  
Number of copies 500.

Printed at the Publisher of Kemerovo State  
University of Culture and Arts:  
650029, Kemerovo,  
19 Voroshilov Street. Tel. (3842)73-45-83.  
E-mail: izdat@kemguki.ru